

Издание четвёртое: 1486A9453A0A42AD-pdf

Демо-версия

Parroslab Group © 2020

All Rights Reserved

Фантастический роман «Избранник» повествует о вполне обычном человеке, оказавшемся в невероятной ситуации, заставившей его копаться в своём внутреннем мире и пытаться раскрыть реальные, но необыкновенные внутренние возможности, которые помогли преодолеть многие трудности на пути к победе над самим собой и глобальной страшной катастрофой.

Оглавление

ПРОЛОГ	4
ПЕРВАЯ ГЛАВА	6
ВТОРАЯ ГЛАВА	23
ТРЕТЬЯ ГЛАВА	30
ЧЕТВЁРТАЯ ГЛАВА	47
ПЯТАЯ ГЛАВА	63
ШЕСТАЯ ГЛАВА	78
СЕДЬМАЯ ГЛАВА	84
ВОСЬМАЯ ГЛАВА	90
ДЕВЯТАЯ ГЛАВА	96
ДЕСЯТАЯ ГЛАВА	110
ОДИННАДЦАТАЯ ГЛАВА	115
ДВЕНАДЦАТАЯ ГЛАВА	124
ТРИНАДЦАТАЯ ГЛАВА	136
ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ ГЛАВА	143
ПЯТНАДЦАТАЯ ГЛАВА	150
ШЕСТНАДЦАТАЯ ГЛАВА	160
СЕМНАДЦАТАЯ ГЛАВА	170
ВОСЕМНАДЦАТАЯ ГЛАВА	181
ДЕВЯТНАДЦАТАЯ ГЛАВА	189
ДВАДЦАТАЯ ГЛАВА	199
ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ ГЛАВА	207
ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ ГЛАВА	220
ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ ГЛАВА	233
ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЁРТАЯ ГЛАВА	243
ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ ГЛАВА	260
ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ ГЛАВА	271
ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ ГЛАВА	279
ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ ГЛАВА	291
ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ ГЛАВА	303
ТРИДЦАТАЯ ГЛАВА	311
ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ ГЛАВА	323
ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ ГЛАВА	328
ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ ГЛАВА	В демо-версии недоступно
ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЁРТАЯ ГЛАВА	В демо-версии недоступно
ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ ГЛАВА	В демо-версии недоступно
ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ ГЛАВА	В демо-версии недоступно
ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ ГЛАВА	В демо-версии недоступно
ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ ГЛАВА	В демо-версии недоступно
ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ ГЛАВА	В демо-версии недоступно
СОРОКОВАЯ ГЛАВА	В демо-версии недоступно
СОРОК ПЕРВАЯ ГЛАВА	В демо-версии недоступно
СОРОК ВТОРАЯ ГЛАВА	В демо-версии недоступно
СОРОК ТРЕТЬЯ ГЛАВА	В демо-версии недоступно
СОРОК ЧЕТВЁРТАЯ ГЛАВА	В демо-версии недоступно
СОРОК ПЯТАЯ ГЛАВА	В демо-версии недоступно
СОРОК ШЕСТАЯ ГЛАВА	В демо-версии недоступно
СОРОК СЕДЬМАЯ ГЛАВА	В демо-версии недоступно
СОРОК ВОСЬМАЯ ГЛАВА	В демо-версии недоступно

СОРОК ДЕВЯТАЯ ГЛАВА	В демо-версии недоступно
ПЯТИДЕСЯТАЯ ГЛАВА	В демо-версии недоступно
ПЯТЬДЕСЯТ ПЕРВАЯ ГЛАВА	В демо-версии недоступно
ПЯТЬДЕСЯТ ВТОРАЯ ГЛАВА	В демо-версии недоступно
ПЯТЬДЕСЯТ ТРЕТЬЯ ГЛАВА	В демо-версии недоступно
ПЯТЬДЕСЯТ ЧЕТВЁРТАЯ ГЛАВА	В демо-версии недоступно
ПЯТЬДЕСЯТ ПЯТАЯ ГЛАВА	В демо-версии недоступно
ПЯТЬДЕСЯТ ШЕСТАЯ ГЛАВА	В демо-версии недоступно
ПЯТЬДЕСЯТ СЕДЬМАЯ ГЛАВА	В демо-версии недоступно
ПЯТЬДЕСЯТ ВОСЬМАЯ ГЛАВА	В демо-версии недоступно
ПЯТЬДЕСЯТ ДЕВЯТАЯ ГЛАВА	В демо-версии недоступно
ШЕСТИДЕСЯТАЯ ГЛАВА	В демо-версии недоступно
ЭПИЛОГ	В демо-версии недоступно

ПРОЛОГ

Человечество ропщет в своём Одиночестве, не умея приноровиться к непримиримым закономерностям непонятой Вселенной. Оно блуждает в поиске Неведомого, и тщетно пытается познать Непознаваемое, достичь Недостижимого, объять Необъятное и измерить Бесконечность. Однако, безнадежно погрязнув в Суете, оно, пожалуй, потеряло главное – способность ощущать Необыкновенное. Веру подменяет привычками, Надежду – желаниями, Любовь – болезненной страстью и похотью. Куда подевалась Покорность? Где – Всепрощение? Почему дремлет опустевшее Сердце?

В поисках дороги к Всеобъемлющему, Человечество суетится, и растаптывает по пути слабые ростки Истинного. Не находя желаемого, оно ускоряет бег, и пытается в сумасшедшей гонке настичь призрачного Спасителя. При этом, забывает осмотреться по сторонам, определиться, куда оно так спешит. Знает ли оно, где находится этот Спаситель, и где укрыт Путь к Спасению? Не является ли этот Путь плодом больного воображения романтиков?

По мнению некоторых, путь к Спасению, если таковой существует, находится в Источнике Безграничных Знаний. Это заблуждение прочно укоренилось в нас, и вынуждает искать спасение там, где его никогда не было. Знание возвышает Разум, но не в состоянии возвысить Духа – источника Вдохновения. А Спасение находится именно там, за Дверьми, сокрытыми призрачной завесой Божественного Вдохновения. Дверей этих никто и никогда не видел. Не видел, потому что все мы, по сути своей, плутающие в потёмках Истины Слепцы. Одни – в большей степени, другие – в меньшей. Но все мы, невольники созданных нами Иллюзий. Поэтому всё, что мы делаем, или пытаемся делать, обречено на абсурдный финал. Тысячелетиями люди искали рецепт на Бессмертие, в результате нашли уникальные рецепты на сокращение Жизни.

Тысячелетиями возвещали Слово Божье, и творили Блуд и Беззаконие. Спасителя распяли на Кресте. Ближних сжигаем на медленном огне Ненависти, сладостраствуем, крадём и предаём. Мы охотно проклинаяем, злорадствуем и презираем, лжесвидетельствуем и осуждаем. О, сколько в нас лицемерия и фанфаронства! А сколько безответственности и фальши! Мы отравляем всё, что нас кормит и поит, всё, что нас бесконечно терпит. Кто же мы, после этого? Создания Любви, или Мрачной Фантазии? И, в конце концов, какому Богу служим?

Без малейших усилий в нас проявляется Инстинкт кровожадных Хищников. Без малейшего сомнения – Порочность. Совесть не всегда находит отклик в душах. Раскаяние – для блаженных не от мира сего. Не до конца понятый библейский принцип «Око за Око, Зуб за Зуб» мы применяем охотнее, чем завещанные Спасителем принципы Любви, Покорности, Всепрощения и Покаяния. Золотой Телец снова занял Пьедестал на потеху падшему Ангелу.

И Антихрист, которого предрекали Пророки, не за горами. Он уже здесь. Он в нас. Мы допустили его к себе. Без колебания, позволили пригреться на груди, и царствовать в наших собственных падших Душах.

Так в чём, всё-таки, заключается Шанс? Есть ли для нас место в Будущем? Чем можем мы гарантировать это Будущее? Кто нам принесёт Спасение? О, Боже! Мы не верим даже в Очевидное, не говоря о Чудесном. Как же распознать того, кто несёт Любовь и Спасение. Что за ирония? Готовые верить в Чудеса, которые происходят где-то и с кем-то, мы не замечаем чудесного у себя под носом. Объехав полмира в поисках Счастья, мы не догадываемся, что оно всегда было рядом. Нужно только отбросить сомнения, и сделать шаг. Один шаг!.. Но преодолеть себя, и решиться на этот шаг оказывается чертовски трудно.

В чём причина? Возможно, в обыкновенном страхе перед Выбором, перед ответственностью? Как бы там ни было, вместо решительного шага мы останавливаемся, придумываем оправдания за нерешительность, и ждём, когда кто-то другой возьмёт на себя ответственность за Выбор, кто-то другой решит, как поступить. Но таких не находится. И возникает впечатление, что Счастья рядом и быть не должно. Оно всегда скрыто за горизонтом. Разочарованно скользим опустошённым взглядом по нудному окружающему пейзажу, и не понимаем, что далёкое, оно всегда далёкое, даже если светит ярче. А может, и не ярче вовсе? Может, это очередная Иллюзия?

Как ни грустно осознавать, но мы живём в мире тотальных Иллюзий. Мы топчемся на месте, и переходим из одной Иллюзии в другую, подменяем одни сомнения другими, и ломаем копыя о ветряные мельницы. Как отыскать таинственные Двери, за которыми находится истинная Реальность? Ведь, не зная, в чём измеряется истинность Реальности, нельзя гарантировать, что за очередным поворотом мы не попадём в очередную Иллюзию. И только Поиск даёт единственную возможность достичь желаемого. В поиске могут проходить годы. Но, если вы сделали Первый Шаг к Заветному, нельзя останавливаться. Впрочем,

даже если отыщете эти Двери, вы можете снова оказаться перед вопросом – как открыть их, как оказаться по другую сторону Реальности, на истинном Пути к Спасению? Ведь, вполне может так оказаться, что вы по-прежнему не готовы.

Если кто-то решил, что Священные Двери открываются при помощи гипотетического Божественного Камня, о котором речь пойдёт дальше, мол, достаточно взять в руки этот Чудо-Камень, и готово, Двери откроются, он ошибается. Не верьте. Божественный Камень, если он действительно существует, не откроет Священных Дверей. Его предназначение в ином. В своей Великой Миссии он помогает Ищущему осознать себя, Любознательному насытиться знаниями, Страждущему смириться, Бедному духом – возвыситься. Нам не хватает Жизни, чтобы стать равными Спасителю, чтобы приблизиться к нему Духом своим и Верой. Но только в конце Пути мы вдруг осознаём, что виновато в этом совсем не Время. Виновато Самолюбие, Эгоизм, Неверие, Лень.

Священные Двери, которые могут нас спасти, допустив в святая святых Мироздания, Святыню Всеобъемлющей Любви, во избежание осквернения закрыты наглухо. И мы постоянно ищем Ключи от этих Дверей, но не осознаём, что Ключи находятся в нас самих.

Остановись, Путник, загляни в свою Душу. Не пора ли осознать главного? Не ты ли Избранник? Ведь, вполне может так быть, что спасение Человечества зависит вовсе не от пришествия некоего абстрактного Мессии. Возможно, оно зависит от пришествия Мессии внутри тебя самого?

ПЕРВАЯ ГЛАВА

Давно у Андрея Меженкова не было так скверно на душе. С бизнесом сплошной пролёт. Никаких идей в обозримом будущем. Да, и семья в развале. А виновата во всём жена. Эта стерва, шутки ради, довела до краха очередной его бизнес-проект, на котором можно было крутые бабки сбить. А что ей с того? У неё свой бизнес. Она, зараза, за один день зарабатывает столько, сколько ему никогда за месяц не удавалось получать. И откуда у неё это? Покойный тесть работягой был, и без преувеличения честным человеком. При жизни на всех коммерсантов вешал клеймо спекулянтов, которых люто ненавидел. Тёща тоже была

серой мышкой, которая мухи не обидит. А Лариса оказалась истинной фурией, акулой бизнеса. Впрочем, так было не всегда.

Когда-то она была домашней кошечкой, ласковой и нежной. Андрей обеспечивал семью финансами, а Лариса воспитывала сына с дочуркой. Может, и не круто было, но на хлеб с маслом хватало. Достаток в доме был и лад. Даже удалось отложить кое-что. Пожалуй, первая трещина возникла, когда подружки подбили Ларису съездить в Турцию. Вкусила она челночного бизнеса, и он пришёлся ей по душе. Лариса отказалась внимать голосу рассудка и мужа, и вложила в этот бизнес все семейные сбережения.

Дело не заладилось, и в семье напрочь воцарились натянутые отношения. Впрочем, Ларисины неудачи были не при чём. В то время Андрей ещё неплохо зарабатывал, и финансового краха удалось избежать. Просто сама Лариса сильно изменилась. Она превратилась в целеустремлённого и безжалостного хищника. С болью в сердце Андрей наблюдал, как вечно издёрганная жена становится далёкой и чужой, и не сразу сообразил, когда у неё появились деньги. Большие деньги!словно по мановению волшебной палочки Лариса превратилась в преуспевающую бизнес-вумен, и с неиссякаемой энергией бросилась в круговорот частного предпринимательства, умело варьируя откуда-то возникшими связями в администрации города, прокуратуре, милиции, налоговой инспекции и даже среди бандитов.

Бизнесмены богатели, разорялись, исчезали и снова появлялись на горизонте, чтобы порою получить в успокоение постоянную прописку на местном кладбище. Лариса быстро научилась вести дела. И теперь она всегда была «на плаву». С потрясающей интуицией приспособливалась к каждому сюрпризу в весьма изменчивом законодательстве, и умело выкручивалась из всех перипетий «теневого» бизнеса. Никакие потрясения, которые сотрясали общество, не заставали её врасплох. Преклоняясь перед уверенной поступью Ларисы, в офис её фирмы зачастили представители местной власти. Даже столичные гости не чурались общения с «железной дамой», которую вскоре, и в глаза и за глаза стали «пантерой» называть.

Андрей не захотел плестись в тени удачливой супруги, и также замахнулся на собственное дело. Он арендовал помещение, закупил оборудование, нанял работников и наладил продукцию мягкой мебели. И в этот момент счастье отвернулось от него. Ощутимых доходов получить не удалось. Сначала поживился пожарный инспектор, потом санитарный с

налоговым, а после поджога склада готовой продукции, касса новоиспечённого владельца фирмы окончательно опустела. Андрей разочаровался и уступил фирму Ларисе. Дела там сразу же пошли в гору, и больно ущемили его мужское достоинство. Он попытался снова доказать свою состоятельность, и для организации транспортной фирмы влез в бандитский кредит. Как и следовало ожидать, вскоре он потерпел фиаско, и влетел в крупные долги.

Бандиты припёрли к стенке, и потребовали возместить убытки. Вмешалась Лариса, и моментально всё уладила. Её финансов на всё про всё с лихвой хватило. Она купила в престижном районе города огромную виллу, которая размещалась по соседству с домами главного прокурора города, и директора местного рынка. Как бы между прочим приобрела два не менее престижных загородных коттеджа, один с видом на Волгу, другой на берегу Камы. Кроме служебных машин, которыми она обычно пользовалась, в собственном гараже пылились вишнёво-перламутровый красавец «Джип Гранд-Чероки» и официально строгий представительский «Мерседес» одной из последних моделей. Где-то за границей она приобретала собственную недвижимость, но об этих вложениях супруги Андрей имел смутное представление. Он не спрашивал, а она не вдавалась в подробности своих сделок. И хотя Андрея не устраивало быть тенью удачливой супруги, изменить что-либо оказалось делом невозможным. У неё был ярлык состоявшегося предпринимателя, он довольствовался клеймом состоявшегося неудачника. А когда Лариса в шутку разорила очередной его бизнес-проект, Андрей собрал вещи и переселился из престижной виллы в свою старую городскую квартиру.

Поездка в Варшаву подвернулась, как нельзя, кстати. И дел-то при этом пара пустяков, передать пакет с документами фраеру из тамошних деловых, получить бабки, и финита-ля-комедия – «гуляй, Вася».

Формальности с оформлением визы заняли пару дней. Не теряя времени, Андрей побросал в дорожный саквояж туалетные принадлежности, пару рубашек, смену белья и в тот же день выехал скорым поездом.

Время в пути за разговорами со случайными попутчиками пролетело быстро. На центральном вокзале Варшавы его встретил угрюмый мордovorot, который бесцеремонно забрал пакет, вручил оговорённую сумму, и поспешно устремился к эскалатору. Андрей удовлетворённо сложил баксы в кошелёк. Как говорится, сделал дело – гуляй смело. А дело сделано, бабки оприходованы. Но гулять пока рано. Лариса просила

передать своей давней подружке связку воблы и сладкий медовый чак-чак, традиционное татарское лакомство. А потом ещё и определиться с ночлегом, так, чтобы дешевле вышло.

С Мариночкой, подругой жены, Андрей знаком не был. Хотя и смутно припоминал, что пару раз мельком мог её видеть. Он набрал на мобильнике номер. На другом конце линии отозвался приятный женский голос:

- Халлё!

- Мариночка, это вы?

- А это вы, Андрей? Ларочка говорила...

Мариночка представлялась ему расфуфыренной индюшкой, и как он думал, принадлежала к тому типу женщин, которых он на дух не переносил. Но, хочешь, не хочешь, а Ларисино поручение обещал выполнить.

Вскоре на привокзальную площадь примчалась возбуждённая Мариночка в сопровождении краснощёкого шатена с глубокими залысинами на голове. Бывшие соотечественники, неброско одетые, вопреки навеянному воображением отношению произвели на Андрея приятное впечатление. Они приветливо облобызали земляка, и стали наперебой рассказывать, как им удалось преодолеть многочисленные бюрократические препоны, и получить «вид на жительство» в этой стране. Затем последовал целый каскад предупреждений и инструкций, что здесь можно, а чего – «Боже, упаси». Между делом Андрей узнал, что спутника Мариночки зовут Павлом, и они, как бы являются, по-русски говоря, сожителями. Мариночка посчитала идею Андрея остановиться в отеле оскорбительной, а Андрей не слишком сопротивлялся напору. Как-никак земляки, свои люди.

Квартира оказалась рядом с вокзалом, и что понравилось, обставлена простенько даже по сравнению с его казанской квартирой, не говоря уж о вилле Ларисы. В маленькой, как клеть, комнатухе к компьютеру буквально присосался Вадик, белобрысый Мариночкин отпрыск лет десяти-двенадцати от роду. Мариночка предупредила попытку заговорить с мальчуганом, и поспешно прикрыла дверь. По её словам, сын болезненно реагирует на каждую попытку отвлечь его от «интеллектуального чудовища».

Павел вцепился обеими руками в связку воблы, и хотя вокальными данными Бог его обделил, загорланил арию из какой-то оперы. Впрочем, он с таким восторгом вперился в Ларисин подарок, что неудачное пение

показалось вполне простительным. Оказалось, «эти поляки» не понимают, какой «кайф» пить пиво с сушёной рыбой». Однако, сие удовольствие земляки отложили на будущее. Они припрятали воблу в шкафчике, и вынудили гостя наскоро перекусить бутербродами с ветчиной. А затем проинструктировали, где, что, и «по чём», и потащили по каким-то магазинам, супермаркетам и оптовым базам. К вечеру Андрей был просто подавлен бесконечными разговорами о шмотках, престижных марках автомобилей, и баснословных сделках, которые прокручивали знакомые и друзья сладкой парочки. При этом всё больше и больше проявлялась непомерная алчность новых знакомых. От первого впечатления не осталось и следа. Разочарованию не было конца, и ему не хотелось даже верить, что у Мариночки могли с его женой быть общие интересы. Конечно, Лариса – редкая стерва, но всё-таки следует должное ей отдать, материалисткой никогда не была. Она зарабатывала кучу денег, но умела их потратить, и при этом была щедрой до расточительности.

Для Марины и Павла деньги являлись смыслом жизни, и одновременно заменяли Бога. При этом не чувствовалось, чтобы удача благоволила им. Андрей умел распознать «счастливчиков», благо, в новом окружении Ларисы таких хватало. Эти же, скорее всего, похожи на безнадёжных мечтателей.

Ему хотелось поскорее избавиться от назойливых хозяев, но те завладели мёртвой хваткой гостем, и долго, до боли в глазах, таскали его вдоль ярко освещённых витрин роскошных магазинов. В довершение, когда он уже не мог больше взирать на здешнее магазинное богатство, затащили на «русскую» тусовку.

На свежий взгляд приезжего, русские, которые собрались там, успели изрядно ополячиться. Они перемежали русскую речь замысловатыми польскими выражениями и фразами, а зачастую, и вовсе переходили на польский язык. При этом им не мешало критиковать, и ругать тех же поляков, а заодно пройтись по «жидам», и «коммухам». Такого сурового российского (российского ли?) шовинизма Андрей прежде не встречал. Что удивительно, никто из них, «упаси Господи», возвращаться на родину, в так горячо любимую Россию, «ридну Украйну», или белорусскую «батьковщину», где по словам присутствующих царили «хаос и разруха», не собирался.

На другой день, к глубокому облегчению Андрея выяснилось, что хозяева «страшно заняты». Павел опаздывал на какую-то «важную» встречу, а «на голове» у Марины «сидели клиенты». Андрей наскоро

собрался, и самостоятельно ринулся в толчею чужого города. Ему хотелось без спешки осмотреть достопримечательности.

Для начала он вдоволь нагулялся по живописному Старому городу. Затем неспешно прошвырнулся по Краковскому предместью, и оказался на улице Новый мир. Впрочем, эта улица ничем не припоминала современные улиц больших городов, отстроена уже после войны, но в довоенном стиле с широкими, выложенными брусчаткой тротуарами, и разве что изобиловала современными мини-маркетами.

Следуя выверенному по карте города маршруту, Андрей направился к величественному Королевскому парку. Ноги сами несли его по Уяздовской аллее, на которой располагались посольства некоторых государств, и правительственные здания. Вскоре он оказался перед входом в архитектурно-растительный рай, и перевёл дух.

Если вы приезжали в Варшаву, и не посетили этого величественного уголка, то вы вообще не были в польской столице. Непрерывные птичьи пересвисты, шелест листьев, ненавязчивая болтовня ручейков, которые прорезают живописные полянки, расслабляют, приглушают мысли и оставляют только одно желание: восторгаться и наслаждаться чёткими живописными декорациями многочисленных дворцов, павильонов и балюстрад, обрамлённых умопомрачительными оранжереями, водными артериями каналов и зеркальной гладью прудов. Тонкая симфония растительных ароматов очаровательного парка завораживает, обволакивает неожиданным предчувствием чего-то приятного, доброго, долгожданного, открывают настежь двери для нечастой гостии, сентиментальности, дразнит, остро атакует обоняние, и как бы приглашает для искромётной забавы. А может, просто забавляется с вами. Андрей впервые оказался здесь, но при этом он как бы угадывал в непредсказуемых картинках, сменяющих одна другую, сокрытые в глубинах памяти образы.

Нет, помнить этого парка Андрей не мог. Но ощущение, что он когда-то здесь уже был, не покидало его. Очарованный царившим вокруг спокойствием, он присел на обрамлённую растительными декорациями скамейку. Откуда ни возьмись прилетел мягкий ласкающий ветерок. Он закружил вокруг, стал кокетливо играть густыми, непослушными волосами, и ненароком перебирать складки по-летнему свободной одежды. Юркая лесная птаха смело уселась на спинке скамейки, склонила голову на бок, и в ожидании уставилась на него блестящими бусинками глаз. Сообразив, что в карманах гостя вряд ли не найдётся какого бы там

ни было заваливающего червячка, а ни зернышка, птаха резво упорхнула, напомнив, что ему самому было бы неплохо «заморить этого самого червячка». Он вдруг почувствовал нестерпимую жажду, шершавой ладонью вцепившуюся в горло.

Проблемы с утолением жажды в парке не было. Повсюду разбросаны небольшие павильончики и бары, где можно слегка перекусить, полакомиться мороженым, и напиться прохладительных напитков. В сотне метров от облюбованной им скамейки виднелось декоративное ограждение небольшой кафешки около белокаменного павильончика, где от солнечных лучей, которые упрямо пробивались сквозь растительность, посетителей укрывали большие разноцветные зонты. Андрей вошёл внутрь ограждения, и замешкался, осматриваясь в поисках свободного столика.

- Молодой человек, прошу Вас, присаживайтесь! – услышал он предложение на чистом русском языке.

Андрей предположил, что это кого-то из вчерашних знакомых, и охотно подошёл к столику, за которым сидел крупный породистый старик лет шестидесяти пяти, шестидесяти восьми, одетый в белую льняную блузу на выпуск, и светло-голубые джинсовые шорты. Среди вчерашних знакомых Андрей его не видел. Слишком примечательна внешность старика. Высоколобый, с массивной головой, усеянной густыми седыми волосами, было в его внешности нечто притягательное. А если добавить к описанию коротко подстриженную жёсткую бородку, и прямой пористый нос, с испещрённым глубокими морщинами пергаментным лицом, в нём чувствовалась мудрость. Особенно примечательными показались Андрею удивительно большие уши, прижатые к голове, с непривычно огромными словно оттянутыми вниз мочками. Не менее примечательными были также затенённые густыми мохнатыми бровями широко расставленные серые глаза старика, излучающие спокойствие и уверенность. О том, что этот старик не прост, также говорил массивный серебряный перстень старинной работы, который красовался на безымянном пальце левой руки.

- Добрый день! - приветствовал старика Андрей, по-прежнему тщетно пытаясь припомнить, где они могли раньше видеться. - Вы русский?

- Нет-нет... - живо возразил тот, и элегантно жестом указал на свободное место рядом с собой.

- Кто бы подумать мог, совершенно не чувствуется акцента, - сделал комплимент Андрей, и расслабленно уселся на предложенное место. Затем он вытянутой кверху рукой попытался привлечь внимание официанта.

- Знаю, - подтвердил Старик, пронизывая Андрея оценивающим взглядом. - Было время выучить...

Что-то настораживающее исходило от взгляда Старика, но Андрей не придавал этому значения. Новый знакомый отпил глоток желтовато-оранжевого напитка, и продолжил:

- Ну, наконец-то, мы встретились с тобой. Хотя, наша встреча была, как бы так мягко сказать, predetermined. Именно, так. Я предвидел твоё появление здесь.

Андрей смерил старика удивлённым взглядом. Как же незнакомец мог об этом знать, если Андрей даже сам не знал, куда его ноги принесут? Может, путает с кем-то? Или...

- Вы наверно шутите, - осторожно предположил он, с любопытством разглядывая Старика.

- Отнюдь, Андрей, не путаю.

Андрей неприязненно поёжился. Одно дело откликнуться на приглашение незнакомца, а другое... Откуда Старик узнал его имя? Несомненно, раньше они не встречались. Такой колоритной внешности забыть невозможно.

- Вы – Андрей Меженков, не правда ли, друг мой?

Нервно пощёлкивая по столу костяшками пальцев, Андрей осведомился:

- Так и есть. Но разве мы с Вами знакомы?

- В каком-то смысле, да.

Теперь они поменялись ролями. Старик с интересом наблюдал за реакцией Андрея, который пытался с тщетным упорством вспомнить старика.

- Не напрягайся, не вспомнишь, - усмехнулся Старик, чем окончательно обескуражил Меженкова. - Всему своё время.

Андрей хмуро пожал плечами и подумал, что зря его сюда нелёгкая принесла. Какая-то игра в «кошки-мышки». Аппетит окончательно пропал. Впрочем, угрозы в словах Старика он не почувствовал. Хотя, кто знает? Разные предположения зароились в голове, но совершенно ничего не прояснили. Старик многозначительно поскрёб в бороде, и подбросил идею:

- Будем считать, знакомство состоялось в предыдущей жизни.

Андрей по-прежнему безуспешно понять пытался, к чему клонит странный собеседник. «Из Индии он, что ли? - напряжённо подумал он. - Интересно, там все такие, повернутые на всю голову на реинкарнации?»

- Вы верите в реинкарнацию?

- Да, мало ли во что я верю, - безмятежно рассмеялся Старик. - Наверное, верю. Только подозреваю, у нас разные представления об этом интереснейшем явлении.

«Ещё бы, - опустошённо подумал Андрей. - Всё ясно. Старик из того сорта одиноких интеллектуалов, которым поговорить не с кем. Но у меня желания разводить философию нет».

Он тоскливо заёрзал на месте, и попытался повод придумать, чтобы избавиться от нового знакомого. Но в голову ничего дельного не пришло. Андрей напряженно сгорбился, и продолжил разговор в стиле, навязанном собеседником:

- Согласен с вами. Каждый здравомыслящий человек по-своему воспринимает недоказуемые явления, интерпретирует их по-своему.

- Увы, такова природа человека, - подтвердил старый интеллектуал.

Андрей злился про себя, но по-прежнему не знал, как отвязаться от незнакомца. Его понесло, и он выпалил на одном дыхании:

- К сожалению, я являюсь приверженцем совершенно иного философского мировоззрения, а именно, диалектического материализма. И поддерживать беседу на тему, которая мне не интересна, не собираюсь.

- Да, брось, ты, - насмешливо отмахнулся Старик. - Знаю я, какой философии ты приверженец. Придумал тоже, - он передразнил Андрея, - диалектический материализм. Небось, название со школы ещё запомнил. А с чем его едят, ни в зуб ногой.

- Откуда вы знаете? - возмутился Андрей. - Со школы, или не со школы. Какое дело вам до всего, до этого. Уж лучше объясните, откуда моё имя знаете, и фамилию... А сами даже не соизволили представиться. Я вас, извините... не припоминаю.

Старик с усмешкой выслушал возмущённую тираду, пронзительно зыркнул из-под мохнатых щёточек бровей, и многозначительно ответил:

- Моё настоящее имя тебе ничего не скажет. Да назови меня Хранителем... Или Стариком, если больше нравится, так ведь мысленно ты нарёк меня, не правда ли?

Брови Андрея поползли кверху. Именно, так он его и окрестил. Старик невозмутимо отпил из стакана, и продолжил в том же духе:

- Если скажу всю правду – всё равно не поверишь. Поэтому для начала стоит удовлетвориться фактом, что мы знакомы, и быть терпеливым. Спокойно посидим себе, поговорим. И постепенно, шаг за шагом, чтобы мозги не вспотели, введу тебя в курс дела.

- Какие дела у нас с вами быть могут? - разочарованно протянул Андрей. - Разве нельзя сказать прямо, что и как? Тем более, по правде говоря, ни времени, ни желания на разговоры у меня нет.

- Ты даже не подозреваешь, - тоном, не терпящим возражения, отрезал Старик, - **как много у тебя времени**. А желание, не сомневайся, появится.

Андрей с досады поморщился:

- Звучит обнадеживающе.

- Ну-ну, не только звучит, - заверил Старик, - но и на самом деле так выглядит. Если бы не опасение, что психом меня назовёшь, давно бы всё, как есть, выложил. Поэтому, предпочитаю вводить в курс дела постепенно.

- Ничего, я переживу, - съязвил Андрей.

- Как знаешь, - пожал плечами Старик, придвинул ближе стул, и примирительно покачал головой. - Если настаиваешь, перейдём к делу. Только предупреждаю, что оно... покажется бредом. Но уж не обессудь. Не знаю с чего начать... Когда-то... - Старик призадумался, непроизвольно пососал твёрдые посиневшие губы. - Это было так давно, что трудно припомнить, как это происходило... Я не оговорился. Именно, «как», а не «когда». Если считать по календарю, с того далёкого, а может, и недалёкого, (как смотреть!) времени, не прошло шестидесяти, в обычном понимании слова, лет. Но я действительно не уверен, что смогу точно воспроизвести в своей памяти то событие. И память здесь вовсе не при чём.

Старик отпил глоток сока, и после небольшой паузы продолжил:

- Хотя, в моём возрасте у многих моих ровесников появляются провалы в памяти, уверяю, у меня с памятью всё в порядке. Уж ты поверь мне, друг мой.

- Какие ваши годы, - снова съязвил Андрей.

- Не буду скрывать, - усмехнулся Старик. И медленно, акцентируя каждое слово, как молотом по голове врезал: - В свои биологические сто пять лет...

Андрей недоверчиво присвистнул. «Вот заливаает Старик», - подумал он. Хоть, он и нарёк его Стариком, но не потому, что принял за древнего

старикана. Скорее, наоборот. При всём желании, сотки ему никак нельзя дать. Если исходить из первого впечатления, и второго, и третьего тоже, даже семи десятков ни за что бы ему не дал.

- ...слава Богу, с памятью никаких проблем не имею, - закончил начатую фразу Старик. Одновременно он внимательно наблюдал за эффектом, который она произвела на собеседника. - Просто, жизнь моя протекала в совершенно другом измерении и сумела спрессовать в эти шестьдесят лет столько всего... - Он как бы с трудом подбирал слова, и медленно растягивал фразу: - Для меня, это случилось невероятно давно. - Старик сделал акцент на последней фразе. - Даже представить невозможно, как давно это было. В эти шестьдесят лет моего исчисления уложилось сотни тысяч обычных человеческих лет... Н-да... Ещё в молодости... В то далёкое время я случайно встретил, как мне тогда показалось, странного Старика. Я также кажусь тебе странным, не правда ли?

Андрей невесело усмехнулся. Станным Старика назвать ещё по-божески...

- У него, - продолжал непонятный рассказ собеседник, - как это говорится, не все были дома. Ну, ты понял, не от мира сего он был... Как и ты сейчас, я долго понять не мог, что ему нужно. Даже, когда Старик передал мне Божественный камень, даже тогда... - глаза Старика загорелись нездоровым блеском, - с необъяснимым трепетом я взял его... в тот момент мне даже в голову не приходило, какую силу несёт сей таинственный предмет. Я взял его и ... - Старик возбуждённо наклонился к Андрею, и вполголоса прошипел, - ...свершилось. Я стал Богом.

Андрей вздрогнул, и разочарованно подумал: «Шизофреник». Старик страстно продолжал пересказывать фантазмагорию:

- Я создавал свои миры, десятки тысяч миров. И в каждом созданном мире я прожил жизнь, испытывал взлёты и падения. Вместе с продуктами моего воображения я терпел невзгоды, мучился, и умирал. Поначалу это забавляло, потом я устал. Божественный Камень, если и омолаживает, то ненадолго. Я непреклонно старел, и попадал в создаваемые мною миры во всё более старшем возрасте. За каждым разом жизнь моя в этих мирах становилась короче и короче. Я понял, время уходит, а мне не удаётся исполнить заветной цели – найти ключа к Вечности. Я веровал, что именно мне удастся открыть Священные Двери, за которыми находится Нечто, что спасёт Человечество, и спешил. Каждый раз казалось, ещё немного, и я открою их, но тщетно. Двери непоколебимо стоят на страже

Заветного. С веками пришла Мудрость. Беспредельная, истинная Мудрость. Но даже она не помогла открыть Священных Дверей. Это сделает лишь Избранник. Настоящий Избранник. Увы, на закате жизни я понял, что не был истинным Избранником, а лишь Хранителем. Божественный Камень попал не по назначению. Хотя наверно в этом и было моё предназначение, найти настоящего Избранника и передать ему Божественный Камень.

Старик заметно успокоился, взгляд утратил нездоровый блеск, но речь всё ещё походила на бред.

- Я снова создавал один мир за другим. Но теперь только за тем, чтобы найти истинного Избранника. Я колесил по странам и континентам, познавал великих людей и оборванцев. В каждом из них мог Избранник скрываться. Времени оставалось всё меньше и меньше, и... мне удалось его найти. - Старик победоносно взглянул на Андрея. - Я нашёл его в одном из миров. Нет, этот человек также не был истинным Избранником. Он был лишь его подобием, но и этого оказалось достаточно, чтобы убедиться в его истинном предназначении... Вне всякого сомнения, это был он, избранный для великой цели, для выполнения величайшей миссии. Но передать Божественный Камень можно только здесь, в настоящем мире, в мире, созданном истинным Создателем. В этом особенность Божественного камня, передавать его можно только здесь, в этом мире. И я вернулся сюда, чтобы исполнить волю Создателя.

- Ваш рассказ очень интересен, - соврал Андрей, - но скажите на милость, причём здесь я? Шли бы вы к Избраннику, и передали ему свой, этот... как его... Божественный камень.

Старик многозначительно улыбнулся:

- Ты ещё не догадался, Андрей? Это ты тот Избранник.

- Хм, почему бы и нет? - снова поддакнул Старику новоиспечённый Избранник, по-прежнему размышляя, как бы деликатней ретироваться от своего странного собеседника.

- Хочешь быть Богом?

Старик снова ошарашил вопросом, который ни одному нормальному человеку в голову прийти не мог. «Точно, шизофреник», - автоматически поставил диагноз Андрей, и тоскливо глянул в сторону входной калитки. Правда, это по-прежнему не объясняло, откуда Старик узнал его имя. Ведь, не верить же бреду, который он нёс. Старик слегка склонил голову, буравил «избранника» пронзительным взглядом, и ждал ответа на

идиотский вопрос. Андрей снова сделал попытку превратить странный разговор в философскую дискуссию:

- Все мы, в своём роде, боги.

- Я не о том, - с усмешкой оборвал его Старик. - До тебя не доходит, настолько всё серьёзно.

«Вот именно», - критично подумал Андрей, но вслух ничего не сказал. Он лишь ошарашенно взирал на странного незнакомца. Во внешности Старика произошла удивительная метаморфоза, он снова не походил на сумасшедшего. Он стал похож на писателя, или сказочника, который только что поделился сюжетом новой книжки. Может, так оно и есть? Откуда такое двойственное впечатление? Только что плёл явную чушь. Но теперь из глубоких и обманчиво умных глаз Старика исходит непонятная внутренняя сила. Ведь правду говорят, глаза - это зеркало души. А глаза Старика, как это ни странно, излучают спокойствие и мудрость. Хотя, Андрей догадался, что это обманчивое впечатление. Но... Как понять, что кроется за бредом, который несёт Старик? В какой-то миг показалось, что он оказался жертвой дурацкого розыгрыша, «избранником» какой-то «скрытой камеры». Он и сам с удовольствием посмеялся бы в другое время, и в другом месте. И постарался бы всё обратить в шутку. Но здесь что-то не так. Возможно, Старик и правда сумасшедший, и тогда трудно предвидеть реакцию на смех. Как себя вести в такой ситуации? Каждый поступок окружающие могут неправильно истолковать.

Старик резко выпрямился, откинулся на спинку стула и продолжил молоть галиматью:

- Хочешь, или не хочешь Богом быть, неважно... сие, и так неизбежно. Вопрос только в том, насколько ты готов создавать миры, где люди будут жить по придуманным тобою законам, и отвечать за них? Иначе, результат окажется непредсказуемым.

Андрей сжал кулаки вне себя от ярости. Вот повезло ему оказаться в это время и в этом месте. Теперь сиди и слушай бредни сивого козла. Как ни крути, а избавляться от назойливого собеседника нужно. Пусть ищет себе другого «избранника» и тому «пудрит» мозги. Андрей буркнул, что хочет заказ сделать, медленно поднялся и направился к официанту, который обслуживал соседний столик. Старик пробормотал вслед типа «ну-ну». Андрей поравнялся с официантом, ускорил шаг, и устремился к выходу. На руке железной хваткой сомкнулась чья-то ладонь. Андрей

резко повернулся, и снова столкнулся лицом к лицу с вѣдливym Стариком.

- Не спеши, сынок, - в голосе странного Старика появились металлические нотки. - От Судьбы не убежишь. Ты - Избранник!

Это было уже слишком. По жизни Андрей всегда был спокойным человеком, но вчерашнее общение с друзьями Ларисы, и сегодняшней спектакль сильно его измотали. Он дёрнул рукой, чтобы освободиться от цепкого захвата.

- Успокойся, Андрей, - укоризненно пробормотал Старик. - Больше не убегай. Это ничего не даст. Куда бы ты не скрылся, там всё равно буду я.

Андрей отбросил всякие церемонии, и перешёл на «ты»:

- Да, отцепись ты...

Снова резко крутанул руку.

- Совсем немного потерпи, - завёл старую песню Старик. - И я всё объясню.

В душе Андрей продолжал проклинать себя за то, что зашёл в это кафе, и даже за то, что выбрал для прогулки прекрасный Варшавский парк. Он уже понял, что избавиться от настойчивого Старика не удастся, не драться же с ним. Тем более, люди начали беспокойно оглядываться на них.

- Ладно, ладно, - примирительно промолвил Андрей. - Объясняй, только покороче, я спешу.

- Короче не получится. - Старик выглядел довольным собой. - Я должен кое-что показать. Давай-ка, друг мой, проедем ко мне в отель, там всё поймёшь.

Андрей простонал, посещение отеля в обществе полоумного в его планы не входило. Только, что можно с этим поделать? Неизвестно, как в этой стране истолкуют сопротивление окружающие. Не дай Бог, полицейских вызовут. Кто знает, каковы тут нравы? А потом попробуй докажи, что ты не верблюд. Хотя, не выдумал ли Старик эту историю, чтобы выманить деньги? Такой вариант объяснил бы многое.

Андрей наигранно хлопнул свободной ладонью себе в лоб и присмотрелся к хищным глазам Старика, в которых так и сквозит алчность. Еле сдерживая себя от неприязни, он понизил голос, и прошипел:

- Я понял. Тебе деньги нужны? Сколько?..

- Деньги? - Старик расхохотался, и ослабил хватку. - Деньги... Что может глупее такого предложения быть? Я обладаю гораздо бóльшим

богатством, чем все богатства Земли, и не дорожу им. Уж ты поверь, мне удалось бы без труда стать богатейшим человеком в мире. Но меня это не привлекает. Знаниям, которыми я обладаю, здесь нет даже определения. И всё потому, что я жил во времена, подобия которых на Земле ещё не наступило. Я на своей шкуре испытал, что такое настоящий Ад, и наслаждался подобием Рая. Что мне действительно нужно, так это одно. Нужно тебе, как Избраннику, передать Божественный Камень.

- Какой из меня Избранник? - с надрывом воскликнул Андрей.

- Настоящий, - торжественно объявил Старик. - Ты совершенно не знаешь себя. Ты настоящий Избранник. Мессия. Потенциальный Спаситель. Я верю в тебя. И тебе предстоит открыть Священные Двери для спасения Человечества.

- Какое Человечество? От чего, и от кого его спасти? Ему самому от себя спастись нужно, а тут Двери, замки, камни какие-то. Настоящий дурдом!

- Ну вот, - с удовольствием произнёс Старик. - А то материализм диалектический придумал. Вот в чём твоя истинная философия.

Андрей уже понял, что спорить с этим чокнутым бесполезно, и горестно махнул свободной рукой, будь что будет.

- Ладно, веди, веди к своим Дверям.

- Нет-нет, не к Дверям, - решительно возразил Старик. - К Дверям ты попадёшь, когда будешь внутренне готов, не сейчас. Перед тобой, дружище, долгая дорога.

Старик отпустил запястье Андрея. Обескураженный «избранник» был уже согласен на всё, и поднял в знак согласия руки кверху. Только бы придуманная Стариком пытка скорее закончилась.

Всю дорогу до отеля новые знакомые не разговаривали. О настроении Андрея нетрудно догадаться, Старик выглядел чуточку усталым, но спокойным и умиротворённым. Он устало откинулся на сиденье такси, и, казалось, задремал. Вынужденный подчиниться этому чудаку, Андрей тревожно разглядывал дорогу.

Такси миновало смутно знакомый бульвар, по которому он так беззаботно топал к злополучному парку, быстро проскочило ряд городских кварталов, и притормозило у высотного здания отеля. Местность показалась знакомой. Андрей вспомнил. Отель «Мариотт», куда они приехали, располагался напротив железнодорожного вокзала Варшава Центральная, а значит, неподалёку дом Ларисиных друзей. Это немного успокоило Андрея.

В просторном холле отеля людно. Скоростной лифт доставил на тридцать шестой этаж. Здесь они прошли в апартаменты Старика, и Андрей опешил. Нечасто приходилось бывать в подобных номерах. Старик не соврал. Судя по интерьеру апартаментов, бедным его не назовёшь. На стенах пейзажи в позолоченных рамах. Полы устланы натуральными, с толстым ворсом цветистыми коврами. Мебель инкрустированная под старину содержит в себе полный букет благородных пород древесины: дуба, ореха, красного, и даже элементы эбенового дерева. Мягкие элементы мебели обиты велюром и атласом. Здесь пахнет миллионами. Едва ли этого человека заинтересовали деньги Андрея. По крайней мере не та мелочь, которую он имеет.

Андрей внутренне рассмеялся по поводу былых страхов, прошёл в салон, и вальяжно развалился в мягком, обволакивающем кресле. Сейчас всё прояснится. Старик, конечно же признается, что пошутил. Очередной каприз избалованного богача? Оба посмеются над этой, в общем-то, дурацкой шуткой, пропустят по стаканчику-другому виски, на который Андрей время от времени позволял себе, и мирно разойдутся восвояси. Но надежды не сбылись. Старик с серьёзным видом уселся в кресле напротив, и продолжил странную игру:

- Прежде, чем передать Божественный Камень, я должен ещё раз предупредить, что создание новых миров требует от Избранника предельной концентрации, бескорыстной любви и колоссальной ответственности. Иначе сотворишь не то, что запланируешь. Хотя, что ты можешь сейчас планировать? Прежде, чем научишься безукоризненно реализовывать планы по сотворению миров, не один раз дашь маху. И у меня поначалу не получалось. Много раз я попадал впросак. Так что ничему не удивляйся. Помни главное – ты полностью отвечаешь за создания твоей фантазии. Без любви и концентрации ничего хорошего не получится. Ты даже не подозреваешь, какие возможности с этим камнем ты получишь. Но для проявления этой силы понадобится много времени и усилий. И поможет тебе в этом тот же Божественный камень.

В руках Старика появился бог весть откуда кожаный мешочек, и он извлёк из него полупрозрачный кристалл цвета морской волны величиной с лесной орех. Андрей замороженно уставился на камень. Он до последнего момента не верил в реальность того, что с ним происходило. И сейчас, он увидел драгоценный кристалл. Да-да, кристалл, но никак не Божественный камень.

- Отныне он принадлежит тебе, - торжественно констатировал Старик. - С этого момента Камень будет хранить тебя от всевозможных неприятностей, которые могут с тобою случиться в настоящем мире. Именно, в том мире, который нас сейчас окружает, в мире Божественного Камня, в мире истинного Создателя. Его невозможно потерять. Камень всегда приведёт тебя к себе. Никто не сможет его украсть, потому что человек с грязными намерениями не сможет даже приблизиться к нему. Его нельзя отобрать, уничтожить, потому что это Божественный Камень. Его можно лишь передавать очередному Избраннику, но только в том случае, если у тебя ничего не получится. Но дай Бог, чтобы этого не произошло, и ты оказался истинным Избранником. И крепко запомни ещё одно. Камень исчезнет, как только откроются Священные Двери. Сразу же откроется Мир Безграничных Возможностей, при котором начнётся миссия Спасения Человечества. На этом всё, я передаю тебе Камень. С этого момента он твой.

С этими словами Старик вручил Андрею кристалл. Осторожно, словно опасаясь поцарапать, новоявленный Избранник взял этот, как ему показалось изумруд двумя пальцами, и стал внимательно рассматривать его. Даже не будучи специалистом, Андрей понял, что сей предмет принадлежит к редкостным экземплярам семейства драгоценных камней. Но внутренней дрожи не почувствовал. Был уверен, Старик конечно же не отдаст Камня. Таких подарков незнакомым людям не делают.

Старик устало улыбнулся, потёр виски, и развалился в кресле.

- Моя миссия завершилась, - еле слышно сказал он, и подытожил, - камень твой.

Андрей усмехнулся. Правдой такое быть не могло. Даже если камень является искусной подделкой... Но прочитать в потухших глазах Старика он ничего не смог, и запротестовал:

- Нет, это дорогая вещь. Я не могу её принять.

- Ты уже принял его, - вяло повторил Старик. - Он твой. Теперь от меня уже ничего не зависит. Даже если я передумаю, и заберу его назад, он всё равно к тебе вернётся. Ты даже моргнуть не успеешь, как это произойдёт. От камня отказаться ты теперь не сможешь. И не сможешь от него избавиться... Да, смиришься ты уже со своим предназначением.

Андрей ошеломлённо смотрел на игру света на гранях сокровища. Он поверить не мог, что это правда, и кто-то так просто отдал драгоценную вещь. Некоторое время спустя, когда потрясённый

обладатель драгоценного камня вдоволь насладился невероятным зрелищем, Старик посоветовал:

- А теперь взгляни через Божественный камень на свет.

Неожиданно, Андрей понял, в чём дело. «...А ларчик просто открывался...»! Старик – гипнотизёр-телепат, и это объясняет, откуда он узнал имя. Он мог в мыслях прочесть. О таких способностях некоторых одарённых людей приходилось слышать. Только какой в этом смысл? Для чего понадобился этот цирк? Чтобы усыпить его? Но, зачем? Впрочем, Андрей внутренне усмехнулся, когда понял цель Старика. Он верил, что сумеет противостоять гипнозу. Его такими штучками не проведёшь. А если нет? Если всё-таки уснёт? Ерунда какая-то. Смысла в этом Андрей не увидел. Впрочем, какой смысл? Он же сумасшедший. Маньяк! Маньяк ли? Ведь всё проще может быть. Как только он заснёт, в апартаментах появятся преступники, и заберут у него органы. А что, так тоже может быть. И что тогда?

Такое может быть, но не с ним. Как-то Лариса затащила Андрея к какому-то гипнотизёру, но тот заявил, что не сможет его загипнотизировать. Вроде бы есть люди совершенно невосприимчивые к гипнозу, и Андрей – один из них. А если это так, может, стоит попробовать выполнить совет Старика? Может, ничего страшного не случится? Он будет начеку. Как только в глазах появится тяжесть, резь, или что там ещё... сразу же прервёт эксперимент. И, хотя, некоторые сомнения со страхом перед неведомым оставались, желание внимательнее рассмотреть «подарок», и любопытство, помешали прислушаться к голосу рассудка. Любопытство пересилило, Андрей осторожно повернулся лицом к окну, и поднял камень перед глазами...

ВТОРАЯ ГЛАВА

Если вам приходилось бывать в Казани, вы безусловно заметили, что в архитектуре города органично переплетаются восточные экзотические мотивы с классическими и современными европейскими тенденциями. Вы замечаете это с самого начала, едва только ступите на перрон железнодорожного вокзала. И чем дальше углубляетесь в город, тем более поражает этот необыкновенный симбиоз. Из-за величественных белокаменных стен древнего Кремля возвышаются бело-голубые минареты мусульманской мечети Кул Шариф, и купола православного

Благовещенского собора, притягивает внимание семиярусная наклонная башня Сююмбеки, которая построена в стиле башен Кремля Московского. Причудливая пирамида культурно-развлекательного комплекса соседствует с памятником века модерна - тарелкой Казанского государственного цирка, а тяжеловесный кубизм гранитного Дома Правительства возвышается над романтическим классицизмом Театра оперы и балета имени Мусы Джалиля, Дворянского собрания и... о чём когда-то не принято было говорить, над унылым реализмом городских трущоб. Так же контрастно, и вместе с тем гармонично переплелись судьбы народностей, которые населяют этот город. Незнакомому с местными традициями человеку трудно разобраться в тонких нюансах этих взаимоотношений, калейдоскопе местных приоритетов и устремлений. Среди казанцев живут представители различных национальностей, культур и религий. И в течение многовековой истории своего сосуществования они создали прослойку общества, для которой всё это многонациональное богатство стало своим собственным. Именно, эти нюансы и создают тот уникальный колорит отношений между людьми, которым отличается столица Татарстана.

Как бы там ни было, несмотря на некоторые неразрешимые проблемы, жить здесь можно. Впрочем, по мнению брата Андрея, Виктора Меженкова, могло и лучше быть, если бы «жульё не прикарманивало народное добро». При этом, жульём он называл всех руководителей, от своего начальства до известных бизнесменов и политиков.

Скажем так, критикан Виктор со стажем. И слово у него «крепкое», и с «перчинкой». Даже в «светлые прошлые времена» начальство побаивалось его языка. Только с тех пор, как всем стало «всё можно», начальство осмелело и перестало обращать на «крикуна» внимание. Ещё хорошо, что только перестало обращать... С кем-нибудь другим могли обойтись и покруче. Но Виктора ценили за золотые руки, потому что, как говорится, он и швец, и жнец. С закрытыми глазами может любой станок в два счёта отремонтировать, любую сборку собрать-разобрать, сантехнику направить, в электропроводке разобраться, автомобиль починить. Он всё умеет. А что касается вертолётов, сборкой которых занимается его бригада, он знает их устройство, как свои пять пальцев. Но сборка вертолётов, ввиду того, что на заводе частенько возникают перебои с зарплатой, не является ощутимой статьёй прихода в семейный бюджет. Бюджет пополняют владельцы иномарок, которые Виктор ремонтирует, как семечки щёлкает. Этот талант заставляет владельцев автомастерских

безуспешно пытаться его перетянуть к себе. Но уходить с завода, где ему прощается практически всё, и «острый» язык, и «чумара» в рабочее время и слабость по части выпивки, Виктор не собирается. В искусстве последнего он также преуспевает. Да и трудно себе представить, чтобы человек с золотыми руками в нашей стране не был алкашом. Всезнающие бабки во дворе знают – когда сосед со свирепым выражением лица возвращается домой, и грозно перекатывает под рубашкой округлые мышцы, это означает «возвращается навеселе». А вот когда плетётся с улыбкой на лице, это уже «перебор». В такие моменты попадать ему под руку нежелательно. Кулаки у Виктора тяжёлые. По молодости, не одному ротозею челюсть набок свернул.

Но каким бы грозным, или весёлым не было лицо Виктора, жену Оксану это не пугало. Он её и словом не обидел за тридцать лет совместной жизни. Как встретил на вечеринке у друзей, с первого взгляда влюбился, и через два дня в ЗАГС потащил. С тех пор любит её до глубины души, и нежно. А она умеет его одним взглядом усмирить. При ней Виктор тает и беспомощно, словно нашкодивший щенок, удаляется в свою комнату, где в одиночестве может снова грозно размахивать руками, и проклинать всех подряд. Особенно достаётся коту Тимке и тем же политикам.

Во время пьяных разборок не забывал Виктор касаться семьи брата. С Андреем они были братьями лишь наполовину, по отцу. Мама Виктора умерла, когда он и десяти лет не разменял. Андрей на свет появился уже во втором браке, когда Виктору шёл четырнадцатый год. Не сразу мальчуган примирился с появлением в семье мачехи, но младшего брата, тем не менее принял без обиняков. И пусть внешне они не были похожими, да и разница в возрасте была значительной, отношения между ними сложились тёплыми. Когда в жизни Андрея появилась Лариса, поначалу к ней также претензий не было. Это потом, когда она в коммерцию полезла, Виктор на неё взъелся. Да и то, только по пьянке. Разгорячённый «градусами», он перемалывал ей косточки за то, что она сделала и, даже за то, чего сделать не могла. Возмущённо резюмировал свой гнев по отношению к снохе коротким: «Сука!». Правда такие своеобразные процессы Виктор устраивал лишь «под мухой». По трезвянке же вспоминал, что «сноха – баба, в общем-то неплохая. И бабки сбивает, и семью не забывает». При этом недоумевал, почему Андрей ерепенится, «дома ему, видишь ли, не живётся». Ведь «не гуляет же от него». Во всяком случае, «сарафанное радио» об этом умалчивало. Так что

похоже на правду. Для сплетников только повод дай, до неба раздуют. Впрочем, трезвому Виктору до снохи и дела не было. Да, и виделись они редко.

Другое дело, друзья, которых у Виктора хватает. Да, и как без них-то? Без друзей и водка не в радость. И жизнь тоже не в кайф. Вот и сегодня самый, что ни на есть уважительный повод для выпивки. День рождения у закадычного друга Димки Боброва. Правда, литр на пятерых – это только для затравки прокатит. Но на работе напиваться нельзя. Охрана на проходной задержит, и тогда «забудь о премии», которой и так уже давно не видели. Продолжение банкета после работы перенесли в местную «забегаловку». Хорошенько дозаправились, и разошлись по домам. Виктор топал по дороге, и угрожающе размахивал руками. Как оценили бы соседские бабки его состояние, «навеселе».

Домой он добрался в «подвешенном» состоянии. Но здесь сразу притих, и сделал попытку обнять жену. Оксана выставила перед собою локоть, и жёстко отстранила его:

- Не прикасайся ко мне, алкаш.

- Ладно, мать, не ругайся, - просительно заулыбался Виктор и покорно отступил вглубь прихожей.

Попытка выпростать из тупель задеревеневшие ступни не удалась, и Виктор беззвучно выругался.

- Ишь ты, нализался, - укоризненно покачала головой Оксана.

После многократных попыток Виктору наконец-то удалось освободиться от обуви, и он пробормотал в оправдание:

- У Димки Боброва завтра день рождения.

- А послезавтра у Шамиля крестины... - незло съязвила Оксана.

- Ты что, мать, какие крестины у Шамиля? - не понял сарказма Виктор, и искренне удивился: - Он же татарин.

- Ладно-ладно, иди уж, - Оксана подтолкнула его по направлению комнаты.

Виктор покорно прошёл туда, куда направила его жена, и стал напряжённо соображать по поводу Шамилевых крестин. Так и не сообразил, в чём прикол, и снова обрёл бравый вид. На нетвёрдых ногах он подошёл к креслу, и воинственно устался на мирно дремавшего там кота. К удивлению Виктора тот даже не сдвинулся с места. Лишь поводит ушами, и как бы нехотя щурится на хозяина через полуприкрытые щёлочки глаз. Такой наглости Виктор стерпеть не смог и захорохорился:

- Ну, что ты? Ты что, иждивенец, шуришься?.. Ишь ты, котяра, совсем обнаглел.

Кот напрягся, но не двинулся с места. Видно продолжал рассчитывать на то, что возможно на этот раз пронесёт, хозяин покричит-покричит, и отступится. Но Виктора такое поведение кота только раззадорило.

- Не хитри, не хитри, говорю, - приложил он к носу щурившего глаза Тимки огромный кулачище. - Ишь ты, морду ворочает. Не нравится, когда правду-матку в глаза?

Коту «правда-матка» не понравилась. Он недовольно мяукнул, резво соскочил с кресла, нервно помахал хвостом, и поплёлся на кухню.

- Так-то, - подытожил итог «разборки» с котом Виктор, и грузно плюхнулся на своё излюбленное место.

Равновесие в квартире как бы восстановлено. Теперь можно и остальным дать жару. Благо, поводов для этого хоть отбавляй. Если бы голова была посвежее, не наполнялась непонятной тяжестью, которая мешала «нормально» соображать и выражать мысли, если бы она ежесекундно не падала на одеревеневшее тело. Виктор адресовал каким-то «жлобам» и «шавкам» всё, что о них думает, и погрузился в беспокойную дремоту, в которой было всё. И Шамиль, который угощает бригаду в честь своих крестин, и взывающие о помощи племянники...

...А племянники в это время безмятежно отдыхали на солнечном черноморском побережье. Лето в этом году выдалось необыкновенно жарким и солнечным. Поездку на море ожидали с особым настроением, и заранее предвкушали удовольствие. Правда, на этот раз маман решила не на Азорах, не в Испании, Греции, или Турции отдохнуть, а всего лишь в Сочи. Хотя, на худой конец, и Сочи сойдёт. При желании, тоже есть где расслабиться.

Игорёк обожал отдых на море. Как только он добирался до воды, он отрывался по-полной. Плавание он полюбил с того самого времени, когда малым карапузом научился держаться на воде. Событие это произошло на Волге, и в памяти осталось, как отец сбросил его с лодки в глубоком месте, и пока Игорёк неуклюже барахтался в реке и захлёбывался, он держался рядом на расстоянии вытянутой руки. А сколько гордости испытывал он впоследствии, когда рассказывал о своём подвиге друзьям из детского сада.

Милка плавать не любила, больше предпочитала загорать. Тем более, на море. Морской загар получался красивее волжского, с отчётливым шоколадным оттенком. А это важно. Тело в её возрасте ещё не до конца избавилось от детских пропорций, но уже приобретало женские формы. И с особым волнением она замечала, как мужские взгляды вожделенно скользят по стройной фигурке. Лишь одного мужчину её фигура не волновала. Это родной брат. Игорёк упрямо не замечал вдруг округлившихся форм сестрёнки. И всё равно, между ними особые отношения. Его она считает уже взрослым парнем, а она для него продолжает оставаться сопливой девчонкой. И это при небольшой разнице в возрасте.

В Сочи они поселились на вилле Вероники Михайловны, давешней подруги бабушки Зои, матери Ларисы. Когда-то они уже приезжали сюда. Но последнее время Лариса брала путёвки исключительно в заграничные пансионаты, и Сочи в расчёт не входило. На этот раз маман решила пару недель провести именно здесь, на Чёрном море. Игорёк с Милкой возражать не стали.

С присущей ей деловитостью Лариса окунулась в налаживание новых связей и контактов. Детей же предоставила самим себе, и Веронике Михайловне. Впрочем, хозяйка виллы также не баловала их излишним вниманием, и предпочитала сплетни с соседками. Но они на это вовсе не обижались. В их возрасте самостоятельность – желанное явление.

С утра маман неважно себя чувствовала, и не покидала кровати. Вчерашний вечер провела со старыми друзьями-казанцами, и хотя обычно не позволяла себе на выпивку, на этот раз изменила традиции. Вероника Михайловна по обыкновению убежала по делам. Но воспользоваться свободой Игорьку с Милкой не получилось. В день жара такая, что даже море не спасает. А, чтобы «сгореть», многого не надо. Поэтому в ожидании часа, когда солнце начнёт над горизонтом склоняться, пришлось маяться в своих комнатках.

День тянулся мучительно долго и нудно. Игорёк лениво переваливался с боку на бок, и дочитывал детектив Стивена Кинга, а Милка погрузилась в транс. Её хлебом не корми, а дай послушать «Глю'козу», «Аварию», или что-нибудь в том же духе. Всё равно делать нечего.

В атмосфере задеревеневшего молчания пролетело послеобеденное время. Игорёк еле дождался, когда солнце начало к горизонту клониться. И наконец, подходящий момент наступил. Он прокрался в комнату Милки,

и дёрнул её за ногу, что вызвало страшное недовольство сестры, и целый фонтан угроз. Игорёк не стал дожидаться, пока она выполнит хотя бы часть из обещанного, и юрко выскочил на улицу. Он вприпрыжку помчался к морю, выбирая кратчайшую дорогу. Если бежать не по шоссе, а по раскалённым каменистым тропинкам, можно значительно сократить путь. Милка осовело поплелась следом.

В пополуденный час море осталось тёплым и ласковым словно плюшевый мишка. С намерением плавать до посинения Игорёк кинулся в тяжеловесные волны. Милка к этому делу относится равнодушно. После десятиминутного купания она вышла на берег, безучастно рухнула на лежанку, и выставила вослед заходящему солнцу румяную стройную спинку. Чтобы окружающие разговоры и шум моря не мешали расслабиться, она заткнула уши наушниками, и нырнула в мир музыки. Хотя, она поступила бы так даже на пустынном пляже. Музыку слушать она может часами.

Игорёк наслаждался ласковыми объятиями морской воды. Он то мощно загребал руками, и ловко вскакивал на набегающую волну, то лениво опрокидывался на спину и отдыхал, целиком поддаваясь воле тяжеловесного бега волн. Время от времени он нырял, и юркой рыбкой перемещал своё тело от поверхности до дна и обратно. Иногда, он задерживался в глубине для обозрения подводного царства, где звуки совершенно другие, чем на поверхности, какие-то приглушённые, и вместе с тем, тяжеловесные. Очки для подводного плавания позволяли видеть неопишуемые красоты подводного мира. И пусть сочинское подводное царство не напоминало подводные оранжереи более южных морей, Игорёк вполне удовлетворяло и это. Когда «ползать» по дну надоело, он принялся с интересом разглядывать тела плавающих вблизи женщин, особенно, стройных длинноногих ровесниц. В тот момент, когда они проплывали рядом, он старался поднырнуть, как бы случайно коснуться их ног, чем вызывал визг, и недовольство юных созданий.

Во время очередного подводного вояжа, Игорёк заметил на дне в небольшой впадинке блестящий предмет. Он опустился ниже, но потерял его из виду. Игорёк завертелся на месте, и попытался потерянный предмет отыскать. Но морская вода обволакивала словно ватное одеяло, и упрямо отрывала от дна. Подустав, он вынырнул на поверхность и расслабленно перевернулся на спину. Сквозь прищуренные ресницы Игорёк глянул на светило, которое лениво зависло над головой. Оно уже не палило, а легонечко лизало своими лучами бронзовые фигуры

отдыхающих. В какой-то момент ему показалось, что оно ярко вспыхнуло. Игорёк зажмурил глаза, мощным вдохом набрал в лёгкие воздух, и в очередной раз нырнул. Он с усилием преодолел сопротивление воды, опустился на дно, и принялся искать заинтересовавший его предмет.

ТРЕТЬЯ ГЛАВА

На свету Камень преобразился, грани засверкали всеми цветами радуги. Завораживающий холодный «огонь» выплескивался из глубины наружу, и как бы воспроизводил в миниатюре величественное природное явление – «полярное сияние». Грани Камня заискрились, в них отразились и море, и небо, и далёкие звёздные туманности.

Андрей позабыл обо всём на свете, и зачарованно наблюдал за переливами мерцающих огней, не в силах оторвать взгляда от столь чудесного зрелища. Вдруг пальцы словно электрическим током прошило. Будто, одновременно сотни иголок впились под кожу, вызвав нестерпимую боль. Андрей вскрикнул, и выпустил магический камень из рук. Но тот, вместо того, чтобы упасть на пол, невероятным образом завис в воздухе, и некоторое время излучал болезненный ярко-жёлтый свет. Затем вдруг ослепительно сверкнул, и беззвучно рассыпался на десятки маленьких искорок, которые разлетелись в разные стороны, как при салюте, а затем погасли. Андрей вскочил, и растерянно уставился на пол под ногами. Что за наваждение? Его взгляд в отчаянье заметался по полу из угла в угол, но тщетно. Камень бесследно исчез. Андрей виновато глянул на Старика.

А тот вдруг выпучил глаза, начал судорожно задыхаться, и вдруг зашёлся мелкими конвульсиями. Андрей виновато съёжился. Кто же знать мог, что так получится? На лице Старика проявилась печать безысходности. Казалось, утрата Камня оказалась для него непереносимым ударом. Он резко передёрнулся, обмяк и безвольно опал в кресле. Андрей вздрогнул. К чертям камень! Старика нужно спасать. Незадачливый Избранник принялся встревоженно тормошить нового знакомого за плечи, и растерянно уговаривать:

- Да, что вы, в самом деле? Не вздумайте умереть...

Как назло из головы вылетело всё, что знал о приёмах первой медицинской помощи. С недоумением Андрей осознал, что из-за какого-то дурацкого, пусть самого, что ни на есть драгоценного Камня, Старик и

правда окочуриться может. «А говорил, не ценит богатства», - с недоумением подумал он, и продолжил лихорадочно трясти Старика. Но вера, что это поможет, стала быстро испаряться. Зрачки бедняги то судорожно сужались, и закатывались за орбиты, то резко возвращались назад, и снова закатывались под веки. Теперь Андрей уже не на шутку испугался. Неровён час, умрёт Старик, а он в одной комнате с ним, да ещё в чужой стране. Потом доказывай, что не виноват. Нужно хотя бы скорую помощь вызвать. Андрей схватился было за мобильник, но сообразил, что не знает местного номера скорой помощи. В отчаянье он бросил беглый взгляд на умирающего, и, что есть силы завопил:

- Помогите!

Он кинулся к входной двери, широко распахнул её, и повторил призыв о помощи. Потом ещё и ещё, поочередно по-русски, и по-английски. Мёртвая тишина в ответ. Никто не отозвался.

Андрей вспомнил, как людно было в холле отеля, и резво кинулся к лифту. Нетерпеливо заколотил по кнопке вызова. Долго ждать не пришлось, но в сознании эти мгновения растянулись на минуты. И пока кабина поднималась, Андрей в тщетной надежде ускорить её подъём продолжал судорожно постукивать по кнопке. Наконец, кабина лифта впустила нетерпеливого пассажира, и скользнула вниз. Затем мягко притормозила, и лениво распахнула створки. Андрей порывисто шагнул в холл, и сразу окаменел. То, что открылось взору, буквально выбило почву из-под ног, лишило рассудка.

Ещё некоторое время назад люди деловито сновали по холлу, а теперь вповалку лежали на полу, на кушетках и креслах. Ни одного движения. Даже ни одного шевеления в этом «мрачном царстве», который был будто чудом перенесён в холл отеля из сказки, а скорее из самого кошмарного бреда. Андрей с ужасом уставился на мрачную картину, и покрылся холодным потом. Тело словно с головы до ног обдало кипятком, мышцы перестали слушаться. В объятom невыносимым ужасом сознании вдруг мелькнула простая мысль. Ещё в апартаментах Старика, вскользь, не заостряя на этом внимания, он отметил странные звуки, которые донеслись вдруг через окна. Это случилось сразу же после исчезновения Камня. Теперь до него дошёл истинный смысл невообразимой какофонии. Мгновенная смерть поразила тысячи людей, столкнула на дороге автомобили, и заставила всю вопить клаксоны с охранной сигнализацией. Но, что же вызвало этот катаклизм? Какая катастрофа обрушилась на город, и почему сам он по-прежнему жив?

Андрей вострепнулся в попытке вырваться из когтей предательского оцепенения, но это не помогло. Страх смерти заставил прислушаться к тому, что происходит в его собственном организме. И действительно, внутри себя самого Андрей ощутил странный, необъяснимый процесс. Тело будто становилось деревянным, и лишь в висках ритмично пульсировало, как бы отмеряя время, которое удалось отвоевать у смерти. Неужели, это конец? В глазах потемнело. Чтобы не упасть, он оперся спиной о стену.

Всякое случалось в жизни, но смерть в правдивом своём обличье заглянула в глаза впервые. Внутренняя сущность бурно запротестовала. Как просто было бы вот так, умереть. Он решил, пока есть хотя бы малая толика сил, бороться с костлявой странницей. Теперь уже не до Старика. Единственным желанием, которое завладело сознанием, стала жажда выжить, выбраться из непонятно чем поражённой зоны, и найти спасателей. И хотя кровь словно молотом продолжала стучать в виски, мир вдруг снова обрёл чёткие очертания. Андрей с усилием преодолел парализующий страх, и двинулся к выходу из отеля. Он осторожно переступал через тела, и каждый шаг давался с большим трудом. Ноги непослушно цеплялись за складки чужой одежды, то и дело норовили подкоситься, и шли будто сами по себе, словно две налитые свинцом пудовые гири.

Снаружи кошмар продолжился. Первым бросилось в глаза такси с фирменной надписью отеля на боку, и прикреплённой на крыше салона сигнальной таблицей. Седовласый таксист немощно привалился к приоткрытой дверце, хрипел и цеплялся руками за воздух. Андрей подхватил обмякшее тело, но жизнь уже оставила таксиста, остекленевшие глаза закатились за орбиты, дыхание прекратилось. Андрей в отчаянье встряхнул его, и вдруг понял, что помочь таксисту уже не сможет. Это конец.

Ошеломлённый «спаситель человечества» уложил таксиста на асфальт, и потерянно осмотрелся. На проезжей части улицы громоздятся автомобили. Смерть настигала водителей, не давая времени на раздумье. Повсюду, насколько позволял обзор, проезжую часть загромождали многочисленные карамболи. Тротуары поблизости также усеяны телами людей. Если ужас имел физическое воплощение, он воплотился перед ним, обволакивая сердце холодными волосатыми лапами. Как поверить тому, что случившееся – самая, что ни на есть настоящая явь? Ему вдруг захотелось зажмуриться, заткнуть уши, и сжаться в комок. А через

мгновение открыть глаза, и вдруг убедиться, что ужасная фантасмагория оказалась обычной галлюцинацией, невероятным образом охватившей сознание. И люди снова будут в спешке проталкиваться по запруженным тротуарам, радоваться, горевать, не лежать так навалом.

«Повезло же мне, - с горькой иронией подумал Андрей, - оказаться в эпицентре кошмара».

Смерть пришла тихо, непонятно, и перемолола безжалостными жерновами тысячи людей. И Старик, конечно же умер вовсе не из-за камня. Он стал жертвой того же самого, что и остальные. Даже хвалёный чудодейственный Камень не выдержал разрушительных последствий катастрофы, и испарился. Так почему же он, Андрей, всё ещё жив? Почему его организм сумел пережить страшное по своей разрушительной силе, невидимое воздействие, которое уничтожило всё живое вокруг? Несмотря ни на что он по-прежнему живёт, дышит, видит, слышит. Так же, как и прежде ощущает робкое прикосновение ветерка, которое тем не менее повергает в дрожь. Хотя, пожалуй, в дрожь повергает страх. И не удивительно. Только конченый идиот оставался бы сейчас спокойным. Сердце бешено стучит, тело сотрясается, как в лихорадке, но главное, он продолжает жить. Среди тысяч несчастных он один продолжает жить и сознавать, что вот так попасть в мёртвое царство не просто жутко. По-настоящему, до глубины души жутко. Взять бы сейчас да спрятаться, перенестись далеко-далеко, за сотни вёрст. В конце концов, бежать...

Но куда? Куда бежать? Андрей беспомощно взирал на материализовавшийся кошмар, даже не в силах сдвинуться с места. И в этот миг, сквозь дикую какофонию автомобильных клаксонов пробился детский плач. Андрей насторожился, и понял, за углом отеля плачет ребёнок. Дрожь уступила место волнительному трепету. Главное, нашлась ещё одна живая душа! Он поспешил за угол. А там полуторагодовалый малыш требовательно размахивает пухленькими ручонками, и тянется к блондинке, распластавшейся возле коляски. В восторженном порыве Андрей подхватил малыша на руки. Тот заверещал, и забился руками и ногами.

- Не плачь, малый! Мамы больше нет и, наверное, не будет. А мы, даст Бог, ещё поживём.

«Почему, "наверное, не будет"? - поймал себя на слове. - Теперь уж "наверняка, не будет"».

Бившийся в истерике ребёнок ответил на чужой голос пронзительным визгом. Давно не приходилось успокаивать малышей.

Андрей принялся качать карапуза, и в надежде заглушить визг, запел, а вернее, заорал колыбельную. Ничего не помогало. Малыш продолжал тянуться к матери. Нужно скорее унести его отсюда. Андрей сделал движение прочь, но для очистки совести наклонился, чтобы проверить пульс у несчастной. Каким образом удалось уловить неуловимое биение, даже не биение, а почти неслышное прикосновение к стенкам кровеносного сосуда гаснущей струйки крови, он и сам не понял. Но ему удалось это прикосновение уловить. Он засуетился, запихнул ребёнка в коляску, и принялся ритмично тискать грудную клетку женщины.

- Боже мой, она жива! - вырвалось у него минуту спустя.

Слабый пульс теперь ощутимо прощупывался, и это вселило надежду. Андрей принялся трясти обмякшее тело блондинки, бить по щекам, растирать грудь. Она постанывала, но упорно не приходила в себя. Тело безвольно опадало под руками, и не поддавалось на попытки пробудить его. В какой-то момент она было открыла глаза, но зрачки снова полетели под веки, и окончательно привести женщину в чувство опять не удалось.

В голову пришла спасительная мысль. «Алкоголь». Да, пожалуй, алкоголь поможет привести её в чувство. Андрей бросился к отелю. Он перескакивал через беспорядочный навал тел и не замечал ничего. В этот момент мир сконцентрировался только на блондинке, и её ребёнке. Больше не осталось никаких чувств к менее счастливым представителям человечества. Он забрал с бара бутылку коньяка, и поспешил обратно. По дороге сам чуточку глотнул из бутылки для снятия стресса. Коньяк опалил глотку, тёплой волной разлился по внутренностям, и заметно снял напряжение, которое охватило организм с момента гибели Старика. Сознание прояснилось.

Андрей уложил голову несчастной себе на колени, насильно приоткрыл челюсти, и влил коньяк в рот. Блондинка судорожно закашлялась, резво перевернулась на живот, и, скрючившись, в голос зарыдала. Андрей и сам размяк от выпитого алкоголя, и удачной реанимации. Чтобы приласкать, успокоить женщину, порывисто притянул её к себе, но в ответ получил истерические удары кулаками куда попало. В неё словно бес вселился. Она, как кошка накинулась на него, и принялась царапать, тужить изо всех сил. Андрей вяло защищался и совсем не чувствовал ударов, возможно, из-за коньяка. Наконец, силы оставили блондинку. Она рухнула на колени, снова зарыдала, и забилась головой об асфальт. Андрей снова ухватил её за плечи, и упрямо привлёк к себе. На

этот раз она прижалась к нему всем телом, и притихла. Он ощутил прерывистое дыхание блондинки, и почувствовал, как бешено колотится её сердце.

Ребёнок напомнил о себе криком. Блондинка встrepенулась, оттолкнула Андрея, и встала перед коляской на коленях. Андрей тупо наблюдал, как она целует пухленькие сладенькие пальчики малыша, воркует на своём языке, и совершенно не замечает страшного ада, который воцарил вокруг. Мальчуган перестал верещать, всхлипнул, и протянул ручки к матери.

Андрей опустошённо сидел на тротуаре, и кажется сам перестал замечать, что творится вокруг. Блондинка же вдруг пришла в себя, и кинула удручённый взгляд вокруг. Только сейчас она смогла запоздало оценить ужасающую реальность. Страх и оцепенение поразили её так же, как некогда поразили Андрея. Она пыталась о чём-то спросить, но лишь просипела, и не сумела вразумительно произнести ни слова. Андрей и так бы ничего не понял. Польский язык для него почти как китайский. Впрочем, к чему суета, когда сознание охватила полная расслабуха? Он совершенно отключился от страшной реальности, и погрузился в глубокий омут беспредельного ужаса, который разверзся в глазах полячки.

Блондинка порывисто шагнула к Андрею, тряхнула его за плечи, и вывела из ступора. Жестами он дал понять, что не знает причины случившегося, и не понимает по-польски. Блондинка присела рядом, прикусила нижнюю губу, и беззвучно завывала. Только теперь он сумел в подробностях рассмотреть её. Выглядела она неважно. Под глазами на побледневших щеках чёрными лентами змеилась местами размазанная тушь. Белокурые волосы безнадёжно растрёпаны, и спутаны. Разорванная полупрозрачная блузка не скрывала белых упругих грудей с аппетитными торчащими сосками. Чуть помятые модные нежно-голубые брючки обтягивали стройные, вибрирующие ноги. Но Андрею она, несмотря на помятый и растрёпанный вид, показалась настолько привлекательной, что он вдруг поймал себя на мысли: «За такими обаятельными красавицами мужики толпами ходят».

Андрей снова протянул к блондинке руку, чтобы успокоить, но она отстранилась, и встала. Он вдруг понял, что без знания языка не сумеет найти с ней взаимопонимания. Блондинка и правда потеряла к нему интерес, отряхнула от пыли брючки, и вытащила из коляски малыша. Затем она бережно прижала к груди малыша, и резво побежала через

дорогу. Андрей сообразил, что сейчас останется один, и ему стало как-то не по себе. Он также вскочил, подобрал сумочку, которую обронила блондинка, и поспешил следом.

Она не успела уйти далеко, услышала за спиной шаги, и напряжённо остановилась. Андрей молча протянул сумочку. Блондинка порывисто вырвала её, прижала к боку, и в ожидании устала на незнакомца. Благодарности за спасение Андрей не ждал, но и отпускать её от себя не хотел. Ему вообще было непонятно, что произошло, и откуда ждать помощи.

- Не уходите вы от меня, - просительно пробормотал он. - Пока спасатели не появятся, нам держаться вместе нужно.

Блондинка чуток помедлила, кивнула, а затем двинулась дальше. Андрей поплёлся следом. Она возражать не стала, но к вящей оторопи спасителя не проявила видимого энтузиазма от его присутствия. Быстро передвигаться по тротуару из-за завала людских тел оказалось делом затруднительным, и она перешла на проезжую часть дороги. За точным подобием послевоенных сталинских высоток а-ля Московский Университет свернули в парк. Полячка споткнулась о неровность на дороге, и Андрей, вовремя подставил руки, и придержал её. Затем без колебаний забрал ребёнка. В присутствии матери малыш не стал бунтовать. Только сейчас она заметила, что блузка на груди разорвана, стыдливо стрельнула глазами на своего спасителя, и ладонью прикрыла открывшийся сосок.

Они вышли на некогда оживлённую улицу, и пересекли её, лавируя между разбитыми автомобилями, которые всё ещё заходились разноголосыми воплями. Впрочем, клаксоны уже не вопили. Они разноголосо хрипели и кашляли, выжимая из аккумуляторов последние соки. Движки плаксиво перекликались в конвульсиях, и только человеческие тела безмолвно распластались в оцепенении. Куда ни глянь, везде распластанные в молчаливом укорё тела, тела, тела...

Блондинка направилась вглубь квартала. Здесь было уже не так жутко по сравнению с центральными улицами. По крайней мере, не было разбитых автомобилей, и покойников под ногами меньше. Через нишу прошли в вымощенный плиткой внутренний дворик. Блондинка достала из сумочки ключи, и открыла подъездную дверь. По инерции она нажала на кнопку вызова лифта, и отшатнулась прочь. Андрей понял причину страха. Лифт ещё работал, но после испытанного ужаса, появилась клаустрофобия. Не сговариваясь, они направились к лестнице.

Блондинка нервничала, и в спешке перескакивала через ступеньки. Андрей с малышом в руках не отставал. Они поднялись на седьмой этаж, который здесь имел шестой номер¹, и вошли в одну из квартир. Блондинка бегло окинула взглядом комнаты, и прошла на кухню. Здесь на полу распласталась женщина лет пятидесяти, судя по внешнему сходству с блондинкой, её мать. Блондинка охнула и беспомощно опустилась на колени. Андрей склонился рядом с телом женщины, и приложил палец к сонной артерии. Пульса не ощущалось, он выпрямился, разочарованно покачал головой, и отступил. Она расценила его поступок, как окончательный приговор, и надрывно запричитала.

Малыш снова заверещал, и Андрей порывисто вышел из кухни. Чтобы успокоить карапуза, он совал под нос какие-то игрушки, прижимал его к груди, ритмично раскачивался, и мычал. Ничего не помогало. Снова воровато подкралось нервное напряжение, и стиснуло желудок. Андрей пощёлкал выключателем настольной лампы, и с удивлением отметил, что электричество ещё работает. Но малыша моргание света ничуть не успокоило.

Андрей взял в руки пульт «дистанционки», и включил телевизор. Телевидение тоже работало. На экране летел какой-то фильм. Мальчуган моментально прекратил плач. «Наконец-то!» - с облегчением подумал Андрей, но тут же осознал циничность ситуации. Неужели никому нет дела до того, что здесь происходит? Как можно спокойно транслировать глупый фильм, когда сотни тысяч людей погибли ужасной смертью? Все программы должны немедленно прерваться для сообщения о таком из ряда вон выходящем событии. Ведь не могло же оно незамеченным остаться. Наверно на других каналах в экстренных новостях говорят об этом. Интересно, есть ли здесь русские каналы? Или английские, на худой конец. Поискать нужно.

Он стал пультом переключать каналы. Но везде летели программы, ничем не связанные с информацией о катаклизме. Будто кошмар за окнами только сон, зловещий, но сон. Телевещание легкомысленным наставлением утверждало, что мир телевидения никак не зависит от катаклизмов, он сам по себе. А если мир ещё не знает о трагедии? Может, трагедия прошла по Варшаве так быстро, что никто не успел сообщить миру о случившемся? Андрей достал из кармана сотовый телефон, и стал звонить Ларисе и Игорьку. Как назло, их телефоны оказались заняты. Позвонил он и Виктору, но также без ответа.

¹ По принятой в Польше нумерации этажей, первый этаж считается партером.

Снова взял пульт, переключил ещё пару каналов, и вдруг увидел телеведущего известного новостного британского канала, который уткнулся лицом в стол. Сердце тревожно ёкнуло, в животе от безысходности громко заурчало. Не осталось никаких сомнений в глобальности катастрофы. Не будь на руках маленького ребенка, который снова захныкал, сам бы сейчас завыл, закричал от отчаянья, от дремучей безысходности.

Чтобы не пугать малыша, Андрей только зубами скрипнул. Неужели они пережили эту катастрофу лишь втроём? Значит тем более нужно вместе держаться. Почему-то в голову пришла мысль о Ное.

«Блин, о чём это я? - подумал Андрей растерянно. - Быть такого не может, чтобы сразу всех прибило. Наверняка найдутся и другие. Нужно что-то делать. Но, что? Для начала надо найти других выживших, и вместе придумать план спасения. Толпой будет легче».

С уверенностью, что откладывать дела в долгий ящик нельзя, Андрей крепко прижал мальчугана к груди, и стал размышлять, где искать выживших. Внезапно, взгляд остановился на утюге. Обыкновенный утюг, который скромно стоял на гладильной доске, натолкнул на страшную догадку: в один миг, огромное количество его собратьев, и другая подобная техника оказалась без присмотра. Нетрудно догадаться, что из этого следует. Андрей представил, как в ближайшее время город охватят многочисленные пожары, и содрогнулся. Даже в этой квартире оставаться опасно. Возможно, по соседству огонь уже начал своё «чёрное дело». От пожара взорвётся газ и... Нужно сейчас же убедить вынужденную спутницу немедленно покинуть дом. Только, как это сделать, если он польски ни бум-бум?

Оставалось прибегнуть к языку жестов и предметов. Андрей взял в руки утюг, и прошёл на кухню, где спутница всё ещё сотрясалась всем телом над коченеющим телом матери. Андрей подключил вилку к электрической розетке, и небрежно бросил утюг на пол. Блондинку поразила столь непонятный поступок, она резво вскочила на ноги, и быстро-быстро моргая, с опаской уставилась на Андрея. Кто знает, что на уме у незнакомца? Затем она медленно приблизилась к розетке, и отключила утюг. Андрей сообразил, что до блондинки по-прежнему не дошёл смысл его действий. Он многозначительным жестом показал в сторону газовой конфорки, и фукнул, имитируя взрыв газа.

Блондинка панически охнула, и забормотала что-то по-своему. Из всего потока слов он разобрал только «мама-мамуца». Понятно,

покойницу она просто так не оставит. Как-никак мать. Видно, ещё не дошло, что помочь ей уже ничем нельзя, а оставаться в помещении в такой ситуации нежелательно.

- Не будь идиоткой, - рассердился Андрей. - Если в какой-то квартире взорвётся газ, поздно будет рассуждать. Себя не жалко, сынишку пожалей.

Больше объяснять не пришлось. У блондинки будто пелена с глаз спала. Она поняла, что речь о сыне, воскликнула: «Йезу!»², проворно выскочила из кухни, и стала живо паковать детские вещи в небольшой рюкзачок. Затем достала из шкафа спортивную сумку, напихала туда каких-то вещей, и решительно направилась к выходу. Андрей облегчённо вздохнул, и поспешил следом.

В прихожей произошла заминка. Блондинка глянула в зеркало, и тормознула, загородив проход. Затем она засуетилась, побросала вещи на пол, и прошла в ванную комнату. Всё-таки ощущение женщины пересилило в ней ощущение опасности. Блондинка спешно смыла с лица остатки смазанной косметики. Андрей вышел на лестничную площадку, и терпеливо ждал. Пока времени вполне достаточно. Как говорится, «не горит». Хотя, кто его знает?

Через пару минут она появилась на пороге квартиры. Неуловимый налёт покорности появился в облике блондинки. Но даже припухшие от слёз веки придавали лицу необъяснимое очарование. Отсутствие косметики на лице не только не испортило внешности, но и открыло ощущение юной свежести. Андрей понял, что спутнице не более двадцати-двадцати двух лет. Там, на улице, она казалась ему старше. Даже одежда, которую спутница успела сменить на более практичные джинсы с футболкой, не портила впечатления. Андрей поймал себя на мысли, что блондинка просто неотразима, и смутился. Кругом смерть, а у него глупости на уме.

Она виновато улыбнулась, и показала готовность следовать за ним. Андрей представился, растягивая слова:

- Меня Андреем зовут.

- Иза, Изабела, - назвалась белокурая спутница, и кивнула на карапуза: - А он Кшись.

Коверкая русские слова с польскими, она пояснила, что Кшись является уменьшительным именем от Кшиштофа, польского аналога имени Кристофер, или Христофор. Знакомство принесло некоторое облегчение. Не нужно семи пядей во лбу иметь, чтобы понять, что

² Йезу! (польск) сокращённо - Иисус.

вынужденный союз возникает всерьёз, и надолго. Только вместе выстоять можно, и пережить эту беду. Но важнее всего, вместе не так жутко.

Во дворе ничего не изменилось. Пожары ещё не проявили себя в полной мере, но в воздухе уже чувствовался лёгкий налёт запаха гари. Правда, он мог от горящих автомашин исходить, которых в центре Варшавы множество, но Андрей не сомневался, что без пожаров в домах дело не обойдётся. И сама ситуация, и город, который в одночасье лишился сотен тысяч обитателей, нёс в себе новую, пока едва уловимую угрозу, готовую перерасти в абсолютный кошмар. Нужно как можно скорее убираться отсюда.

Андрей сделал попытку разъяснить спутнице свои намерения. Но познания новой знакомой в русском оказались настолько ограниченными, что пришлось попотеть, пока удалось понять друг друга. Он доказывал ей, что нужно поскорее покинуть черту города, Изабела сопротивлялась, и высказывала беспокойство о покойнице-матери. Он настаивал на своём, и, наконец, она покорилась. Вдруг поняла, что русская фраза «вернёмся, и похороним маму» означает польское «*вручимы, и поховамы мамушу*».

В их положении было всё равно, куда идти, лишь бы подальше от центра города. А каждое направление ведёт к окраине, а значит, к сельской местности, что вполне устраивало. За городом, как думал Андрей, по-любому легче будет выжить.

Они прошли через дворик на улицу, и снова оказались в жутком царстве смерти. Больше спешить некуда. Они аккуратно обходили покойников, которые лежали на тротуарах, и двигались вдоль проспекта. Около рекламной тумбы увидели коренастого мужика с забрызганным спёкшейся кровью лицом. Мужик затравленно мычал, и качал разбитой головой. Изабела решительно вытянула из сумки детскую рубашонку, и принялась бережно отирать с его лица кровь. Мужик уцепился за рекламную тумбу, и с трудом поднялся на ноги. Он забрал из рук Изабелы рубашонку, и принялся сам промокать рану. Затем заговорил. Речь его была прерывистой, и несвязной, но судя по всему, блондинка поняла его. Андрей также разобрал пару слов, среди которых мелькнуло: «руски». После обмена фразами, мужик повернулся к Андрею, и слегка заплетающимся языком, но без видимого акцента спросил по-русски:

- Что будем делать, *коллего*?.. Не спешат спасатели.

Андрей догадался, что мужик не подозревает о масштабе катастрофы.

- Спасателей не будет, - обескуражил он мужика. - Похоже, это конец цивилизации.

В ответ на ужасающую весть коренастый недоверчиво скривился:

- Невозможно.

- Случилось, - отрезал Андрей. - Катастрофа коснулась всех. И здесь, и в Британии, и везде. Как мне кажется, цивилизация погибла.

- Быть такого не может... - ошеломлённо просипел коренастый мужик, укоризненно покачал головой, крикнул, и сделал скоропалительный вывод, - допрыгались.

Андрей сухо кивнул, и поцарапал указательным пальцем переносицу:

- Ты думаешь, это не случайно произошло?

- Кто его знает, - отмахнулся мужик.

Андрей представился:

- Андреем меня зовут.

Мужчина кивнул в ответ:

- Да-да. Ковальски я... Томек...

- Я Изабела, - протянула руку для приветствия блондинка. - А то муй³ Кшись.

- Бохатер⁴, - охарактеризовал карапуза новый знакомый.

- Надо из города уходить, - сказал Андрей. - К нам присоединяйся. Вместе легче будет.

Ковальски задумчиво пробормотал:

- Даже не знаю. Сразу трудно решить. В голове не укладывается, что мир уже никогда не будет прежним.

- О близких беспокоишься? - участливо спросил Андрей.

Томек бросил тоскливый взгляд на проезжую часть дороги, и дрогнувшими губами произнёс что-то по-польски. Потом пояснил:

- Не о ком. У меня жена там осталась. Надо будет похоронить её.

Андрей произнёс с сочувствием:

- Ну друг, соблезную тебе.

- Сегодня каждому, кто выжил, соблезновать нужно, - заметил новый знакомый, и глубоко вздохнул.

Андрей подумал о своих близких. Их тоже может уже не быть среди живых. Только сейчас лучше об этом не думать. Всё равно помочь не удастся. А позднее? Вот ведь дурацкий вопрос. Кто знает, что будет

³ Муй (польск) – мой.

⁴ Бохатер (польск) – Богатырь.

завтра? И наступит ли это завтра? Какое тут, к чертям собачим, завтра? Сейчас главное выжить, и не сойти с ума. А уж потом...

Андрей насилу вернулся к реальности, и промолвил:

- Похороны придётся отложить. Не до этого сейчас.

- А когда будет до этого? - смерил Андрея укоризненным взглядом Томек.

- Покойники подождут, - поморщился, и настойчиво повторил Андрей. - Сначала нужно безопасное место найти. Где-нибудь за городом устроимся, а потом сюда вернёмся. Так будет правильно.

- Нет спору, так будет правильно, - согласился Ковальски. - Но я никуда не пойду... Стукнулся я сильно. Боль сильная в голове, и тошнота. До окраины топать и топать. Не дойду я... Мне бы переночевать где-нибудь, отлежаться...

Андрей возразил:

- В городе оставаться нельзя. Скоро погаснет свет, исчезнут вода и газ. Но гораздо хуже станет, когда начнутся пожары, дышать будет нечем. К тому же, при жаре, от покойников такой смрад пойдёт, что...

Он замотал головой, сам не желая представлять предсказанного. Томек недоверчиво хмыкнул. Но Андрей постарался сомнения нового знакомого развеять:

- Ничего, наложим на голову повязку, глотнёшь коньячка, и двинемся потихоньку. Мало-помалу, выберемся. Потом за городом соберём тех, кого удасться, колхоз организуем.

- Колхозов поляки не любят, - предупредительно заметил Томек.

- Да, это я так, к слову сказал, - поморщился Андрей.

- Трудно будет в один гурт людей собрать... - с сомнением покачал головой поляк, махнул рукой, и добавил: - Как психолог, скажу, горбатого только могила исправит. Первый шок пройдёт, люди *шалеть* начнут. Райское изобилие кругом. Сам посудите: в магазинах можно просто так взять всё, что душа пожелает. Еды... Еды на несколько лет хватит. Водки дармовой тоже сколько угодно...

Томек замер. Будто какая-то мысль озарила. Изумлённо подытожил:

- По пьянке такого нагородить можно... Тем более, оружия искать не придётся. Всё здесь, под ногами. Тогда и правда начнётся истинный апокалипсис.

Андрей удивлённо покачал головой. Что может страшнее быть уже случившегося? Хотя... Если новый знакомый прав... Даже допускать подобную возможность не хочется.

Он запротестовал:

- Не накаркай. Звери мы, что ли?

- Звери как раз не пропадут. В стаи собьются. А вот люди... - Томек заговорил внятнее. - Ты пойми, Варшава огромный город, и здесь всего изобилие. Заходи, куда хочешь, и бери просто так. Не каждого в узду запряжешь. А поляку только дай волю. Что скрывать? Любим мы сабелькой помахать.

Андрей внутренне сопротивлялся фатализму нового знакомого. Но спорить не стал. Ведь, пожалуй, россияне из того же теста. Только дай волю...

Томек бросил тоскливый взгляд на свой разбитый автомобиль, и со вздохом произнёс:

- Ладно. Немного оклемаюсь, и вернусь, похороню.

- Вот и договорились, - поддержал поляка Андрей. - Идём потихоньку.

- Тормозить вас буду, - хмуро пробормотал Томек. - Но уж не обессудьте, сами настояли.

За углом ближайшего здания открылись соблазнительные витрины «Макдоналдса». Андрей почувствовал, как от голода кишки закрутило. За целый день во рту маковой росинки не было. Впрочем, неизвестно, пойдёт ли сейчас кусок в горло? Андрей отвернулся, но взгляд упёрся в лоток с клубникой и помидорами. Час от часу не легче. И он пошёл дальше, не глядя по сторонам.

Вскоре Изабела предложила задержаться около входа универсального магазина с крикливыми вывесками. Она подвела Томека к аптечному киоску, покопалась среди лекарств, продезинфицировала рану на голове, что заставило его мычать от боли, и бормотать скороговоркой. Затем перевязала голову бинтом.

Андрей воспользовался заминкой, и заметно опустошил аптечные полки. Теперь, когда апокалиптическая катастрофа поразила весь мир, каждая мелочь пригодиться может. Но на этом реквизиция не закончилась. На втором этаже универсама затарились спичками, электрическими фонарями, ножами, вилками, и ложками. Их тут же сложили в объёмистые рюкзаки, которые нашли тут же, на магазинных полках.

С нагруженными рюкзаками они стали похожи на туристов, которые отправились в дальний путь. Кампания двинулась вперёд, и оставила справа от себя высокий шпиль высоты, так называемую «сталинку»,

которую Томек назвал «Палацем Культуры»⁵. Они шли вдоль проспекта, сгибаясь под тяжестью всего, что прихватили в магазине. В подтверждение мрачного предположения Андрея, в окнах некоторых домов появились языки пламени, которые сопровождались едкими густыми клубами дыма. Постепенно, дым застлал окрестности, и вынудил ускориться нагруженную с ног до головы компанию. Труднее всего пришлось Томеку. Он часто останавливался, кашлял, и пару раз его даже вырвало наизнанку. Компания терпеливо ждала, пока он придёт в себя.

После очередного вынужденного привала Томек догнал попутчиков, и взмолился:

- Дальше сами топайте. От меня никакого толку.

- Ты брось рюкзак, легче будет, - заметил Андрей.

- Я отлежусь где-нибудь, и тогда легче будет, - поморщился Томек.

- Вместе отлежимся, - согласился Андрей.

- *Не можно так, у вас детско*⁶, - напрягся поляк, и тут же сообщил: - Ладно, уже легче мне. Потопали дальше.

От глухо ухнувшего где-то неподалёку взрыва сотрясло почву. Вероятно, взорвался газ. Гул натужно прокатился по округе, и завис над утомлёнными спутниками. Они остановились, и стали затравленно озираться по сторонам. Андрей понимал, что на улице им ничего не грозит. Но всё равно, нужно как можно быстрее выйти за пределы центральной части города.

Двинулись дальше. По пути к ним прибилась женщина лет сорока пяти – пятидесяти. Она появилась из какого-то переулочка, то и дело подобострастно заглядывала им в глаза, тихо смеялась, и вела себя, как ненормальная.

На площади Унии Любельской, процессия остановилась. Томек с Изабелой о чём-то долго спорили. Андрей терпеливо ждал, когда они придут к соглашению. Наконец, Томек пояснил суть спора:

- Изабела предлагает вниз спуститься, к Висле. А по мне, прямо надо идти, не сворачивать. До Круликарни я ещё дойду, а там найдём подходящий дом для ночёвки. Ночь передохнём, а завтра продолжим путь.

Андрей равнодушно пожал плечами. Города он не знал, так что всё равно куда идти. А Томеку, как кровь из носа нужна передышка. Это уже без слов ясно. Пошли прямо.

Через сотню метров Томек остановил компанию.

⁵ Палац Культуры – самое высокое здание в Польше, построенное в стиле московских высотных зданий, так называемых «сталинок». Построено, как дар советского народа для народа польского.

⁶ Не можно так, у вас детско (польск) – Так нельзя. С вами ребёнок.

- С оружием, я думаю, спокойнее будет, - сказал он. - Там, через дорогу, охранник *войско́вой коменды*⁷ лежит. Если нетрудно, Андрей, сходи туда, забери автомат у него. Надеюсь, кто-то раньше нас его не очистил.

Андрей перешёл через дорогу, сдёрнул с плеча почившего солдата автомат Калашникова, вынул из подсумка пару магазинов, и вернулся к спутникам.

- Вот теперь другое дело, - удовлетворённо погладил ложе автомата Томек.

Улица Пулавска то нависала над ними каменными исполинами, то отступала за зелёные насаждения. По пути сумасшедшая женщина отбилась. Перед костёлом Томек снова остановил спутников, и указал на покорёженную «сцепку» тёмно-синего фургона с автобусом. Передняя дверца фургона открыта, а рядом неловко уткнулся лицом в асфальт пассажир в тёмном мундире.

- Что это за броневик? - поинтересовался Андрей.

- Банковский, - пояснил Томек. - Денег нам не нужно, но оружие пригодится.

Андрей согласился, подошёл к несчастному, наклонился над ним, и выдернул из-под тела автомат с укороченным дулом. Потом освободил пристёгнутый к поясу подсумок с магазинами. В фургоне нашлись ещё двое охранников. Андрей забрал оружие и у них.

Томек в это время подошёл к полицейским автомобилям, которые сопровождали банковский сейф на колесах. Эти автомобили пробили металлическое ограждение, и застряли на трамвайных путях. Он разоружил полицейских, и вернулся к спутникам.

- Ну что, поместятся в рюкзаках? - весело спросил он Андрея.

Оружие с боеприпасами распихали по рюкзакам. Томек сразу ожил, и перестал ковылять вслед за спутниками. Он уверенно зашагал рядом с Андреем, и стал возбуждённо припевать себе под нос. Оружие будто уверенности ему придавало. А может, алкоголь так подействовал? Или организм у него такой?

- Ну, всё! - бодро воскликнул Томек, и разбил боковое стекло припаркованного к обочине джипа. - Хватит ноги ломать.

Он забрался на водительское сиденье, склонился, «поколдовал» с проводкой и завёл автомобиль. Откуда-то появился моложавый, страшно суетливый старичок. Радостно приветствовал их, называя «сёстрами» и

⁷ *войско́вой коменды* (польск) – военной комендатуры

«братьями», что по-польски звучит почти так же, как по-русски. Перевода не потребовалось. А потом... старичок обескураженно заворчал и, часто оглядываясь, побежал прочь от них. Спутники не стремились его останавливать.

- Что с ним? - обеспокоенно спросил Андрей.

- Свидетель Иеговы, - недовольно поморщился Томек. - Решил, что Конец света наступил. У них такое представление, что после Конца Света Бог оставит на Земле только представителей их «братства». А когда узнал, что мы католики, страшно разочаровался, и слугами дьявола окрестил. Такие, как он, третьего принять не готовы.

Путники заняли места в джипе, но удалось проехать лишь полторы сотни метров. Здесь упёрлись в «пробку», и снова продолжили пешую эпопею. Вскоре Томек уверенно свернул на узкую боковую улочку. За поворотом показались скрытые со стороны центральной улицы многоэтажкой, огороженные металлической изгородью двухэтажные частные особняки. Не останавливаясь, протопали дальше вдоль решётчатой проволочной изгороди, густо поросшей растительностью. Открылась панорама многоэтажных коттеджей, которые принадлежали, что невооружённым взглядом видно, людям далеко не бедным. Один из участков оказался объят пламенем, но остальным пока удалось избежать этой участи. Однако, Томека интересовали не коттеджи, скученные в низине, а живописный особняк на взгорке. Он остановился перед высокими воротами из кованых металлических прутьев, установленными на красивых прямоугольных колоннах из красного кирпича, вершины которых венчали фонари в старинном стиле. Изгородь, которая огораживала участок, тянулась поверх высокого вала, и еле проглядывала сквозь заросли каких-то кустарников, и небольших деревьев. На флагштоке развевался американский флаг. Не иначе, какая-то американская резиденция.

Томек засуетился около ворот, и стал соображать, как проникнуть на территорию облюбованного особняка. Для верности постучал автоматом по ограде. Тишина ответом. Томек задумчиво повздыхал, и вдруг, кряхтя, полез через ограду. Он ловко перемахнул во двор особняка, нажал на какую-то кнопку, и открыл входную калитку. Компания, зачарованно озираясь, вступила во двор особняка. Дворик невероятно чистый, с ровно подстриженным газоном, и ухоженным кустарником. Дорожки аккуратно выложены плитками. Изабела приняла из рук Андрея малыша. Томек деловито подошёл к входной двери, и попытался её открыть, дёрнув за

ручку. Андрей поспешил на помощь. Открыть тяжёлые двери, запертые изнутри, не удалось. Они осмотрели особняк снаружи, и только развели руками.

- Зря время тратим, - недовольно проворчал Томек. - Хорошее место для ночёвки, только к чему нам это. Всё равно завтра дальше идти.

- Пожалуй, так, - согласился Андрей.

Не спеша спустились в низину, где после непродолжительных поисков отыскался дом, входные двери которого оказались не на запоре. Хозяева, Царство им Небесное, навсегда застыли перед светящимся пустым экраном телевизора. Усопших вынесли во двор, уложили под забором, и накрыли грубо ткаными покрывалами, найденными в доме. Затем провели поверхностный осмотр дома, и решили, что он, как нельзя лучше, подходит для ночёвки.

ЧЕТВЁРТАЯ ГЛАВА

Игорёк с трудом преодолевал сопротивление морской воды, и тщетно озирался в попытке найти место, где пару минут назад заметил блестящий предмет. Перед глазами мелькнуло чьё-то тело с широко раскинутыми руками. Покачиваясь, оно медленно опускалось на дно. Утопленник что ли?

Игорёк попытался ближе подплыть, но из-за нехватки запаса воздуха вынужден был поспешно всплыть. И погружаться обратно в глубину не стал. Он заметил непонятную перемену, которая воцарилась всюду: на поверхности воды, на пляже, и дальше, насколько хватало обзора. Только что рядом кто-то плавал, около берега плескались, галдели, и гонялись друг за другом малыши. По берегу группами, и по одиночке бродили курортники, влюблённая непоседливо-бестолковая молодежь, и пожилые, потрёпанные жизнью люди. Сейчас же вокруг возникла глухая пустота. Никаких звуков не слышно, кроме шума волн, и беспокойного крика чаек. Как по команде, люди вдруг приняли горизонтальное положение. А ещё он заметил, как вблизи берега волны перекачивают безвольные словно брёвна тела.

Игорёк испуганно завертелся из стороны в сторону, но не сумел понять, что стало причиной столь странного происшествия. Он не заметил ни на море, ни в небе, ни на пляже ничего такого, что стало бы этой причиной. Как и прежде, солнце с неизменным румяным оттенком слало в

пространство лучи. Ветерок легко и беззаботно слизывал пену с морских волн, которые, как всегда, шелестели, и ласкали прибрежные камни. Но эта пустота... Леденящий страх свёл ноги Игорька судорогой. Захлебнувшись, он бешено заработал руками, чтобы как можно быстрее выбраться на берег.

На каменистом пляже, куда он пробкой выскочил, беспорядочно валялись тела юношей и девушек, взрослых и детей, которых застигла внезапная смерть... Такого количества покойников Игорёк в жизни своей не видел. Сердце ёкнуло, когда взгляд остановился на неподвижно распластанной на лежанке сестрёнке. В отчаянье он опустился перед ней на колени, и горько заплакал. Они души друг в друге не чаяли, невзирая на частые перепалки.

От брызнувшей на спину воды, и прикосновения ледяных пальцев к спине, Милка взвилась кверху со своей лежанки, обозвала его дураком, и вдобавок пнула по ноге. Игорёк недоверчиво уставился на сестрёнку. Ведь он предположил самое худшее. Какое счастье, что она по-прежнему живая, здоровая и задиристая. Милка не заметила странной перемены поблизости, и как ни в чём не бывало снова пристроилась на лежанке. Игорёк теперь уже безо всякого такта растолкал её. Сестрёнка резво вскочила на ноги, выставила перед собой вооружённые острыми ногтями пальцы, и встала в позицию пантеры. В довершение всего, она пообещала пожаловаться маме. В знак серьёзности своих намерений она двинулась было в сторону виллы Вероники Михайловны, и лишь тогда заметила, что произошло нечто непонятное, невероятно страшное.

- Ой! - взвизгнула Милка, и отступила назад, ближе к брату.

Вся задиристость, как в воду канула. Сердце ёкнуло. Она осела, завалилась набок, и потеряла сознание. Игорёк, напуганный не меньше сестры, схватил её за плечи, и принялся легонечко трясти, чтобы привести её в чувство. Милка тяжело повисла на руках брата. Потерять сестру он не хотел.

- Очнись, Милка, не делай так, - жалостно пропел Игорёк, - не оставляй меня одного.

Он принялся колошматить её по щекам и колошматил до тех пор, пока не пробудил к жизни. Потом энергично тёр ей виски, и ждал, пока она окончательно очнётся. Затем, придерживая за локти, повёл прочь от страшного места. Апокалиптическая картина, мёртвая тишь, и неожиданно настигнутые смертью бездыханные тела, продолжали терзать психику всю дорогу до каменистой тропинки, которая вела к вилле Вероники

Михайловны. Милка окончательно пришла в себя, завывала во весь голос, и стала судорожно цепляться обеими руками за брата. Игорёк неожиданно оказался в столь жутких обстоятельствах в роли опекуна. Ему также не удавалось умерить дрожь в теле, и чечётку в зубах. Сознание отказывалось верить в реальность того, что произошло. Но окружающая картина неуклонно подтверждала суровую правду.

Тропинка оказалась свободной от тел, и оставшуюся часть пути до виллы они пролетели, как на крыльях. Только здесь, неподалёку от калитки, вдруг встали на месте, как вкопанные. Сразу обоим в голову пришла одна и та же страшная мысль.

- Ох, нет, - горестно простонала Милка.

- Может, ещё жива? - неуверенно предположил Игорёк.

- Боюсь я, - снова завопила обезумевшая от горя девочка.

Легко скрипнули двери, и на крыльце соседней виллы появился пожилой поджарый мужчина, которого они видели пару раз в сопровождении до безобразия толстой женщины. Мужчина обескуражен был, но испуга в нём они не заметили. Он укоризненно посмотрел на подростков, которые вмиг почувствовали себя уверенней. Встреча с живым человеком в такой момент показалась им наивысшим счастьем. Они бросились к нему, и уцепились за руки, словно это был их близкий родственник.

- Вам, ребята, чего? - изумлённо пробормотал сосед.

Безмолвно, но как-то иступлённо, Игорёк потянул соседа к вилле Вероники Михайловны.

С тех пор как они последний раз заглядывали в комнату матери, здесь ничего не изменилось. Она в лёгком коротеньком халатике по-прежнему лежит на кровати с широко раскинутыми руками. Сосед деликатно прикрыл её оголённые бёдра полами халатика, и проверил на сонной артерии пульс. Затем приподнял пальцами веки, заглянул в глаза, для верности приложил голову к груди, выпрямился, и сухо произнёс:

- Скончалась.

Милка в голос заревела, и окостенело присела на корточки возле кровати. Игорёк мужественно посмотрел на лицо матери. Ему не верилось, что её больше нет. Он старался найти, хоть какое-то подтверждение тому, что сосед Вероники Михайловны ошибается, и мама всё-таки жива. Тот положил на плечо юноши ладонь.

- Так бывает, - озадаченно произнёс он. - И моя Алюня только что... Такое совпадение...

Игорёк сообразил, что сосед не догадывается о масштабах трагедии.

- Там... на море, - захлёбываясь, пояснил он, - люди тоже поумирали.

Сосед опешил, потом нахмурился, смерил недоверчивым взглядом Игорька, потом Милку.

- Не понял.

- Люди на море тоже умерли.

- Выходит, пандемия какая-то? Мор, говоришь, повсеместный?

- Похоже на то, - с грустью подтвердил Игорёк.

- Хм, - опешало скукожился сосед. - Этого ещё не хватало.

В его застывшем взгляде появилось недоумение. Игорёк беспомощно спросил:

- Что теперь делать будем?

Сосед сбросил оцепенение, и рассудительно ответил:

- А что делать? Ждать будем. Дождёмся спасателей. Если это жутко смертельный вирус, ждёт нас долгий карантин. Только...

Сосед замолчал, чтобы не напугать подростков страшным предположением.

- Может, позвонить следует куда-нибудь? - предложил юноша.

Новый знакомый согласно кивнул, взял со стола Ларисин мобильник, и принялся набирать номер за номером. Игорёк также принёс со своей комнаты сотовый, и присоединился к соседу. Но со связью возникли проблемы, на звонки никто не отзывался.

- Все наверно умерли, - зловеще предположила Милка.

Игорёк с соседом продолжили терпеливо набирать номера. Между делом познакомились. Рогожин Борис Львович оказался вовсе не соседом Вероники Михайловны, а таким же курортником.

- Да, что они, и правда поумирали там все, что ли? - тщетно щёлкая кнопками, пророчески воскликнул Игорёк.

Рогожин пожал плечами, и с нескрываемым разочарованием отложил телефон. Притихшая Милка взяла мобильник матери в свои руки. Первая же попытка оказалась удачной. На другом конце линии отозвался заспанный голос сердечной подружки Лианки. Игорёк не дал Милке промолвить ни слова, и вырвал трубку.

- Лианка, привет. Опять дрыхнешь, небось? Не в службу, а в дружбу, позови-ка быстренько кого-нибудь из взрослых.

В трубку посыпались многочисленные вопросы.

- Ты, коза! - запальчиво прорычал Игорёк. - По-хорошему прошу, не тяни резину, родителей позови!

В трубке утихло, и Милкина подружка всё-таки пошла за родителями. Время в ожидании ответа тянулось невыносимо долго. Наконец, Игорёк встрепенулся, напряжённо прижался ухом к трубке, побледнел, и... поспешно отключился. Брови Рогожина в недоумении поехали кверху. Осипшим голосом Игорёк пояснил:

- У них там, в Казани, тоже...

- Что тоже? - не понял Борис Львович.

Игорёк испуганно заморгал глазами.

- Родители у Лианки умерли, - опустошённо просипел он.

У Рогожина глаза округлились, пальцы рук затряслись мелкой дрожью, и он поперхнулся. До него вдруг дошло, что надеяться больше не на кого. Одно дело, когда катастрофа имеет локальный характер, и другое, когда беда обрушилась сразу на всех.

- Что будет с нами? - жалостливо пропищала Милка.

Ошарашенный брат прокашлялся, и дрогнувшим голосом произнёс:

- Мы-то живы, как видишь. Бог даст, не пропадём.

Рогожин рассеянно достал из пачки сигарету, и нервно закурил. Милка прижалась головкой к плечу брата. Тот приобнял её. Рогожин глубоко затянулся, выпустил длинную струю дыма, и постановил:

- Выбираться отсель нужно.

Подростки были готовы хоть сейчас отправляться в путь, такую жуть навело на них мёртвое побережье.

- Вашу маму с моей Алюней похороним, и по домам, - сипло добавил Рогожин минуту спустя, и погасил окурок в горшке с фикусом.

- Согласны, - торопливо ответил Игорёк за себя, и за сестрёнку. - Где вы живёте?

Рогожин прикурил новую сигарету, сделал пару затяжек, и ответил:

- Саратовский я.

- А мы из Казани, совсем рядом, - обрадовался Игорёк.

- По карте рядом, а так, неблизкий путь, - возразил Рогожин.

- Как же мы доберёмся до дома, если поездов с самолётами больше не будет? - захныкала Милка.

- До дому? - Рогожин с сомнением покачал головой. - Если всё так плохо, придётся на машине ехать.

- А какая у вас «тачка»? - спросила Милка, нервно цепляя Рогожина за рукав.

- Никакой, - отрицательно покачал тот головой. - Да, разве сейчас это важно? Подберём что-нибудь. Бесхозных автомобилей теперь наверно

пруд-пруды. А мертвецы на нас не обидятся. Покойникам автомобили не нужны.

- Значит, поможете? - с надеждой глянул Игорёк. - Нам хотя бы до Саратова добраться. А там как-нибудь сами...

- Почему, не помочь? - согласился Рогожин. - Неблизкий путь. Быстро не разгонишься. Небось на дороге куча «мёртвых» машин осталась. Неведомо сколь времени на такую дорогу уйдёт. Вместе по-любому проще будет.

- Как же нам потом до Казани добираться? - снова захныкала Милка.

Вопрос застал Рогожина врасплох. От Саратова до Казани не близко. Молча погладил девочку по головке.

- Там видно будет, - рассудительно решил Игорёк. - Сначала до Саратова доехать надо.

- А приходилось самому водить-то?

Игорёк нахмурился. Когда-то пробовал завести мамин «Джип», и получил от неё оплеуху. Она почему-то решила, что он молод для таких вещей. Так что управлять автомобилем Игорёк умел исключительно теоретически. Но соврал, и глазом не сморгнул:

- Немного.

Рогожин проницательно посмотрел на юношу, и успокоил:

- Ничего, спешить некуда. Успеешь поупражняться. Перед отъездом здесь покатаемся, и в дороге дам порулить. Теперь штрафовать некому будет. До Саратова доберёмся, подумаем, как дальше быть. А сейчас нужно вещи кое-какие собрать, еду, инструменты. До темноты в город сходим, в ларьках покопаемся.

Похода по магазинам решили не откладывать. По дороге встретили троих курортников, которые успели нализаться в стельку. Курортники были в состоянии такой глубокой протрации, и общения с ними не получилось. Рогожин с ребяташками оставили пьяную компанию предаваться самосозерцанию, и направились к ближайшему магазинчику, где удалось основательно сменить гардероб. Плотные джинсовые рубашки с шортами оказались более подходящими для путешествия, чем лёгкие курортные одеяния. На ногах появились кожаные ботинки на шнуровке, также тщательно подобранные, и одобренные Рогожиным. За плечами, объёмистые рюкзаки...

...Сквозь сон до Виктора долетел настойчивый телефонный звонок. Он решил, что Оксана сама поднимет трубку, и не пошевелился. Тем более,

что сон, из которого его чуть не вырвал телефонный звонок, показался ему каким-то чудным. Будто бы племянники оказались среди кучи трупов. Чушь какая-то! Разве такое могло правдой быть?

Телефон продолжал упрямо надрываться. Виктор вяло отметил, что жена почему-то не подходит к телефону, тем не менее почмокал губами, и продолжил полусон, полудремоту. И в этом сне он размышлял о всемирной катастрофе, безответственных людях, ненасытном начальстве, и вконец обнаглевшем, бессовестном... Тимке.

Окончательно разбудили его настойчивые звонки в дверь. Не открывая глаз, Виктор подсадовал, что Оксана так долго не подходит к дверям. Потом вдруг сообразил, если бы она была дома, то давно отозвалась бы. «И куда её на ночь глядя черти унесли?» - задался вопросом Виктор, и одновременно сделал попытку подняться с кресла. Но ноги, словно налились свинцом, и отказались подчиниться. «Ишь ты, как я «нахрюкался», - критически осмыслил своё положение Виктор, и попытался на бок повернуться. Когда и этого не получилось сделать, он вдруг понял, что тело категорически не слушается.

Тот, кто был за дверьми, перестал звонить, и принялся ковыряться в замках. Виктор закипятился. С одной стороны, квартирные кражи являются обычным явлением в городе, но прежде в его квартиру ещё никто не вламывался. Как назло, именно сейчас тело слушаться перестало. Руки и ноги деревянные, а голова тяжелая словно чугунок. Ярость охватила всё существо. Так бы и закатил промеж глаз наглецу, который вламывается сейчас в квартиру, только сил никаких нет, и возможности. Может, их там целая шайка? Да, хоть бы и две. Был бы он в нормальной форме, досталось бы всем, а так... Виктор надрывно застонал, и начал мысленно чертыхаться: «Дóжили! Пусть у гадов руки отсохнут вместе с тем, чем детей делают. Пусть у них задницы слипнутся. Пусть им пусто будет и тоскливо». Но тоскливо и пусто было самому Виктору. Тоскливо от бессилия, от безнадёги.

Он дёргался, и никак подняться не мог. Но и двери долго не поддавались. С удивлением Виктор оценил надёжность замков, хотя Оксана не раз уговаривала сменить их (веяние времени) на более мощные. Ещё больше удивило Виктора, что вор, или вору, открыто орудуют у дверей.

«Совсем, козлы, обнаглели», - удивился он отваге «медвежатников».

Минуты летели, двери держались, а силы, так нужные сейчас, по-прежнему не приходили.

«И угораздило меня так набраться, - негодовал Виктор, и беспомощно трепыхался в кресле. - Как не вовремя получилось».

Наконец, дверь в прихожей подалась. По шагам Виктор определил, что грабитель один, только, что толку, если нет никакой возможности помешать ему? Он примкнул веки, и притворился спящим. Незванный гость подошёл к креслу, и с затаённым дыханием склонился над Виктором. Тот собрал силы, и рванулся навстречу. Но непослушные руки плеснули кистями по воздуху, и беспомощно упали. Виктор неловко, словно куль, повалился обратно.

Грабитель отшатнулся, и Виктор с удивлением узнал в нём мужичка из соседнего подъезда, которого называли Лёнкой. Лёнку считали странным, и чуток чокнутым. Вечно он бродил по соседним лесопосадкам и паркам, и собирал какие-то травы. Слышал Виктор, что лечил он этими травами тяжелобольных людей. И вроде как делал это весьма успешно. Но сам Виктор в «шаманов» не верил, у таких «чародеев» никогда не лечился, и считал их обманщиками, шарлатанами и параноиками. Да и болел он исключительно редко, разве что с перепоя. Но даже при сильном похмелье, когда голова гудела наковальней, он принимал таблетку цитрамона, и головную боль, как рукой снимало. Теперь Виктор смотрел на Лёнку, и поверить не мог, что этот чудак, эта тварь, «чистит» по совместительству квартиры. Едва ли кто-то знал об этой стороне жизни странного соседа.

Лёнка с опаской приблизился к Виктору, и замахап над головой нескладными руками. По телу Виктора прошла тёплая волна, тяжесть, которая сковывала тело, отступила. Он почувствовал, как организм наливается силой, становится послушным и ловким. Виктор незаметно пошевелил руками и ногами, убедился, что мышцы пришли в рабочее состояние, и решил наглеца наказать. Одним рывком он сгрёб Лёнку за грудки, и прорычал в лицо:

- Что ты граблями машешь, экстрасенс хренов?

Лёнка испуганно съёжился, и с опаской спросил:

- Так ты жив, сосед?

Виктора так и подбросило от наглости грабителя:

- А ты, мразь, похоронить меня пришёл?

- Нет-нет, - запротестовал Лёнка. - Я чувствовал, что ты жив. Просто, все... Ты, сосед, не знаешь, что случилось?

- Что? - громогласно гаркнул Виктор, и потряс худеньким Лёнкиным телом.

- Там все... - Лёнька громко сглотнул слюну. - Там все умерли.

Виктор ослабил хватку. Злобно прошипел:

- Ты чего, скотина, каркаешь? Лучше сплюнь три раза... Придумал тоже.

У него засосало под ложечкой. Кого имеет в виду этот тип? Как это могут все умереть? И где Оксану носит? Куда она подевалась, в конце концов? Смутная догадка засвербела в мозгу. Не выпуская из рук лацкана Лёнькиного пиджака, Виктор ринулся на кухню. Чтобы не растянуться на полу, Лёнька вынужден был поспешить следом.

Оксана неловко привалилась к газовой плите, и незряче уставилась в потолок. Сердце Виктора затрепетало, сбилось с ритма, и замерло. Перед глазами закружилось, потемнело, ноги ослабли, снова стали ватными. Виктор оставил Лёнькин пиджак в покое, и опустился на пол рядом с женой. Её глаза, окутанные туманной поволокой, пусты и холодны, как никогда прежде. Чуть тронутые сединой тёмно-русые волосы приобрели неприятный восковой оттенок. Виктор осторожно притронулся к виску, потом к месту на шее, где обычно бьётся сонная артерия. Будто куклы гуттаперчевой коснулся. Никакой надежды не осталось. Оксана – мертва.

Он беспомощно посмотрел на Лёньку. Тот отвёл глаза, и разочарованно развёл руками. Виктор почувствовал себя безнадежно одиноким. Столько лет прожили рука об руку. И хорошее, и плохое переживали вместе. Вместе растили красавиц-дочерей, которые беззаботно упорхнули из дома, когда пришло время. Вместе мечтали о том времени, когда дочери наградят их внуками. И почему у нынешних всё не так? Сначала, видишь ли, для себя пожить хотят, потом детей завести. А потом время уходит, и становится поздно. Вот они с Оксаной резину не тянули. Строганули год по году парочку девчонок, вырастили их, выдали замуж, а теперь можно было бы для себя пожить. Как мало отпустил им времени Бог! Ещё пару часов назад Оксана встречала его с напускной строгостью, пару часов назад мог он обнять её, приласкать, прижаться к тёплой груди... Её руки стали чужими, безвольными, резиновыми и холодными.

Виктор сидел на полу, ритмично покачивался, и беззвучно плакал. Лёнька присел на корточки рядом, и прижал массивную голову соседа к своей тощей груди. Принялся вкрадчиво уговаривать:

- Держись, сосед, крепись. Ей ничем не поможешь. Нам бы с тобой самим выжить.

Виктор не понимал, о чём бормочет этот чужой для него человек, когда родная, единственная и неповторимая на пути к Богу. Конечно, в смерти жены Лёнька не виноват. Когда вламывался в квартиру, Оксана уже была мертва. Но почему, почему она умерла? Ведь, прежде никогда на здоровье не жаловалась. Как же так? Виктор прижался к Лёнькиной костлявой груди, и по-детски разрыдался. По телу прокатилась тепловая волна, которая снова принесла облегчение. А, может, облегчение принесли слёзы? Виктор освободился от Лёнькиных объятий, и вытер слёзы. Затем встал, взял Оксану на руки, отнёс в комнату, и положил на диван. Под ногами заметил беспокойного Тимку, который в этот момент стал вдруг для Виктора близким, и важным. Он бережно взял кота на руки, и тихо прошептал на ухо:

- Как же не уберёг ты хозяйку-то? Как же?

Тимка будто почувствовал, что в нём нуждаются, ткнулся лохматой головой в щёку хозяина, и заурчал. Виктор вспомнил, как часто котяра взбирался на руки Оксаны, и отирался головой о её щёки. Сентиментальные воспоминания опять принесли боль. Лёнька робко прикоснулся к плечу, и промямлил:

- Ты, сосед, ничего не понял. К окну подойди.

Виктор с недоумением глянул на Лёньку. Он не соображал, к чему тот клонит. Лёнька настойчиво повторил просьбу. Вяло, будто в прострации, Виктор шагнул к окну, и откинул штору. Смеркалось. Но, что делалось на дворе, он сумел разглядеть. Самое странное, что на дворе ничего не делалось. Не слышно обычно шумных ребятишек, не видно ни собак, ни прохожих. Он присмотрелся внимательнее, и заметил тут и там на земле человеческие тела. Его передёрнуло. Что за фантасмагория? Не в силах отвести взгляда от полного абсурда в заоконной картинке, Виктор ущипнул себя.

- Что за чертовщина?

- Не знаю, - честно ответил Лёнька.

Просто так лежать на земле люди не могут. Неужели все в одночасье умерли? Но если это не сон, значит... Случилась страшная катастрофа? Виктор вспомнил чудной сон с племянниками, и содрогнулся. Он бережно опустил кота на пол, схватил мобильник, и набрал номер. Лёнька попытался его сдержать:

- Не нужно.

- Это ещё почему? - удивился Виктор.

- Дочкам звонишь?

- Да.

- Разве непонятно? Ты же сам видишь.

- Что непонятно?

- Не дозвонишься.

- Н-нет! - яростно воскликнул Виктор, не желая соглашаться со столь жестоким намёком.

Одно дело быть свидетелем гибели сотен, или нескольких тысяч людей. Даже если предположить, что речь идёт о гибели миллионов. Но принять смерть близких, это всегда невыносимая боль, и особая, раздирающая сердце трагедия.

- Да, да! - упрямо повторил Лёнька, и до боли сжал кулаки. - Их тоже больше нет.

- Что ты плетёшь? - возмутился Виктор. - Нет их, видишь ли, больше. Откуда ты знать можешь? Не могли же все так сразу умереть.

- Я и не говорил такого.

- Значит, они живы.

- Нет их в живых, - упрямо повторил сосед.

- Откуда знаешь? - затрясся от злости Виктор.

- Я такие вещи вижу, - как отрезал, Лёнька.

- Как это видишь? - вскипел от возмущения Виктор. - Ясновидящий, мать твою в душу!

- Дар у меня такой, - заскулил просительно целитель, и попытался Виктора смягчить. - Вот закрываю глаза, вхожу в транс... и вижу. Образы сами наплывают. Как в телевизоре. Если хочешь, скажу, кто из твоих близких родственников выжил.

- Ну-ну, валяй, выкладывай, Кашпировский хренов...

Виктор тщетно пытался в руки себя взять, и при этом бешено вращал глазами. Спасителя своего он обижать не хотел, но тот сам нарывался на кулак. Лёнька расслабленно закрыл глаза, глубоко задышал, сильно передёрнулся, и тут же выпалил:

- Вижу троих. Из близких родственников ещё трое, значит... выжили.

Он коснулся кончиками пальцев виска, и продолжил свои предсказания.

- Мужчина... Светлый такой, тёплый... излучает даже.

Лёнька вздрогнул, изумлённо открыл глаза, и прервал свой, как он назвал, транс:

- Вот здóрово! Мужчина этот, или парень, не знаю, светится даже. Может, экстрасенс?

- Да ты что? - обиделся Виктор. - Заканчивай бредить. У нас в роду таких близко не водилось.

Потом вспомнил рассказ родителей, и угрюмо признался:

- Хотя, вру. Прабабка малахольная была, заговорами лечила, да травами... Только когда это было?

- Нет-нет, - радостно продолжил Лёнька. - Солнечная аура у него. Даже не верится, что такое возможно. Не иначе, святой какой-то...

- Не про наших такое, - разочарованно протянул Виктор. - Святых среди наших точно не сыщешь.

В другой раз расквасил бы соседу морду за такое предположение, но на диване лежит мёртвое тело жены. Он покосился на неё, и закончил свою мысль:

- Одни только придурки принципиальные. Этими хоть пруд пруди, меня включая.

- А давай, я могу по фотографии узнать, - предложил Лёнька.

Ну, это уже слишком. Глупостями заниматься в такой трудный момент Виктору показалось кощунством. Он гневно посмотрел на ясновидящего, и сердито отрезал, чтобы закончить абсурдный диалог:

- Бабкам лапшу на уши вешай.

С этими словами он снова взялся за телефон. С какой стати верить этому чудаку? Достаточно дозвониться дочерям, и убедиться, что предсказание Лёньки чушь собачья. Но волнение затрудняло задачу. Пальцы от волнения не слушались, набрать нужный номер долго не удавалось. Когда попытка всё же удалась, на другом конце линии опять никто не отозвался. Виктор всё больше нервничал, и снова и снова повторял попытку с тем же результатом. Всё это время Лёнька нетерпеливо переминался с ноги на ногу. В конце концов, не выдержал, и предложил:

- Может, всё-таки посмотреть фотографии?

Виктор нервно взъерошил кудлатую голову, и пронзил соседа испепеляющим взглядом.

- Я ж по-доброму прошу, - продолжал клянчить Лёнька, - не для насмешки.

«Какая уж тут насмешка? - разъярённо подумал Виктор. - На диване Оксана лежит, а он про насмешку».

Чтобы отвязаться от назойливого соседа, Виктор согласился:

- Возьми в книжном шкафу, на третьей полке, увидишь там альбом.

Он с упорством продолжал набирать телефонные номера, и из-за тщетности своих попыток всё больше нервничал. Лёнька отыскал в книжном шкафу семейный альбом Меженковых, и страница за страницей принялся сосредоточенно листать его. Он просмотрел несколько листов, и удивлённо воскликнул:

- Вот, нашёл?!

Виктор досадливо отставил телефон. Затем непроизвольно шагнул к соседу, заглянул через плечо, и увидел на фотографии, которую разглядывал Лёнька, брата. Виктор удивлённо ткнул пальцем в фотографию:

- Андрюха? Это он святой, что ли?

- Он, - смиренно подтвердил Лёнька. - Никогда не встречал людей с такой аурой.

- С аурой, говоришь? Скажу тебе, Андрюха такой же... святой, как я... - Виктор не нашёл сравнения, и пощёлкал пальцами в воздухе. - Ишь ты, придумал тоже. Наивности у него на десяток святых хватит. Это так. А в остальном... Хм... святой.

Святой он или не святой, был бы живой. Никто не возражал бы, чтобы брат выжил в этом кошмаре. Но можно ли верить этим предсказаниям? Средневежье, мистика какая-то! С другой стороны, верить в то, что брат жив, ой, как хотелось.

Лёнька снова сосредоточил внимание на альбоме, перелистнул листок, и ткнул пальцем в фотоснимок:

- Вот здесь, смотри, ещё двое. Девочка с мальчиком.

На фотографии, которую указал Лёнька, Виктор увидел племянников.

- Ну, это понятно, - пожал он плечами.

- Что понятно?

- Нет их в Казани. Андрей в Польшу уехал, и племянников со снохой в Казани тоже нет. Потому и живы, что уехали. Баба Андрюхина тоже должна живой быть.

- Нет, больше никого не вижу. Наверно, умерла.

- Где там, умерла, - сердито проворчал Виктор. - Такие, как она, бессмертны. Ничем её не проймёшь. Смотри сюда.

Он ткнул пальцем в фотографию Ларисы.

- Без шансов, - выдохнул Лёнька, и отложил альбом в сторону.

- И она умерла? - недоверчиво протянул Виктор.

В подтверждение страшного диагноза Ларисе Лёнька утвердительно кивнул. Тем самым он одновременно поставил приговор человечеству. Виктор опешил. Снова вспомнился странный сон. Но поверить в такое он не смог.

- Нет, это невозможно. Она ведь сейчас...

- Знаю я, - мотнул головой Лёнька. - На море они, в Сочи отдыхали. Племянники живы, а её больше нет.

- Как нет? Не хочешь ли ты сказать, что... это самое... везде, по всей России?..

- Не совсем так, - смущённо возразил Лёнька. - Беда случилась не только в России. Произошла катастрофа планетарного масштаба.

- Да нет, быть такого не может, - Виктор похолодел, не в силах поверить в страшное известие.

Он и сам не понял, когда поверил в Лёнькины предсказания. С беспокойством посмотрел на соседа, но снова подумал, что всё это может враньём оказаться. Где гарантия, что Лёнькино пророчество не бред? Хотя, картина за окном, и правда потрясает. Однако, не укладывается в голове, что такое возможно во всём мире. Лёнька заторопился.

- Надо в тридцать шестую квартиру зайти.

- Так тебя никто не держит, иди.

- Я чувствую, и там кто-то живой остался.

- С чего ты взял? - сердито насупился Виктор.

- Я ж говорю тебе, сосед, вижу, само приходит, - взволнованно промямлил Лёнька, - С тобой ведь не ошибся.

С этим не поспоришь. Но Виктор по-прежнему не смог без колебаний признать того, чего усиленно отрицал всю свою жизнь. Поэтому твёрдо произнёс:

- Что ж, идём. Только смотри, не ошибись. Иначе, грош цена твоим пророчествам.

В дверях замешкались. Лёнька безнадёжно испортил замки, когда вламывался в квартиру. В оправдание пробормотал:

- Я не специально.

- Забудь, - нахмурился Виктор. - Некому воровать, да и незачем.

Они оставили дверь в квартиру открытой, и спустились по лестнице вниз. С ощущением нереальности происходящего прошли три десятка метров до соседнего подъезда. Виктор недоверчиво оглядывался на покойников, которые валялись на земле. По-прежнему верить не хотелось,

что такое на самом деле произойти могло... Что такое, если верить «чародею», везде произошло, во всём мире.

В подъезде Виктор остановился, и усомнился:

- Это не сон?

Лёнька молча побежал вверх по лестнице. Виктор пошёл следом. Лёнька поднялся к тридцать шестой квартире, и прильнул к замочной скважине. Но как бы он не прислушивался к звукам за дверью, оттуда доносилось лишь непонятное шипенье, и потрескивание. Для очистки совести он несколько раз позвонил. Никто не отозвался. Виктор иронически улыбнулся.

- Липовое твоё ясновидение.

Лёнька молча достал из заплечной кожаной сумочки отвёртку, молоток, пассатижи. Виктор безмолвно отстранил его, и мощно приложился к двери плечом. Дверь задрожала, но выдержала. Виктор отошёл назад, и сильно ударил в дверь с ноги. Раз, другой, третий. Дверь начала помалу поддаваться. Виктор обрушился мощью всего тела, и высадил её.

Поспешно вошли в квартиру. Телевизор шипит, на экране виднеется заставка какой-то программы. Возле дивана лежит полураздетая женщина средних лет. А на диване судорожно вцепилась ручонками в детскую книжицу, и вперила в потолок остекленевшие глаза девочка лет семи. Больше никого в комнате нет. Виктор повернулся к Лёньке, и сквозь зубы процедил:

- Ну, что скажешь, профессор?

Лёнька выставил в сторону женщины ладонь, сосредоточился, прикрыл глаза. Затем подошёл к ней, наклонился, и пощупал пульс. Виктор разочарованно махнул рукой, и принялся осматриваться в незнакомой квартире. Внезапно, в отражении зеркала он заметил за оконными шторами мальчугана лет пяти. С изумлённым уважением глянул на Лёньку, медленно приблизился к окну, отдернул занавесь, и присел на корточки перед мальчонкой. Тот испуганно отстранился, сжался в комок, губки задрожали, на лице появилась гримаса, какая обычно появляется у детей перед плачем. Виктор нежно притянул мальчика к себе, взял на руки, и квартира огласилась громким детским зёвом.

- Ах ты, малыш, - начал ласково успокаивать перепуганного ребёнка новоиспечённый спасатель.

На кухне что-то потрескивало. В комнату тянуло запахом горелого. Виктор протянул ребёнка Леониду, а после того, что произошло, он уже не мог его Лёнкой называть, и поспешил на кухню. На плите потрескивал раскалённый, и уже давно выкипевший чайник. Виктор сообразил, такая картина может во многих домах происходить. Он поспешно отключил газ, тут же вернулся в комнату, и потянул напарника к выходу:

- Всё. Здесь больше делать нечего. Остальных нужно спасать.

Рабочая смекалка подсказала, чем заняться для предотвращения не менее грозных последствий катастрофы. Он заметил около соседнего дома милицейский уазик, бесцеремонно стащил с сиденья мёртвое тело водителя, и дал по газам, чтобы успеть перекрыть газ в микрорайоне, а потом отключить и электричество.

Он сделал то, что надо, включил автомобильный громкоговоритель, и стал разъезжать по улицам микрорайона, и призывать переживших катастрофу собраться во дворе школы.

И люди потянулись на улицу. Вскоре во дворе школы собралось около полутора сотен человек. С растерянностью и страхом они обсуждали катастрофу. Леонида, который пытался найти добровольцев для поиска в домах выживших, никто не слушал. Виктор снова взял инициативу в свои руки. Вместе с тройкой здоровенных парней, они прошлись по квартирам, которые указывал Леонид. Этот вояж снова не подорвал авторитета «чудотворца». В некоторых случаях предсказания сбылись...

...А на морском побережье племянники Виктора укладывали в рюкзаки вещи. Многого в дорогу решили не набирать. Только то, что без сомнения понадобится. Из личных вещей Рогожин позволил забрать лишь самое памятное. Слишком нагружаться нельзя. Судя по тому, что увидели в городе, им придётся часто миновать «завалы», и переносить вещи из автомобиля в автомобиль. По мнению Рогожина, если рюкзаки окажутся слишком тяжёлыми, можно быстро «сломаться». А этого допускать нельзя.

Ночь провели каждый в своей вилле, чтобы проститься с безвременно ушедшими близкими. Рогожин ушёл к жене, а Игорёк с Милкой, несмотря на подсознательный страх, остались на ночь с телом покойной матери. Правда, за вечер, который они провели среди огромного количества покойников, страх перестал терзать, как поначалу. Первые впечатления, которые сначала поразили их, если не сказать подавили

напрочь, притупились. Вдруг оказалось, привыкнуть ко всему на свете можно.

Не смыкая глаз, они стойко просидели до рассвета около самого родного, самого любимого человека. Иногда казалось, мама пошевелилась, приоткрыла глаза. Вот-вот встанет, и как обычно рассмеётся удачной шутке. А потом станет над их доверчивостью подтрунивать, и вдруг окажется, что всё это только сон, иллюзия. И никакой катастрофы нет, и в помине не было...

Но чудеса не происходило, мама по-прежнему оставалась мертва, а все шевеления оказывались обманом уставшего от напряжения зрения. Она навсегда покинула этот мир, и оставила детей на попечение самим себе. Да и мир, их привычный мир, также навсегда покинул их.

ПЯТАЯ ГЛАВА

Огонь пожирал один особняк за другим. Андрей взирал на тлеющие головешки, и видел в них символ разрушающегося мира. Чтобы убедиться, что огонь удаляется от облюбованного ими дома, он далеко за полночь беспокойно сновал по улице. В голове не укладывалось, что мир окончательно изменился, и больше никогда не вернётся в исходное состояние. Андрей размышлял над тем, почему не всем представителям человечества удалось выжить. Он понять не мог, почему огромное количество народа отправилось в мир иной, а ему удалось остаться в живых. При этом он анализировал свои внутренние ощущения.

Самое паршивое, не было никаких особых ощущений, которые помогли бы разобраться в этих причинах, и никаких изменений внутри он не чувствовал. Конечно, плечи чутко побаливали, но это от тяжёлого рюкзака. И ребёнок Изабелы тоже не пушинка. Вот всё остальное, как обычно. Даже с психикой устаканилось. Вроде как появилось нечто похожее на привычку. Хотя, как можно к такому привыкнуть? Тем не менее оказалось, когда сразу и слишком много, то можно.

В конце концов Андрей убедился, что дому, который дал им приют, ничего не грозит, и позволил себе пройти внутрь. Он прилёг на диван, но сон не приходил. Так и лежал одеревенело на чужом диване, и таращился в темноте. Тревожная ночь подходила к концу, и в окнах постепенно проявлялись тёмно-фиолетовые квадраты, которые прояснялись, и становились светло-голубыми с еле заметным сероватым оттенком. В

соседней комнате беспокойно постанывал при каждом неловком движении Томек Ковальски. Этажом выше устроились белокурая Изабела с сынишкой. Несколько раз Андрей слышал скрип половиц. Видно ей также не спится. Пару раз с плачем просыпался Кшись.

Сколько бы он дал за то, чтобы вчерашнее происшествие оказалось болезненным бредом. Пусть гипнотическим, но бредом. Снова вспомнил странного, тем не менее удивительного Старика со своим не менее удивительным Камнем. И расстроился, что тот Камень взаправду не обладал силой, которую ему приписывал Старик. Быть может тогда не произошло бы того, что произошло. Но чужая обстановка в комнате не оставляла сомнения, что вчерашний кошмар является горькой правдой, и Старик с Камнем остались в прошлом, теперь уже в безвозвратном прошлом. Даже кусочка от того Камня не осталось, чтобы можно было ещё раз пощупать, почувствовать, понять, что он из себя представляет. Что камень не был простым, убеждение даже по прошествии времени не исчезло. Такой игры света, которая происходила на гранях, никогда не приходилось видеть.

Но самую большую боль в эту ночь доставили воспоминания о детях. Андрей вспомнил, как неделю назад они навестили его в городской квартире. Игорёк с Милкой беззаботно подтрунивали друг над другом, и старались вида не подавать, что им без него, если воспользоваться их молодёжным слэнгом, «стрёмно». Дети обожали его. А куда ему без них? Если бы знал тогда, что свидание окажется последним.

Только почему последним? Отчего так силён пессимизм? Ведь судьба могла добра оказаться по отношению к ним, и кто-то из детей мог катастрофу пережить. А если им обоим повезло? Впрочем, при известных масштабах трагедии на такую возможность трудно рассчитывать. Вот только на потерю кого-либо из них не соглашается сознание. Надежда томительно свербит в сердце, и вызывает щемящее чувство беспомощности. Что можно тут сделать, когда весь мир ощетинился словно чудовище, стал непримиримо-враждебным, а он и вовсе оказался в чужой стране? Теперь остаётся лишь на удачу уповать, и улыбку судьбы, так нужную сейчас, так желанную. Пусть мир оказался в паутине смертельной катастрофы, но как хочется, чтобы его детей эта паутина миновала. Наверно, он должен это проверить, поспешить к ним. Только, как это сделать, когда дороги «мёртвыми» автомобилями забиты? К тому же, Изабела с Кшисем также нуждаются в опеке. Именно так. После пережитой ими вчера трагедии блондинка с малышом стали для него

важными, близкими и нужными. И тут, если быть совсем честным перед собой, наступает разрыв мозга. Ведь нельзя же отправляться в такой далёкий путь с ребёнком. Как быть?

А если Лариса с детьми также нуждаются в помощи? В его помощи? Пусть слишком невероятно, но и такое случиться может. Хотя нет, только не Лариса. Она найдёт выход из любого положения. Но её может уже не быть, а детишки могут одни остаться... Так почти всю ночь Андрей мысленно терзал себя, и беспокойно ворочался с боку на бок. И когда солнце ознаменовало приход нового дня, и заглянуло в окна особняка, он всё-таки провалился в беспокойную дремоту.

Разбудил его Томек. Удивительно, но держался он бодро и свежо, будто не было потрясения, испытанного вчера. О разбитой голове, говорила лишь повязка, которую наложила вечером Изабела.

- Нет ни электричества, ни воды, ни газа. Нет, и подозреваю больше не будет, - бодро сообщил Томек лениво потягивающемуся на диване Андрею. - Как в фильме ужасов. Только зомбаков не хватает. Даже хозяева сбежали.

- Какие хозяева? - не понял Андрей.

- Те самые хозяева, - мотнул головой Томек в сторону двора, - хозяева дома.

- Иди ты, - потрясённо прошептал Андрей, и резко вскочил с дивана.

Его словно током прошибло. Он ясно помнил, как вынесли тела хозяев во двор, и уложили под забором. Кто мог их убрать оттуда, и самое главное, зачем? Не сами же они... Кошмар какой-то. Не хватает ещё появления зомби.

- Шутка, - задорно рассмеялся Томек. - На месте наши *господажи*⁸.

- Просто потеха, - укоризненно покачал головой Меженков. - У меня чуть сердце не остановилось.

- Зато тебя разбудил, - подмигнул ему Томек. - Ладно, давай обсудим дальнейшие планы.

- А что обсуждать? Дальше пойдём, - равнодушно пожал плечами Андрей.

- Подумать надо, как выживать будем.

- Для начала надо загородный дом найти, потом людей вокруг себя собрать. Я уже говорил.

- Из вчерашнего я мало что помню, - виновато сказал Томек. - Видать здорово головой приложился.

⁸ Господажи (польск) - хозяева

- А сейчас полегчало?

- Так, отпустило немного, - кивнул поляк. - Чтобы быстрее покинуть город, пройдемся по дворам, двухколёсный транспорт поищем.

Андрей зевнул и сообщил:

- Я тут видел пару велосипедов.

- Ну ты даёшь, парень, - выпучился удивлённо Томек. - На велосипедах далеко не уедешь. Поищем *моторы*. Тьфу-ты, по-русски мотосыклы.

- Мотоциклы, - поправил Андрей, и обеспокоенно спросил: - А не навернёшься? Голова не кружится?

- Бог миловал. Да, говорю же тебе, сегодня нормально. Не навернусь. Сам-то, надеюсь, умеешь мотоциклом управлять?

- Когда-то приходилось гонять, - подтвердил Андрей.

Фанатичным байкером он не был, но в юности общался во дворе с рьяными гонщиками. Вместе с ними лихо гонял по дорогам, и раздражал владельцев легковушек, а ещё больше, гаишников. С тех пор прошло много лет, но ездить на мотоцикле Андрей не разучился.

- Предупреди Изабелу, чтобы двери за нами заперла, - попросил Андрей Томека.

- А что с ней случится? - удивился Томек.

- Мало ли что, - поёжил плечами Андрей. - Так, на всякий случай. У нас говорят, бережёного Бог бережёт.

- Ну да, - не стал возражать Томек.

Изабела услышала разговор, и сама спустилась к ним. Они оставили её с сыном в доме, и отправились на поиски. На этот раз судьба их долго не испытывала. В соседнем дворе обнаружили предмет поиска, который к тому же оказался в полной «боевой» готовности. Рядом с красавицей «Хондой», лежал труп бородатого мужчины в чёрном кожаном дорожном костюме. Томек выдернул ключики из закованных рук мотоциклиста, и вскочил на «двухколёсного монстра». Андрей широко распахнул ворота. «Хонда» мягко заурчала. Томек выехал со двора, и указал Андрею на место сзади себя. Он едва дождался, пока напарник усядетсся, и дал газу. Мотоцикл птицей преодолел крутой подъём, и выскочил на улицу Пулавску, по которой они шли вечером.

Поляк погнал, как прирождённый мотоциклист. Он почти не сбавлял скорости, и ловко объезжал встречные препятствия. И было бы отлично, если бы не тяжёлый, задымлённый воздух, который спирал дыхание, и ветер в глаза. Удовольствие от поездки они получили малое.

Вскоре, Томек притормозил около магазина, за стеклянной витриной которого красовались мотоциклы.

- А ну, выбирайте, маэстро, - жестом пригласил он Андрея в мотосалон.

Они прошли внутрь, и принялись придирчиво осматривать каждый мотоцикл. После небольшого технического контроля, который со знанием дела провёл Томек, удалось найти подходящего механического скакуна. После дозаправки мотоцикла горючим, вывели его на улицу. Томек промчался по свободному от автомобилей участку дороги, и проверил ходовые качества мотоцикла. Потом резко затормозил на исходной позиции, и издал торжествующий крик:

- Их-ху-у! Принимай коня.

Видно стало, что он доволен выбранной машиной. В то время, когда Томек возился с мотоциклом, Андрей подобрал защитные каски с опускаемым на лицо плексигласовым забралом, и шипованные перчатки. Они полностью экипировались, и помчались назад. В касках ехать стало легче. Колючий ветер больше не слепил глаза. Через несколько минут притормозили у ворот дома, который дал им ночлег. Мотоциклы заглушили, и тишина стала неприятно давить на уши. Томек прокашлялся и озабоченно произнёс:

- Город, как вымер.

- Разве заметно? - нашёл в себе силы пошутить Андрей.

Впрочем, он прекрасно понял, что именно имел в виду товарищ по несчастью. Если кто и пережил катастрофу, за время их пребывания в городе он никак себя не проявил.

Изабела приготовила завтрак из бутербродов с ветчиной и салатом. Она добавила к рациону йогурт со свежими фруктами, и пригласила спутников к столу. После завтрака разложили по рюкзакам необходимые вещи. Туда же спрятали оружие с боеприпасами. Вкратце обсудили маршрут. Томек предложил навестить известное ему место поблизости от Кабацкого леса. Андрею было всё равно, Изабела также возражать не стала.

- Андрей, извини, но Изабелу с Кшисем повезу я, - решил Томек. - Ты меня понял.

- Понятно, - согласился Меженков. - Ты более искушённый наездник.

- Именно так, - не стал возражать Томек. - Повезёшь рюкзаки.

Так и сделали. В отличие от утреннего рейда, Томек ехал в меру осторожно, помня о малолетнем пассажире за спиной. Андрей держался

чуть сзади. Утреннее впечатление о полной безлюдности города оказалось обманчивым. На одном из перекрёстков заметили группу людей на велосипедах. Томек притормозил. Андрею казалось, что велосипедисты без колебания присоединятся к ним. Но этого не случилось. Они ещё не чувствовали в полной мере опасности, которую таит в себе город, и предпочли насладиться свободой, вернее безнаказанностью. Не пугали их ни усталые покойниками тротуары, ни запах гари, который поражал дыхательные пути, ни жуткая тишина, опустившаяся на мёртвый город. В них уже успел появиться сладкий вкус безмерного насыщения не в меру проявившихся желаний, если не сказать алчности. Они нахрапом осаждали осиротевшие магазины, и брали там всё, что только заблагорассудится. Эти люди напомнили стадо шакалов, которые сгрудились над умирающей добычей. Андрей возблагодарил судьбу, что его спутники не такие.

Ближе к окраине дорога стала уже, но свободнее. Автомобилей убавилось, а «сцепки» и вовсе стали редкими. Правда, вынужденных беглецов это уже не пугало. На мотоциклах они спокойно объезжали любые дорожные препятствия. Не сбавляя скорости, они миновали окраинный район Варшавы, и выехали за город. Далее съехали с основной трассы, и двинулись по узкой просёлочной, но ухоженной, к тому же асфальтированной дороге. Два автомобиля разъехались бы здесь с большим трудом, поэтому при приближении к очередной «груде металла», они до минимума сбрасывали скорость. Наконец, Томек остановился перед огороженным металлической сеткой небольшим симпатичным особнячком.

Дворик перед фасадом здания был чист и ухожен. Газончики аккуратно подстрижены, и облагорожены источающими божественные ароматы цветочными клумбами, где, по соседству с ярко-пурпурными модниками-георгинами, покачивали пушистыми головками белоснежные астры. Не обошлось здесь без розовых кустов, в густых зарослях которых проглядывали редкие кроваво-красные бутоны. Особенно много их было около сеточного ограждения. Каменные стены особняка начисто выбелены, и местами скрыты хмелем с лианами других вьюнковых растений. С фасада Входные двери здания с фасада сделаны из морёного дуба. Их обрамляли кованые металлические скобы, которые по внешнему виду являли собой модернизированный вариант старинных монастырских дверей. Над дверьми нависал декоративный, украшенный резными украшениями фонарь, также стилизованный под старину. В

основании входа находилось низкое крыльцо, выложенное грубыми кирпичами красного кирпича. Второй этаж живописного особняка являл собой надстройку с выходом на балкон-веранду, которая засажена была бледно-розовым каскадом цветущей петунии. Венчало строение мансарда с небольшими оконцами.

От калитки к входным дверям вела тропинка, посыпанная мелким гравием. Справа располагался хозяйственный дворик, который был отделён от основного живой изгородью. Около хозяйственных построек, громоздилась мелкая сельскохозяйственная техника, и надменно пялился раскосыми разрезами фар красавец шестисотый «Мерседес», который указывал на недостаток, прежде царивший в этом поместье. Слева гостей приветствовал раскидистыми ветвями садово-огородный участок, который простирался вглубь поместья. Здесь выстроились в шеренгу яблони, вызывающе глазевшие на прибышей, а также застыли от удивления островерхие груши. Поодаль скромно шелестели любвеобильные вишни, скромницы-сливы, и неисправимые ветренники-черешни, которые лениво раскорячились над густыми крикливыми зарослями малинника. В глубине сада просматривались заросли какого-то неизвестного кустарника. Стройные ряды овощных грядок, как бы поделили фруктово-ягодное богатство участка с декоративной растительностью лицевого дворика. На тылах усадьбы раскинулись лесные посадки.

- Чей дом? - поинтересовался Андрей у приятеля.

- Теперь наш, - беззаботно улыбнулся Томек, и пояснил: - Три года назад здесь семья моего друга жила. Потом они продали всё, и уехали в Америку. Моей жене нравилось здесь бывать.

Воспоминания о жене черкнули мимолётную тень на лице Томека. Андрей решил не бередить свежей раны, и скомкал начавшийся было разговор.

На хозяйственном дворе около амбара на привязи сидела огромная немецкая овчарка. Широколобая, крепко сбитая, тёмно-серой масти с более тёмной полосой хребта, и будто бы подведёнными вокруг горящих глаз палевыми обводами, она привлекла внимание необычайно стройным силуэтом. Андрей не был специалистом, но судя по некоторым деталям, волосяному окрасу, костной структуре и поведению, был склонен оценить её возраст в пределах полутора-двух лет.

Овчарка грозно поводила ушами, и в напряженном ожидании взирала на незваных гостей. У кого угодно она отбила бы охоту

встретиться с ней один на один. Но к счастью свободное пространство ей ограничивала цепь. В ответ на её реакцию Андрей призывно почмокал. Овчарка выжидающе посмотрела на чужака, но заметила, что тот не решается подойти ближе. Она стала нетерпеливо переступать с ноги на ногу, и вдруг жалобно взвыла. Глаза, которые только что искрились, налились слезами. И беспомощность, которая проявилась в этом порыве, заставила Андрея поверить, что грозный вид овчарки обманчив, и на самом деле она не сделает ничего плохого. Он осторожно приблизился, готовый при случае отступить. Овчарка дружелюбно вильнула хвостом, и преданно уставилась на Андрея.

- Ну, что ты, дурашка? Бедняга, небось со вчерашнего дня в рот ничего не брала? - сочувственно пробормотал он, и почувствовал сильное желание приласкать её.

Томек предостерёг:

- Пока не трогай. Пусть привыкнет.

Андрей согласился. Риск здесь не нужен. Для овчарки он чужой, и в любой момент она наброситься может, и покусать, что в данной ситуации нежелательно. Он постарался не делать резких движений, и отошёл на безопасное расстояние. Овчарка заметила, что чужак удаляется, и начала жалобно поскуливать. Затем она стала усиленно потягивать носом ему вслед, прижала к голове уши, и разочарованно отвернулась. Андрей с жалостью наблюдал, как в поиске удобной позиции она потопталась на месте, свернулась калачиком, и легла на землю.

Томек потянул Андрея к дому. Время шло, а они ещё не осмотрели внутренних помещений особняка. Главная входная дверь оказалась закрытой изнутри. Дверь со стороны хозяйственного двора была открыта. Они прошли внутрь, и попали в неосвещённый коридор. Спотыкаясь о какие-то бутылки, коробки, и ещё неизвестно что, пробрались в просторную кухню, которая положительно засвидетельствовала о предыдущих хозяевах безупречной чистотой и порядком. Каждая вещь здесь находилась на своём месте. Среди кухонных принадлежностей имелся полный набор всего, о чём только может каждая хозяйка мечтать: кастрюли, сковороды от «Цептера» и «Ксанти», наборы посуды, белоснежная кухонная плита, холодильник «Бош», кухонные роботы, кофеварки, приспособления для обработки продуктов, и множество специй.

- Мечта поэта, - резюмировал Андрей.

- Скорее, домохозяйки, - поправил его Томек.

Во всю стену просторной столовой, которая располагалась за вычурной аркой, огромные окна, скрытые шёлковым ажурным тюлем. Сквозь тюль просматривалась открытая веранда с видом на зелёную лужайку, где хвойные деревца перемежались с зарослями задумчивой акации и рябины.

Другая дверь из кухни привела их в просторную прихожую, окрашенную в тёплые тона, которую правильнее было бы назвать холлом. Здесь обнаружили главный вход особняка. Дубовые ступени лестницы, которые вели на второй этаж, устланы были ковровой дорожкой. От лестницы вдоль верхней площадки, которая нависала над прихожей в форме террасы, своеобразным барьером расположились витые перила из тёмного ореха. Ближе к входной двери находится кладовка, туалет, и ванная комната. Также имелись другие помещения. Но двери от них оказались закрытыми на ключ. После обследования нижнего этажа отворили входные двери. Изабела поспешила войти, чтобы принять в свои руки домашнее хозяйство.

Андрей с Томеком продолжили осмотр особняка, и поднялись на второй этаж. Здесь оказалось несколько комнатушек и гостиная. В гостиной обнаружили тело молодой женщины, которую смерть настигла на софе за чтением бульварного романа с красочной обложкой, изобилующей голыми красотками. Интерьер гостиной подобран со вкусом. Кроме комплекта мягкой мебели, обшитой бордово-фиолетовым гобеленом, здесь царила атмосфера книжного царства и хрустальной роскоши. На полу лежал натуральный персидский ковёр. На стене плазмовый телевизор «Филипс», а в мебельном гарнитуре встроена куча всевозможной аппаратуры. С противоположной стороны гостиной на журнальном столике обнаружили стильный ноут.

После поверхностного осмотра гостиной, прошли дальше, туда, где располагалась спальня. Там не нашли ничего интересного. Осмотрели рабочий кабинет, комнату отдыха с выходом на балкон-веранду, детскую, и ванную комнату. В мансарде оказалось только одно помещение с крохотным оконцем, которое было скудно обставлено мебелью. Здесь были лишь небольшой диванчик и пара кресел с журнальным столиком. Но зато мансарда изобиловала великолепной коллекцией картин. Собственно, это была художественная мини-галерея.

Они вдоволь налюбовались картинами, и спустились вниз, в гостиную. Томек суеверно перекрестился, и ловко завернул тело хозяйки покрывалом. Затем они взяли с двух сторон за концы покрывала, вынесли

останки во двор, и после некоторого раздумья уложили под розовыми кустами.

- Пожалуй, особняк нам подойдёт, - умиротворённо произнёс Томек.

Андрей согласно кивнул, но что-то его насторожило. У него возникло странное впечатление, что кто-то за ними наблюдает. Томек разделил подозрения.

- Мне тоже так кажется.

Неспешно вернулись в дом, и, не сговариваясь, кинулись в мансарду. Оттуда обзор гораздо лучше. Действительно, в кустах напротив дома заметили женщину непонятного возраста. Она вытянула шею, и с опаской наблюдала за двором.

- Случайно, не хозяйка? - предположил Андрей.

Томек пожал плечами, и догадливо заметил:

- Она нас боится. Изабела скорее найдёт с ней общий язык.

Как только во дворе появилась Изабела, женщина вышла из своего укрытия, и подошла к ограде. К особняку она никакого отношения не имела, но охотно присоединилась к компании, и принялась охотно помогать Изабеле по хозяйству.

- С электричеством надо бы что-то сообразить, - задумался Андрей. - Не сидеть же без света.

- А давай, сгоняем в Варшаву, - предложил Томек, - найдём на какой-нибудь стройке передвижную электростанцию. И по проблеме. Годится?

Андрей также подумал об этом, и не стал возражать:

- Годится.

Томек предупредил женщин, и они отправились на поиски электростанции.

Теперь, когда солнце поднялось над горизонтом, и стало с усилием пробиваться сквозь дымовую завесу, бросилось в глаза, что людей, которые пережили трагедию, больше, чем казалось поначалу. Они собирались мелкими группами, и бродили по окрестностям в поисках нового пристанища. Иногда Томек притормаживал около таких групп, и агитировал присоединиться к их маленькой колонии.

Вскоре удалось найти передвижную электростанцию. Для перегона к особняку предстояло преодолеть полтора десятка «мёртвых заторов», но ради света стоило попотеть. Здесь же на стройплощадке позаимствовали мощный бульдозер, чтобы сметать с дороги препятствия, и двинулись в путь.

Через пару часов электростанцию доставили на место. Народа в особняке прибавилось. Поодаль через дорогу доносился надоедливый скрежет лопатами, где два незнакомых парня готовили последнее ложе для хозяйки особняка, чьё завёрнутое в покрывало тело перенесли ближе к яме. Рядом топтался суетливый старичок с бегающими глазками, в котором проскальзывало что-то крысиное, неприятное.

Измученные Томек с Андреем опустились на траву возле особняка. Андрей чувствовал, как ноет натруженное тело, как натужно гудит голова. Он резко потянул стиснутые беспокойным порывом члены, и по телу расплылась сладостная апатия. Андрей так и повалился там, где сидел. Затем безвольно прикрыл ставшие вдруг тяжёлыми веки, и отгородился от всего. Томек ревниво заметил, что новые поселенцы, которые пополнили за время отсутствия маленькую колонию, чересчур по-хозяйски себя здесь чувствуют. Андрей лениво усмехнулся:

- Будь справедлив. Так и быть должно.

Томек не ответил, также расслабленно закрыл глаза, и попробовал отключиться. Со стороны сада послышался робкий птичий пересвист.

- Ты заметил, в городе не слышно было птиц? - взволнованно встрепенулся он.

И правда, со вчерашнего вечера, с того времени, как случилась катастрофа, Андрей не слышал птичьего пения. Тишину нарушали только клаксоны попавших в аварию автомобилей, жуткие кошачьи вопли, да редкий собачий лай, и взрывы. А потом наступила полная тишина. Гнетущая тишина. То, что запели птицы, показалось хорошей приметой. Они замерли, и стали жадно впитывать необыкновенную симфонию птичьих пересвистов, которая удивительным способом перехлёстывалась со сладко-ванильным цветочным ароматом. Но долго наслаждаться птичьим пением не пришлось. Двери дома приоткрылись, и на крыльцо вышла рослая симпатичная брюнетка из числа новых поселенок в плотно обтягивающих бёдра джинсах. Она громко провозгласила:

- *Обяд, хлопцы*⁹!

Землекопы побросали инструменты, и наперегонки ринулись к дому. Томек с Андреем переглянулись, и медленно перевели осовелый взгляд на брюнетку, которая ожидающе взирала на них. Томек оживился, опёрся на локоть, и произнёс:

- Мы в раю?

- Мне кажется, нас туда не приняли, - съязвил Андрей.

⁹ Обяд, хлопцы! (польск) – Обед, ребята!

- Значит, в аду?

Андрей улыбнулся:

- Едва ли.

- В таком случае, где мы? Случайно адресом не ошиблись? Кажется, нас блондинка провожала, а встречает брюнетка.

- Чудеса, да и только, - нарочито пожал плечами Меженков.

- Вот и я говорю. Каким ветром занесло сюда такую красавицу?

- Не знаю. Но мне кажется она нас на обед позвала, - потянул натруженные мышцы Андрей.

- Честно говоря, я проголодался, - подмигнул игриво Томек. - И ты знаешь, с таким прелестным созданием грех не пообедать. Если ещё и кофе в постель...

- Ишь ты, куда тебя понесло, - расплылся в улыбке Андрей. - Может, ещё массаж попросишь сделать?

- Не отказался бы, - усмехнулся Томек.

- А потом в одеялко тебя ещё завернуть, - поддержал шутливый тон Андрей.

- В таком случае, на что мы ждём? - закончил игриво Томек.

Они разговаривали по-русски, но брюнетка поняла смысл сказанного, и остро усмехнулась:

- *А жле не беньдже?*¹⁰

- *Одвротне!*¹¹ - подмигнул брюнетке разохотившийся Томек.

- О! - сунула Томеку под нос фигу брюнетка, резко развернулась, и вернулась в дом.

- Придётся ограничиться обедом, - резюмировал Томек.

Только сейчас они почувствовали, как голодны, покрхтывая от непомерной боли в поясницах поднялись, и, шаркая ногами, направились следом за брюнеткой. В доме, со времени их последнего посещения произошли заметные изменения. Во всяком случае зажжённый свет в прихожей нельзя было не заметить. Все труды по доставке передвижной электростанции оказались напрасными.

- Что за новость? - удивился Томек.

Старичок, который ранее топтался около землекопов, услужливо пояснил, в чём дело. Разочарованный Томек перевёл Андрею:

- Вот что значит спешка. Мы в город на поиски рванули, а здесь на месте нашлась резервная энергоустановка. Так что, жить будем, как

¹⁰ А жле не беньдже? (польск) – А плохо не будет?

¹¹ Одвротне! (польск) – Наоборот!

говаривал мой украинский друг, Гия, «со Светом», - Томек смешно вытянул лицо, и скопировал грузинский акцент: - «Света, захады, панимаешь». Нам здорово повезло с этим особняком.

- Нормальный ход, - рассмеялся Андрей. - Ты не раз здесь раньше бывал, а о таких вещах не подозревал.

- Не люблю я копать в чужом хозяйстве. Но ничего, передвижная электростанция в хозяйстве лишней не будет, - добродушно поёжил плечами Томек и тут же сменил тему: - Нам и с кухарками тоже повезло. Какой божественный аромат!

Он потянул носом в сторону кухни. Ароматные запахи пробудили ощущение волчьего аппетита. В сущности, им больше суток не приходилось есть ничего горячего. Да, и кусок в горло не шёл. Но сейчас психологический барьер удалось успешно преодолеть. На электрической плите, женщины приготовили по-царски щедрое угощение. Проблем с продуктами, пока, не наступило. Томек причмокнул, воздел руки с глазами к потолку, и ринулся к обеденному столу. Но на пути выросла всё та же брюнетка. Она решительно указала на ванную комнату. И снова пришла пора удивляться. Из ванной комнаты, куда направились землекопы, послышался шум текущей воды из крана. Услужливый старичок с бегающими глазками снова прояснил ситуацию. Особняк имел автономный источник водоснабжения, который брал воду из артезианской скважины, пробуренной позади хозяйственного двора. После включения электричества включили также электрический насос. Сам Бог привёл их сюда. И снова Андрею припомнились слова дивного Старика, что Божественный Камень будет хранить его от невзгод. Камень камнем, а пока им действительно повезло.

После сытного обеда, Томек с Андреем вышли на хоздвор, степенно поглаживая сытые, округлившиеся животы. Овчарка нахохлилась в своём уголке, и лишь лениво глянула в их сторону. Томек посвистел, но она разочарованно отвернулась. С глубоким блюдом в руках на хоздворе появилась Изабела. Она остановилась перед овчаркой и жалостливо произнесла:

- *Ниц не йе, бедачек*¹².

Андрей оценивающе глянул на пса. В детстве у него был спаниель, и он неплохо знал его повадки. Но, как поведёт себя овчарка, предсказать не брался. Тем не менее забрал блюдо с густой похлёбкой. Изабела легонько коснулась плеча своего спасителя, и попросила:

¹² Ниц не йе, бедачек(польск)! – Ничего не ест, бедняжка!

- *Уважай на не́го!*

От Томека Андрей узнал, что польское слово «*уважай*» происходит от слова «*увага* – внимание», которое переводится по-русски, как «будь осторожным». Ему стало теплее от заботливого взгляда блондинки. Он благодарно улыбнулся, и мягко ответил:

- Буду уважать.

Уверенно подошёл к овчарке, присел рядом, и поставил перед её носом еду. Та слабо вильнула хвостом, и встала. Теперь Андрей был в пределах досягаемости огромного пса. Но страха не чувствовал. Томек напрягся, достал из-за спины автомат, и остерёг Андрея:

- Отойди от греха подальше.

Бесстрашный собачий укротитель сделал знак ничего не предпринимать. Он начал внимательно следить за реакцией пса, но агрессивности в поведении животного не заметил. Овчарка настороженно подошла к нему, вытянула шею, и обнюхала протянутую руку. Томек затаил дыхание, и взял на прицел животное. Овчарка коротко огрызнулась в его сторону, повернулась к Андрею, и неожиданно лизнула его руку. Томек выругался, и с облегчением опустил дуло автомата. Овчарка снова ощерилась в его сторону, опустила нос, и тщательно обнюхала содержимое блюда. Потом глубоко вздохнула, и захлебываясь, и причмокивая принялась жадно поглощать пищу. Андрей выпрямился, победоносно оглянулся на приятелей, и вскинул над головой кулак. Он обратил внимание, что Изабела, взволнованно прижала к груди руки, и стоит ни жива, ни мертва.

Томек спрятал автомат за спиной, и порадовался за друга:

- Теперь он твой.

Он хотел персонально поздравить его, и сделал шаг навстречу. Пёс моментально преградил дорогу, оскалился, и заставил отступить на безопасное место. Поляк поразился реакции животного, и с удивлением воскликнул:

- *Але ж, ты, псина!*

Всем стало ясно, овчарка признала право на общение с собой только за Андреем. Изабела облегчённо рассмеялась и пронзила своего спасителя благодарным взглядом:

- *Обавяла ще о Анджея*¹³.

Андрей начал потихоньку привыкать к польскому варианту своего имени, и вообще к польскому языку, потому что понял смысл слов

¹³ *Обавяла ще о Анджея!*(польск) – Опасалась за Анджея!

Изабелы. В этот момент она стала намного ближе. Несмотря на трагедию жизнь продолжается. А любовь не спрашивает, когда постучаться в двери. В эмоциональном порыве Андрей шагнул было к Изабеле, но замер, очарованный невероятным сиянием ясных голубых глаз, необыкновенно гармонирующих с короткой стрижкой выкрашенных в блонд волос. Стройная фигурка в плотно облегающих джинсах, и в не по размеру большой мужской рубашке с засученными рукавами невероятно возбуждающе воздействовала на него. Изабела поймала пристальный взгляд спутника, зардела, и не найдя, что сказать, заторопилась в дом.

Овчарка закончила трапезу, и заняла место около Андрея. Она как бы почувствовала эмоциональное состояние нового друга, и ткнулась в ноги лохматой головой. Андрей не знал клички собаки, и спросить не у кого. Он мысленно назвал его: «Корешок. Кореш».

Он потрепал пса за загривок, и передал этим жестом возникшую в сердце теплоту. Овчарка снова благодарно лизнула руку. Томек прервал сентиментальный транс приятеля, и напомнил о будничном:

- У нас много работы.

Пока перегоняли к особняку электростанцию, по дороге присмотрели бесхозный рефрижератор. С учётом того, что колония может разрастись, огромный морозильник для хранения скоропортящихся продуктов, конечно же не помешает.

Долго думали, как вытаскивать его из кустов, куда он влетел, как видно, на полном ходу. Рефрижератор завяз колёсами в мягком грунте обочины. Они сделали под колёсами подкоп, набросали туда камней, отцепили морозильник от тягача, и по отдельности выдернули на дорогу. Несмотря на применение «бесхозной» подручной техники, на отсутствие которой нельзя пожаловаться, время пролетело до позднего вечера. Когда рефрижератор припарковали под изгородью, особняк спал, и только в одном окне ещё виднелся слабый мерцающий свет. Брюнетка подогревала для них поздний ужин.

Наскоро перекусили, и Томек отправился на поиски ночной плацкарты. Андрей нашёл в себе силы, чтобы выйти во двор. Пёс принял его, как старого знакомого. С лёгким повизгиванием он облизал ему руки. Как важно, чтобы такие бесхитростные души, которые потеряли в этой беде близких, нашли свою опору в новой среде, поняли, и приняли новую реальность. Важно, чтобы они настроились на вибрации новой эмоциональной связи, которая возникла по воле судьбы. Кореш вошёл в жизнь Андрея, чтобы заполнить её уверенностью в завтрашнем дне.

После недолгого общения с псом Андрей вернулся в дом, который был уже погружён в полную темноту. Измученный Томек успел заснуть. Спала и брюнетка. В поисках свободного места Андрей вслепую потыкался из двери в дверь, но не сумел отыскать свободной постели. Чья-то фигура, он сразу же догадался чья, на мгновенье прильнула к нему, и тут же отпрянула. Тут же он почувствовал протянутую руку, и с затаённым дыханием ухватил её. Ведомый хозяйкой этой руки, он двинулся в смутном предчувствии чего-то важного. Изабела, а это была она, в молчании подвела его к застеленному на полу матрацу, и бесшумно растаяла в темноте, оставив после себя сладковатый запах тёплого, желанного тела, и лёгкого разочарования. Через секунду мягко скрипнули пружины в соседней комнате. Она легла к маленькому сыну. Что ж, это нормально. Бесплезно протестовать. У Андрея сладко защемило сердце в предчувствии чего-то большого и светлого, так неожиданно встретившегося ему на жизненном пути именно в столь сложный момент.

ШЕСТАЯ ГЛАВА

Город охватило багровое зарево пожаров, и время от времени слышались гулкие хлопки взрывов. Всю ночь просидели на скамейках школьного дворика те, кого пощадила десница Божья. Не хотелось им возвращаться в замкнутые пространства собственных квартир. С нескрываемым страхом ожидали прихода чего-то значительного, возможно ещё более страшного, чем уже пережитое. При этом они пытались в оцепенении осознать страшный смысл ужасной катастрофы, хотя подспудно не соглашались с тем, что она не имеет обратного хода. Трудно им было принять, что рассвет не поставит на ноги близких людей, которых трагедия забрала по другую сторону черты.

С соседней улицы донёсся надрывный женский зов:

- Люська, киска моя, где ты? Люська, Люська, кыс-кыс-кыс...

Всю ночь несчастная женщина безуспешно зазывала свою Люську. Ей вяло сочувствовали. Вовсе не из-за кошки. Только сумасшедшая могла из-за кошки переживать, когда такое с массой народа случилось.

Пророческий запал Леонида вскоре закончился. Добровольные спасатели вернулись во двор школы, чтобы вместе со всеми дожидаться утра. Виктор подумал, что им до зарезу нужен человек, способный повести за собой потерянных людей. Но, где взять такого? Последствия

катаклизма оказало на всех давление. Только всё равно придётся на кого-то поставить. Как можно скорее нужно убедить эту, пока ещё разрозненную толпу, оказать поддержку этому человеку, а если надо, заставить их силой уважать его. Дисциплина сейчас важна, как никогда.

Виктор мысленно перебрал присутствующих мужиков, (баб он изначально не брал в расчёт), и взгляд его остановился на парне в спортивном костюме, который выделялся среди всех прочих и ростом, и выправкой. Парень молчаливо прислонился к стене, и невидящим взором сверлил пространство перед собой. Но согласно критериям Виктора красноречие не являлось главным в этом деле. Главное, парень на «жлоба» не похож.

Он подошёл к нему, разговорились. Интуиция не подвела. Алексей Баринев оказался офицером запаса, ветераном чеченской войны. Он признался о ранении, которое он получил на войне. Иногда оно напоминало о себе, вонзаясь тупым наконечником боли под правую лопатку. У Виктора мелькнула неожиданная мысль. Не сможет ли Леонид помочь Алексею, если он действительно имеет ту магическую мощь, которая подняла на ноги его, Виктора?

Леонид жалостливо поморщился, и признался, что сильно истощён. Но когда узнал, что задумал Виктор, вдруг согласился. Он подошёл к берёзе, и всем телом прижался к стволу. Через несколько минут вернулся, и принялся невозмутимо «колдовать». Люди молча наблюдали за плавными пассажами местного «чародея», кто серьёзно, кто безразлично, а кто и с подспудной усмешкой. Многие знали Леонида, кого-то он успел поднять на ноги сегодняшней ночью, а кто-то слышал о нём раньше. Были и такие, кто не был с ним знаком. Но манипуляции этого человека, открытием не являлись. На тему лечения при помощи биоэнергии народ нынче информированный – и пресса, и радио, и телевидение постарались. К месту необычного зрелища подтянулись любопытные.

- Что, в самом деле, не в цирке же, - неуютно ёжился Алексей.

Леонида присутствие зрителей не смущало. Он спокойно продолжал лечебные «чары». После окончания сеанса Алексей встал, помялся на месте, пару раз низко наклонился, и озадаченно сообщил, что совсем не чувствует боли.

Около Леонида сразу выстроилась очередь. Желавших поддаться лечению оказалось хоть отбавляй. Среди людей возникли разговоры на тему чудесных исцелений, и знаменитых целителей. Так, под

ненавязчивые ритмы «магического» представления, незаметно наступил рассвет.

Виктор обсуждал с Алексеем план дальнейших действий. Он понимал к чему приведёт промедление. Ждать у моря погоды нельзя, потому что со светом толпа рассосётся по микрорайону, и потом ищисвищи, день пройдёт вхолостую. Первоочередную задачу определили без прений. Во избежание ухудшения санитарной обстановки в микрорайоне, решили всех покойников предать земле. Они понимали, чем раньше удастся это сделать, тем лучше.

Из-за угла ближайшего дома появился маленький кривоногий мужичок в тубетейке, который деловито толкал перед собой тяжелогружённую тачку. Он будто не замечал скопления людей около школы. Одна из женщин узнала его, и прокричала:

- Откуда дровишки, Ахмед-абы?

Мужичок засуетился, с удвоенной энергией налёг на тачку, и постарался, как можно скорее проскочить мимо. Кто-то заулюлюкал вслед. Кто-то злобно пошутил:

- Беги, абы, сериал кончится.

Мужичок остановился, потоптался на месте с недовольной миной, и ответил с сильным татарским акцентом, который выдал в нём недавнего сельского жителя:

- Там, *бит*, - махнул он рукой в сторону, откуда появился. - *Бит*, магазина открытый, а *продавеслар*¹⁴ мёртвый. Все люди мёртвый. Добро пропадай.

Слова мужичка прозвучали сигналом. Народ сразу же засуетился, забегал, собрал свой нехитрый скарб, и шустро кинулся к ближайшим магазинам.

- Куда они? - оторопел Виктор.

Алексей с досадой прикрикнул вслед толпе:

- Отставить! Никуда не денутся магазины.

То был «глас вопиющего в пустыне». Как не воспользоваться случаем, когда магазины бесхозные, продавцов нет, милиции тоже?

- Их не удержишь теперь, - с горечью посетовал Леонид.

Виктор недовольно пробурчал:

- Сами виноваты. Нечего было света ждать. Нужно было сразу людям объяснить, что по чём. Теперь много не наработаем.

¹⁴ Продавеслар (татарск.) - продавцы

- Негусто нас осталось, - заметил шустрый черноглазый паренёк, который всё время крутился поблизости. - Но лично я с вами до конца буду держаться. Не подведу.

Кроме черноглазого на школьном дворике оставалось ещё пара десятков взрослых, и столько же малышей.

- Вот, люди, - с негодованием процедил Алексей, и потряс кулаками в сторону покинувших садик, - им только даром хапнуть. Даже не представляют, что такое мёртвый город. Через день здесь дышать нечем будет, покойники разлагаться начнут, дым от пожаров застелет окрестности. Ни света не станет, ни воды, ни газа. Только крысы наружу вылезут, да бездомные собаки. Если сейчас же пахать не начнём, через неделю придётся бежать отсюда, куда подальше без оглядки.

- Короче, командир, - бесцеремонно прервал бывшего офицера черноглазый, - нечего рассусоливать. Лопаты найти надо, и вперёд...

- Лопатами много не накопаешь, - степенно возразил Виктор. - На соседней стройке экскаватор возьмём.

- Сначала надо детей пристроить, - энергично вклинилась между мужчинами женщина в зелёной ветровке, в которой Виктор узнал директора местной школы Валентину Георгиевну.

Малыши нахохлились под стеной, и беспомощно взирали на взрослых. Директор школы права, беспризорными их оставлять нельзя. Но каждая пара рабочих рук теперь очень важна. Алексей поручил девчонкам постарше присмотреть за младшими, а мальчишек отправил в магазины за едой.

Взрослые приступили к работе. Экскаватором выкопали яму. Сначала укладывали тех, кого смерть настигла на улице, в сквериках, в автомобилях, потом пошли по домам. Чем больше покойников отправляли в общую могилу, тем больше входили в рабочий ритм, и успокаивались. На них нашло какое-то оупение. Перестала трогать гора мёртвых тел, которая выростала во дворе. С этим просто смирились. Не чувствуя усталости, покорно собирали страшный урожай, посеянный смертью. «Отщепенцы», которые покинули их ради лёгкого самообогащения, смотрели с удивлением. Они не прочувствовав всей опасности, которая нависла над городом, и поражались самоотверженности добровольцев.

Экскаватор глубже и глубже вгрызался в землю, чтобы приготовить места для десятков тысяч погибших. Занялись «очисткой» домов. Ломиками Виктор с Алексеем выламывали одну дверь за другой. Леонид проверял тела хозяев квартиры, не осталось ли в них хоть на чуточку

жизни. И только после этого, носилками, которые позаимствовали с машин «Скорой помощи», покойников выносили к месту будущего захоронения.

Не всё в этой добровольной работе проходило просто и гладко. В некоторые квартиры войти не удавалось из-за переживших хозяев собак. Усмирять животных не было времени. Такие квартиры помечали в специальной тетради, и оставляли на потом, когда захоронят основную массу погибших.

В этой страшной работе случались также неожиданности. Одна из них произошла ближе к полудню. Виктор примеривался ломиком, чтобы вывалить очередную дверь, когда из соседней квартиры выглянуло страшно худящее, с синюшными подтёками под глазами существо в обвислом трико, и до неприличия грязной майке. Существо тряслось словно в лихорадке, в глазах сквозила пустота, и отрешённость. Оно осовело окинуло незрячим взором незнакомцев с ломami, и хрипло провозгласило:

- Чо за муйня, в натуре? Вы чо, совсем оборзели!.. Отмычки дома забыли?

Алексей удивлённо покачал головой:

- Да ты никак жив, братан?

Существо кинуло на Алексея тяжёлый взгляд, и выпалило:

- А то, бля буду, не видать?

Затем повернулось к Виктору, и поучительно добавило:

- К этим не ломись, их на прошлой неделе «причесали» уже.

Судя по всему, это явление ни о чём не догадывалось.

Попытка объяснить не помогла. Существо лишь досадливо отмахнулось:

- Кончай бля заморочки. Чо, в натуре, за базар? Глюки мучают?

Виктор укоризненно произнёс:

- Какие глюки, проснись.

- Не гони, не гони, отец, - мрачно скривилось существо, и пожаловалось, - ломает меня, пацаны... бля буду. Ханки бы щепотку...

Виктор с Алексеем понимающе переглянулись. Бесполезно разговаривать с продуктом параллельной реальности, которого интересует лишь «наркота». Всяческий дальнейший «базар» ни для них, ни для существа не имел смысла. Катастрофа, не катастрофа для него, гори оно ясным огнём. Существо захлопнуло дверь, и Алексей сделал соответствующую пометку в тетради. Такую же пометку сделал в своём

сердце Виктор. Ему и раньше приходилось видеть наркоманов, всё-таки не с Луны свалился, но только сейчас его потрясла степень деградации этих типов.

Однако, жизнь на этом не кончалась, и хотя усталость брала своё, они продолжали работать через «не могу». Конечно, добровольцев оказалось немного, но совместный труд сразу сблизил их.

Поначалу они надеялись быстро освободить квартиры от покойников. Но время перевалило за обед, а даже двух многоэтажек не удалось очистить. Появился виновник утреннего переполоха Ахмед-абы. Он подставил тачку к подъезду, деловито потоптался возле вышедших на перекур добровольцев, и одобрительно сказал:

- *Бик якши*¹⁵! Аллах вам в *помош*.

- Спасибо, абы, - поблагодарил за всех черноглазый.

Мёртвый-лар нужнэ-э, - протяжно произнёс старик, многократно кивая, - *шибко харанит бит*.

Для ускорения работы он предложил складывать покойников на тачку. За пару минут общения с ним добровольцы поняли, что тот, кого они единогласно осуждали, считали отщепенцем и подстрекателем, оказался иным. Осуждать его за то, что происходил он из другого племени, чем они, племени хозяйственников-индивидуалистов, неправильно. Старик по-своему оценил возникшую ситуацию, и постарался извлечь из неё выгоду. Однако, когда набрал ровно столько, сколько могло в ближайшее время понадобится, обратил внимание на нужды других. И то, что сделал это быстрее остальных «мародёров», обуянных животной жадностью, изменило первоначальное впечатление о нём. Виктор внимательно присматривался к жилистому кривоногому мужичку, который как трактор двигал тяжеленную тачку со страшным грузом, и всё больше проникался к нему симпатией.

Незаметно подкрались сумерки, и внесли свои коррективы. Работу продолжили при свете электрических фонариков. Но никому не пришло в голову жаловаться на это. Одержимые идеей добровольцы продолжали своё благородное дело, хотя производительность заметно снизилась. Все понимали, нужно как можно больше покойников успеть похоронить, пока разложение не коснулось тел.

Добровольцы приняли высокий темп работы, и сумели притупить в себе странное ощущение покинутости, которое обычно возникает при потере самых дорогих людей. Так было и у Виктора. Он работал с

¹⁵ Бик якши! (татарск.) – Очень хорошо!

остервенением, и напрочь забыл об Оксане. Лишь когда товарищи по беде объявили перерыв до утра, он вдруг осознал, что любимая Оксана больше не встретит его на пороге, никогда не прижмётся к нему, не вздохнет буйные вихры. Скупые слёзы окропили небритые щёки. И он не одинок был в этом. Не сговариваясь, добровольцы направились к школе, где в кроватках уже спали детишки, которые оказались под опекой добровольцев. Сюда же подтягивались некоторые из «отщепенцев».

Виктор устроился на брошенный на пол матрас, но сон не приходил. Тоска, которая терпеливо ждала своего часа, цепко оседлала каждого. Несмотря на нечеловеческую усталость, никто не мог глаз сомкнуть. Каждый сегодня потерял кого-то, каждый чувствовал себя осиротевшим. И тогда они потянулись друг к другу. Люди прижимались телами, головами, сцепляли руки, и в едином порыве сумели победить в себе отчаянье. Некоторое время спустя, лагерь крепко спал, оставив тоску в одиночестве поджидать, как минимум, до утра.

СЕДЬМАЯ ГЛАВА

Под утро у Милки разболелась голова. Обеспокоенный Игорёк снова обратился за помощью к Рогожину. Тот покопался в своих вещах, достал ампулку с одноразовым шприцем, и ватные тампончики с бутылочкой спирта.

- Я терапевт, - пояснил он удивлённому юноше.

Рогожин осмотрел девочку, и пощупал пульс. Затем внимательно заглянул в глаза, и невозмутимо поставил диагноз:

- На нервной почве. Из-за переживаний. Ничего, дам успокоительное, выспишься, и всё как рукой снимет.

После укола Милка сделалась вялой, красноватые веки потяжелели, и сомкнулись. Рогожин с Игорьком оставили девочку отсыпаться, и вышли на улицу. В кладовке нашли лопаты, под развесистым каштаном сделали разметку, и принялись копать могилы.

Рогожин копал размашисто, мощно, иногда распрямлялся, и нервно затягивался сигаретами. Игорёк взялся за работу рьяно, с запалом, старался не отставать от старшего товарища. После первых минут работы, руки с непривычки загорелись, и покрылись волдырями. Но он продолжал упрямо углубляться в каменистую землю, постанывал, но старался не показывать боли. Рогожин оценивающе поглядывал на отчаянные

попытка паренька перебороть боль, но ничего не говорил. Со стороны создавалось впечатление, что каждый работает сам по себе, и сам за себя. У Бориса Львовича работа шла споро, яма получалась ровной и глубокой. Игорёк заметно отставал. Когда головы Рогожина не стало видно, измученный Игорёк едва углубился до пояса.

- Может, хватит? - с сомнением выдавил из себя подросток.

- Сам ведь знаешь, что мало, - слышался из соседней ямы голос старшего товарища.

- Устал, как собака, - в своё оправдание заявил Игорёк.

В горле словно пошкрябали наждачной бумагой. Паренёк в раскорячку выбрался из ямы, и жадно приложился к бутылке минералки. Солнце к этому времени нещадно палило, и внутренности насквозь высушивало. Непривычные к работе мышцы рук и спины невыносимо болели, и отзывались на каждое движение, в голове ритмично пульсировало.

- Не пей много, - посоветовал Рогожин, - Больше выпьешь, больше жажда будет мучить.

- Пить сильно хочется, - пробормотал в своё оправдание Игорёк.

- Терпи, казак, атаманом будешь, - серьёзно заметил Рогожин. - Будь мужиком.

Борис Львович деловито похлопал лопатой по стенкам ямы, и вылез наружу. Игорёк снова взялся за работу, но силы совершенно оставили его. Он отбросил лопату, и осел прямо на землю.

- Не расслабляйся, - снова посоветовал Рогожин. - Расслабишься, тяжело будет к работе возвращаться. От меня помощи не жди. Ты должен это сделать сам.

Игорьку показалось обидным, что такой сильный Рогожин не хочет ему помочь, тем более, могилу для своей жены уже выкопал. Хотя, с другой стороны, кто он им? С какой стати обязан помогать? Игорёк тяжело вздохнул, и обречённо взялся за лопату.

Вскоре появилась полусонная Милка. Она присела около ямы на корточки, и стала с отрешённым видом наблюдать за усилиями брата.

- Если папа не найдётся, - произнесла некоторое время спустя, - как старшему, тебе придётся заменить его. И замуж меня, - она подчеркнула это изысканным тоном, - придётся выдавать именно тебе.

Игорёк поперхнулся, когда услышал Милкины рассуждения. Уж чего-чего, а подобного от сестрёнки не ожидал.

- Ты чего, совсем долбанулась? Сначала доживи... до свадьбы-то... глупая твоя половина, - заметил раздражённо юноша. - Невеста, тоже мне, нашлась.

- Не бойсь, доживу потихонечку... - подтвердила серьёзность своих намерений девочка, и тут же доброжелательно добавила. - С твоей помощью, конечно.

Игорёк только головой покачал. И откуда такие мысли берутся? Тут, не знаешь, что тебя завтра ждёт, а она про замужество рассуждает. Девчонка и есть девчонка. Он энергично всадил лопату в землю, и постарался глубже копнуть. Милка заглянула в яму, и с видом знатока произнесла:

- Ещё на штык углубись, и хорош.

Игорёк с удивлением воззрился на сестрёнку. И откуда слов таких нахваталась? Но вида решил не подавать, и значительным тоном возразил:

- Не-е, мало на штык. Как минимум на метр углубиться надо.

Милка хмыкнула, подобрала лопату, которую бросил Рогожин, и стала с деловым видом выравнивать неровные стенки могилы. Игорёк с благодарностью посмотрел на сестрёнку. Он и узнавал, и не узнавал её. Конечно, подобной ситуации им ещё испытывать не приходилось, но если бы кто раньше предположил, что Милка способна на такое, ни за что бы не поверил. Всегда казалось, что работать она способна только из-под палки.

Рогожин с любопытством наблюдал за юной парочкой с веранды. Он и рад бы помочь им, только мешать не хотел формированию в этих юных душах необходимого для выживания в столь непростое время характера. Его радовало, что ставшие вдруг близкими подростки стараются молодцами держаться, помогают друг другу в приготовлении последнего ложа для матери.

Но печальное печальным, а следует основательно готовиться к предстоящему отъезду. Он оставил подростков наедине, и отправился на разведку. Буйная экзотическая растительность и гористый рельеф местности не дали возможности получить достаточного представления о дороге.

Борис Львович вышел на Курортный проспект, и с первого взгляда оценил, какие неприятности поджидают их в пути. На многих участках дороги шоссе беспорядочно перегораживают замершие автомобили. Рогожин прошёл дальше, но везде картина оказалась примерно одинаковой. Будто на кладбище автомобильной техники побывал. Кое-где

узкая шоссейка оказалась напрочь забаррикадированной сцепкой из автомобилей. Ни проезда, ни объезда. Рогожин с грустью взирал на неприглядную картину, и представлял, как им, нагруженным тяжеленной поклажей, придётся переходы на большие расстояния делать. Путь предстоит до крайности тяжеленный. Ещё неизвестно, как выглядит дорога к северу от Сочи, но, скорее всего, мало чем отличается от увиденной. Самым подходящим транспортом могли бы стать кони. Но нетрудно представить себе, как будет выглядеть такое путешествие без достаточной практики. От заднего места отбивная останется. Рогожин представил возможные последствия конного путешествия, и от первоначального плана пробиваться на автомобилях решил не отказываться.

На обратной дороге он заметил на парапете, который обрамлял придорожный склон, краснощёкого парня, уныло взирающего на дорогу. Судя по унылому виду, его интересовало то же самое, что и Рогожина. Борис Львович поздоровался:

- Добрый день!

- Если такой день можно добрым назвать, - неприветливо буркнул краснощёкий, и соскочил на тротуар.

- Вижу, не из местных, - прозорливо заметил Рогожин. - Случайно, не в дорогу собрался?

Парень в сердцах отмахнулся, но тут же согласился:

- Не оставаться же здесь навечно. Надо домой возвращаться.

- Может, вместе поедем?

- Почему, нет? - изменился в лице краснощёкий. - Хорош, здешнего отдыха. Откуда будешь?

- Из Саратова.

- Я из Подмосковья... Стас, - представился парень.

- Борис Львович, - охотно пожал протянутую руку Рогожин.

- Жаль, не по пути нам.

- Почему не по пути? - возразил Рогожин. - Отсюда один путь. На север. До развилки километров пятьсот вместе ехать, не меньше. Лучше, чем одному-то. А потом, и так полегше будет.

- А я не один, - признался краснощёкий. - Найдётся ещё кой-какой народец. Если что, давай к нам в «Жемчужину».¹⁶

- Вот это дело, - обрадовался саратовец. - Идём, что ли.

¹⁶ «Жемчужина» - один из самых престижных и комфортабельных отелей города Сочи.

По усеянной покойниками дороге дошли до высотного здания гостиницы. В открытом бассейне собрался целый табор курортников, и местных. Незаметно, чтобы эти люди находились в трауре. Кто-то травил анекдоты, кто-то произносил заздравный тост, а кто-то энергично наяривал на гитаре. Не всех катастрофа травмировала психически. Хотя, и здесь немало людей с потухшими взглядами.

Рогожин представился, и спросил у курортников:

- Небось, до потери пульса уже отдохнули? Нет желания по домам разъехаться?

- А чего ждать? - с энтузиазмом откликнулись желающие. - Мало-помалу двигаться надо.

- Совсем пусто будет, - сокрушённо покачала головой крупная, густо намалёванная блондинка из местных. - Совсем пусто, - с разочарованием повторила она, и просверлила бесстыжими глазами Рогожина. - Куда теперь-то? Может, кто меня с собой заберёт?

- А поехали с нами, Люси, - усмехнулся молодой симпатичный парень с фигурой гимнаста.

- Куда ж я поеду с тобой, родной мой? - лукаво сверкнула глазами блондинка. - Ты с первой молодухой упорхнёшь, что мне тогда там, на чужбине? Лапу сосать прикажешь? Здесь хотя бы дом мой, родители похоронены. Как-нибудь перебьюсь. Вот если б ты, сокол мой ясный, - снова обратила она похотливый взгляд на Рогожина, - взял меня с собой, поехала бы без размышлений. Такие, как ты, не бросают.

- Жену я сегодня хороню, - нахмурился Рогожин.

- Тогда прости, золотой, - мягко извинилась женщина, но не отвела глаз, - соболезную.

Близ Рогожина сгрудилось несколько человек, готовых хоть сейчас покинуть морское побережье. Борис Львович остудил горячие головы объяснением, каким трудным предполагается путь. Он посоветовал основательно подготовиться к дороге, и предложил отправляться с рассветом.

Рогожин вернулся к подросткам. И вот пришло время проститься с женой, отрезать от сердца то, что казалось неразделимым. Похороны получились скупыми. Они опустили в могилы тела покойниц, завёрнутые в покрывала. Некоторое время сидели в молчании. Каждый по-своему переживал расставание. Для Рогожина прощание с Аллой Владимировной было началом конца, когда жизнь без любимого человека переставала иметь всякое значение, когда пустота заполняла собой то, что некогда

было опоркой. Милка с Игорьком слезами смывали безвозвратность потери. Они осознавали, что с этой минуты получают путёвку в самостоятельную жизнь, где придётся обходиться без привычной поддержки, и надеяться только на себя самих.

Всё так же, молча, Рогожин встал, осенил могилу собранными в горсть пальцами крестом, и принялся энергично, по-злому, закапывать её. Глотая слёзы, подростки принялись неуклюже сбрасывать землю в могилу матери. Как всё-таки тяжело расставаться с самым близким для тебя человеком. Им выпало предать земле безвременно ушедшую из жизни маму. И не где-нибудь, а на чужбине. За сотни километров от своей родины, от своего дома. Хотя в такой момент, место значения не имело. Значение имел сам факт. Они навсегда прощались с самым дорогим человеком. Подростки понимали, что больше никогда её не увидят, не услышат, не обнимут, и не дождутся тёплых материнских слов.

Могилы получились не-ахти какими. Кресты, которые Рогожин наскоро сколотил из кусков штакетника, получились примитивными. Но других не было. И резонно полагать, важна не форма, а суть. Главное, покойницы нашли своё последнее пристанище в земле, и отпеты, пусть не в церкви, но в сердце. Так что души драгоценнейших созданий не будут маяться. Ритуальные таблички из дощечек прибили к крестам. Другие несчастные не могут и на часть этого рассчитывать, даже хотя бы погребёнными в земле быть. Местным жителям, которые пережили катаклизм, до приезжих дела не было, а приезжие были только своими близкими заинтересованы. И потому множество покойников из числа приезжих оставались там лежать, где их настигла смерть.

Рогожин поправил лопатой холмики, и молча попрощался с почившими. Потом перекрестился, и пошёл прочь. Шёл он размеренно, и не оборачивался назад. Игорёк с Милкой смиренно поплелись следом. Рогожин привёл их на Курортный проспект. Без раздумий стащил с сиденья обшарпанного «Жигулёнка» окостеневшее тело водителя, и указал Игорьку на его место. Игорёк растерянно застыл.

- Если будешь распускать нюни перед мертвецами, можешь сразу топиться, - предельно жёстко заявил Рогожин. - В дороге не один, и не два раза придётся проделывать это. Иначе никогда до дома не доберёшься.

Игорёк покривился от неприятного сладковатого запаха, за сутки пропитавшего салон, с трудом преодолел нахлынувшую брезгливость, и втиснулся на водительское место. Рогожин занял место рядом. Он принялся инструктировать парня, как запустить двигатель, как

переключать коробку скоростей, и как управлять автомобилем. Игорьку всегда казалось, что это у него получится легко и просто, но автомобиль оказался капризней, чем ему представлялось. Сначала двигатель ни в какую запускаться не хотел, фыркал, чихал, глох, снова фыркал. Затем запустился, подёргался, подобно рвущемуся на скачки разгорячённому коню, и заглох. Снова он чихал, глох, и всё начиналось сначала.

Рогожин оказался терпеливым учителем. Он заставлял подростка заводить двигатель до тех пор, пока тот не научился заводить его с пол-оборота, и плавно трогаться с места. Дальше – легче. Рогожин научил Игорька правильной посадке за рулём, плавному переключению коробки скоростей, торможению. Потом ездили по кругу, и Борис Львович талдычил юноше азы водительского мастерства, применение заднего хода, и различных методов парковки. Постепенно Игорёк стал чувствовать себя за рулём намного увереннее, хотя, Рогожин по-прежнему критически относился к его водительскому умению.

Несколько прохожих, порядочно накаченных пивом, проявили интерес к водительским канделябрам Игорька. Они уселись на гранитном парапете, и лениво потягивали пиво из горла. Время от времени они незло подтрунивали над подростком.

Наконец, Рогожин потушил очередную сигарету, и с удовлетворением произнёс:

- На первый раз достаточно. Остальному в пути научишься. Теперь быстренько на море. В последний раз искупаемся, и отдыхать. Отправляемся с рассветом.

ВОСЬМАЯ ГЛАВА

Ранним утром Андрея снова растолкал Томек. Андрей спросонья пробормотал:

- Только не говори, что хозяев украли.

- Нет, другое.

Андрей продрал глаза, едва глянул на озабоченное лицо друга, и сна, как не бывало. Лицо Томека белое, как простыня, под глазами фиолетовыми мазками набухли болезненные подтёки, и пальцы рук мелко дрожат. На цыпочках, чтобы никого не разбудить, вышли во двор.

- Что с тобой? - с тревогой спросил Андрей.

- Не по себе мне что-то, душа разрывается.

- Вчера вроде бы в порядке был.

- То правда. Вчера был в порядке. Но ночью... Только не смейся, пожалуйста. Не подумай чего там... Ночью Моника моя приходила. Укоряла, что *не поховал*, не похоронил её, значит... Грех так оставлять. Нужно земле тело предать. Поможешь?

Андрей кивнул в знак согласия. Ему ли не понимать, что значит терять близких. Ведь у него самого... Нельзя исключить, что их тела... Андрея затошнило от представленной картины. Нет, лучше об этом не думать. В какой-то степени Томеку легче. Пусть страшная, но определённая. У него же даже возможности узнать о судьбе родных нет. Хотя с другой стороны, отсутствие известий всегда оставляет какую-то надежду. Только это мучительно. Наподобие русской рулетки. С одним лишь отличием. В русской рулетке пуля в одном из шести гнёзд. Здесь же лишь одно пустое гнездо из шести. Кто был в таком положении, тот знает.

На крыльце появилась Изабела. Она сладко потянулась, одарила друзей очаровательной улыбкой, и продекламировала:

- Кто рано *встае*, *тому Пан Буг дае*¹⁷!

- *Ешче як дае*¹⁸, - подтвердил Томек, и стукнул кулаком в ладонь, переиначивая смысл поговорки.

- *Чешчь*, Иза, - старательно произнёс польское приветствие Андрей. - Мы в Варшаву едем. Жену Томека хоронить.

Изабела напряглась.

- Моя мама *теж не похована*¹⁹, - скороговоркой произнесла она.

Вроде, и не сказали больше ни слова, но весть о похоронах моментально разлетелась по округе. Народ засобирались. Почти у каждого было кого предавать земле. Люди объединялись в группы по месту прежнего жительства. Изабела оставила Кшися на попечение пани Ванды, у которой не было близких родственников в Варшаве.

За столь короткое время центр города изменился до неузнаваемости. То, что не удалось разрушить катастрофе, доканчивали вандалы. Стекло крошево устилало тротуары, и то, что некогда являлось проезжей частью дороги. Пустотой зияли витрины магазинов, автомобильные окна, и оконные рамы многих домов. Особенно пострадал некогда блистательный «МакДоналдс». Томек быстро отыскал свой разбитый автомобиль. Андрей помог ему извлечь из автомобиля останки его жены Моника. Они завернули тело в покрывало, и перенесли в

¹⁷ «...встае, тому Пан Буг дае» (польск) – «...встаёт, тому Господь Бог даёт»

¹⁸ «Ешче як дае» (польск) – «Ещё как даёт»

¹⁹ «...теж не похована» (польск) – «...тоже не похоронена»

Саксонский сад. Здесь под развесистым каштаном выкопали могилу, и погребли останки.

Потом прошли к дому Изабелы. Вопреки прошлым опасениям Андрея, дом оказался целым и невредимым. Поднялись наверх. Изабела не смогла себя пересилить, и переступить порога квартиры. Внутри вошли Томек с Андреем. Останки мамы Изабелы завернули в одеяло, затем также перенесли в парк, и похоронили рядом с женой Томека. Место захоронения поместили гранитными плитами, которые наковыряли из стен тяжеловесного здания. На плитах Томек нацарапал имена покойных, и посмертные даты.

Траурная церемония привлекла внимание людей, которые разбили бивак в Саксонском саду. Они вполголоса поговорили с напарниками Андрея. «Саксонцам» опостылела «городская жизнь», и они выразили желание присоединиться к поселенцам.

Новичков в посёлок привезли также другие поселенцы. Значительно возросшее население принялось осваивать соседние дома. Останки владельцев соседних поместий, и пассажиров автомобилей, которые уткнулись в окрестностях посёлка, погребли в братской могиле. Руководство организационными делами в посёлке взялся старичок с бегающими глазками, тот самый, что не вызывал у Андрея доверия. Может, потому и не вызывал доверия, что старик этот ничего не делал, а только крутился возле работников, и давал несущественные советы. Но как только требовалась физическая помощь, под любым предлогом испарялся. Поселенцы с его хитростью мирились. И всё потому, что был он в курсе того, что делалось в разных концах селения. С чьей-то лёгкой руки старика прозвали «локальным радио».

В новом мире изменилась система ценностей. Деньги обесценились. Да в них вовсе отпала необходимость. Теперь никого не удивит, если кто-то будет деньгами костёр разжигать, или печку топить. В опустевшем мире бумаги хватает. Возможности натурального обмена при относительном изобилии также оказались ограничены. По крайней мере, пока это изобилие не истощится. Первоочередной задачей поселенцев стало создание энергетической базы, и подготовка хранилища для продуктов. Собственно, этим занималось большинство жителей новорождённой колонии. Кто-то доставил в посёлок «эрку», автомобиль с реанимационной аппаратурой. Кто-то пригнал автоцистерну с горючим. С оптовой базы привезли дополнительное энергооборудование.

Андрея удивляло, как быстро без планов, митингов и призывов удалось создать единый работающий организм, который функционировал без проволочек и эксцессов. Каждый сам определял, что делать, и кроме старика-локального радио не было таких, кто несерьёзно относился к добровольно взятым на себя обязанностям. Однако... Радоваться было слишком рано. После возвращения из очередного вояжа, от всезнающего старичка узнали, что какой-то псих застрелил в городе поселенца. В Варшаве частенько слышались выстрелы. Но до сих пор беспредел обходил посёлок стороной. Теперь стало ясно, под прицелом маньяка может каждый оказаться. Бандитов и сумасшедших хватает.

Вечерело. Друзья прошли в дом. Черноволосая красавица Агнешка, покрасневшая от кухонного жара, шустро подала типично польское блюдо, журек – суп на мучной закваске. На второе была свиная отбивная с картофелем, поджаренным до румяной корочки, и свекольный салат. Андрей наворачивал за обе щеки, и не сразу заметил, как брюнетка стреляет глазами в сторону Томека. Неожиданно он поймал лукавый взгляд приятеля, который исподтишка подмигивал брюнетке. С удивлением он открыл, что проморгал чего-то важное. Только когда? Вот так дела! Что-то наподобие ревности мелькнуло у Андрея. Как мог Томек ни сказать, ни намекнуть хотя бы? А, впрочем, не отец-же он ему. Надо будет, скажет.

После ужина Андрей пошёл с этими мыслями к четвероногому Корешу. Овчарка встретила его радостным повизгиванием, и обезоружила своей доверчивостью. Тёплый вечер, который насытил окрестности размеренным спокойствием, и проявление собачьей верности, расположили к сентиментальности. Андрей не удержался, и вполголоса затянул ностальгическое «Из-за острова на стрежень». С удивлением он ощутил, каким глубоким стал голос, как вибрировал он, и бархатисто разливался в вечернем небе. Никогда прежде не замечал он за собой такого полёта. Может, ностальгия так подействовала, или тоска по детям? А может что-то иное? И он отдался на волю голоса. Жизнь перестала иметь всякое значение. Жизнью стал голос, который рвался в высоту, его вибрация и глубина, его соприкосновение с окружающим пространством. Этот голос стал одновременно и Временем, и Бытием.

Кореш повизгивал, и бесплодно пытался привлечь к себе внимание. Андрей пел, и одновременно летал. Он летал над суровой действительностью, над миром, который поставил на грань выживания само человечество. Его душа обрела крылья, и вознеслась...

По дороге протарахтел трактор, и вернул его на землю. Он смущенно огляделся по сторонам, не подслушивал ли кто? Но никого поблизости не заметил. Тогда он приласкал довольного Кореша, и решил больше не задерживаться здесь. Пора отправляться на поиск детей. В конце концов, жизнь в посёлке налаживалась, и уже нет нужды в его обязательном присутствии. А Изабела... Она среди своих. Не пропадёт.

Стоп! Как же с любовью быть? Но почему сразу любовь? Не самообман ли это? Что их с Изабелой объединяет? Ну, привёл он её в чувство, и что? Что дальше-то? Несколько взглядов, прикосновений и слов? Всё это так, но... Может, это только иллюзия, которая развеется при первом же порыве ветра? Пусть в своих чувствах он уверен, но для неё это может сиюминутным влечением быть, непонятым женским капризом. Он ничего не знает о прежней жизни Изабелы. Так же, как и она о нём не знает ничего. Где гарантии, что узнав друг друга получше, их чувства не остынут? А если появится тот, кто будет ближе ей и по возрасту, и по духу, и, если уж быть честным, решительнее? Решительность тоже имеет значение. Вроде бы время такое, что ничего не мешает объясниться с ней. Но разница в возрасте... Всё могло проще быть, если бы разница в возрасте не была так значительной. Это как молот. В старости шестнадцать лет без разницы. А в их возрасте? Много это, или мало? Пусть сороковника ему никто не даст, но Изабела по-настоящему молода. И потом, разве не может вдруг оказаться, что и вкусы у них разные. Что тогда? Да-да, это важно. Ведь, не было времени на выяснение своих пристрастий. Даже различие в мировоззрении, которое формировалось разными поколениями, различными идеологиями и национальными культурами, разделить их может. В таких делах любая мелочь важна. К тому же... Может ли он рассчитывать на близкие отношения с кем-либо, ничего не предприняв для поиска детей? Сможет ли он налаживать свою жизнь, когда нет вестей о судьбе семьи. Хотя, если честно сказать: всё, что он тут нагородил, всего лишь попытка самооправдания. Ох, как она отравляет существование.

Чтобы преодолеть этот барьер, нужно себя менять. Весь мир изменился. Сам взгляд на общепринятые вещи изменился. Всеобщее мировоззрение заново формирует факт всемирной катастрофы. Судьба поставила всех, от ребенка до старца, на одну доску. Каждый оказался в странной, даже страшной ситуации, каждый потерял близких людей. Каждый в эти дни оказался перед ответственностью выбора: выжить любой ценой, или не дать погибнуть человечности в себе. Правда, возможен и третий путь. Путь равнодушия. Таких он встречал в Варшаве.

Им всё равно что человечество ожидает через год, тем более всё равно, что будет через пять-десять лет. Сегодня они берут в любом доме, и в любом магазине (всё-таки прав был Томек!) всё, что душа пожелает. Зачем напрягаться, хлопотать, когда всё необходимое лежит на поверхности? Катастрофа всех расставила по своим местам. Андрей в этой ситуации выбрал действие. Вернее, он выбрал противодействие разрушению, разрушению норм человеческой морали, разрушению разума, разрушению чувств и эмоций. Он выбрал путь, который позволит людям снова почувствовать себя людьми. При этом, в своей собственной любви оказался на распутье.

От философских размышлений отвлекло мычание. Пожилой мужик, из новых, гнал двух упитанных тёлочек, белых, с крупными палевыми пятнами на боках и на лбу. «Колхоз, так колхоз», - подумал Андрей, и почему-то развеселился, вспомнив слова Томека, что колхозов здесь не любят. А как назвать то, что у них сформировалось? Разве не колхоз?

Кореш забеспокоился при виде рогатых созданий, было заворчал, но глянул на Андрея, и виновато завилял хвостом. Пёс как будто почувствовал, коровы не окажут конкуренции во взаимоотношениях с хозяином. С улицы донеслись разгорячённые голоса поселенцев. Андрей дружески потрепал пса по загривку, и пошёл к людям.

На пяточке перед особняком собралась уйма народу. Даже не верилось, что за день население посёлка так разрослось. Люди сидели кто на чём, кто на стульях, принесённых из особняка, кто на деревянных чурках, а кто и вовсе на траве. Изабела с маленьким Кшисем на руках пристроилась в кресле под развесистым каштаном. Малыш с интересом разглядывал окружающих, и бормотал на своём собственном наречии. Агнешка сидела рядом на траве, и с интересом прислушивалась к поселенцам.

Разговор шёл эмоциональный. Из-за незнания языка Андрей чувствовал себя не в своей тарелке. Отдельные слова, смысл которых он узнать успел, не помогали ему ухватить сути остального. Но уйти с собрания было неудобно. Он присел на корточки возле напарника. Томек догадался, что чувствует приятель, и стал специально для него обобщать сказанное.

- Люди решили посёлок охранять. Подходы к посёлку поделим на три сектора, и будем патрулировать. На каждый сектор выставим по одному патрульному. Каждый отдежурит по двенадцать часов. И с завтрашнего дня в Варшаву будем группами выезжать, и с оружием.

- Для подачи воды в соседние дома нужно более мощный насос найти.

- Нужно будет зернохранилище построить, и кладовую для хранения овощей с фруктами.

- Нужно о вывозе мусора подумать.

Андрей лениво слушал напарника, и наблюдал за выражением лиц новых соседей. Заметил он и то, что Изабела избегает смотреть в его сторону. Неожиданно их взгляды встретились. Будто волной всколыхнуло потревоженное сердце. Он потерялся, не зная куда девать натруженные за день руки. Пронзительный взгляд вызвал ощущение затаённой радости, и безудержного полёта. Сердце бешено забилося, и едва не выпрыгнуло из груди. Его потянуло встать, и подойти к ней, или... просто-напросто уйти, чтобы освободиться от чарующего воздействия любимых глаз.

Она мягко улыбнулась, и отвела взгляд. Андрей оказался вольным от чар, но почувствовал себя опустошённым. Он снова отчаянно возжаждал её взгляда, и страстно возжелал, чтобы она не отводила глаз. Он захотел целовать руки, лицо, губы, чувствовать запах тела, округлость груди... Боже, куда его понесло!

Ему захотелось, чтобы собрание поскорее закончилось. Разговоры на языке, который он всё равно не понимает, утомили его. Он даже Томека перестал слышать. Нервы ни к чёрту! Чтобы взять себя в руки, Андрей сбросил оцепенение. Глубоко вздохнул... Задержал дыхание... Выдохнул.

Снова вернулось ощущение окружающего пространства. Краем глаза он заметил, как ёрзает в нерешительности пан Тадеуш. С самого начала старика смущало присутствие Томека, перед которым он почему-то усиленно заискивал. Если бы не Томек, этот неприятный старичок уже давно овладел бы браздами правления на этом стихийном митинге.

Андрей снова перевёл взгляд на Изабелу, и поймал ответный таинственный взгляд, который многообещающе скользнул прямо в сердце, распалил его, очаровал, и завлёл в мир удивительных грёз.

ДЕВЯТАЯ ГЛАВА

Запах гари, который принёс ветер с других районов города, дал чёткое представление, что стало бы, если бы Виктор не успел вовремя отключить газ и электричество. А так, в микрорайоне сгорело только два дома. Но для такого микрорайона два дома почти ничего. И всё-таки

многое здесь изменилось. И само время меняется по каким-то чудным законам. Виктор совсем потерял счёт дням. Кто-то подсчитал, что после катастрофы прошло шесть дней, но он просто поверить в это не мог. Ему казалось, прошёл месяц... или год. Столько всего спрессовалось в эти дни.

Шестой день продолжалась набившая всем оскомину эпопея. Работа, которую метко окрестили «зачисткой», несмотря на многочисленные бронированные двери (веяние времени), всё-таки продвигалась вперёд. Группа добровольцев пополнялась всё новыми и новыми помощниками. Косвенно помогали и «соседи», как прозвали тех, кто не захотел присоединиться к ним. Отщепенцы освобождали облюбованные ими квартиры, и занимали освобождённую площадь под склады, хранилища, а иногда под мастерские по производству чего бы то ни было. Народ в таком деле всегда проявлял смекалку. И это давало надежду в ближайшее время полностью очистить микрорайон от покойников.

«Бригадиры», как называли добровольцев соседи, спешили. Санитарная обстановка с каждым днём ухудшалась. Особое внимание уделяли чистоте. Женщины ежедневно дезинфицировали помещения школы, где разместилась бригада. Трудовой день начинался, и кончался с водных процедур. Каждый получал необходимую порцию лекарств, которые по мнению Леонида должны их от болезней предохранять. Свой вклад в профилактику чудотворец вносил также вечерними лечебными сеансами.

«Бригада» – неплохое название для группы. Всем по душе пришлось это слово, которое ёмко определило суть организации. Во всяком случае, оно гораздо почётнее звучало, чем просто «соседи». Но и от соседей кое-какая польза была. От них узнавали о событиях в городе. Оказалось, что городские дороги, хотя и «загромождённые», но «проездные». Немногочисленные «пробки» всегда объехать можно. Поэтому эта братия предпочитала перемещаться по городу на колёсах. От соседей бригадиры узнали, что всё самое ценное в городе уже «растащили», а то, что осталось, «гроша ломаного не стоит». Впрочем, это не мешало им каждое утро отправляться на «промысел».

Немало в городе и «чудиков» – посткатастрофальных сумасшедших. Эти бесцельно бродили по улицам, и время от времени выкидывали «номера». Но «номера» «чудиков» бригадиров не пугали. Хуже другое. Иногда до микрорайона доносилось эхо выстрелов. Ничего определённого о стрельбе соседи сказать не могли. Каждый выдвигал свою версию, но никто точной причины не знал. И немудрено. Осторожность заставляла

держаться «от греха подальше». Картину прояснили «гости». Так называли жителей других районов города, которые изредка навещали микрорайон. Гости рассказывали о какой-то «кремлёвской» мафии, которая пытается навести в Казани «свой» порядок. Будто бы они объявили себя новой властью, а по отношению к несогласным действуют жестко и беспощадно. Попросту говоря, всех, кто не подчиняется, убивают на месте. Судя по рассказам гостей в Кировском районе²⁰ произошла серьёзная «баталия» между «кремлёвскими» и местными. И теперь «кировских» вытеснили куда-то в район Залесного, и там отстреливают.

Бригадиров подобная весть насторожила. Как бы и к ним не наведались непрошенные гости. Выяснили, кто из бригадиров успел обзавестись оружием. После опроса всплыло охотничье ружьё, четыре пистолета, и несколько электрошокеров. Виктор недоверчиво покачал головой:

- Ментов закопали десятка два. Охранников столько же.
- Значит, кто-то шустрее оказался, - поморщился Алексей.

В школьных помещениях нашли три пневматические винтовки с амуницией, и учебный автомат Калашникова с дырявым дулом. Капля в море. И тут всех удивил хозяйственный Ахмед-абы. Он смущённо потоптался на месте, и нехотя признался:

- Айда, ко мне. Два калашников, и три *длинный ствол*²¹ прятал.

- Ты, бабай, целым арсеналом обзавёлся, и молчишь, - воскликнул коренастый веснушчатый парнишка в красной «спартаковской» футболке.

Он добродушно похлопал старика по спине, и первым вызвался помочь принести оружие. Арсенал прижимистого старикана оказался даже богаче, чем он признался. Кроме автоматов, двух винтовок и тулки, нашлось ещё три обреза, и семь пистолетов. Не было недостатка также в гранатах, которых набралось целых пятнадцать штук. Уже кое-что.

- Где гранаты раздобыл, абы? - удивились бригадиры.

- И-и, Алла, - хитро покачал головой Ахмед-абы, - где взял, *тама нету*.

Однако, Алексей даже такой добавкой остался недоволен. Он осмотрел оружие, и проворчал:

- Амуниции, как вижу, с гулькин хвост. Если кто буром пойдёт, долго не продержимся.

- Что предлагаешь? - серьёзно спросил Виктор.

²⁰ Кировский район – городской район Казани

²¹ «ствул» - (искаж.) - ствол

Алексей кинул многозначительный взгляд в сторону любопытных соседок, прискакавших неизвестно откуда, и уклончиво ответил:

- На рынок сгонять думаю.

Он взял с собой рыжего крепыша Михася с худощавым балагуром Максом, и они уехали куда-то на милицейском «уазике». Остальные задумались. На очистку никто не пошёл. Кто-то вспомнил о квартире крутого мафиозника, где стоило поискать оружие. Бригадиры не стали времени терять, и толпой ринулись туда. И не прогадали. В квартире мафиозника нашли два короткоствольных АКСУ с цинком патронов, пистолет ТТ с тремя обоймами, пять гранат, и пару бронежилетов. Дотемна проверяли также другие подозрительные квартиры. Но собрать порядочного урожая, кроме пары довоенных браунингов, охотничьего ружья, и нескольких дымовых шашек, не удалось. Улов ограничился лишь этим.

Пока бригадиры рыскали по микрорайону в поисках оружия, тройка смельчаков ехала через мёртвый город. Впервые после катастрофы они покинули микрорайон, и теперь ошеломлённо взирали на картину за окнами автомобиля. Казань выглядела, как после побоища. Всюду обгоревшие остовы домов, и разбитые автомобили. Не было заметно, чтобы кто-нибудь здесь хоронил покойников. Тела валялись повсюду. Встречные шарахались от них, как от прокажённых. Видно, принимали за бандитов.

К оружейным складам приехали, когда на город опустились сумерки. Въезд на территорию складов оказался перекрытым воротами, переплетёнными колючей проволокой. Огромный амбарный замок скреплял звенья цепи, которую набросили на створки.

Алексей удивился:

- Никак, не добрались сюда. Я думал, тут в первую очередь хозяйничать будут. Как, Макс, сумеешь открыть?

При очистке домов Макс помогал Алексею с Виктором вскрывать квартиры. И делал это при помощи отмычки. Пару лет назад за свои способности даже срок получил. Но тогда по малолетке удалось условным отделаться. Больше на кражах не попадался. Зато сейчас поработал в волю. Моментально открывал любые замки.

Макс едва глянул на замок, и крякнул от удовольствия:

- Эта штуковина – от честных людей защита. В два счёта открою.

Он ковырнул отмычкой замочную скважину, и элегантно снял замок с цепи.

- «Кушать подано, садитесь жрать, пожалуйста!» - продекламировал он известную фразу из некогда популярной комедии.

- Чисто сработал, - завистливо присвистнул Михась.

Они въехали на территорию, и остановились около дверей ближайшего склада. Из домика напротив вышел заспанный подросток.

- Здорово! - буркнул он недовольно. - Где Суслик?

- Какой суслик? - удивился Михась.

Подросток насторожился.

- А вы кто такие?

- А мы сами по себе, - усмехнулся Макс.

- Э-э, тут посторонним не полагается, - испуганно попятился к домику подросток.

- А тебя, сосунка, не спрашивали, - для острастки прикрикнул на подростка Михась. - Не твоё собачье дело, полагается тут, или не полагается.

Ему и в голову прийти не могло, что какой-то сморчок мог им оружием затариться помешать. Макс также добавил свои пять копеек:

- Не ты тут положил, и не тебе вкаты.

Алексей подошёл к складским дверям, и проверил запоры. Двери оказались лишь слегка прикрытыми. Он вошёл внутрь, и быстро отыскал то, что его интересовало. Бригадиры принялись бодро загружать «уазик» ящиками с автоматами, гранатами, и тому подобной амуницией.

Паренёк поначалу робко наблюдал за их действиями со стороны, потом куда-то испарился. Алексей отправился к соседнему ангару. Ангар оказался вещевым складом с шинелями и обмундированием. Он посветил фонариком в дальнем углу, и наткнулся на пачки с бронежилетами. Несколько штук перенёс в «уазик». Из склада напротив вышел Михась, и причмокивая от удовольствия, подтащил к автомобилю гранатомёт. Алексей одобрительно похлопал его по плечу, и снова направился к ангару. Воодушевлённый Михась пошёл искать выстрелы к гранатомёту. Макс притащил цинк с патронами, и аккуратно поставил на заднее сиденье.

За двадцать минут «уазик» плотно упаковали стрелковым вооружением, гранатами, патронами, и бронежилетами. Издалека донёсся звук автомобильного двигателя. Алексей заметил, что автомобиль едет по дороге к складам. Он забеспокоился. Время такое, нужно на чеку быть. Кто знает, чего ждать от пришельцев?

- Где Михась? - спросил он у Макса.

- Да, вроде бы здесь где-то был, - неуверенно пожал плечами Макс.

- Позови его, я пока «уазик» в сторонку отгоню, - распорядился офицер запаса.

- А ты чё, этих испугался? - удивлённо кивнул в сторону дороги Макс.

- Время сейчас такое, - нахмурился Алексей.

- Пусть только попробуют сунуться, - расхорохорился Макс.

- Без разницы, сунутся или не сунутся. Проблемы нам не нужны.

Макс отмахнулся:

- Мы их в два счёта...

- А если они нас? - резонно заметил Алексей. - Если это те самые кремлёвские, о которых гости рассказывали, нас отсюда не выпустят, живыми закопают. Зови Михася.

Он протиснулся на водительское сиденье, торопливо вскинул руку к замку зажигания, и выругался.

- Блин, куда ключ подевался?

Не везёт, так не везёт. Алексей высунулся наружу, и вполголоса прокричал вслед специалисту от замков:

- Макс, Макс.

Помощник задержался в дверях склада, и недовольно отозвался:

- Ну, что ещё?

- Ключи где?

- Какие ключи?

- Машину завести не могу, - прошипел Алексей.

- Здесь вроде были, - озадаченно произнёс Макс, и принялся суетливо копаться по карманам.

Алексей недовольно скривился.

- А, ч-чёрт, кажись у Михася, или... малявка стыбзил. А ты что, без ключа завести не можешь?

- Попробуй, - рассердился Алексей.

- А что тут пробовать? - поспешил вернуться бывший взломщик.

На створках ворот отразился свет автомобильных фар.

- Поздно, - с досадой выпалил Алексей.

- Почему поздно? - щёлкнул предохранителем автомата Макс.

- Ты это брось, - остановил напарника Алексей. - Дай Бог, пронесёт.

Он выскользнул из автомобиля, подождал Макса, и они вместе скрылись за штабелями пустых ящиков.

В ворота въехал армейский КАМАЗ.

- Вот и посмотрим, что за люди.

- Если два-три баклана там, я их сразу же завалю, - самоуверенно пообещал Макс.

- Успокойся ты, вальщик, - рассердился Алексей. - Никого валить не надо. Два-три человека если приехали, разойдёмся миром. А если больше, не резон нам подсакивать.

- Они могут наш ментовоз спереть, - нахмурился специалист по замкам, и грозно потряс автоматом, который успел захватить из «уазика».

- Подумаешь, потеря, - равнодушно пожал плечами Алексей. - Что, других автомобилей мало, что ли? Меня другое волнует. Куда Михась запропастился?

КАМАЗ резко затормозил около бригадирского «уазика». На землю высыпало несколько вооружённых парней в камуфляже. Небритые, полупьяные, выглядели они настоящими головорезами. У Михася вытянулось лицо:

- Пипец.

Из дверей склада появился Михась с выстрелами для гранатомётов. Откуда ни возьмись, вывернулся подросток, и ткнул в Михася пальцем:

- Вот этот! На складе ещё двое.

- Вот, пидар, - зло прошипел Макс.

Алексей напрягся. Ситуация приняла нежелательный оборот. Михась растерянно озирался. Головорезы в камуфляже действовали решительно и быстро. Они отобрали у него выстрелы, и скрутили руки за спину. Несколько головорезов взяли автоматы на изготовку, и скользнули внутрь склада. Алексей беспомощно наблюдал за их действиями, и с трудом удерживал за плечи горячего Макса.

- Сиди ты спокойно. Если сейчас сунемся, они завалят Михася. Да и нам не поздоровится.

Долго ждать не пришлось. После проверки склада головорезы вышли наружу, и ринулись к соседним ангарам. Алексей с Максом затаили дыхание. Сомнений не было, головорезы умеют обращаться с оружием. Они быстро проверили ангары, вышли наружу и постреляли по сторонам для острастки. В уверенности, что чужаки «наложили в штаны», и «сделали ноги», вернулись к КАМАЗу.

Михася приковали наручниками к бамперу «уазика». КАМАЗ подогнали вплотную к дверям, и принялись грузить на него ящики с оружием и боеприпасами. Около Михася крутился предательский подросток, и мешал бригадирам освободить товарища.

- Не лезь на рожон, - успокаивал нетерпеливого Макса Алексей. -
Надо наверняка.

- Не успеем, - шипел недовольно Макс.

- А сейчас сунемся, всех троих положат, - в своё оправдание прошептал Алексей.

Время шло, серый рассвет задумчиво подкрадывался, проявлял окружающие постройки и отдельные предметы, а возможности предпринять что-либо не появлялось. Расклад сил не в пользу бригадиров. Головорезы загрузили КАМАЗ ящиками, и какими-то пачками.

- Чё про Михася скажем? - скрипнул зубами Макс.

Алексей ничего не ответил.

Головорезы сбились в кучку, и закурили. Кто-то прошёл внутрь сторожевого домика. Через минуту из окна послышался недовольный голос:

- Юрок, где водка?

- Там, в шкафчике стоит, - неохотно отозвался подросток.

- Ну-ка, иди сюда, здесь у тебя чёрт ногу сломит, - распорядился тот же голос.

Подросток нехотя поплёлся к домику. За ним потянулись остальные. Алексей с Максом переглянулись. Они заметили, что головореза, которого оставили снаружи, больше заботило то, что происходит в домике, чем ситуация у него за спиной. Появился шанс.

- Ты мухой к Михасю, а я страхую, - распорядился Алексей. -
Отстегнёшь его, ноги в руки, и пошли. Дай Бог, в погоню не кинутся.

Незамеченный никем, Макс скользнул к Михасю, одним движением разомкнул наручники, и потянул его к ящикам. Алексей дал знак не спешить. Он шагнул к кабине КАМАЗа, бесшумно приоткрыл дверцу, и проскользнул внутрь. На этот раз счастье не отвернулось. Ключи головорезы оставили в замке зажигания. Потирая затёкшие руки, на соседнем сиденье пристроился Михась. Макс юркнул в кабину «уазика», поорудовал с электрическими проводками, и вполоборота запустил его.

На звук мотора из дверей домика высыпали головорезы. Алексей резко вывернул КАМАЗ, развалил по дороге стопку ящиков, и рванул в сторону ворот. Сзади защёлкали пули, но «поезд уже ушёл», автомобили стремительно мчались по ухабистой дороге в сторону города.

До микрорайона добрались с рассветом. Бригадиры услышали шум автомобильных двигателей, и покинули ложа. Армейский КАМАЗ с

«уазиком» въехали на школьный двор. Содержимое кузова скрывал брезент, но все догадались, чем именно нагружены автомобили. Измученный Алексей молча лёг спать в кабине. Михась с Максом вяло отвечали на приветствия, но не стали ничего рассказывать. Они повалились прямо на газон, и отрубались.

- Может, вооружимся? - разохотился молоденький паренёк в чёрной футболке.

- Иди, уж, вояка, - дал ему подзатыльник высокий бородатый мужик в тельняшке. - Успеем. Пусть Лёха с пацанами выспятся. Не горит ведь.

И точно. Пока, не горело. Но руки и языки зачесались. Валентина Георгиевна высунулась из окна и зашипела на расшумевшихся бригадиров:

- Детишек разбудите, оглашенные?

Бригадиры притихли. Но спать уже никто не пошёл. Время рассветное. Наскоро перекусили, собрали нехитрый инструмент, и отправились на зачистку очередного дома.

Возбуждение, которое охватило молодежь, Виктору не передалось. Для него новый день начинался, как многие другие. Перед глазами мелькала Оксана. «Ко всему привыкнуть можно, - который раз терзал он себя, - только не к смерти». Сколько покойников отправили к месту последнего «привала»! Ощущения притупились, а боль от потери близких не стала меньше. Особенно тяжело дались похороны Оксаны. Через жизнь он пронёс любовь с уважением к ней, но только после её смерти понял, насколько она дорога ему, насколько важна. Как недостаточно ценим мы близких при жизни. Кажется, окружаем их заботой. Но только после утраты осознаём, насколько всё было поверхностно, насколько легкомысленно было отношение к жизни. Как важно ценить каждую минуту, каждую секунду бытия. Как важно наслаждаться своими дорогими, любимыми, своими вторыми половинками, которые даёт нам Бог. К сожалению, теза эта осознаётся в полном объёме только тогда, когда безнадежно поздно, когда нельзя применить её на практике.

Виктор порвал на себе рубашку, когда экскаватор холодными бездушными лапами сбрасывал на могилу Оксаны твёрдую комкообразную землю. Леонид, верная тень Виктора, безуспешно успокаивал его. Только, что такого он сказать мог? Сам-то уже привык к одиночеству. С женой расстался давным-давно. Старушку мать, с которой долгое время ютился в однокомнатной квартирке, похоронил незадолго до катастрофы. Виктор рыдал, и не стеснялся слёз. Тимка, который до

этого никогда не покидал квартиры, словно прочувствовал момент, и появился рядом. Он замурчал, и с невероятной по-человечески деликатной участливостью прижался к ногам хозяина. Верный своей хозяйке, все эти дни кот неотлучно находился близ её изголовья. Лишь когда тело Оксаны забрали из квартиры, он покинул свой пост. Виктор взял его на руки, и прижал к груди. Когда последний ком земли упал на могилу Оксаны, слёзы высохли, лицо приняло каменное выражение. Он разровнял холмик лопатой, прихлопнул, и пошёл к очередному дому выполнять принятый на себя долг, предавать земле в общем-то чужих людей.

Бригадиры называли это работой. Теперь Виктор не испытывал ожесточения первых дней. Сказывалась усталость. Он мечтал о моменте, когда день окончится. Тогда придёт время развалиться на матраце, брошенном на пол, и отдаться во власть сна.

Зачистка шла в той части микрорайона, где дорога прилегала к автомагистрали. То ли из-за того, что работа близилась к концу, то ли из-за невыносимого, несмотря на защитные маски, запаха разлагающихся тел, то ли из-за усталости, или... привычки, но перекуры случались чаще, и становились более продолжительными. Бригадиры выходили во двор, и затягивались сигаретами. Тем более, добра этого было, хоть завались. Не забывали они также посплетничать о «прошлой жизни». Почему-то их тянуло именно к таким воспоминаниям, чуть притупленным, и прежде никого не интересовавшим, но теперь вдруг ставших важными. Возможно, это происходило из-за того, что они касаться не хотели темы, которая пугала своей неопределённостью. Любой ценой они избегали большого для них вопроса: что же, всё-таки, произошло? Почему в один миг без видимых причин погибло столько народу? А если причины были, тогда почему смерть не забрала с собою всех?

Во время очередного перекура, когда бригадиры трепались о былых успехах хоккейного «Ак Барса», (будто бы на улице не было тридцатиградусной жары), со стороны автомагистрали к дому подъехал мерседес. Судя по незнакомым лицам в салоне автомобиля, приехали гости. В кривой усмешке водителя, белобрысого паренька в белоснежной футболке, просвечивали золотые фиксы. Рядом восседал худощавый мужчина с короткой стрижкой, и землистым цветом лица. На нём не по росту подобранный пиджак, который висел на плечах, как на вешалке. Шеи обоих гостей обрамлял неременный атрибут бандитов, и новых

русских – толстые золотые цепочки. На заднем сиденье полусидел, полулежал ещё кто-то.

Худощавый гость неспешно выбрался из мерседеса, и особой разболтанной походкой направился к бригадирам. Пиджак елозил на худых плечах, и норовил сползти. Он был явно чем-то наширенный. Худощавый по-особому, с шиком сплунул, и произнёс приветствие с нескрываемым приблатнённым акцентом, которое он сопровождал классической зэковской пальцовкой:

- Бог в помощь, землячки...

Бригадирам не понравился тон, с которым гость обратился к ним, и они промолчали. Так и не дождавшись ответа, тот бросил быстрый взгляд на яму, которая была наполовину заполнена покойниками.

- Е-па, почём нынче жмурики?

Бригадиры насторожились. Никто не отозвался на его остроту. Гость перешёл красную черту. С издёвкой говорить о мертвецах не было принято. Глубоко посаженные глаза гостя сверкнули нездоровым блеском, он картинно раскинул руки в стороны, и деланно изобразил на физиономии широченную улыбку. Затем резко выставил вперёд левое ухо, демонстративно подался в сторону бригадиров всем телом, и умудрился не потерять при этом равновесия. Он пробалансировал в таком положении несколько секунд, и продолжил монолог:

- Чо, бля, в натуре, патефон заглох, или пластинки кончились?.. Не надо ссать кипятком, не укушу. Кто за пахана тут?.. Ну!.. Кто старшой здесь?

Бригадиры не нашлись, что ответить. Алексей, который руководил ими, сейчас отсыпался после ночного рейда. Ахмед-абы понял худощавого по-своему. Он неспешно встал, и решительно заявил:

- *Бит*, малай, я тут самый старый, *знашит*.

Худощавый медленно повернулся к нему. Улыбка слетела с хищного лица. Он недоверчиво просканировал старика с головы до ног, и предельно жёстко произнёс:

- Чтоб мне завтра, - худощавый оттянул рукав, и зыркнул на часы, - ровно в двенадцать, значит, на этом самом месте... чтоб мне всех согнал. Всю кодлу, значит, чтоб согнал. Понял, да? Со всего муравейника.

Он окинул свирепым взглядом бригадиров, и угрожающе добавил:

- Всех, кто только костылями двигать может, и граблями. Всех! Понял, бабай?

Ахмед-абы подбоченился:

- Вай-вай-вай, *нащальник какуй!* Кодлэ ему давай!

Худощавый оторопел, лицо покрылось зеленоватыми пятнами.

- Чо ты, в натуре, хрен старый... базарить мне, козлина, будешь? Волчара недотресканная! Да, я тебя... Вякни ты мне ещё! Хоть, одной суки завтра не будет, я твоё очко сам на куски порву, и в хайло те засуну. Понял, козёл драный?

От ярости на лбу худощавого вздулись жилы. В ошеломлении от дерзости прищельца, бригадиры настороженно повставали со своих мест. Ахмед-абы рассердился, и не думал бандиту уступать. Неожиданно для бригадиров он «бóтнул по фёне»²²:

- Ты меня, *щ-щинок*, на *понил*, не *бири*.

Худощавый оторопел на мгновение. Он нервно сунул руку в карман пиджака, резко выхватил браунинг, и прытко придвинулся к старику:

- Ах ты, сыроежка блатная... Ты меня не дразни... не дразни. Не то петухом запоёшь. Я с тебя, сука... с тебя... За всё спрошу. Ты ответишь, падла.

Он резко ткнул в зубы старика дулом браунинга. Ахмед-абы побледнел, и скосил округлившиеся глаза на пистолет. Бригадиры отшатнулись от прищельца. Вот когда пригодилось бы оружие. Но оно осталось возле школы. Кисти рук Виктора сами собой сжали ломик. Это движение не ускользнуло от внимания худощавого.

- Ты, мужик, стой спокойно, - строго предупредил он Виктора, не отводя пистолета от старика, - если в ящик сыграть, не хочешь. Понял, да?

Это «понял», которое прозвучало, как «поэл», страшно раздражило Виктора, и пробудило неодолимое желание развалить худощавому башку. Тот нервно сглотнул слюну, скосил на Виктора глаз, и поводит дулом пистолета со старика на остальных бригадиров. Смерти Виктор не испугался. Она и так постоянно ходит рядом. Но этот псих мог за компанию пристрелить кого-то из бригадиров. Это меняло дело. Виктор решил не рисковать товарищами, и медленно опустил ломик на землю. Худощавый удовлетворённо хмыкнул:

- Другой базар!

Он ещё раз сильно ткнул дулом в лицо Ахмеда-абы, и опрокинул старика на землю. Затем поводит пистолетом по направлению бригадиров, и криво усмехнулся:

- Ссыте, шавки, когда ссыкотно? Ну-ну! Завтра, чтоб мне всех на стрелку свистнули. Поняли? Чо придумали, мудацьё, на пахана, суки,

²² «бóтнуть по фёне» - говорить на воровском жаргоне

гавкать... Пусть только пискнет кто, я тут такую кинфиренцию устрою, дристать до конца жизни будете. А ты, бабай, чтоб мне всех... Всех до одного мне завтра в двенадцать сюда пригнал. Кто в бега поддастся, поймаю, яйца на глаза натяну, и хрен, куда надо вставлю...

Бригадиры молчали и заворуженно следили за дулом пистолета. Худощавый подбоченился, и стал отважно взирать на притихших бригадиров. Снова перевёл взгляд на Виктора, ткнул пистолетом в его сторону, и пригрозил:

- Тебе, баклан... Гадам буду, эту железяку припомню. Перед всей толпой в очко дрыну загоню. Ты *поэл* меня?

- Что ж, не понять-то? - уклончиво ответил Виктор.

- Так-то.

Не опуская пистолета, худощавый попятился к мерседесу, где в наглой ухмылке щерился водитель. Мерс лихо развернулся, поднял столб пыли, и помчался к шоссе.

Бригадиры возбудились непрошенным визитом, и стали на чём свет стоит материть бандитов. Работу продолжать они уже не смогли. Паренёк, предлагавший с утра вооружиться, наскакивал на бородатого, который помешал сделать это. Но бородатый сам досадовал на себя, и... на Леонида за то, что не сумел бандитского наезда предвидеть. Ахмед-абы ещё не очухался от стресса, мешал русский мат с татарским, и отхаркивал кровь на землю. Губы распухли и кровоточили, в зубах появилась нежеланная «калитка». Виктор обнял старика за плечи, и потянул в расположение бригадирской штаб-квартиры. Леонид держался рядом, и руками делал пассы. Остальные тоже потянулись к школе.

Алексей настороженно выслушал сбивчивые рассказы о визите непрошенных гостей, и надолго задумался. Горячка прошла. Он почувствовал, что бригадиры терпеливо ждут его решения, выпрямился, и окинул товарищей тяжёлым взглядом:

- Не думал я, что снова придётся... Спасибо Леониду, на ноги поставил. Нам с пацанами тоже досталось от каких-то хмырей. Дело серьёзное. Но здесь мы на своей территории. Бандитов встретим, как полагается. И, чем потчевать теперь найдётся, чтобы не возникало желания другой раз сюда соваться. Дай Бог, после такого угощения заворот кишок достанут.

Ахмед-абы еле двигал разбитыми губами, но воинственно пообещал:

- Та *сволощ, бит*, зараза, у мне земля *жрат* станет. Ахмеда *ишо никто палисем* не тыкал.

- Ладно, - постановил Алексей. - Война, так война.

Он забрался на борт армейского КАМАЗа, и откинул брезент. Затем стал подавать товарищам новенькие, в смазке, автоматы, пулемёты, и даже гранатомёты. Вооружившись, бригадиры повеселели.

- Ого! С этим можно и повоевать, - ахнул интеллигентного вида мужчина.

- А ты как думал? - гордо воскликнул Макс.

- Эт-то дело, - протянул восхищённо парнишка в чёрной футболке, и заботливо погладил автомат. - Откуда такое богатство выцарапали?

- Вот именно, выцарапали, - таинственно буркнул Михась, и заинтриговал бригадиров.

Алексей сидел на бортике, и рассуждал:

- Нечего с бандитами цацкаться. Гостей тоже отваживать надо. Легче будет бандитов сдерживать.

- А кто послушает? - недоверчиво скривился мешковатый мужичонка в серой футболке.

- Нам рисковать не резон, - твёрдо сказал Алексей. - Одного, другого припугнём, другие не сунутся. Надо крепче на ноги встать, а потом посмотрим.

Он достал армейский бронежилет, и бросил в руки Виктора.

- Смотри-ка ты, бронежилет, - удивился бородатый в тельняшке.

- На всех не хватит, - посетовал Алексей. - да всем, и ни к чему. Не на войну же.

- В «уазике» ещё пяток штук, - напомнил Михась.

- Всё равно мало, - подытожил Алексей.

Бригадиры тут же на месте примеряли бронежилеты на себя, и возбуждённо щёлкали затворами автоматов. Они готовы были хоть сейчас сразиться с бандитами. Алексей оптимизма не разделял. Без серьёзного укрепления микрорайона рассчитывать на успех было трудно. Он распорядился, там где можно по периметру бульдозером нагрести валы, экскаватором выкопать рвы. Остальные въезды и выезды заставить большегрузными автомобилями. Конечно, совершенно изолировать микрорайон невозможно. Да, такой цели и нет, но создать определённые неудобства незваным гостям можно, и даже нужно.

Пока бригадиры возились по периметру, Алексей с Максом устроили несколько тайников с оружием и боеприпасами. Теперь, при случае, могли в любом конце микрорайона своевременно оборону организовать.

Слух о приготовлениях бригадиров быстро облетел соседей. Некоторые из них отнеслись к этому иронически, как к очередной причуде «чокнутых придурков». Одни не верили, что опасность серьёзна. Другие, если в самом деле появятся бандиты, решили к бригадирам присоединиться, которые хорошо вооружены и организованы. Благодаря тем, другим, бригада ощутимо пополнилась.

ДЕСЯТАЯ ГЛАВА

Несколько дней добиралась до Саратова компания Рогожина. Переезд вымотал Милку с Игорьком до предела. Особенно тяжело дались первые сто километров, когда через каждые две-три сотни метров приходилось останавливаться, и сталкивать автомобили на обочины, чтобы освободить дорогу от нагромождения «колесниц смерти». Поначалу беглецы энергично включались в работу, но вскоре энтузиазм поиссяк. Слишком медленно шло продвижение колонны, слишком много тратилось сил. Потом кто-то сообразил, что некоторые дорожные завалы проще обойти. И хотя, при этом приходилось тащить на себе тяжеленные рюкзаки с провиантом и прочим скарбом, это было легче, чем сталкивать с дороги автомобили. За завалом всегда можно очередной автомобиль найти, и снова проехать по шоссе две-три сотни метров.

После Туапсе дорога стала свободнее, хотя всё равно разогнаться не удавалось. По-прежнему дорогу загромождал «мёртвый» транспорт. Игорёк перестал заглядывать в автомобильный атлас. Он понял, что только там всё выглядит радужно. В жизни, чтобы преодолеть участок между двумя пунктами, которые на карте располагались рядышком, приходилось часами продирается по перекрытому автомобилями шоссе.

Когда доехали до развилки около Лиховского, группа разделилась. Отсюда путь жителей центральной России лежал на Воронеж, а Рогожин с подопечными направлялись в сторону Волгограда. По пути с ними было двадцатилетней пензячке Вике, и суровому, повидавшему жизнь волгоградцу Михалычу. Землю в тот день пригревало ласковое, как обычно в эту пору, солнце. В синеющей дали вырисовывались окутанные бархатным ковром холмы. Колёса разогнавшихся автомобилей ровно шуршали по дорожному полотну. Игорёк сидел за рулём, и уверенно, без особого напряжения следил за дорогой. Он действовал, как по нотам, и лихо объезжал застывшие автомобили. Всё получалось, как надо, и

укрепляло желание самостоятельно добираться до Казани. Он стал за эти дни, как никогда спокоен относительно своего будущего в этом, пока ещё невероятно чужом мире.

До развилки около Лиховского оставалось не более трёхсот метров, когда перед носом возник раскоряченный ЗИЛ. Не доезжая до грузовика, Игорёк притормозил, и разочарованно хлопнул по рулю. Теперь придётся объезжать по обочине. Рядом остановились другие участники группы.

- Всё, пора обедать, - решительно постановил Рогожин, и несколько раз просигналил клаксоном.

Возражений не последовало. Попутчики дружно покинули автомобили. Кто-то достал из багажника продукты, кто-то посуду. Стас распалил на обочине костёр. Шустрый этот Стас. Всё то у него спорится, да ладится. С самого начала этот неунывающий серпуховчанин удивлял попутчиков своей сноровкой.

- Лови, - услышал Игорёк голос Аркаши, и едва успел подхватить ведро, которое бросил ивановский коммерсант.

Аркаша при каждом удобном случае поучал Игорька. Но делал это беззлобно, и по делу, не давая повода юноше вставать в позу. На этот раз предлагал набрать воды. Благо, идти за ней далеко не нужно. Воду набирали по дороге в станичных колодцах, и в канистрах везли вместе с собой.

Тем временем, женщины взялись за приготовление обеда. Так они договорились. Мужикам выпало разжигать костёр, воду набирать, расчищать место для импровизированной столовой. Ну, а слабому полу оставалось чистить картошку, нарезать овощи, и готовить обед. Вскоре группа столпилась около костра, и стала к ароматным запахам принюхиваться. Каждый стремился досрочно продегустировать продукт совместного творчества.

- Мне вот кажется, я могла бы так вечно, - мечтательно произнесла Вика, и зачерпнула ложкой из кастрюли, - ехать, так, ехать, и ехать... Совершенно не хочется домой, где всё будет напоминать о... Кто нас ждёт там?

Игорёк глянул на внезапно скисшее лицо девушки, и понял, опять хандра начинается. Так было уже не раз, когда она вспоминала мужа, которого в злополучный день поглотило море. В такие минуты её лучше не трогать, может в истерику впасть. Разве что отвлечь чем-нибудь. Глупость сморозить, или...

- Что-то соли маловато, - нарочито громко провозгласил он, и нарвался на всеобщий женский протест.

Но Вика не слышала ничего. Пожалуй, в этот миг, Вселенная перестала для неё существовать. В остекленевших глазах чудились отблески иного, ушедшего в небытие мира. И никакой надежды на возвращение самых близких, самых любимых людей.

- А у Витюшки через месяц... - Вика вдруг поперхнулась, отставила ложку, и забилась мелкой дрожью.

Рогожин сгорбился, бережно взял её за плечи, и мягко прижал к груди. Вика напоминала ему погибшую в автокатастрофе дочь. Именно, после смерти дочери покойная жена слегла. После лечения сильнодействующими препаратами, которые нисколько не помогли ей, Алюня растолстела до неузнаваемости. Борис Львович безуспешно перепробовал различные способы. Он и на море привёз жену, чтобы сменить климат, и подлечить её. А там получилось, как получилось.

- Ну-ка, дочка, глотни граммульку.

Дядя Коля, фермер из Воронежа, протянул Вике стакан, до половины наполненный водкой. Та взяла его дрожащими руками, и судорожно глотнула содержимое. Глаза полезли из орбит, Вика резко наклонилась вперёд, и принялась махать по направлению горла ладошкой.

- Вот это по-нашему, - довольно крякнул воронежский фермер, и добавил в рифму, - выпьем, а потом и спляшем мы.

Он забрал из рук Вики стакан, и наполнил для очередного попутчика. В этой поездке Игорёк пока не участвовал в дегустации «фронтных» ста грамм, но сейчас вдруг решил, настало время. Вызывающе посмотрел на Милку, и уверенно протянул руку за стаканом. Рогожин резко одёрнул, и строго укорил Игорька:

- Успеется. Не спеши приобщаться к взрослой жизни. Немного окрепни, обтешись. Да, и не к чему это, баловство одно.

- А это точно, - поддержал его дядя Коля.

Он картинно скривился, протянул стакан Рогожину, и в рифму dokonчил:

- Водка, фу, гадость, порочна. Это точно. Гадость такую пить, только Бога гневить.

Саратовский врач укоризненно посмотрел на него:

- Не искушай, Семёныч.

Дядя Коля удивлённо воззрился на Рогожина, но возражать не стал. Он был на удивление покладистым человеком. То, что Рогожин отказался

из-за него от своей порции, тронуло Игорька. Он вдруг с удивлением осознал, что человек, с которым они знакомы без году неделя, становится для них с Милкой родным, становится по-отечески близким. Поэтому дискриминация, которой только что подвергся, не задела самолюбия. Благодарно пожал руку опекуну, и продолжил обед.

Дородная тулячка Мария Михайловна заметила невесть откуда появившегося приземистого бородача с ведром в руках, и воскликнула:

- Никак гости пожаловали!

- Да нет, милая, хозяйева, - мягко поправил бородач, и с интересом окинул группу дружелюбным взглядом.

Он поставил ведро перед путешественниками, и набожно перекрестился.

- Благослови вас, Господь! Не откажите молочком попотчеваться, - он учтиво протянул ведро Марье Михайловне. - Коров и быдла разного целое стадо, а вот едоков пять душ на всю округу осталось. Не выливать же добро в землю.

Был он в потёртой одежде, кирзовых сапогах, и с натруженными жилистыми руками. На лице не было заметно даже следа от скорби, которая, пожалуй, охватила в эти дни каждого человека. Спокойствием и добродушием веяло от этого открытого, испещрённого глубокими морщинами лица. И подумалось, что, именно такие люди, как этот крестьянин, снова возродят землю. Приземистый бородач снова окинул путешественников хозяйским взглядом, и одобрительно промолвил:

- Хорошо, что вы так, вместе собрались. Легше так-то.

- И много людей здесь прошло? - поинтересовался Рогожин.

- Много ли? - поскрёб в бороде бородач. - Шли люди. Кто гуртом, а кто и в одиночку. За три дни, не соврать бы, может, с десятков ватаг таких-то паломничьих, здесь и прошло.

Он кивнул на дорогу, и добавил:

- Часа три, как фургон на Каменск проехал.

- А сами-то как справляетесь, - жалостливо спросила Марья Михайловна, - с бедой этой?

- Бог милостив. Не даст пропасть. Да, и... земля, чай, не чужая, выкормит.

Бородач это сказал так, как будто, катастрофа для него не кара, а милость Божья.

После обеда настало время прощаться. Перекрёсток ознаменовал собой конец совместного путешествия. Попутчики молчали, не умея

передать того, что творилось в душах. За короткое время дорога всех породнила. Ласковый ветерок оведал обветренные загорелые лица. Запах полыни и наливающейся ржи легко пощипывал в носу, вызывая непрошенные слёзы.

Мария Михайловна погладила по головке Милку, которая размазывала по щекам слёзы:

- Девочка моя, родная, береги себя.

Ольга Петровна из Рыбинска промокнула косынкой припухшие от слёз глаза, и стала заботливо увещевать девочку:

- И присматривай за Игорёчком. Не потеряйтесь там.

- Игорёк, братан, будь твёрдым, старый, - дал совет молодому приятелю Стас.

Он принял боксёрскую стойку, и шутливо обозначил лёгкие удары в грудь. Дружески похлопал Игорька по плечу, и вставил своё Аркаша:

- Смотри, пацан, Людмилку в обиду не давай.

Около других, кто покидал основную группу путешественников, также сгрудились попутчики.

- Вика, золотце, не забывай нас. Может, свидимся когда-нибудь? Не так много на Земле-то нас осталось, - прижались голова к голове москвичка Гала, Кирилл из Твери, и Вика.

- Борис, ты того, может по рюмашечке? - предложил Рогожину всегда готовый для такого дела юркий дядя Коля.

- А вот это можно, по капельке, - шустро влез между ними волгоградец Михалыч, который недавно присоединился к группе.

Он охотно подставил стакан, специально приготовленный для этой цели. Дядя Коля укоризненным взглядом смерил Рогожина, который снова отказался от зелья, и плеснул водки в стакан волгоградца.

- С Богом, - со вздохом огласил Михалыч, и опорожнил стакан.

Воронежский фермер проводил горящими от удовольствия глазами горячую жидкость, и крякнул со вкусом:

- Хорошо пошла.

- Хорошо, - подтвердил Михалыч.

Авиадиспетчер из Москвы Юрий Иванович пожелал отъезжавшим в сторону Волгограда:

- Ладно, бродяги. Попутного ветра в паруса, солнца и чистой дороги.

Он расцеловал девушек, и энергично принялся жать руки мужчинам. После бесчисленных заверений о памяти, поцелуев и объятий, путники расстались. Рогожин занял место за рулём тёмно-гранатового «ниссана», и

взял курс на Белую Калитву. Следом на «ниве» непрерывно сигналил Игорёк. Попутчики ещё долго с сожалением махали на прощание руками. Стас забрался в кабину сиротливо приткнувшегося к обочине КАМАЗа, и дал протяжный, очень тоскливый прощальный гудок. Закрылась ещё одна страница жизни. В силу необходимости им приходилось расставаться. Возможно, навсегда, а впрочем... Чего только не случается в жизни?

До Саратова доехали быстро. Вместе с подростками в квартире Рогожина нашли временный приют Вика и Марина, пухленькая сероглазая блондинка, которую они подобрали под Камышином. Вика не решалась ехать в Пензу в одиночку, а у Марины в Саратове были какие-то дальние родственники, которых она надеялась отыскать. Впрочем, Рогожин не разделял её оптимизма. В Саратове и в нормальные времена найти нужных людей было не просто, а сейчас и подавно.

Вдруг захандрила Милка от осознания, что мама, милая мама, никогда не вернётся из небытия. Она пыталась мамино лицо в памяти воссоздать, но вместо него всё время всплывало другое, ставшее таким чужим восковое его подобие. Милка уединилась в одной из комнат рогожинской квартиры, и видеть никого не желала. Игорёк забеспокоился. С чего бы это? В дороге держалась молодцом. Но здесь расклеилась, и даже слышать не хотела о продолжении пути. Рогожин посоветовал не уговаривать её.

- Оклемается, сама решит, - сказал он юноше.

Впрочем, в глубине души надеялся, что подростки передумают, и останутся в Саратове. Неправдоподобным казалось, что они сумеют найти в Казани близких. Однако, вслух высказывать своего предположения не решился. Не хотел у ребятешек отбирать тлеющей надежды.

ОДИННАДЦАТАЯ ГЛАВА

Люди покорились неизбежному. И природа постепенно приходит в себя от шока. Деревья расправляют упругие ветви, и настороженно налаживают связи с окружающим миром, который, хотя и сильно изменился, но всё ещё существует. Отдельные особи из числа двуногих его обитателей снова излучают в окружающее пространство эмоциональные волны, которые для растений воздух, пища, средство своеобразного общения с этим динамичным, глухим и слепым от рождения толстокожим человеческим родом.

Пернатые освоились с новым положением дел, и приступили к обычным заботам: о пище, о любви, о безопасности территории. Теперь постоянно слышатся залиvistые трели, беспокойное чириканье, даже отдельные гортанные вопли и крики. Животный мир спешно приноравливается к столь поразившим его переменам. Известные своей робостью косули, оказавшись без своих сородичей, чураться перестали других представителей фауны с людьми, и робко приближаются к обжитым постройкам. Растительный мир отчаянно воздействует на тонкую психическую сферу людей, и пытается помочь найти своё истинное предназначение, своё место в изменившемся мире. Но люди словно не замечают попыток окружающей флоры гармонизировать взаимоотношения между такими непохожими, но несомненно равными по происхождению жизненными формами, как флора и фауна. Природа приходит в себя, но человек по-прежнему остаётся слепым и глухим к чаяниям окружающего мира.

Оказавшись в новых условиях, люди продолжали цепляться за старые духовные и ментальные приоритеты, которые не находили опоры в новом мире. Спаситель, на которого надеялись, не появился, но и Антихрист ничем не обнаружил себя. Как будто Враг рода человеческого не дремлет в нас самих. Необратимость того, что случилось, сокрушило основы веры, и заставила разочарованных людей отрицать известные религиозные и философские нормы морали, а также устанавливать для себя новые своды правил.

Поначалу всеобщая беда объединяла людей, притягивала друг к другу. Они собирались небольшими ватагами, и искали опору друг в друге. В поисках защиты слабые духом потянулись к более сильным. А сильные, устремлённые, и даже жёсткие личности становились вожаками таких ватаг. Не всегда эти люди отличались высокой моралью. Некоторые из них без труда подавляли в окружающих малейшие ростки самосознания, пробуждали в них животное начало, и как бы в отместку за случившееся, тягу к разрушению. Именно, в таких ватагах, наиболее отчётливо проявился стайный инстинкт, который в полной мере реализовал гипнотический принцип, когда слабак, не сумев избавиться от направляющего воздействия агрессивной установки вожака, начинал искренне веровать в его правоту, и не искал оправдания своим последующим действиям. Тяга к разрушению, которая зиждется на чувстве мести (к кому?) за утраченное, заставляет вандалов крушить всё, что попадает под руку: автомобили, витрины магазинов, внутренний

интерьер помещений. Они не задумываются над тем, что всё это когда-то придётся восстанавливать. Они не задумываются и над тем, что такая потребность вообще возникнуть может. Философия жизни сегодняшним днём не допускает такой мысли.

Поселенцы опасаются разрушителей. Их появление в посёлке угрожает нарушить шаткое равновесие, которое здесь воцарилось. К счастью, пока сюда приходят только те, кто бежит от хаоса и насилия. Среди обездоленных пришельцев есть также дети, которых сердобольные взрослые подобрали на улицах города. Смогут ли поселенцы дать отпор распоясавшимся бандитам, если понадобится? На этот вопрос ответить не может никто. Поэтому днём и ночью охрана бродит по окраинам посёлка, готовая при случае применить оружие против непрошенных гостей.

Когда Андрей решил отсюда уехать, он даже вещи в дорогу собрал. Но Томеку удалось уговорить его задержаться на один день, и отдежурить напоследок свою очередь по охране поселенцев. И хотя каждый из дежурной тройки получил для наблюдения свой сектор, на практике, как это обычно бывает и с другими, все сошлись вместе, и вместе барражировали по периметру. Непрошенных гостей пропустить не опасались. Обзор достаточно велик, чтобы кто-то пробрался в посёлок незамеченным. Хотя, при желании можно самую бдительную охрану обмануть.

В тройку к друзьям попал Адам Мрочек, лысоватый фотограф из варшавского Урсинова,²³ который к своим обязанностям отнёсся чересчур рьяно. Он взял автомат на изготовку, и принялся стрелять глазами по сторонам, словно непрошенные гости уже на пороге, и посёлок окружила невидимая вражеская армия. При этом он не ослаблял внимания, но умудрялся достать из футляра свой зеркальный «Никон», и сделать пару-тройку снимков. Андрей с Томеком держались спокойно. Верили, что Кореш, который сопровождал их на дежурстве, конечно же заранее о приближении чужаков предупредит.

Андрея радовала дружба с четвероногим другом. Конечно же они вместе отправятся на поиски детей. Именно поэтому он решил от ставшего уже родным мотоцикла отказаться. «Кавасаки» всем хорош, но Кореш не смог бы удержаться на заднем сиденье. И тогда, при всеобщем участии подобрали мотоцикл с коляской. И какой! В дорогу предстоит отправляться не чем иным, как самым, что ни на есть настоящим «Харлеем Дэвидсоном». Несколько часов подряд Андрей «вкатывался» в

²³ Урсинов – южный район Варшавы

него сам, и «вкатывал» пса. Самое удивительное, Кореша «вкатывать» оказалось не нужно. Он невозмутимо сидел в коляске, когда Андрей выжимал из знаменитой машины «соки» на самой «тряской» дороге. Теперь за Кореша можно не волноваться. В пути не подведёт. Лишь со сроком отъезда осталось определиться.

Адам заметил очередной объект для съёмок, раскоряченный куст, который чем-то напомнил дракона, и засеменил по тропинке по направлению к нему. Томек и Андрей вполголоса беседовали о том, о сём, ни о чём. Неожиданно Томек придержал Андрея рукой, и спросил:

- Не осуждаешь меня?

Андрей удивился. С чего бы это вдруг? Это ему самому оправдываться нужно. Ведь, это он оставляет Изабелу с Кшисем и... Томека, с которым успел сдружиться. Но вопрос задал Томек. Андрей пронизательно глянул на друга.

- Ну выкладывай, что там у тебя?

Томек вытаращил удивлённо глаза.

- Я думал, ты знаешь. Мы это... с Агнешкой решили сойтись.

Он сказал это так, будто можно чего-то другого от них ожидать. Как голубки воркуют по ночам.

- Из вас неплохая пара, - скупое ответил Андрей.

- Тоже так думаю, - обрадовался Томек. - Она завораживает меня. Как вижу её, оживаю.

- Заметно, - согласился Андрей.

Томек недоверчиво глянул на друга, не в силах понять, с издёвкой он так сказал, или действительно так считает. Не до лампочки ли ему из-за отъезда эти переживания? Томек не сумел понять, что в голове друга, вздохнул, и молча продолжил путь. Долго играть в молчанку не пришлось. Где-то со стороны города треснул одиночный выстрел, который заставил встрепенуться и людей, и Кореша. Андрей неуверенно предположил:

- Километра полтора-два отсюда.

- Ближе, - нахмурился Томек. - Надеюсь, не в наших целился.

- Почему сразу целился, может, случайно кто пальнул? - неубедительно возразил Андрей.

Томек, молча пожал плечами, и превратился в слух. Но ничего подозрительного не услышал. Он закинул автомат за спину, и вдруг обрушился на Андрея:

- Ну, а ты чего ждёшь? Смотри, потеряешь.

Андрея передёрнуло даже. Не ожидал от друга упрёков. Серdito ответил:

- А куда спешить? Ну потеряю, так потеряю. Тем более, нечего терять. Не было у нас ничего. Значит, и терять нечего.

- А за чем дело стало? - пожал плечами Томек. - Не было, видишь ли, ничего. Дети вы, что ли?

- Вот именно, не дети, - размеренно произнёс Андрей. - Поэтому, и не могу так, с нахрапу.

- Меня имеешь в виду? - обиженно остановился Томек. - Думаешь, мне это легко далось? Ты думаешь, у меня с нахрапу получилось? Да, я, к твоему сведению, никогда за юбками не гонялся. Перед Моникой было пару увлечений, но всё как-то так, без последствий. А сейчас, случилось. И это не каприз. Это навсегда... И с Моникой у меня так было. Не моя вина, что та жизнь в прошлом осталась. Мы должны заново начинать, с чистого листа. Я верю, бедная Моника не в обиде. Я и правда любил её, по-настоящему любил. Но катастрофа перечеркнула всё, во что мы верили. Кто виноват, что случилось такое? Этот мир уже не тот, каким был прежде. Это не Земля. Мы на другой планете. Мы сами стали другими. Нельзя жить старыми понятиями. Их уже нет, не существует. Сейчас нам приходится создавать новые принципы, новые понятия, которыми будут оперировать потомки. Мы создаём совершенно новый мир.

Андрей вздрогнул. Снова таинственный Старик проявился в высказываниях Томека. «Но этого быть не может, - прокричал разум Андрея, - я ничего не создавал, никакого нового мира. Боже, сколько может меня преследовать это наваждение?»

- Каждый новый день – это небесный дар, - продолжал Томек свою риторичку. - Каждый потерянный день будет навсегда потерян. Разве можем себе позволить транжирить отпущенного нам?

- Ты считаешь, время зря транжирим? - парировал Андрей. - Не заметил такой расточительности.

- Да я это к тому... - скривился Томек, - что надо Бога благодарить за каждый отпущенный день, и не носить в сердце обиды за то, что с нами со всеми случилось.

- Ишь ты, философ, - удивился Андрей.

- Психолог, - поправил Томек.

- Да, нет же, друг мой, философ, - не согласился Андрей.

- Ты мне зубы не заговаривай, - рассердился Томек. - Я о деле говорю. Не видишь, как Изабела мучается? Она же влюбилась в тебя по уши.

Андрей насторожился:

- А тебе откуда известно, мучается она, или нет?

Томек развёл руками:

- А что, это тайна какая? Агнешку спроси. Она тебе всё, как на духу, выложит.

Агнешка? Агнешка может и правда знать то, чего не знают другие. Всё-таки, они с Изабелой, как Томек с Андреем, неразлучные.

- Не мучай девчонку, объяснись, как есть, - продолжил Томек свою риторику.

- Ишь ты, шустрый какой! Объяснись... Как объясниться, если я польски ни бум-бум. Ты что ли переводчиком будешь?

- Зачем вам переводчик? Там, где есть любовь, никаких слов не нужно. Всё само собой понятно. Да ты попробуй только. русский язык не китайский, она всё поймёт. Дай ей хоть какую-то ей надежду.

- А зачем связывать её так? Сам знаешь, жизнь, она штука такая - сегодня на коне, а завтра в гов..., - Андрей замер на мгновение, не желая в такой момент упоминать срамное слово, но быстро нашёлся, - в огне. Я ведь не на танцы отправляюсь. Дорога, она такая, мало ли что в пути случиться может? Может, и вернуться не получится.

- Ах ты фаталист, капустой тебе по башке, - рассердился Томек. - Смотри, не накаркай перед дорогой.

- А тут каркай, не каркай, - проворчал Андрей, - всё одно, дорога. С собой мне что ли брать её? Куда с ребёнком в такую даль? Не буду даже тревожить её сейчас. Вот даст Бог, вернусь, тогда и поговорить можно.

- Вот вернусь, тогда и поговорю, - передразнил друга Томек. - А что сейчас мешает? Ты вопрос ребром поставь, так мол, и так. Жди!

- Опять двадцать пять, - рассердился Андрей. - Что ты меня погоняешь? Зачем ей надежду давать, если вдруг не судьба мне будет вернуться сюда? А если вернусь, и она дождётся, значит по-настоящему всё. А нет... на нет, и суда нет.

- Послушать тебя, так это не мы, а дамы должны мужиков обхаживать. Белый танец какой-то, ей-Богу. Ты что, предлагаешь...

- Ничего я не предлагаю, - раздражённо прервал друга Андрей.

Томек удивился. Никогда своего приятеля таким раздражённым не видел.

- Да ты пойми, - примирительным тоном заговорил он, - девчонка...

- Вот именно, девчонка, - колко отрезал Андрей. - Через двадцать лет...

- Так, вот ты о чём! - разложил руками Томек. - Через двадцать лет... Через двадцать лет ей тоже не двадцать пять будет. Послушай меня...

Но что он сказать хотел, Андрей так и не узнал. Снова сухо щёлкнул выстрел. На этот раз они отчётливо определили, где-то совсем рядом с посёлком. Судя по жалобному собачьему вою, стреляли в собаку. А долетавшее до слуха разноголосое собачье ворчанье подсказывало, что стрелявший отбивается от собачьей стаи. Об этом уже приходилось слышать. Известное дело, одичавшие собаки сбиваются в стаю, и отважно нападают на людей. Кореш помчался во весь опор к отдалённым зарослям орешника, откуда послышался выстрел. Адам вприпрыжку помчался за ним. Впрочем, ему не только не удалось его догнать, он оказался позади Андрея с Томеком, которые в момент выстрела были далеко позади. Отчаянный лай Кореша перекрыл разноголосый рык стаи. Андрей выстрелил в воздух.

Когда они пулей продрались через заросли орешника, им представилась ужасающая картина. Кореш из последних сил отбивался от десятка разъярённых собак, среди которых выделялся широколобый ротвейлер. Пожалуй, Корешу было бы несдобровать в схватке один на один с таким матёрым противником. Но ему помогла мелочёвка, которая путалась под ногами у того, и другого. Ротвейлеру приходилось огрызаться направо и налево, а Кореш в это время успевал увернуться от грозного захвата. Вместе с тем мелочёвка подгрызала его за ноги, за брюхо, хватала за хвост.

Андрей выстрелил поверх голов. Всю мелочёвку, как ветром сдуло. Остальные собаки огрызнулись, и отделились на несколько метров. Ротвейлер сверкнул клыками, и сделал шаг по направлению Андрея. Кореш едва не выпрыгнул из шкуры, и перегородил дорогу. Андрей выстрелил в ротвейлера, но пуля ударила рядом с ним в землю. Ротвейлер поджал хвост, и отскочил. В его пылающие недобрым пламенем глаза уставились дула автоматов Томека и Андрея. Он резко отвернулся, и засеменял прочь. Вместе с ним место стычки покинула вся стая.

- Зря вы... не застрелили его, - высказался Адам, который задохнулся с непривычки после вынужденного спурта. - Как пить дать, порвёт кого-нибудь.

Но Андрей с Томеком не слышали Адама. Они рассматривали перепачканную кровью помятую траву. Кровавый след тянулся в орешник. Через несколько шагов наткнулись на потрёпанное собаками тело незнакомца. Прежде в посёлке они этого человека не видели.

- К Зенону его надо, - подсказал Адам.

Зенон, то ли фельдшер, то ли ветеринар. Но в посёлке его величают доктором. Он один знает, как помочь людям побороть болезни.

Незнакомец находился на той грани, когда трудно определить, в сознании он, или уже в обмороке. Андрей с Томеком подняли окровавленного незнакомца на руки, и, стараясь не причинять бедняге мучений, понесли в посёлок. И только тогда Андрей заметил, как странно ковыляет Кореш. Как некстати. Нельзя отправляться в дорогу с раненым псом. А откладывать отъезда уже не хочется.

Зенон не спасовал, увидев истерзанного человека. Кивком он указал на кушетку, и начал уверенно разрезать на бедняге одежду, чтобы добраться до ран. Мимоходом глянул на Кореша, раны которого осматривал Андрей, и заверил:

- Вылижется.

Потом достал из шкафчика какой-то препарат, взболтнул, шприцем набрал небольшую дозу, и без колебаний вколол Корешу. Кореш дрогнул, но протестовать не стал.

- Не бойся. Выспится, человеком будет, - пошутил Зенон. - Я потом рецептик выпишу, надо лекарства кое-какие из Варшавы привезти.

- Ты, что, Зенон, какие сейчас рецепты? - удивился Томек.

- Знаю, - отмахнулся эскулап. - Названия лекарств напишу. А вы сгоняете на оптовый склад на Казимежовской, адрес дам. Там найдёте лекарства для пса, и загрузите ещё чего побольше. Скотина, она тоже нуждается в лечении. Да, я сам с вами поеду. В фуру лекарства погрузим, и привезём.

- А ты, Зенон, случаем, не ветеринар, - находчиво заметил Адам.

- Какая разница, кем я был в прошлой жизни, - равнодушно пожал плечами Зенон, чем косвенно подтвердил подозрения Адама.

Он не стал вдаваться в дальнейшие дискуссии, открутил закрутку с бутылки текилы, наклонил горлышко, и тоненькой струёй направил содержимое в рот несчастного. Незнакомец встрепенулся, закашлялся, и смачно выругался. Затем вытаращил глаза на Зенона, и принялся быстро-быстро о чём-то лепетать. Чтобы вставить слово, Зенон направлял струйку текилы в рот незнакомца, и, получив передышку, успевал о чём-то спросить. Томек с Адамом не встречали, и с интересом слушали разговор.

- О чём они, - не выдержал Андрей, он и слова не успевал уловить в отчаянном лепете несчастного.

- Говорит, стоя никакого шанса ему на спасение не дала, - охотно отозвался Томек, - Как в городе окружила, так и не подпустила к подъезду какого-либо дома приблизиться, ни к автомобилю. Как истинные загонщики, со знанием дела за город погнались. Он тогда о нас подумал, решил, если успеет до поселка дотопать, спасётся. Даже показалось, за городом стоя вроде как успокоилась, перестала атаковать. Только одиночки, будто на пробу, сзади подбирались. Потому и стрелял. А когда последний патрон остался, осмелели, и бросились на него. Так что, опоздай немного Кореш, уже не поговорил бы.

- Не судьба, - глубокомысленно заметил Адам.

- У нас у всех одна судьба, - повернулся к ним Зенон. - Эти собачьи стаи ещё не раз икотой отзовутся. Собаки, не волки. Человека совсем не боятся. Жалко, не жалко, а надо бы пожестче с ними.

Андрей с опаской посмотрел на Кореша. Беспокоился, что поймёт, о чём они.

- К нему не относится, - угадал значение беспокойного взгляда Андрея Зенон. - Опасны лишь те, что одичали. А этот за хозяина жизнь отдаст. Да, как видно, не только за хозяина.

Зенон смерил многозначительным взглядом пациента.

- Ну, ты, Зенон, поколдууй тут над ними. А мы отдежурим своё, - напомнил об обязанностях Томек.

Андрею не хотелось четвероногого друга оставлять. Он жалостно поморщился, и спросил:

- А как быть с Корешем?

Зенон заверил:

- Ничего ему не будет. Несколько часов проспит, потом, как на пружинах будет. Да ты не сомневайся. Я в этом толк знаю. Пусть выспится здесь, а после дежурства за ним придёшь.

Только после таких заверений, Андрей согласился вернуться на охрану посёлка.

Шли молча. Томек не желал прерванного разговора возобновлять, а Андрей знал, что ни сегодня вечером, ни завтра утром не уедет. Надо Корешу дать время зализать раны. Впрочем, на разрыв работала мысль, что и дети могут сильно нуждаться в нём. Они тоже в какую-нибудь историю попасть могут. Конечно, если выжить сумели. И вдруг, как ножом отрезал – завтра еду, после обеда, без Кореша.

ДВЕНАДЦАТАЯ ГЛАВА

День опрыскивал землю остатками слёз, и обещал быть хмурым и прохладным. Подуставшие бригадиры делали последние приготовления к приёму «гостей». Слишком мудрить не стали. Бандитов решили на въезде в микрорайон встретить, окружить, и обезоружить. Роль приманки взял на себя Алексей. Для предосторожности он под спортивный костюм надел VIP-овский бронежилет, который нашли в квартире какого-то бизнесмена. Для страховки в ближайшем кустарнике с пулемётом залёг спасатель татарского МЧС Ильгиз Хуснеев. Остальные, чтобы не испугать бандитов, попрятались поодаль.

К одиннадцати часам закончили приготовления, и начали отсчёт времени. В бронежилетах бригадиры выглядели, как ополченцы. В общем-то, они и были ополченцами. Но серьёзного отношения к предстоящей операции не чувствовалось. У бригадиров возобладало чувство эйфории, мол, «шапками закидаем». Среди них нашлись горячие головы, которые принялись обсуждать детали операции по рации. Из опасения за преждевременный срыв операции, Алексей, которого беспрекословно признавали командиром, запретил пользоваться радиоэлектронными средствами. Но бригадирам хотелось быстрее разобраться с бандитами, и вернуться к работе. Дисциплина в только что сформированных подразделениях захромала. То и дело бригадиры покидали свои посты, чтобы самостоятельно глянуть на дорогу. Алексею снова и снова приходилось одёргивать нарушителей, но через минуту-другую всё повторялось.

Как ни тянулось время, но всё равно перевалило за полдень. Бандиты не появились. Разброд среди бригадиров становился почти неуправляемым. Спешные приготовления казались напрасными. Наконец, наблюдатели подали сигнал о приближении чужих автомобилей.

Нервно поглаживая ложе автомата, Виктор присел на корточки за мусорным контейнером. Рядом примостился Ахмед-абы. Он вытянул шею, и стал внимательно рассмотреть участок дороги, на котором топтался Алексей.

На пригорок въехали два автомобиля. Не сбавляя скорости, к Алексею подрулили знакомый бригадирам мерседес, и цвета мокрого асфальта джип. В мерседесе мелькнули уже знакомые лица. Джип оккупировали мордвороты в армейском камуфляже с полной

экипировкой. Бригадиры опешили. Они ожидали распоясавшихся бандитов увидеть, но вооружённых командосов никто не ожидал.

Алексей насторожился. При виде высыпавшихся из «джипа» командосов его взяла оторопь. Худощавый приоткрыл дверь и мрачно уставился на него. Затем презрительно сплюнул, и рывкнул:

- Ну, ты, бык! Чо за мотня, в натуре? Где тусовка?

Алексей промолчал. Неожиданно худощавый прытко выскочил из автомобиля, и нервно достал из кармана пистолет. Следом из мерса выбрался рослый небритый верзила в тёмных широченных штанах, и чёрной кожаной безрукавке на голое тело. Под глазами у него были синюшные мешки, а на руках и груди картинная галерея в стиле «век свободы не видать». В руках, словно игрушка, отливал чёрной воронёной сталью УЗИ.

Алексей развернулся, и что было сил рванул к кустам. Худощавый вскинул пистолет, и прицелился. Но поймать на мушку петляющую фигуру оказалось не просто. Верзила был расторопнее. Он выпустил короткую очередь навскидку. Силой выстрела Алексея толкнуло на кусты.

Первым опомнился Ахмед-абы. Он встал, и выстрелил из тулки. Выстрел пробудил бригадиров к активным действиям.

Пуля, которую выпустил Ахмед-абы, угодила худощавому в голову, и опрокинула его словно куль под ноги верзиле. Верзила испуганно присел, и попятился к мерседесу. При этом стал стал короткими очередями постреливать по сторонам. Виктор высунулся из-за контейнера, и дал очередь из автомата. Искрами брызнули разбитые стекла мерседеса. Фиксатый блондин, которого зацепило, с рёвом выскочил оттуда, пробежал до обочины, и повалился на траву. Верзила также хнул от боли, и упал около автомобиля. Он выронил из рук УЗИ, прижал руки к животу, и начал по земле кататься.

Джип взревел мотором, и вывел из оцепенения командосов. Они ринулись к нему, и стали на ходу заскакивать в распахнутые дверцы. Джип лихо рванул вперёд, объехал мерседес, и устремился вглубь микрорайона. Бригадиры пытались его обстреливать из засады, но оттуда полетели ответные очереди. Джип проделал головокружительный слалом, и на полной скорости благополучно скрылся за соседними домами.

Краем глаза Виктор заметил, что за низким штакетником, которым огорожена детская площадка, укрылся отставший от джипа командос. Виктор взял автомат на изготовку, и устремился к нему. Но стрелять не

пришлось. Испуганный командос зажмурился, и прижался всем телом к штакетнику. Виктор обрушил на его голову, скрытую каской, огромный кулачище. Тот выронил автомат, ещё больше съёжился, и выставил локти в защиту от мощных ударов, в которые Виктор вкладывал всю свою ярость. Рядом выросла могучая фигура Ильгиза Хуснеева.

- Оставь его. Нам язык нужен, а не труп, - скороговоркой выпалил он, и оттащил Виктора за плечи.

Виктор задохнулся с непривычки, и от быстрого бега, и от ударов, в которые вложил душу, и от ненависти к бандиту. Командос корчился от боли, жалостно привывал от страха, и ёрзал по земле.

- Как же ты так? - с надрывом процедил багровый от злости Виктор. - Что ж ты варежку разинул? Стрелять было надо.

- Заело.

- Заело! Такого парня потеряли.

- Не потеряли, жив Алексей, - успокоил Ильгиз.

В подтверждение его слов Алексей вышел на дорогу при поддержке Макса. Выглядел он неважно, непривычно бледный с багрово-фиолетовыми тенями под глазами. Но главное, живой. При каждом шаге Алексей постанывал, и тяжело дышал. Его оглушило, но он постепенно приходил в себя. Примелькавшаяся бригадирам адидасовская куртка в нескольких местах со спины оказалась простреленной. Пули расплющились о бронезилет, но так и не достали до тела. Перед Алексеем с озабоченным видом возник Леонид.

Алексей встретился взглядом с Виктором, и сипло пробормотал:

- Повезло, что в голову не попали.

Ахмед-абы враскачку, словно Ванька-встанька, бормотал себе под нос по-татарски над трупом подстреленного им худощавого. То ли молитву какую-то читал, то ли высказывал всё, что думает об убитом бандите. Возбуждённые бригадиры столпились на дороге. Они недоумевали, как умудрились джип упустить. Алексея аккуратно положили на носилки, которыми день раньше выносили из квартир мертвецов, и понесли в штаб-квартиру. Раненых в перестрелке верзилу с фиксатом отправили вместе с избитым командосом в школу. Верзилу, который тихо постанывал, и прижимал руки к простреленному животу, положили в коридоре на матрац. Легкораненого фиксатом с командосом, который оказался совсем молоденьким, лет семнадцати пареньком, завели в соседний класс. Оба были сильно испуганы, и затравленно наблюдали за бригадирами.

- Ну что, братки? Что с вами делать будем? - участливо спросил Ильгиз.

- А что я? Я тут вообще не причём, - еле слышно всхлипнул вояка, избитый Виктором.

- Мы ещё посмотрим, - назидательным тоном произнёс Ильгиз. - Если расскажешь всё, как есть, может отпустим, а если...

- Я всё, всё расскажу, - с готовностью перебил Ильгиза паренёк. - Всё, что знаю, расскажу.

- Ты не жилец, - заревел из коридорчика верзила, - сука паскудная.

- Ты там заткнись, бычара, - рявкнул на верзилу парень с длинными гладко зачёсанными волосами, который недавно присоединился к бригаде.

- Кто там... - верзила снова скрутился от боли, и еле слышным голосом закончил, - вяка... ет.

- Ну, я, - с ненавистью отозвался гладкозачёсанный. - Думаешь тебя, блатату, испугался? Сдохнешь, мразь!

Ильгиз поудобнее развалился в кресле, и поторопил паренька:

- Давай, начинай по порядку. Кто у вас главный?

Паренёк глянул с опаской на фиксатого, который болезненно морщился, и потирал простреленное плечо. Затем начал сбивчиво отвечать:

- Алим всем заправляет... И ещё много с ним разных... Менты есть... военные... Политики какие-то. И даже с этих самых... с этих... с депутатов, что ли... или с правительства, может. Кто их разберёт? Кого там только нет. Под Алимом, и крутые из разных группировок... «Шестёрка», разных... тоже хватает. Эти самые говнистые. Из шкуры лезут, чтоб перед крутыми выпендриться...

- Кто такой Алим? - перебил паренька Ильгиз.

- Не знаю, - испуганно съёжился паренёк. - Правда, не знаю. Мафиозник, наверное. Или бизнесмен. Стингер его хозяином называл.

- Кто такой Стингер? - уточнил Ильгиз.

- А тот, которого вы прихлопнули, - услужливо ответил пленник.

Он с надеждой всматривался в глаза бригадиров, и понять пытался, как они с ним поступят. Сочувствия в их глазах он не заметил, повернулся к Ильгизу, и сбивчиво пояснил:

- Ну, тот... дохлый такой, в пиджаке... Стингер тоже из крутых... был.

- Теперь уж окончательно дохлый, - нашёлся гладкозачёсанный.

- Так, значит. Крутые, менты, шестёрки... - Ильгиз недоверчиво потёр шею, и обратился к фиксатому. - А ты что скажешь, болезный. Кто такой Алим?

- Пош-шёл ты... - сгорбился стингеровский водила.

- Я-то пойду, - равнодушно пожал плечами Ильгиз. - Только ты, вижу, отходился.

- Тогда о чём базар? - еле слышно пролепетал фиксатый.

Несмотря на браваду, страх так и просвечивал в затравленном взгляде фиксатого. Ильгиз усмехнулся:

- Ладно. С тобой мы ещё побеседуем.

Он повернулся к пареньку, и продолжил допрос:

- В каком районе база ваша?

- Какая база?

- Где Алим ваш грозный находится?

- Алим?

- Он самый, - подтвердил Ильгиз.

Коммандос облизал пересохшие губы, и процедил:

- В Кремле.

Бригадиры загалдели.

- Куда его занесло!

- Ишь ты, бандюга!

- Так-так... - на месте поёрзал озадаченный Ильгиз.

- Да, вы хоть знаете, кого убили? - взъерепенился фиксатый, и передразнил коммандоса. - Стингер!.. Крутой!.. Крутые на прошлой неделе закончились. Стингер референтом у Алима был.

- Референтом? - удивился Ильгиз. - Каким референтом?

- Референтом, - повторил фиксатый, и презрительно сплюнул. - По работе с населением референтом. Всё чин-чинарём!

- По работе с населением, значит... - недоверчиво покачал головой Ильгиз.

- По работе с населением, - подтвердил фиксатый. - Вы что думаете, мы просто так сюда приехали? Мы поручение правительства выполняли.

- Какого правительства? - не выдержала рыжеволосая женщина в омовском обмундировании с камуфляжной раскраской.

- Обыкновенного, - презрительно ответил фиксатый.

- Хорошее дело, - покачал головой Ильгиз. - Правительство, как правительство... Бандиты у них референтами. И правда, ничего особенного.

- Так мы что, с правительственными посланцами воевали? - догадливо протянула рыжеволосая.

- А называй не называй шакала львом, - глубокомысленно заметил Ахмед-абы, - шакал, он и *ест* шакал.

Ильгиз продолжил допрос.

- Сколько народу там у вас?

- На вас, козлов, хватит, - отмахнулся фиксатый.

- За козла ответишь, - попытался его достать с правой Макс.

Ильгиз успел перехватить руку, и укоризненно сказал:

- Подожди с мордобоем. Сначала по-хорошему попробуем.

- Он сам козёл, - обиженно произнёс Макс.

- Согласен, - не возражал Ильгиз. - Будет подскакивать, я его лично закопаю, живьём. - Затем он резко повернулся к командосу, и надавил: - Может, ты скажешь?

- Точно не знаю, - испуганно скукожился паренёк. - Если всех считать, тысяч пять, не меньше будет, а если боевые бригады... не знаю... около полутора тысяч, может, больше уже... Народу каждый день прибывает.

- Не втирай, - не выдержал гладкозачёсанный. - Откуда народу-то столько набралось?

- Честно, - дрогнул голос у командоса. - Крутые... Ну, референты эти, по всей округе собирают. Каждого, кто уцелел на учёт свой ставят. Всех, кто старше тринадцати, под ружьё загребают. Кого-то на объект сажают, а кого-то на сопровождение, как нас. Есть и такие, кого на спецоперации шлют.

- Какие спецоперации? - заволновались бригадиры.

Верзила в коридорчике от бессилия и боли забарабанил кулаком по стене, и проревел:

- Теперь на вас, козлов, спецоперация будет.

- Молчи, гад, - взволнованно приструнили его бригадиры.

- Нет, я ему сейчас точно пасть заткну, - пообещал гладкозачёсанный, но не сдвинулся с места.

- На Компрессорном нашлись отчаянные, - испуганно скосил взгляд на фиксатого паренёк, и подобострастно продолжил рассказ. - Заартачились, не подчинились Стингеру. Так там настоящую мясорубку устроили...

Паренёк заметил потемневший взгляд Ильгиза, поперхнулся, и замолчал.

- Чего замолчал? - вывел его из оцепенения Ильгиз. - Что там натворили-то?

- Меня там не было, - испуганно заверещал перенёк, и кивнул в сторону верзилы: - Говорят, Бугай тех отчаянных для острастки на куски порубил. Остальным тоже до кучи досталось.

- Сука болтливая, щегол... - взревел из коридора верзила, и добавил в адрес вконец испуганного паренька: - Считаю, уже не жилец.

- За себя молись, падла, - не выдержал Виктор. - Я таких, как ты...

- *Жрат печенка свуй будишь*, - пригрозил верзиле Ахмед-абы.

Бригадиры удивлённо посмотрели на воинственного старика. Не знали, верить или не верить, всерьёз ли он произнёс свою угрозу.

- О каких ещё операциях расскажешь? - продолжил допрос Ильгиз.

- На Оренбургском тракте с курсантами возня идёт, - охотно продолжил паренек. - Против них человек пятьсот, не меньше, кинули. В Кировском районе подстрекатели нашлись. Рабочих вертолётного и порохового заводов на бунт подбили. Два дня бузили. Потом зачинщиков под Залесный выперли.

Бригадиры переглянулись. О сопротивлении в Кировском кое-что от гостей слышали. Бандиты круто развернулись, если паренёк не соврал. Теперь до бригадиров дошло, в какое дерьмо они вляпались. Насухо из этой заварухи не выбраться.

Верзила снова подлил масла в огонь:

- Раздавят вас, как котят раздавят. Я вам отвечаю, раздавят...

- Не говори гоп, пока не перепрыгнул, - заметил Ильгиз.

Он воспользовался немочью Алексея, и ненавязчиво взял на себя руководство. Никто не протестовал. Уверенность спасателя МЧС импонировала всем. Ильгиз приказал запереть пленников в школьном подвале. Коммандос заранее представил себе тёмную и мрачную нору, в которой окажется в обществе фиксатого и верзилы, упёрся, и заверещал. Ильгиз смягчился:

- Этого отдельно заprite. Придушат, гады.

- Часа через полтора-два, как пить дать, вернутся, - высказал предположение Виктор. - Школу оставить надо, слишком заметная цель.

- Если сунутся, врежем, как следует, - возразил Ильгиз. - Успокоятся.

- Не потянем, - засомневался мужичонка в засаленной спецовке с охотничьим обрезом в руках.

- Потянем. Ещё как потянем. У них тоже с людьми проблема. Сами прикиньте сколько вояк они сюда прислать сумеют. В Залесном у них

заварушка. На Оренбургском с курсантами тоже сцепились. В городе неспокойно, и Кремль без охраны не оставишь. Пусть сунутся. У них там необученные мужики, и дети под ружьём, - кивнул головой на командоса. - Понятно, всего микрорайона не удержим. И не надо. Дома за пустырьём и за прачечной бросить можно. А здесь поблизости рассредоточимся, и из засад будем их колошматить, если сунутся. Десяток-другой положим, остальные, как миленькие, присмирят. Кому умирать охота?

Алексей в прения не ввязывался. Он прислонился к стенке, и думал о чём-то своём. Возможно, чеченские события вспоминал.

В класс заглянула сердитая соседка. Она возмущённо заорала, потрясая жирными телесами:

- Вы чё это надумали, мужики? Нас и так мало осталось, а вы войну тут устраиваете.

- Вот и топай в Кремль, объясни им, - резко сказал Ильгиз. - Мы воевать не собираемся. Но бандитов в микрорайоне не потерпим.

- Да вы чё, в самделе, - всплеснула руками соседка. - Там же власть.

- Мы этой власти не выбирали, - нахмурился Ильгиз, - и не присягали ей на верность. Если захотят с нами сотрудничать, пусть нормальных людей присылают, поговорим.

- Так-то оно конечно так, - согласилась соседка. - Только где их взять, нормальных-то? Все нынче злые стали, беспредельничают.

- Мы не злые, и беспредела не творим, - отпарировал Ильгиз.

- Не злые, говоришь? - встала в позу соседка. - В знак любви по людям из пушек палили?

- Каких пушек? - удивился Михась.

- Гранатомёт за пушки приняла, - пояснил Макс. - Не люди это были.

- С бандитами у нас разговор короткий, - ёмко ответил Ильгиз.

- И что теперь делать нам прикажешь?

- Или к нам присоединяйтесь, или ищите место спокойнее, - заявил Виктор.

- Точно, - поддержал его Ильгиз.

- А пошли вы все подальше, - хмуро заявила соседка, и ушла.

- Ладно, действуем, - распорядился Ильгиз.

Детей перевели в один из жилых домов. С ними оставили пару женщин, остальных поставили под ружьё. Каждый человек на счету. Ополчение собралось перед школой.

- Короче, - распорядился Ильгиз, - если кто-нибудь вякнет хоть слово по рации, язык вырву. Сами слышали, с кем приходится иметь дело. Они легко могут нашу трескотню подслушать. Сначала шифр разработаем, потом в эфир разрешу выходить. А пока, и думать забудьте. С этой минуты переходим на партизанское положение. Если бандиты досаждают не будут, продолжим работу по захоронению останков. Но если назойливыми окажутся, бить будем из укрытий, и наверняка.

При штабе остались трое: Алексей, Сима, и тетя Таня Коцеба с больными ногами. Десяток парней покрепче отобрали в мобильную бригаду. Именно, им поручалось идти на активный боевой контакт с бандитами. Остальным посоветовали слишком не высовываться.

Микрорайон поделили на десять секторов, и в каждый сектор направили семёрку дозорных. Семёрки разбили на три пары с командиром. Пока одна из пар патрулировала сектор, две другие оставались в распоряжении штаба, и в случае чего должны тот сектор усилить, который окажется под угрозой.

Виктора назначили командиром семёрки юго-западного сектора микрорайона. Он тут же направил туда пару дозорных. Эйфория закончилась, все с тревогой ждали возвращения неприятеля.

Долго себя ждать бандиты не заставили. Около трёх часов дня наблюдатели заметили, как совершенно не таясь, по автомагистрали едут две газели, пазик, и пресловутый джип.

«Не густо, - решил Ильгиз, - и примитивно». Он ожидал от бандитов большей фантазии. Зачем снова лезть на рожон в старую западню? А, может, в этом и есть хитрость? Как бы с тылу не ударили. Но выбирать не приходится. Кроме мобильной бригады можно привлечь лишь свободных от патрулирования соседних секторов бригадиров. А это тоже не ахти сколько. Ильгиз спешно расставил бойцов так, чтобы пропустить колонну в микрорайон, отсечь пути отступления, и не дать возможности просочиться дальше.

Но планы планами, а всё пошло иначе. Колонна не доехала ста метров до крайних домов, и остановилась на шоссе. Пазик остался на месте. Его пассажиры, полтора десятка командосов, рассыпались вдоль пригорка, и заняли боевые позиции. Газели с джипом оцетинились автоматами, и медленно двинулись к жилому массиву. Микрушки остановились около автобусной остановки на въезде в микрорайон, и развернулись таким образом, чтобы при случае не терять времени на разворот. Их экипажи повторили маневр командосов с пазика, и

рассыпались по земле. Теперь стало ясно, на этот раз бандитов голыми руками не взять – полная взаимостраховка.

- Грамотно действуют, сволочи, - с досадой пробормотал Ильгиз.

Крадучись, джип приблизился к изрешечённому мерседесу худощавого.

- Не похожи они на бандитов, - струхнул Виккентий Левицкий, которого за интеллигентные манеры прозвали профессором. - Военные, или омовцы. Может, без стрельбы поговорить с ними. Ведь наши всё-таки люди. Поймут.

- Может, и поймут, - согласился Ильгиз, который приткнулся неподалёку с ручным пулемётом, - только, как это сделать? Раньше думать нужно было.

- Ближе подъедут, крикнем, чтоб не стреляли. Затем понять им дадим, что согласны на переговоры... - подсказал Левицкий.

Ильгиз молча кивнул головой, то ли в знак согласия, то ли в знак того, что принял к сведению.

- И задницу заранее намылим, - недовольно пробурчал Виктор.

Пассажир джипа выскочил из автомобиля, и подошёл к трупу худощавого. Левицкий нетерпеливо поёжился, и подтолкнул Ильгиза в локоть:

- Пора.

Ильгиз замешкался было, но быстро преодолел сомнения, и приподнялся. В это время прозвучал выстрел из гранатомёта. Граната скользнула мимо одного из автомобилей прикрытия, и прежде чем взорваться, пролетела ещё метров сто двадцать – сто пятьдесят. Сказалось отсутствие стрелковой практики у гранатомётчика. Бригадиры, нервное напряжение которых достигло апогея, открыли по пришельцам беглый огонь из пулемётов и автоматов. То ли пулей что-то повредило, то ли водитель испугался, но джип неожиданно заглох, и его никак не удавалось завести. Экипаж засуетился, и предпочёл не подставляться под огонь. Командосы покинули автомобиль, и залегли поблизости от автомобиля.

Выстрел из второго гранатомёта также не достиг цели, но окончательно спугнул группу прикрытия. Командосы сгрудились вокруг автомобилей, и стали наугад отстреливаться. Пулемётная очередь сразила водителя одной из газелей. Этой же очередью зацепило двух командосов из группы прикрытия. Командосы втянули раненых в неповреждённую газель, и прытко отъехали к пазику. Разгорячённые бригадиры перенесли огонь на пригорок, за которым укрылись командосы. К столь жёсткому

приёму бандиты оказались не готовы. Они оставили в окружении товарищей, и предпочли удалиться по направлению к центру города. Коммандосы с джипа переползли к штакетнику, и укрылись за ним. Ильгиз снова высунулся из своего укрытия.

- Ну, что, братва, сопротивление бесполезно. Может не будем ерепениться? Всё равно деваться вам некуда. Вы окружены. Если жить хотите, поднимайтесь с высоко поднятыми руками, и без оружия. А нет... постреляем, как уток.

Коммандосы не проявили себя никак.

- Как знаете, - разочарованно произнёс Ильгиз. - Считаю до десяти, и молитесь.

Коммандосы поняли, что из этой западни уже не выбраться. Кто-то из них крикнул:

- А не тронете нас?

- Если будете без оружия, не тронем, - пообещал Ильгиз.

Коммандосы стали неохотно вставать. Бригадиры разоружили пленных, сняли с них каски и бронежилеты. Это добро ещё может им самим послужить.

- Ну, ты, валенок, Олег, - закипятился конопатый Михась, наседа на незадачливого гранатомётчика. - С такого расстояния промазал.

- Может, сам попробуешь? - отмахнулся покрасневший Олег Мартынюк.

- И попробую, - охотно согласился крепыш.

- Да будет вам, - окриком урезонил разгорячённых парней Виктор. - Все мы не без греха. И так всё в жилу обошлось.

- А могло лучше быть, - не успокаивался Михась.

- А ну, кончай базар! - прикрикнул на него Ильгиз. - Не хватает разборок меж собой. На бандитов свой пыл поберегите. Теперь они хитрее будут. Сами видели, соображают в военной тактике.

- Может, отпустить пленных, - предложил Виккентий. - Пусть там скажут, что мы готовы к переговорам.

- Поздно, профессор, - отрицательно покачал головой Ильгиз. - Глупо просить прощения после такой головомойки. Потом помозгуем, как с ними договариваться.

- Что с этими? - кивнул головой на группку коммандосов Виктор.

- В подвал, - распорядился Ильгиз. - Отпускать нельзя. Слишком много видели. Нельзя играть открытыми картами.

Весть о стычке моментально разнеслась по округе. Соседи настороженно наблюдали за действиями бригадиров. Теперь уже никто не сомневался в серьёзности намерений обеих конфликтующих сторон. Некоторые из соседей всё ещё надеялись, что их это не коснётся, но большинство предпочло не рисковать. Они решили заваруху переждать в спокойном месте за пределами микрорайона. Бригада тоже сократилась на двух женщин. Остальным, то ли не хватило смелости, чтобы уйти, то ли хватило храбрости, чтобы остаться. В ожидании гостей бригадиры патрулировали окрестности до самой темноты. Однако, душ для тех оказался слишком холодным.

- Ночью могут попробовать, - осторожно предположил Виктор, хлебая густые щи за поздним ужином.

- Не думаю, - не согласился Алексей, который лежал у стены на брошенных на полу матрацах. Он кивнул на рацию. - Я тут слушал их болтовню. Они не знают, сколько у нас народу. Не ожидали такого отпора. А больше всего гранатомётов испугались. Сегодня можно спокойно спать. Ночью лезть не рискнут. Снова в засаду побоятся попасть. Это ясно. Два раза хорошенько обожглись, третий раз на холодное будут дуть. Скорее всего, завтра щупать начнут.

Трудно не уловить логики в словах ветерана чеченской компании. Но в Кремле также могли бывшие чеченцы оказаться. Так что расслабляться рано. Коммандосы могут от тактики лобового удара отказаться, и приготовить какой-нибудь другой сюрприз.

В комнату вошёл Михась с гранатомётом на плече. Он отставил оружие к стене, придвинулся к столу, и спросил:

- Как пленные, не артачились?

- Куда там, - усмехнулся Алексей. - У Ильгиза свой метод. В расход их пообещал пустить, и как миленькие раскололись. Всё, что знали, пропели.

- Не думали, пацаны, что мы тоже не лыком шиты, - заулыбался Михась.

- Да нет, не пацаны. У двоих Чечня за плечами. Так что пацанами их не назовёшь.

Сима Магдеева придвинула Михасю тарелку со щами, и заметила:

- А что Чечня? Умирать-то никому не охота.

- Может, и так, - согласился Алексей.

- Умирать и правда добровольцев не найдётся, - понимающе вздохнул Михась.

- Не жилось спокойно... - словно в укоризну пробормотала Сима.

Виктор с грустью подумал, что спокойной жизни больше не будет. Коммандосы, если не удастся договориться, рано или поздно доберутся до них.

ТРИНАДЦАТАЯ ГЛАВА

Посёлок зализывал последние раны после катастрофы, и обживался. Андрей собрал вещи, которые могли в дороге понадобиться, и опробовал «харлея». Соседи по особняку не мешали в сборах, но и не помогали. Поляки будто отрезали его. Даже Томек демонстративно устранился от помощи в сборах. Только Изабела оставалась по-прежнему внимательной к нему, и доброжелательной. Для остальных в одночасье он стал чужаком.

Так Андрею казалось. Но на самом деле всё было иначе. Некоторые поселенцы успели его зачислить в число своих, и его сборы их взбудоражили. Андрей не догадывался, что за его плечами произошла дискуссия на тему его отъезда. И Томек сумел убедить земляков в бесполезности, и вредности нажима на Андрея. По его мнению каждое решение принимается мгновенно, но зреет постепенно. «Незрелый виноград – это только незрелый виноград, - процитировал он поговорку, также заимствованную у Ги, - А вино без выдержки, это не вино». Томек понимал, что творится в душе друга. Иначе, зачем резину тянуть? Он мог бы давно мотоцикл оседлать, дать газу, и гуляй, Вася. А то сборы, понимаешь ли, выдумал. Тем более, Кореш уже пришёл в себя после вчерашнего. Без пары наложенных швов будто не было ничего.

И правда, Андрея удерживало в посёлке только одно, желание объясниться с Изабелой. Неоднократно он пытался наедине с ней остаться, чтобы рассказать о своих чувствах, но каждый раз в комнату входил кто-нибудь, и всё расстраивал. Повода, чтобы оттянуть время отъезда, больше не осталось. Андрей взял из холодильника продукты на дорогу, и пошёл к мотоциклу. Кореш уже занял своё место в коляске. Дорогу преградил Томек.

- Так и уедешь, не объяснившись?

- С тобой уже объяснился, - напряжённо ответил Андрей.

- Я не о себе, - отмахнулся Томек. - Если умотать решил, счастливого пути.

- А что делать? - нахмурился Андрей. - Дети – самые близкие мне люди, моя семья. Мне кажется, Игорёк с Людмилкой выжили. И неважно, веришь ты мне, или не веришь. Я не могу отказаться от поисков.

- При чём здесь твои чувства, и моя вера? Даже если они выжили, ты не знаешь, где их искать. Домой они не вернуться. Сочи далековато находится от Казани. А в пути сейчас сам знаешь, как. Каждый обидеть может. Тем более, детей.

- Если ты успокоить так меня решил, - укоризненно покачал головой Андрей, - то у тебя не получилось. Твои аргументы наоборот заставляют меня спешить.

- Прости, я не о том, - поморщился Томек. - Просто Россия огромная страна. И они сейчас где угодно быть могут. И ты это знаешь. Нет ничьей вины, что Бог в одночасье перемешал карты всех судеб. Лучше принять это, как данность, и отстраивать всё заново. Именно здесь и сейчас мы отстраиваем будущее общество. Каждый день промедления может дорого стоить.

- Ты меня не убедил. Не спорю, здесь люди, которые стали мне близкими, но там дети... Знал бы ты, как исподволь рвёт сердце неизвестность.

- Как же Изабела?

- А что, Изабела? Она остаётся здесь, среди своих.

Томек поморщился:

- Может, ты и прав. Она среди своих, а тебя тянет к своим.

Андрей отмахнулся:

- Пойми, здесь люди, которые стали мне близкими, но там дети... Мне убедиться нужно, живы они или нет. Если кто-то из них остался жив... А если даже нет, всё равно. Я постараюсь найти их.

- Скатертью дорога,- процедил Томек. - Только шансов на то, что найдёшь детей целыми и невредимыми, почти нулевые.

Произнёс он это с лёгким холодком. Андрею не по себе стало оттого, что дружба, которая обещала быть долгой и крепкой, таять стала, как весенний лёд. Томек понять не хочет, что для Андрея понятие любви не ограничивается любовью к женщине. Ведь существует ещё и любовь к детям с ответственностью. К тому же невозможно разрываться между детьми и Изабелой. Для Андрея важно, чтобы в безопасности были и дети, и Изабела. Поэтому он рассчитывал найти детей. Хотя бы кого-нибудь из них.

- Ты думаешь, не вернусь?

- Какое мне дело до этого?

Вот так. Как отрезал. Теперь уже всё сказано. Пора ехать, но что-то ещё удерживает. Впрочем, не надо себя обманывать. Трудно без объяснения с Изабелой уехать. А если она не захочет с ним объясняться? Андрей испугался подобной мысли, и смущённо пробормотал:

- Мне пора.

- Жаль, - рубанул ладонью по воздуху Томек. - Бог вас соединил, а ты...

Андрей вдруг чётко осознал, что именно этих слов ему не хватало. Конечно, **Бог их соединил**. Ведь, он мог мимо пройти, не заметить искорки жизни, которая теплилась в глубине. А мог вообще не спасти её, как не сумел спасти Старика и таксиста. Наконец, мог не пойти за ней, когда Изабела устремилась домой. А Томек? Разве не Бог соединил их также? На вечную дружбу и взаимовыручку? Андрей резко повернулся к другу, заговорил:

- Если я не сделаю этого, всю жизнь мучиться буду. Надо найти их или... хотя бы их останки. Мне казалось, что ты, как друг, поддержишь меня, поможешь в поисках.

Томек недоверчиво глянул на пылающее лицо напарника:

- Ты предлагаешь мне на поиски с тобой отправиться?

- Меня удивляет, что ты сам этого мне не предложил.

- Сколько времени пройдёт, пока их найдём?.. Если найдём. Я же говорю, Россия – большая страна. Найти там кого-либо очень трудно. Если это, вообще, возможно.

- Я всё продумал, - воодушевлённо возразил Андрей. - Искать везде их не нужно. Они могут в Сочи быть, в Казани, или где-то по пути из Сочи в Казань.

- Почти две тысячи километров – совсем ничего, - иронически покачал головой Томек.

- Так и народу не слишком много осталось, - пожал плечами Андрей. - Люди подскажут, если кто-то их видел. Сначала отправимся в Сочи. А там, разберёмся, что к чему. Если в Сочи никто их не видел, рванём в Казань. Надеюсь, если кто-нибудь выжил, найдём.

- Дай Бог!

- Сколько тебе нужно времени на сборы?

- Какие сборы? Всё на мне.

- Значит, едем?

- На мотоциклах? - скривился Томек.

- А что, есть выбор? - удивился Андрей.

- Выбор всегда есть, - загадочно произнёс поляк. - Могу кое-что посерьёзнее предложить.

Андрей недоверчиво посмотрел на партнёра. Мотоциклы уже проявили себя, как самый надёжный транспорт в условиях загромождённых дорог. Томек с чувством превосходства посмотрел на напарника.

- Может, на танке поедим? – с иронией заметил Андрей.

- Ха! - всплеснул руками Томек. - Было бы оригинально. Кореша на броню посадим. Как в том сериале... с Гайосем, «Четыре панцерных...»²⁴. Ну, танкистов, значит, - пояснил он значение неизвестного Андрею слова, - «...и пес». Но у меня есть идея получше.

Андрея распирало от любопытства. Однако, Томек не стал спешить с объяснениями. Он оседлал свой мотоцикл, и сделал приглашающий жест. Мотоцикл взвыл и рванул с места в карьер. Андрей осознал, что Томек согласен помочь в поисках детей, спешно завёл мотор преждевременно отставленного «Кавасаки», и бросился догонять напарника. Как назло, Томек гнал, как на пожар, и не заботился о том, что Андрей слабо ориентируется на местности. Андрею пришлось выжимать из мотоцикла всё, чтобы не потерять друга из виду.

Вскоре дорога привела к ограждению, за которым просматривается взлетно-посадочная полоса аэродрома. Томек победоносно уставился на Андрея, как бы, говоря: «Ну что я говорил!» Андрей пожал плечами:

- Предлагаешь купить билет на самолёт?

- Так было бы проще всего, - усмехнулся Томек.

- К чему ты клонишь?

- На вертолёте полетим.

Андрей рассмеялся. Как это просто получается – полетим на вертолёте. Если бы здесь Виктор был, тогда проблем бы не возникло. Но Андрей управлять вертолётами не умел, так что шутка партнёра показалась неудачной.

- Не вижу радости, - с издёвкой подмигнул Томек.

- На воздушном шаре было бы сподручнее, - в тон ему ответил Андрей, - с горючим меньше проблем.

- Я не шучу, - развёл руками Томек. - Как то оказии не было рассказывать. Но я профессиональный пилот.

²⁴ Речь об известном многосерийном фильме «Четыре танкиста и собака»

- Мне казалось, ты – профессиональный психолог, - наблюдательно заметил Андрей.

Томек махнул рукой:

- Какая разница? Психология – это так, потрепаться. А если по-настоящему, то я – военный лётчик, авиатор. За свою жизнь немало налетался. По этому делу раньше не раз бывал на стажировке в Украине. Там и русский отшлифовал.

- Что ж, ты раньше молчал? Когда летим?..

- Ты постой-постой, - охладил пыл товарища Томек. - Не так быстро. Это тебе не на мотоцикле гонять. Заправился, и вперёд. К такому путешествию нужно основательно подготовиться. Во-первых, подберём подходящую машину, кое-каким инструментом запасёмся, и запчастями. В дальнем полёте без этого никак нельзя. Потом нужно маршрут разработать, собрать нужные для такого путешествия вещи, и затем отработать на месте некоторые совместные манёвры. В дороге такой возможности не будет.

- И сколько на это надо времени? - напрягся Андрей.

- Расслабься, - успокоил Томек. - И так быстрее до Сочи доберёмся, чем на мотоцикле.

Они перемахнули через ограждение, и вошли на лётное поле. На площадке сгрудилось несколько разнокалиберных воздушных лайнеров, от элегантных малых самолётов частных авиакомпаний до величественного Боинга-747 компании «Панамерикен». Пошли к тому участку аэропорта, где стоят на приколе вертолёт. Издалека Андрей определил, что среди этой немногочисленной группы, преобладают вертолёт, разработанные конструкторским бюро Миля. Крошки Ми-2, и продукцию польских близнецов «милевских малышей» PZL Томек забраковал сразу. Его заинтересовали более тяжёлые вертолеты Ми-8. Однако, возникло непредвиденное обстоятельство. К вертолёту подъехал открытый «джип».

- Так, ребята, - как отрезал подъехавший на «джипе» военный, - здесь запрещается находиться.

Томек удивлённо хмыкнул, и позволил себе заметить:

- Кем это запрещается?

Охранники переглянулись.

- Вас что, ещё не зарегистрировали?

Томек пожал плечами:

- А кто, собственно, нас должен был регистрировать?

Воинственный охранник объяснил:

- Вам надо в Бемово²⁵ проехать, в военно-техническую Академию. Там всё объяснят.

Напарник охранника оказался более многословным.

- Там наше командование размещается. И правительство. Чрезвычайное, конечно. Они по особому распоряжению регистрируют поляков, и одновременно проводят мобилизацию в армию. Если с польскими корнями нет проблем, всё будет в порядке.

- А это по мне, - радостно воскликнул Томек, и схитрил: - Пожалуй, мы туда на вертолёте полетим.

- Так ты – лётчик? - воскликнул воинственный охранник. - Это хорошо! Только вертолёта мы не дадим. Пока не зарегистрируешься, извини, не положено.

Томек снова хмыкнул, и поморщился:

- Не положено, так не положено. На мотоциклах поедem. Может, подбросите до ограждения?

Охранники недоверчиво переглянулись. Томек понял причину беспокойства, и отмахнулся:

- Да ладно, сами дойдём. Пока!

- Всего хорошего, - облегчённо вздохнули охранники.

Томек с Андреем снова потопали через лётное поле. Когда удалились от охранников на добрую сотню метров, Томек заговорил:

- Кое-что прояснили. И на том спасибо... Что мы знаем? Во-первых, появилось правительство. Это хорошо. Во-вторых, правительство находится в Военно-Технической Академии. Тоже неплохо. Хотя и не столь существенно. В-третьих, важные объекты находятся под охраной. Ещё лучше, хотя, это может нам помешать. В-четвёртых, проблем с регистрацией и мобилизацией в армию нет. Правда, лишь для поляков. Интересно, какие проблемы с этим у иностранцев? Меня это обеспокоило. В Польше националистов хватает. Если они взяли власть в свои руки, это не сулит ничего хорошего. Значит, тебе туда соваться ни к чему. Но и мне регистрироваться, а тем более мобилизоваться не стоит. Зачем преждевременно светиться? Значит, вертолёт придётся воровать. Исходя из этого, у меня появилась идея. Подозреваю, до полного порядка им далеко. Невозможно так быстро порядок наладить. А значит нужно этим обстоятельством воспользоваться, и устроить спектакль. Для начала съездим в Бемово, глянем там, а потом решим, что делать...

²⁵ Бемово – северо-западный район Варшавы

...В окрестностях Военно-Технической Академии оказалось людно, если можно такую оценку в нынешней ситуации применить. Во всяком случае, здесь ощущался ток жизни. Томек посоветовал Андрею держаться подальше от военных, и направился к КПП Военно-Технической Академии. И правда, в силу объективных причин полного порядка здесь создать не успели. Томек без проблем прошёл на территорию Академии. В коридорах бродила разношерстная публика: хватало и тех, кто успел приспособиться к новому статусу, были и новички. Намётанным глазом Томек сразу же определил, кто есть кем. В качестве «жертвы» он выбрал молодого интеллигента, который успел переодеться в военную форму, но ещё не знал, куда девать руки. Томек прикинулся новичком, и вытянул из интеллигента всё, что нужно. Через полчаса вернулся к Андрею.

- Нужно на охрану аэродрома глянуть, и домой, - скупобросил Томек.

Они подъехали к воротам, за которыми просматривались вертолётные контуры. Томек посигналил. Как из-под земли перед ними вырос вооружённый охранник.

- Срочно поручика Муравского, - недовольно рявкнул Томек.

- Пана поручика, - растерянно пролепетал охранник, - здесь нет.

- Как это нет? - негодуя завопил Томек. - Где он шляется?

- Не знаю, - развёл руками охранник, и униженно добавил, - Он здесь сегодня не появлялся.

- Как только появится, пусть срочно свяжется с полковником Стахурским, - словно отрубил Томек, развернул мотоцикл, дал по газам, и поехал в сторону города.

Андрей устремился следом. Через пару километров Томек притормозил, и подождал напарника.

- Ну, ты, артист, - похвалил Андрей.

- Пусть за высшего офицера меня принимает, - усмехнулся Томек. - Вот это, брат, и есть психология. Видал, как он вытянулся передо мной?

- А кто такие Муравский со Стахурским?

Томек многозначительно задрал кверху указательный палец, и пояснил:

- Поручик Муравски в регистрационной комиссии сидит. А полковник Стахурски начальник штаба. Охранник их обоих знать должен. Теперь ему в голову не придёт проверять, кто я такой. Кстати, заметил на поле технику?

- Заметил, - подтвердил Андрей.

- Не вижу блеска в глазах, - хитро прищурился Томек. - Там по крайней мере пять штук двадцать четвёртых было. А это техника, что надо. Что нам надо, - подчеркнул поляк. - Какой-нибудь из них заберём.

- А если охранник не поверит, и сообщит начальству по рации. Что тогда?

Томек поморщился:

- Не сообщит. Видно же, это не военный, и не карьерист. Муравского ждать будет. А если даже доложит кому, всё равно не знает, кто мы такие, и всё забудется. Мы же не прорывались на аэродром, мы только Муравского искали. Хуже будет, если на знакомого нарвусь. Тогда сразу сообщат полковнику Стахурскому. Мы с ним знакомы по работе в министерстве обороны. И такое знакомство нам на пользу не пойдёт. Меня сразу привлекут по полной программе, и с вылетом могут проблемы возникнуть. Значит, действовать будем так, чтобы никаких вопросов не возникало.

- И как?

- Нет ничего проще. Завтра с утра съезжу к себе домой, и наряжусь в мундир, чтобы лишних вопросов не возникало. Кого-нибудь с хлопцев к игре привлеку. Ты дома останешься. В посёлке будешь к полёту готовиться. А мы разыграем комедию, найдём повод добратся до вертолётов, и *гудбай, май лав, гудбай*²⁶.

ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ ГЛАВА

Второй день подряд Саратов не баловал погодой. Колючий неприятливый ветер пронизывал насквозь. Вонь, грязь и гарь составляли теперешнее лицо застывшего в траурном танце старинного волжского города. Группки потерянных, обездоленных людей бродили по разорённым улицам. Животные, которые вдруг оказались без своих хозяев, собрались в небольшие, но грозные стаи. И они создавали прямую конкуренцию неорганизованным двуногим соперникам. Люди с опаской взирали, как на животных, так и на незнакомцев, которые попадали в поле зрения. Сумасшедшие на площадях провозглашали свои прокламации, которые ни о чём, и никого ни к чему не обязывали. Кое-где возникали потасовки, которые переходили в мордобой и насилие. Молодчики в

²⁶ «...гудбай, май лав, гудбай» (англ.) – «...прощай, моя любовь, прощай»

военно-спортивных облачениях занимались обычным дележом территорий, и устанавливали в городе свои порядки. Во что это выльется завтра, можно только догадываться.

Квартира Рогожина, где поселились курортники, находилась по соседству с табачной фабрикой, в девятиэтажном доме на улице Степана Разина. Весь подъезд пропитал резкий приторный запах разложившихся тел. Рогожин с Игорьком освободили соседские квартиры от покойников, уложили их штабелями во дворе дома, облили бензином, и подожгли. После этого Рогожин тщательно продезинфицировал хлоркой лестничную клетку и квартиры. На большее их не хватило. После трудной дороги, и обеззараживания помещений не осталось сил. Рогожин с Игорьком проспали всю ночь, и последующие сутки.

Игорёк проснулся вечером следующего дня, и предложил Милке с утра отправляться в Казань. Неожиданно получил категорический отказ.

- Никуда я не поеду, - истерически заверещала Милка. - Нас там никто не ждёт.

- А папа? - с недоумением спросил Игорёк.

- Ты и сам не веришь, что он жив, - неожиданно выкрикнула сестрёнка, и своими словами перечеркнула светлую надежду, которая теплилась в их сердцах. - Разве такое возможно, чтобы в одной семье выжило трое?

- С ума сошла, - резюмировал юноша.

- Нет, это ты грезишь наяву, - отреагировала Милка. - Здесь хотя бы Борис Львович с нами, а там... Кому мы там нужны?

Игорёк понял, что депрессия, которая охватила Милку после приезда в Саратов, по-прежнему держит её в своих лапах. Он решил возвращение в Казань отложить до лучших времён. В том, что сестрёнка когда-нибудь оклемается, был уверен на сто процентов.

Игорёк заметил, что не одна Милка впала в хандру. Не в лучшем расположении духа находились также Вика с Мариной. Вику тянуло домой, в Пензу, и удручало, что не с кем добираться туда. А в одиночку отправляться в дорогу боялась. В свою очередь, Марина не знала, где искать родственников, и жив ли кто-нибудь из них. Веру в благополучный исход поисков подорвал разговор с группой местных бродяжек, которых Марина повстречала около табачной фабрики. Они таких ужасов про саратовские будни ей наплели, что она только разочарованно отмахнулась, когда Рогожин предложил свою помощь в поисках. Женщины хандрили, расслабился и Рогожин. Только Игорька распирала

энергия. Он оставил в покое скучающую компанию, и окунулся в мрачные будни мёртвого города.

За четыре дня, которые он провёл в Саратове, Игорёк научился избегать непредсказуемых ситуаций, и побывал практически везде. Быстро сориентировался, где и когда можно появления бритоголовых ожидать, выяснил места, которые контролирует Чечен, и сумел найти общий язык с Чернышевцами.

Бритоголовых избегать следовало из-за того, что они не любят чужаков и «инородцев». Чеченовская братва опасна своей непредсказуемостью. Каждый из них мог со встречными перекинуться шуткой, но бывали и случаи, когда без причины избивали случайную жертву. По слухам кого-то даже привязывали к столбу, и тренировались в стрельбе по бутылке, установленной на голове бедняги. В этом случае «забава» всегда оканчивалась смертью несчастного. Чернышевцы с населением не воевали, и были по-военному организованы. Они слыли дисциплиной, и трезвым образом жизни. Употребление наркотиков и алкоголя в команде было под строгим запретом. Чернышевцы постоянно поддерживали физическую форму, и упражнялись в стрельбе. Иногда наводили порядок на подконтрольной территории, куда не рисковали соваться конкуренты. Беспредельщики Чеченовцы с бритоголовыми предпочитали стороной обходить контролируемые чернышевцами набережную, и улицу Чернышевского.

Об этом Игорёк узнавал от бродяжек, а также из своих наблюдений за группировками со стороны. Обычно для этого он укрывался в подворотнях, и забирался в случайные квартиры. Игорёк тайно завидовал молодчикам, которые держались уверенно, были хорошо вооружены, и знали, чего хотят. В рогожинской компании огнестрельного оружия не было. В Сочи не позаботились об этом, в дороге также некогда было, а в Саратове поезд ушёл. Всё, что на поверхности лежало оприходовали другие, и неизвестно, где искать то, что ещё не нашло своего хозяина. Правда, иногда посещали крамольные мысли, которые подталкивали воспользоваться моментом, и похитить оружие у членов вооружённых группировок. Но мечтать – одно, а на практике это выглядело иначе. Игорёк крутится вокруг, да около, а даже намёка на такую возможность не возникало. Молодчики со своим оружием не расставались, и были постоянно начеку.

В том, насколько они бдительны, Игорёк убедился на собственной шкуре. Он наблюдал за чернышевцами из окна одного из домов на

набережной Волги, и вдруг почувствовал на затылке парализующее прикосновение металла. Краем глаза успел заметить стройного блондина в камуфляже, которого прежде видел среди чернышевцев.

Очнулся он в тёмном сыром помещении на бетонном полу. С трудом повернул голову, и упёрся взглядом в огромную фигуру в белой футболке и спортивном тёмно-синем трико. Верзила, уставив ручищи в бока, стоит в дверном проёме и молчаливо сверлит его взглядом. Игорёк струхнул. Чего хорошего можно от такого борова ожидать? Тот заметил, что Игорёк открыл глаза, подошёл ближе и выжидающе уставился. Игорёк попробовал подняться и опёрся на локоть. Голову пронзила тупая боль, которая заставила его снова со стоном повалиться на пол. Перед глазами замаячило наглое лицо верзилы, который неожиданно для своей комплекции тонким голоском возопил:

- Чо те надо, сынок?! Чо те надо?

Игорёк не сообразил, какого ответа ждёт от него верзила, и недоуменно поморщился. Верзила сгрёб его в охапку, резко поднял с пола, и насильно усадил на покосившийся стул.

- Чо ты, падла, шпионишь здесь? - пронзительно завопил он в лицо Игорьку.

Только сейчас юноша понял, в какой переплёт попал. Чернышевцы приняли его за шпиона.

- Я не шпионю... - жалостно пробормотал Игорёк и сделал попытку объяснить, почему он оказался на территории чернышевцев. Но верзила резко дёрнул его за ворот рубашки, и стащил со стула.

- И чо, скажешь, от нечего делать третий день нам глаза мозолишь? - рявкнул он.

Из этих слов стало понятно, что все ухищрения остаться незамеченным оказались напрасными. Верзила снова усадил его на стул, и продолжил размышления вслух:

- Судя по шевелюре, не из бритоголовых. На чеченовскую блатату тоже не катишь. А больше за нами следить здесь некому. Колись, пацан, чо задумал.

- Ничего не задумал, - еле шевеля пересохшими губами, обиженно промямлил Игорёк. - Я тут проездом.

- Проездом, говоришь? - хитро прищурился верзила. - Путешествуем, значит. Откуда и куда, если не секрет?

- С моря возвращаемся.

- Ага, с моря, значит, возвращаемся? - понимающе покачал головой верзила. - Сам топаешь, или с попутчиками?

- С попутчиками.

- Ага, с попутчиками, значит. И куда, если не секрет?

- В Казань.

- Ишь, ты, казанский, - недоверчиво покачал головой верзила. - Чо ж вы, казанские, у нас задержались? Темнишь ты, сынок.

- Сестрѐнка захандрила, - с робкой надеждой взглянул на саратовца Игорёк. - Жду, когда оклемается немного.

- Хм, - смягчился верзила. - Сестрѐнка? Где сестрѐнку-то оставил?

- В доме на...

Игорька холодный пот прошиб. Чуть было не выдал адрес, где укрылась курортная компания.

- Чо ж ты замолчал, сердешный? - подозрительно покосился на Игорька верзила. - Крутишь!

- Не скажу, - буркнул Игорёк.

- Ишь ты какой! За сестрѐнку испугался? Если надо будет, мне её через два часа сюда доставят. Ну, если не врѐшь, конечно. Так што давай, колись, хуже будет.

- Хуже не будет, - неожиданно для себя брякнул Игорёк.

- Вот как! - верзила от удивления выпучил глаза. - И как это понимать?

Из опасения снова не в такт брякнуть, Игорёк промолчал.

- Хуже, говоришь, не будет? - размеренно произнёс верзила. - Ещё как будет. Ты даже не знаешь, насколько может хуже быть. Хуже не будет! Будет, сынок, будет. Если к Чечену попадѐт, пропадѐт, девка. - Верзила догадливо прищурился: - Может, уже попала?

- Она с попутчиками осталась, - ответил Игорёк.

Верзила поковырял пальцем в зубах, и неожиданно решил:

- Ладно, пацан, на первый раз прощу. И смотри там, по углам не прячься. Если что надо, открыто подойди. Не крысятничай.

- Мне бы оружие, какое-никакое, - осмелел Игорёк, и сам испугался своей смелости.

Верзила изменился в лице, взгляд его снова стал подозрительным. Ручищи упѐрлись в бока, и он придвинулся к двери. Игорёк побледнел. И зачем про оружие брякнул? Уйти бы отсюда подобру-поздорову.

- Ишь ты, оружие ему, - пробормотал верзила, - может, ещё ключ от квартиры, где деньги лежат?

- В дороге без оружия опасно, - проклиная себя за прямоту, промямлил юноша.

- А это твои проблемы, - отрезал верзила. - У нас здесь ни матери Терезы, ни Красного Креста нет. Оружие только для внутреннего пользования. Вот если надумаешь с нами остаться, другое дело. И оружие дадим и сестрёнку защитим. А так, скажи спасибо, что Блондин не кокнул тебя, и топай себе.

Верзила шагнул в сторону, и освободил проход. Игорёк предпочёл больше не искушать судьбу, и поспешил к выходу. На улице напоролся на группу чернышевцев. Кто-то положил руку на плечо, и придержал Игорька. Это был тот самый блондин, который оглушил его.

- Вижу, очухался паря, - усмехнулся в глаза Игорьку. - Отпустил тебя Никодим? Может, с нами останешься?

- Поблагодарить тебя просил, - угрюмо ответил Игорёк, - что голову напрочь не снёс.

- Не обижайся, - как ни в чём не бывало махнул рукой блондин. - Сам виноват. Нечего с нами в прятки играть. Так, остаёшься, или как?

Игорёк отрицательно покачал головой, и пояснил:

- Домой, в Казань возвращаться надо.

- Так ты казанский? Какого ж тогда вертелся здесь? - удивился блондин.

- Оружие раздобыть хотел, - признался Игорёк. - В дороге без оружия, знаешь как.

- В дороге, брат, и с оружием не сахар, - посочувствовал блондин, и усмехнулся. - Значит, поживиться у нас хотел?

- Дёрнул меня чёрт, - угрюмо ответил Игорёк.

В дверном проёме появился верзила с озабоченным видом, и пистолетом в руках. Неприятные предчувствия сжали сердце. Теперь Игорьку захотелось оказаться, как можно дальше от чернышевцев.

- Сколько лет сестрёнке? - поинтересовался верзила у Игорька.

- Четырнадцать, - напряжённо ответил юноша.

Верзила протянул пистолет.

- Бери. С предохранителя не спускай. В магазине семь патронов.

Игорёк поверить не мог, что такое возможно. Он был готов к самому худшему. Не всегда первое впечатление бывает верным. Игорёк благоговейно принял из рук верзилы оружие, и расплылся в счастливой улыбке:

- Не знаю, как благодарить.

- Ты спрячь, - посоветовал верзила, - в кармане держи.

Игорёк сунул пистолет в карман, и принялся благодарить верзилу.

- Давай-давай, сынок, проваливай, - кивнул на прощание верзила, и озабоченно потёр руки.

Больше уговаривать не пришлось. Через минуту Игорёк уже покинул пределы территории, контролируемой чернышевцами. С приятным ощущением тяжести в кармане, он летел к своему временному пристанищу, как на крыльях.

Рогожин заметил ссадину на голове подростка, и многозначительно посмотрел на него. Но Игорёк предпочёл скрыть правду. Ссадину объяснил неудачным падением в полуразрушенном доме. Из опасения, что Рогожин отберёт оружие, также не показал наставнику пистолета. Борис Львович не стал укорять, и тщательно обработал ссадину физиологическим раствором. Но делал это, как во сне, что не ускользнуло от внимательного взгляда подростка.

Только здесь, в своей квартире, Рогожин понял, что до сих пор, не отдавал себе в полной мере отчёта в том, что старый добрый мир безвозвратно потерян. Здесь он впервые понял, что стремление возвратиться домой было ошибочным. Квартира дождалась его в полном порядке, но дома, как такового, уже не было. Конечно, со временем удастся привыкнуть к тому, что произошло. Но это будет уже другой мир, будет другой дом, другая жизнь. А стоит ли жить в этом мире? Ответа на этот вопрос он не знает. Для них, молодых, всё ещё впереди. Через несколько лет воспоминания о старом мире сотрутся из памяти. Новый мир станет для них своим, и будет казаться, что так было всегда. Так устроен человек. Слишком быстро привыкает к изменениям, слишком быстро забывает. Но Рогожин слишком стар, чтобы переделывать себя. Он понимал, что всё равно не сможет места найти, которое способно лучше собственной квартиры возвращать, пусть хотя бы в мечтах, в прошлое. И покорился участи остаться здесь, в своей совершенно нетронутой трагедией квартире, где всё напоминает о дочери, о жене, о бесповоротно прошедшей жизни.

Квартира действительно помогла вернуться на несколько лет назад. Вот эту хрустальную вазочку подарили Алле Владимировне на юбилей. А эта фаянсовая статуэтка когда-то принадлежала дочери. За что она получила её? Кажется, за участие в конкурсе молодых талантов. А вот эти, еле заметные отметины на косяке, показывают, как росла дочка. Всё здесь своё, всё напоминало о прошлом. И хотя всё здесь до боли знакомо,

квартира выглядела осиротевшей. Без Аллы Владимировны дом совершенно чужой. И это хуже всего.

ПЯТНАДЦАТАЯ ГЛАВА

За последние два года Томеку ни разу не приходилось поднимать в воздух винтокрылые аппараты. После перевода на работу в Министерство Обороны, он занимался исключительно вопросами вооружения и электроники. И теперь он горел нетерпением, в ожидание, когда удастся занять кресло пилота вертолёт. Особенно оно усилилось, когда заметил на аэродроме стройные формы Ми-двадцать четвёртых, вертолёт, к которым у него сохранились исключительно тёплые чувства. Не раз и не два поднимал их в небо. Руки так и зачесались по рычагам управления.

Когда Томек появился в посёлке в мундире майора польской авиации, все признали, что форма ему к лицу. Он снисходительно улыбнулся, и протянул Адаму Мрочеку пакет с военным обмундированием. Тому предстояло сыграть роль водителя, что окажет магическое воздействие на охрану аэродрома, и позволит беспрепятственно осмотреть вертолёты. Мундир для Адама оказался великоватым, но для выполнения задуманного это не имело значения. Многие новобранцы в Академии выглядят подобным образом.

Всё продумали заранее: и внешний вид, и линию поведения, и марку автомобиля, на котором отправятся на аэродром. И даже на всякий случай, отпечатали документ за подписью начальника штаба Стахурского на ревизию вертолётного парка. Благо, Томеку приходилось воочию видеть подпись полковника.

Но планы планами, а несмотря на отсутствие «полного порядка» в Военно-Технической Академии, при попытке нанести визит в вертолётный парк произошло нечто непредвиденное. Они уже подъезжали к КПП аэродрома, когда из-за поворота выехал армейский автобус. На переднем сиденье рядом с водителем восседал офицер.

- Только этого не хватало, - обмер Томек.

Риск – дело благородное, но лучше не рисковать. Автобус мог куда-то дальше направляться, но мог также ехать на аэродром. Томек стал быстро соображать, как быть. Проще всего проехать мимо, и отложить проникновение на аэродром на следующий раз. Но он вдруг распорядился:

- Глуши мотор.

Адам притормозил мерседес.

- На обочину, - приказал Томек.

Автобус свернул к КПП.

- Ты сломался, - нашёлся Томек, и протараторил, - я тебе разнос буду делать, а ты бегом капот открывай, и копайся в моторе.

Автобус притормозил у КПП. Томек выскочил из мерседеса, и начал нерасторопного Адама понукать. Одновременно краем глаза наблюдал за сценкой, которая происходила у пропускного пункта. А там начало нечто интересное происходить. Дорогу военным преградил часовой в форме капрала польской армии. Этого капрала в прошлый раз не было. С неудовольствием Томек отметил, что постовых здесь, как видно, меняют. Капрал проверил документы у офицера, и категорически отказался впускать военных на аэродром.

- Не положено, пан поручик, - заявил он офицеру.

- Как это не полагается, капрал? - удивился офицер. - У меня предписание полковника Стахурского. Чёрным по-белому написано - «разрешить вылет на вертолёте регистрационной группе поручика Недзвецкого в количестве...» и подпись начальника штаба. Тебе этого недостаточно?

- Этого мало, пане поручику, - отмахнулся часовой. - В соответствии с новым Указом Президента предписания визировать должен начальник охраны президента полковник Слива.

«Вот и приехали, - подумал в смятение Томек. - Все планы коту под хвост. Ещё повезло, что автобус нас опередил».

- Не разводи, капрал, бюрократию, - возмутился офицер. - Вчера целый день летали, и сегодня утром тоже. Ты же сам видел. И никаких подписей не требовалось.

- А сейчас требуется, - пожал плечами часовой. - Не мы указы пишем.

- Так что ты прикажешь, - психанул офицер, - снова в Академию за писулькой ехать?

Томека осенило: «Это шанс!» Нужно воспользоваться ситуацией, срочно вмешаться в конфликт, и «познакомить с собой» часового. Он перестал «упрекать» Адама, и двинулся к КПП. Офицер продолжал спорить с капралом.

- В чём дело, капрал?! - привлёк к себе внимание громогласным окриком Томек. - Приказываю пропустить поручика на аэродром.

- Я вам не подчиняюсь, пане майоре, - набычился часовой.

- Думаешь, мы в бирюльки здесь играем? - не унялся Томек, и продолжил надвигаться на часового. - Где начальник? Рацию сюда дай.

На лице часового нарисовалось сомнение. От былой уверенности и следа не осталось. Дрогнувшей рукой он протянул рацию Томеку. А вот этого в планы Томека не входило. Он надеялся, что часовой сам будет говорить с начальством. Но отступить нельзя. Томек нажал на кнопку вызова, и, как только на другом конце линии кто-то отозвался, уверенно спросил:

- Кто это?

- Дежурный офицер охраны поручик Бонк слушает, - отозвался голос в рации.

- Поручик, отдайте приказ этому болвану капралу, с поста... Номер... - повернулся Томек к часовому.

- Что, номер? - не понял часовой.

- Номер поста.

- Т-к, без номера, - дрогнувшим голосом ответил капрал.

Получился прокол. Но нельзя дать почувствовать это часовому. Томек нажал кнопку микрофона на рации, и продолжил общение с дежурным офицером:

- ...болвану капралу, который корчит из себя генерала, пропустить регистрационную группу поручика Недзвецкого на аэродром.

- Конечно-конечно, - послышалось из рации. - если документы в порядке...

- Какие к чёрту документы? - изобразил на лице гнев Томек. - Работы невпроворот. Если за каждой закорючкой бегать...

- Извините...

- Какой-то чистоплюй придумал ввести лишнюю закорючку на предписании, а группа вместо исполнения предписания должна под воротами загорать?

- А в чём дело? - отозвался настороженный голос. - Не я Указ подписывал.

- Понимаю, поручик, ваше дело маленькое. Только указов настрочили столько, что голова раскалывается. Сам вижу, перегнули мы палку с этими указами. Хотя вас, поручик, это не касается.

- Но полковник Слива...

- Что полковник Слива? Если всё дело в его закорючке, не беспокойся, я на себя это беру, без лишней волокиты решу с ним вопрос. А ну-ка дай сюда документы, - протянул он руку к Недзвецкому, и

прокричал в рацию: - Сам завизирую предписание у полковника, а потом разбираться будем, кто виноват в недосмотре.

Поручик Недзвецкий с готовностью отдал Томеку документ. Голос в радиации замялся, и неуверенно пробормотал:

- Так это конечно... пусть летят.

- Благодарю вас, поручик, - кивнул Томек.

После паузы из радиации послышалось вновь:

- Только не забудьте завизировать документ у полковника.

Томек отдал рацию часовому, повернулся к Недзвецкому, и козырнул:

- Выполняйте предписание, поручик.

- Спасибо, пане майоре, - в ответ откозырял офицер, и приказал своей группе маршировать к вертолёту.

Томек как бы потерял интерес ко всему, и направился к своему автомобилю. Адам понял, что пора «исправить неполадку», захлопнул капот, и услужливо открыл перед ним дверцу. Они отъехали от КПП, и Томек махнул перед глазами Адама документом с настоящей подписью Стахурского.

- Куда теперь? - спросил Адам.

- В Академию, - небрежно бросил Томек. - Поиграем с огнём.

- С каким огнём? - не понял фотограф.

- Подпись важного начальника получить нужно. С этим документом подойдёшь к начальнику охраны, и попросишь завизировать.

- Почему, я?

- Потому что мне там лучше не появляться. Неровен час кого-нибудь из знакомых встречу. Если вопросы задавать начнёт, притворись деревенщиной. Скажи, поручик Недзвецкий приказал завизировать, и на аэродром отвезти. Никогда не приходилось документы подделывать?

- Я больше по фотографиям, - усмехнулся Адам. - Хотя, признаться, дело нехитрое. С хорошим сканером и принтером можно любой документ подделать.

- Вот и ладненько, - удовлетворённо произнёс Томек.

Всё прошло без сучка, без задоринки. Начальник охраны президента подписал предписание без лишних вопросов, что не мудрено. Столько дел одновременно приходилось решать: и самолично контролировать личную охрану президента, и держать на связи тридцать шесть стратегически важных постов, которые по всей территории Польши разбросаны. А ещё отвечать за президентскую связь, и стратегический транспорт, к которому

относится, кроме всего прочего, авиация. Томек с Адамом получили в свои руки документ с необходимыми подписями, вернулись в посёлок, и тотчас уселись за компьютер.

На КПП аэродрома появились перед закатом. В предписании с необходимыми подписями они указали, что майору Ковальскому поручается произвести проверку материальной части, и лётные испытания вертолётов.

Знакомый уже капрал на КПП мельком глянул на документ, и охотно пропустил грозного майора. После вчерашнего конфликта желания разговаривать с «вредным» офицером у часового не возникло. Томеку это только на руку.

Не теряя времени, он произвёл внешний осмотр вертолётов, и приступил к техническому контролю. К счастью, никто его особо не беспокоил. Охрана не приближалась, прибывающие с задания регистрационные группы сразу спешат в Академию, а пилоты вертолётот отправляются на КПП. Вероятно, наслушались от капрала о «вредном» майоре, и решили от него подальше держаться.

Через три с половиной часа Томек подготовил к полёту одну из винтокрылых машин. Он забросил в десантный отсек дополнительный боекомплект для крупнокалиберного пулемета, и забрался в кабину пилота. Затем отрегулировал по высоте и в продольном направлении кресло, пристегнулся ремнями безопасности, захлопнул дверцу кабины, и нащупал ногами педали. На мгновение расслабился, и прислушался, как бьётся взволнованное сердце. Теперь даже если охранник сообщит начальству о пропаже вертолётот, и в Академии сообразят, что никого для проверки вертолётот на аэродром не выслали, поезд уже ушёл. К этому времени они с Андреем будут далеко, на пути к польско-украинской границе. А может, и дальше.

Томек включил двигатель, подождал, пока обороты лопастей достигли расчётной величины, и освободил тормоза шасси. Вертолёт плавно двинулся вперёд. Среди особенностей Ми-двадцать четвёртых то, что они взлетают с короткого разбега. Томек вырулил вертолёт со стоянки, и пошёл на взлёт.

Полёт до посёлка занял меньше десяти минут. Рокочущий шум двигателей привлёк внимание поселенцев, и они вереницей потянулись к посадочной площадке, которую обозначили кострами. Под приветственные крики односельчан Томек мягко приземлил винтокрылую машину.

Необходимые вещи Андрей уже собрал. На их погрузку Томек дал ему полчаса, и лёг спать. Спал он крепко, будто его не касалось предстоящее путешествие. Адам помог Андрею с погрузкой вещей, и погнал его в особняк.

- Иди, Андрей, тоже отдохни. Путь не близок. Я постерегу тут.

Конечно, воровать некому да и незачем, но Адам всем своим видом подчёркивал свою непосредственную причастность к предстоящему путешествию. Андрей благодарно пожал ему руку, и направился к особняку. Разошлись также остальные добровольные помощники с ротозеями.

Но уснуть Андрею не удалось. Слишком волнительно всё. Он тщетно переваливался с бока на бок, и поминутно ожидал пробуждения Томека. В соседней комнате беспокойно скрипела кровать Изабелы. И вот, Томек шумно вскочил со своего места, фыркнул и позвал:

- Не спишь?

- Не сплю.

- Тогда быстренько перекусим, и в дорогу.

Агнешка будто ждала этих слов, и зажгла на кухне свечи. Силовые установки на ночь отключались. Тут-же собрала для путешественников ранний завтрак. Томек ел с охотой, и нахваливал кухарку. У Андрея кусок в рот не шёл.

И вот, наступило время прощания. Появилась Изабела. Она подошла к Андрею, и безмолвно склонила на грудь белоснежную головку. Томек собрал со стола ворох карт, и поспешно выскользнул из дома. Андрей порывисто сжал плечи любимой женщины, и принялся целовать пухлые, отзывчивые губы. Он впитывал в себя аромат непознанной симфонии страсти, и захлёбывался бесконечным восторгом. Руки отчаянно скользили по вибрирующе-податливой спине, жадно обволакивали стройную фигуру, прижимали к себе, и непрерывно ласкали. Он почти потерял голову, когда Изабела легонечко оттолкнула его к дверям, и прошептала по-русски, с типично польским акцентом: *«Возрашчайса»*. Андрей снова шагнул к ней, но натолкнулся на строгие глаза любимой, и понял, пора уходить. Она как бы благословляла на скорейшее возвращение – раньше улетит, раньше вернётся. Он повернулся, и без оглядки назад вышел на улицу к повизгивающему от нетерпения Корешу.

На улице ещё темно. Едва прорисовывается силуэт вертолёта. Рядом топчется вездесущий Пан Тадеуш, вертится юркий Адам Мрочек, и слились в объятии Томек с Агнешкой. Но Андрей был по-прежнему

погружен в бездонные голубые глаза любимой, ощущал оливково-терпкий вкус ароматных чувствительных губ, и даже не заметил их. От грёз Андрея пробудил четвероногий друг, который ткнулся головой в ноги. Андрей потрепал его по загривку, шагнул к вертолёту, и небрежно открыл створки люка. Он забросил в десантный отсек рюкзак с продуктами, и любовно похлопал по бронированной обшивке.

- Твоё место спереди, - не отрываясь от Агнешки, напомнил Томек. - Корешу придётся в отсеке лететь.

- Как же он сам там будет? - засомневался Андрей.

- Пусть привыкает, - уклончиво ответил Томек. - Будет твои вещи стеречь. Не в кабину же его. Там тесно.

Андрей нахмурился, жестом указал псу на салон, и приказал:

- Место!

Кореш сначала недоуменно попятился, но поддался на настойчивые похлопывания хозяина по створке люка, осмелился, и вскочил внутрь отсека. Андрей тотчас захлопнул створки, и вопросительно глянул на своего друга.

- Всё, летим, - улыбнулся Томек, и с трудом оторвался от Агнешки.

Андрей чмокнул брюнетку в щёчку, крепко обнялся с Адамом, стал на подножку, и вскочил на место штурмана-оператора. Рядом нарисовалась заискивающая улыбка Пана Тадеуша. Андрей протянул руку, и похлопал его по плечу. Затем захлопнул панель остекления, которая исполняла роль люка, и отгородился от окружающего мира. Перед глазами возникли приборы и рычаги, о назначении которых он мог только гадать. С правой стороны увидел оптическое устройство, которое, как он догадался, предназначалось для прицеливания пулемёта. Мягко хлопнула дверца люка пилота. Это Томек занял место пилота в вертолёте. В переговорном устройстве послышалось шипение, и голос Томека:

- Пристегни ремни.

Поляк перекрестился, скрыл искрившиеся карие глаза противосолнечными очками, победоносно глянул на спящий посёлок, и запустил двигатели. Провожающие зябко поёживались, и расступались перед порывами ветра, который создавали лопасти вертолёта. Шума в кабине практически не ощущалось, но Андрея встревожил полыхнувший сзади оранжевый отблеск пламени:

- Что это?

Томек успокоил:

- Всё нормально. При запуске всегда так бывает.

Лопасты главного ротора слились в пятно. Томек прибавил мощности, и повёл винтокрылую машину на разгон.

- Поехали! - произнёс Андрей крылатую фразу.

- А что, поехали, так поехали, - охотно согласился Томек, и потянул штурвал на себя.

Земля рванулась книзу, и Андрея резко прижало к спинке кресла. Они вырвались из густой тьмы, которая испуганно прижалась к поверхности земли, и оказались в синеем воздушном пространстве, где в свете приборов заметны лишь светящиеся угольки звёзд. Сердце охватило удивительное ощущение восторга, и оно бешено забилося. Кажется, неведомая сила несла их в прозрачном шаре в бескрайнее небо.

- Йох-хуу! - послышался восторженный голос Томека из переговорного устройства. - Часа через три сделаем передышку в Виннице.

Рассвет в небе наступил стремительно. Звёзды таяли на глазах, и поглощались небесной лазурью. Солнце лизнуло верхушки деревьев, и вдруг полностью завладело окружающим пространством.

Андрей залюбовался проплывавшим снизу пейзажем. Поля казались жёлто-буро-зелёно-чёрными квадратиками. Лесопосадки были словно бархат, который разбрызгали по поверхности. Речушки воровато змеились вдоль заросших буйными побегами растительности низин тонкими свинцово-зеленоватыми нитями. Крупные брызги озёр провожали вертолёт полумертвенным леденеющим взором. Дороги выглядели серыми ленточками, протянутыми между скоплениями маленьких коробочек, кубиков и столбиков, которые обозначали осиротевшие населённые пункты. Только с высоты птичьего полёта понимаешь, насколько велик земной шар, и насколько мал человек, который населяет его. Только сейчас Андрей постиг нетерпение Томека, и его рвение в небо.

- Буг! - подал голос Томек.

Андрей разглядел сквозь лениво проплывающую под ними дымку, серебристо-свинцовый оттенок водной глади. Вертолёт преодолел границу, которую после развала СССР он, как и многие его соотечественники, несмотря на нынешнюю принадлежность к соседнему государству, по инерции продолжал считать своей отчизной. Вертолёт преодолел по воздуху водную преграду, и дальше перемещался над территорией Украины. Андрей отметил, что разницы между польской и

украинской землёй сверху не видно. Снизу пролетали всё та же земля, те же реки, те же озёра, те же квадратики домов, и ленты дорог.

Под калейдоскоп сменяющихся внизу картинок пролетело два с лишним часа. Снизу проявились строения большого города. Внимание привлекло здание с куполом, и многочисленными колоннами. Не мог не броситься в глаза также храм с остроконечными куполами. Около моста через реку лежал живописный округлый остров.

- А это тоже Буг, только Южный, - подал голос Томек.

- Так мы уже над Винницей?

- Точно так.

Томек пользовался известными ему, как опытному лётчику, приметами, и быстро вывел вертолёт точно над аэропортом. Они прошли около лесопосадки, где чернели останки какого-то летательного аппарата, и приземлились в сорока метрах от старика Ан-24, который одиноко сгорбился в стороне от сгрудившихся на лётном поле собратьев. Андрей заметил среди них элегантные лайнеры Туполева, грузные работяги Ильюшина, и короткотелые «пташки» Яковлева. Нельзя было не заметить также кучку людей, которые толпились у терминала. Они настороженно, но без признаков излишнего любопытства, наблюдали за их приземлением.

Андрей соскочил на бетонное покрытие, и решил:

- Я пойду, поговорю.

Томек открыл дверцу люка, и угрюмо проворчал:

- А я на всякий случай, подстрахую.

Он достал из-за спины автомат, и снял его с предохранителя.

- Не стоит, - усмехнулся Андрей. - Надеюсь, не понадобится.

Он размял затёкшие члены, энергично потянулся, и выпустил из десантного отсека Кореша. Пёс поспешно задрал ногу возле стойки шасси, и удовлетворил свои естественные потребности. Андрей вразвалку направился к застывшим в ожидании людям.

- Здоровеньки, хлопцы! - приветствовал он местных.

- Здорово, колы не шуткуешь, - ответил богатырского телосложения чернобровый усатый парень в лётном комбинезоне.

Остальные винничане не приветливо молчали, и угрюмо поглядывали на автомат за спиной гостя. Андрей почувствовал себя неловко, но ничего не мог с этим поделать. Так они договорились с Томеком. Безопасность, превыше всего. С оружием расставаться опасно.

- А что, можно у вас горючим заправиться? - испытующе посмотрел на усатого Андрей.

Местные будто воды в рот набрали. Так и не дождавшись ответа, Андрей хмыкнул:

- Жалко, что ли?

Снова молчание в ответ. Андрей предположил, что усатый здесь главный, и перевёл на него взгляд. Но тот только с ноги на ногу переминался, отвечать не спешил, и будто прикидывал что-то в уме.

- *Тю, та кóму воно потрибно, - не выдержав затянувшейся паузы, смачно сплюнул плюгавенький мужичонка, который прислонился к кабине подъёмника, и отстранённо луцил семечки, - це горючее²⁷.*

- А что, - удивился Андрей, - летать некому?

- *Та, - гавкнул в ответ плюгавенький, - абы хто кóго запытуе? Прийде такий, и хапне скільки захочэ²⁸.*

- Часто приходят? - настороженно переспросил Андрей в опасении, что местные озлобились на таких прихожан, и откажут в заправке.

Наконец, инициативу в свои руки взял усатый. Он перешёл на русский, и ответил за плюгавенького:

- Частенько. Весь мир перевернулся. Каждый шпендиль себя пупом земли почувствовал. Буром прут сюда, оружием бряцают.

Андрей заметил, что усатого явно раздражает его автомат. Более миролюбиво настроенный плюгавенький принялся рассказывать:

- *Учора трех орлив сивухы надерлыся, и по пьяне в литак улизлы, полетать, ядрена воша, выришили²⁹.*

- Там, - усатый хмуро кивнул в сторону лесопосадки, - приземлились. Только машину, суки, загубили.

- Плохо дело, - посочувствовал Андрей.

- А где сейчас хорошо-то? Все мы в одной упряжке, - проворчал примирительно усатый.

- Если бы, - не согласился с ним Андрей. - У некоторых крышу снесло. Сплошной беспредел творят. Если не самоорганизоваться, как это сейчас у поляков происходит, наступит полный кошмар.

- Мы уже поняли, - нахмурился усатый. - Только пока не получается. Сплошная вольница.

²⁷ «...кóму воно потрибно, це горючее» (украин) – «...кому оно нужно, это горючее»

²⁸ «Та, абы хто кóго запытуе? Прийде такий, и хапне скільки захочэ» (украин) – Да, если бы кто кого српашивал? Придет такой, и хапнет сколько захочет»

²⁹ «Учора трех орлив сивухы надерлыся, и по пьяне в литак улизлы, полетать, ядрена воша, выришили» (украин) – «Вчера трое орлов сивухи надрались, и по пьяне в самолет влезли, полетать, ядрена вошь, решили».

- *Куды шлях-те тримаємо?*³⁰ - спросил плюгавенький.

- Семейю разыскиваю, - коротко ответил Андрей.

Напряжение, которое с самого начала царило во взглядах этих угрюмых людей, отступило. Лица оттаяли, потеплели. Разом заговорили, каждый о своём, наболевшем. Каждый потерял кого-то, и в каждом теплится надежда отыскать дальних родственников, или, хотя бы, друзей.

Усатый с видимым облегчением махнул рукой в сторону автозаправщика, который стоял в доброй сотне метров от здания аэровокзала.

- Вон тот бери. Вам там до полных баков хватит.

Плюгавенький в знак согласия мотнул головой, оторвался от кабины подъёмника, и глянул в сторону вертолёт. Он прищурился, разглядел на обшивке польский знак, и одобрительно заметил:

- *Бачу, у полякыв гарненько поживилысь. Таку кралю видирваты.*³¹

Андрей поблагодарил за помощь, и отправился к автозаправщику. Местные остались на месте, и лишь лениво наблюдали за пришлыми. Томек со знанием дела провёл поверхностный техосмотр.

После заправки вертолёт горючим, перекусили. Не забыли и о четвероногом друге. Перед новым скачком Томек вздремнул. Согласно его расчётам следующий перелёт предстоит проделать до Бердянска, где придётся задержаться на несколько часов. И ему самому отдохнуть нужно, и винтокрылой машине.

ШЕСТНАДЦАТАЯ ГЛАВА

Вечером Ильгиз признался, что все попытки переговоров с новоявленным правительством заканчиваются ничем. На каждое обращение по радио в ответ слышатся трёхэтажный мат и угрозы. Из-за этого у всех появились плохие предчувствия. Долго ли получится сдерживать натиск бандитов?

Поначалу всё казалось ясным и понятным. В стычке бандиты понесли потери, и конечно же должны были чем-то ответить. Но вопреки ожиданиям, бандиты, или, как они сами называли себя, правительственные войска, не бросились сломя голову в атаку.

³⁰ «Куды шлях-те тримаємо?» (укр.) – «Куда путь-то держите?»

³¹ «Бачу, у полякыв гарненько поживилысь. Таку кралю видирваты.» (укр.) – «Вижу, у поляков хорошенько поживились. Такою кралю оторвать!»

Обещанная «головомойка» откладывалась на неопределённый срок. Но возможно их просто измором решили взять.

Три дня и три ночи томились бригадиры в ожидании атаки. Все силы они сосредоточили на бессменных дозорах, и скрытно патрулировали микрорайон. С утра заметили подозрительное движение в районе садов, но днём там уже никого не было. Вечером на всякий случай бригадиры наставили в садах растяжки с взрывными устройствами. А ночью на разведку отправили юного Максимку.

Виктор провожал его вместе с Ильгизом. Ильгиз шёпотом предупредил:

- Ты смотри, растяжку не зацепи. Хорошо помнишь, где ставили?..

- Угу, - просипел Максимка.

- Если попадётся, коси под чудика. Не тронут. Понял?

- Чего тут не понять?.. - прошептал довольный поручением мальчуган, и юркой мышкой скользнул в темноту.

Бригадиры прислушались, не наделает ли шуму, перемахивая через ограждение. Всё прошло тихо.

Из ночного дозора Виктор вернулся уже под утро, и прикорнул в помещении бывшего шахматного клуба, где обычно отдыхала его команда. Несмотря на усталость, уснуть сразу не удалось. Тревожные мысли одолевали. Он даже не заметил, когда всё-таки заснул. Вскоре его разбудил знакомый стрёкот. Он мог по звуку двигателей не глядя марку вертолёт определить. Это был десантно-транспортный вертолёт Ми-8 МТВ-5. Да, что там марку. Он дал бы голову на отсечение, что этот вертолёт знает лично. Даже заводской номер машины подать мог. Давно ли на испытаниях был?

Виктор прихватил оружие, спешно выскочил на улицу, и убедился – над домами барражирует знакомый вертолёт, который недавно проходил заводские испытания. Он, то скрывался за крышами, то возвращался назад.

Виктор стал обеспокоенно следить за маневрами грозной машины. Вертолёт может прицельное бомбометание производить. Неужели, решатся на такое? А если попытаются десант высадить? Из окна напротив слышался настойчивый стук. Галина, задорная черноглазая бабёнка, сигнализировала, чтобы он вернулся в подъезд. Он и сам понимал, что редкие деревца во дворе не слишком надёжное укрытие от небесных гостей. Не мудрствуя лукаво, бандиты могли без выгибасов просто

расстрелять с воздуха. Виктор тотчас юркнул в подъезд. Вскоре вертолёт улетел.

- Жаль, «Иглы» у нас нет, - разочарованно произнесла Галина.

Как большинство бригадиров, она по-военному экипирована, и вместе с другими патрулирует улицы.

- С ниткой? - пошутил Виктор, хотя и понял, что речь о переносном зенитном ракетном комплексе.

- С тротилом, - не обиделась Галина, и предположила: - На психику давят.

Виктор потёр кулаком шершавый, давно небритый подбородок, и нехотя согласился:

- Похоже на то...

- Небось, вторжение готовят, - снова предположила Галина.

Виктор озабоченно потёр ложе автомата, и подумал, что возможно из бабы стратег никудышный, но такого развития событий нельзя исключать. Если она права, нужно срочно найти подчинённых, которых как назло поблизости не видно.

- Куда мужики запропастились?

Галина пожала плечами, и неуверенно махнула рукой в сторону садов. Ничего не оставалось, как отправиться на их поиски. Одной оставаться в шахматном клубе Галине тоже не захотелось, и она поплелась следом. Напарники нашлись на соседней улице. Они укрылись от вертолёта под прицепом грузового КАМАЗа.

Леонид заметил в тени соседнего дома Виктора с Галиной, и выбрался из-под прицепа. Он махнул рукой, привлекая к себе внимание. Выглядел Леонид неважно, зарос щетиной, осунулся, и сник, под глазами проявились болезненные тёмно-фиолетовые тени. Автомат в руках выглядел, словно скрипка в руках землекопа.

Ахмед-абы выглядел не лучше. От постоянного недосыпания подслеповатые глаза слезились, и ненормально щурились. Несмотря на тёплую погоду, он был в толстых шерстяных носках и галошах. Он ёжился, и для согрева потирал ладонями. Виктор закинул автомат за спину, с опаской глянул на покрытое кучкой пушистых облаков небо, и направился к прицепу.

Ахмед-абы присел на корточки, и протяжно пропел:

- И-и, Аллá, и *защем щилавек стреляй щилавек?*

Он утёр платочком бритую голову, и покачался, смешно перекаtywаясь из стороны в сторону.

Виктор удивлённо покосился на него:

- Ты же сам чёрта худощавого укокошил.

- И-и, *бит*, - задыхаясь от гнева, вскочил Ахмед-абы, и выпалил: - *Защем равняишь? Он, бит, муй рот дулом бил. Муй рот дулом, так бил, так...*

Старик изобразил, как бандит бил его по губам дулом пистолета. Куда улетучилась покорная безучастность? Воинственно размахивая руками, он вскочил на борт прицепа, и начал выкрикивать оскорбительные фразы. Затем кулаками погрозил по направлению улетевшего вертолёта. Вдруг послышался короткий хлопок. Ахмед-абы соскочил с бортика, дёрнул рукой к щеке, и вдруг распластался на земле. Виктор не сразу понял, в чём дело.

- *Сы-найпир*, - прохрипел сквозь зубы старик, и проворно заполз под прицеп.

Вся троица без раздумий последовала за ним. На щеке Ахмеда-абы появилась свежая, слегка опалённая царапина. Чуть левее пройди пуля, и старика с ними уже не было бы. Галина продезинфицировала рану водкой, которую держала для подобных случаев в сумочке, и осторожно заклеила щёку пластырем. Ахмед-абы стойко перенёс операцию, съёжился, притих, и уставился в одну точку расширенными зрачками. О чём задумался старик в этот момент, можно только догадываться. То ли молитвой благодарил Аллаха за спасение, то ли вспоминал прошедшую жизнь.

Через пару минут Виктор осторожно высунулся из-под прицепа, и осмотрелся. Снайпер мог где угодно находиться, от зарослей садовых участков до соседних домов, где многие окна, как на грех, бригадиры оставили настежь распахнутыми. Буйная зелень, которая скрывала садовые ограждения, также не позволяла ничего разглядеть. Наугад прочесывать местность опасно. Возможно, как раз на это враг и рассчитывает. Виктор запоздало распорядился:

- Никому не высовываться.

Он включил рацию, и открыто сообщил о снайперском обстреле. Бригадиры решили осторожнее действовать, но спокойствия это не добавило. Появление снайперов восприняли за подготовку перед атакой. Долго ждать не пришлось.

Коммандосы появились в дальнем секторе в районе частных гаражей, где местность сильно пересекалась овражками, пригорками, и разросшимся кустарником. Из-за этого дозорным здесь приходилось особенно трудно. Каждый шорох, каждый отзвук заставлял их нервно хвататься за оружие. Усталость взяла своё, и когда коммандосы неслышно

появились рядом, дозорные вышли из укрытия, чтобы размять ноги. Их хладнокровно расстреляли. Другая группа бригадиров, которая случайно оказалась поблизости, тут же вступила в перестрелку.

Когда мобильная группа появилась на месте стычки, виновники переполоха оставили на улице трупы четверых дозорных, и спешно отходили в сторону перелеска. Они и правда не представляли, что им противостоит горстка необученных ополченцев. Иначе, зачем так поспешно удирать? А может просто решили судьбы не испытывать?

К тому, что жертвы в их рядах неизбежны, ясно было с самого начала. И сейчас пришлось с горечью осознать, что первые жертвы необъявленной войны появились. Ильгиз склонился над трупом паренька лет шестнадцати-семнадцати на вид, с детским пушком над губами. В помутневших глазах мальчишки сквозило неприкрытое удивление. Ильгиз укоризненно покачал головой, и прикрыл ему веки.

Из-за гаражей показался сосед Ильгиза, Галим, по прозвищу Волк. В узком прищуре глаз Галима отражалось презрение. Ильгиз знал, что Волк после катастрофы слонялся где-то поблизости. Но он опасался привлекать его в бригаду. Волк считался авторитетом среди местных «братков». В былые времена менты чего только на него не вешали. Но, сколько ни старались его засадить, в конечном итоге только руками разводили. Волк изо всех перипетий выходил без единой зацепочки. То ли действительно, работал в одиночку, то ли «братки» по каким-то неизвестным причинам его как-то по-особенному крыли. Волк, он, и есть волк. Галим подошёл к Ильгизу, озабоченно посопел, и буркнул хмуро:

- Здорово! Ну что, возьмёшь в свою бригаду, или как?

Ильгиз смерил его недоверчивым взглядом. Не подвох ли какой? Настороженно спросил:

- Чего так?

Волк не спешил с объяснениями. Ильгиз выпрямился, и пронзительно посмотрел ему в глаза. Тот глаз не отвёл. Прямо смотрел по-волчьи, исподлобья. Ильгиз так же прямо спросил:

- Может, скажешь, каким ветром сюда занесло?

- В гаражах шуровал.

- И видел, как их убили?

- Видел.

- Что ж с ними не ушёл? Все твои братки по той стороне, - прошипел Ильгиз, и кивнул в сторону перелеска, - у Алима пристроились.

- А ты за моих братков не подписывайся, - огрызнулся Волк. - И за меня не решай. Я не урод, чтобы с чмырями и чуханами якшаться.

- Что, надоело в одиночку шататься? - вклинился в перепалку Макс. - Вступай, Волк, в Красный крест, тебе там самое место. Короче, санитаром леса будешь.

Галим удивился:

- Сам то что? Ты, Макс, не шелести. Давно из домушников в святые хильнул?

- Хорош базлать, - оборвал перепалку Ильгиз. - Откуда мне знать, что не продашь нас?

- Словами зря не бросайся, - процедил сквозь зубы Галим. - Продажной шкурой и сукой никогда не был, и не буду. Да и кому вас продавать? Этим что ли? - кивнул в сторону перелеска. - Отвечаю, менты там были, не братки.

- Там всяких хватает, - нахмурился Ильгиз. - Встретишься с братками, и поминай, как звали.

- За мусора меня не держи. Мне волк кликуха, не шакал.

- Ладно, поверю, если так... - со вздохом кивнул Ильгиз. - Сам видишь, лишних людей у нас нет.

- Не пожалеешь, - пообещал Волк.

- Посмотрим, Волк, держи кардан, - протянул руку в знак примирения Макс.

Волк хмуро ответил на рукопожатие. Ильгиз сокрушённо склонился над очередным погибшим. Посетовал:

- Как же они так?

- Зелень, - буркнул Волк. - Без башки, знач.

- Зелень, - с горечью повторил Ильгиз. - Им же ясно сказано было, чтоб не разгуливали, как по проспекту. Сегодня бабая нашего чуть на тот свет не отправили. Пулей щеку поцарапало.

- Щеглы, - определил Волк. - Не усидели. Чуток вылезли пошастать, а это кодро из овражка вылезло, и застучало их. Обоих и кокнули сразу. Потом ломанулись к пацанам, а тут, откуда ни возмись, ещё двое зелёных вывернулись. Им бы оборваться и спрятаться где, а то и слинять пошуструму... А они, вислоухие, страх потеряли, не очканули. Как фраеры напролом ломанулись, и козлов пять, может шесть, подстрелили, а вот сами... Это быдло трухануло поначалу, кто куда шарахнулось... Так один фуфел, демон жёсткий нашёлся, век козла не забуду. По пацанам шамальнул, и вглухую заделал. Потом кипиш навёл, гад, кто-то на шухере

промандёхал. Зашугались, заёрзали, жмуриков да раненых своих на горб, и юзанули, запылили отсель.

Волк махнул по направлению перелеска, где среди деревьев всё ещё мелькали фигуры командосов.

- Волк, те словарь подогнать? - съязвил Макс.

- Не гони беса.

- У нас народ по-русски изъясняться привык.

- По ходу у меня переводчиком будешь, - не растерялся Волк.

- Эх, пацаны, - с болью в голосе пробормотал Ильгиз, - уложили-таки, а сами по-детски подставились. Что же они нас не дождались?

- Закопать бы их, - озабоченно сложил руки на поясе Волк.

- Похороним, - подтвердил бригадир.

Останки погрузили на ближайший грузовик, и отправили вглубь микрорайона. Не успели похоронить, как снова активизировались снайперы, которые начали методично обстреливать микрорайон из укрытий. Жертвами подобной тактики стали неосторожные соседки. В разных концах микрорайона погибли одна за другой три женщины. Соседи запаниковали. Непричастность к бригаде вовсе не гарантировала безопасности. В страхе, они забились по норам и больше без надобности не покидали своих обиталищ.

Ильгиз решил с Алексеем посоветоваться.

- Разбей добровольцев на пары, и отправь на охоту, - посоветовал Алексей. - Нужно срочно обнаружить, и ликвидировать этих снайперов. Иначе, жизни не дадут.

- Мобильную группу разбивать нет смысла, - наотрез отказался Ильгиз. - Этим мы только ослабим себя. На охоту пошлём мужиков постарше, и женщин пошустрее. Пусть в засадах укроются, и наблюдают.

- Смотри сам, - поёжил плечами Алексей.

Они быстро составили список охотников, и собрали их для инструктажа. В напарницы к Виктору попала Галина, та самая задорная черноглазая бабёнка, с которой он искал своих дозорных. Сразу после инструктажа, они отправились искать место для засады. Не мудрствуя лукаво, Виктор предложил пробраться на садовые участки, и оттуда вести наблюдение за окрестностями.

Короткими перебежками добрались туда, и забрались на чердак одного из садовых домиков. Здесь осмотрелись. Через низко посаженные крохотные окошки открывался вид на садовые участки, и отсюда виднелось не менее пяти-шести соседних участков по бокам в каждую

сторону, до третьей линии в ряду. Не слишком густо, но чем чёрт не шутит. Панораму на прилегавшую к домику улицу открывало окно побольше, и здесь прослеживалась дорога с несколькими многоэтажками. Кроме того, если скосить взгляд в левую сторону, над вершушками молодой поросли орешника торчали строительные краны. Где-то в двухстах метрах от домика был недостроенный спортивный комплекс.

На чердаке было много хламу, но, что порадовало, завалились два стареньких матраса. На матрасах лежать гораздо удобнее, чем на голых досках. Виктор повалился на матрас, скосил глаза, и принялся сосредоточенно вглядываться в заросли орешника. Не там ли засел снайпер? Рядом притулилась Галина. Как бы ненароком потёрлась о его плечо щекой. Уже забытый волнительный запах вожденного женского тела оглушил Виктора, заставил повернуться к напарнице, неуклюже обхватить за талию, и прижать к своей богатырской груди. Галина тяжело задышала, ахнула, безвольно обмякла, и позволила запустить дрожащие ладони под тёмно-зелёную футболку. Её упругое тело завибрировало желанием. Неожиданно рядом грохнул взрыв. Виктор резко отшатнулся от Галины, замер, и прислушался к наступившей тишине.

- Подорвался кто-то, - ахнула Галина, боясь пошевелиться.

Своих в этой стороне нет. Значит, на mine подорвался кто-то из чужаков. Может, злосчастный снайпер? Осторожно ступая, Виктор перешёл к окошку, со стороны которого прогремел взрыв. На одном из соседних участков в воздух уносилось облачко копоти, но никакого движения в той стороне он не заметил. Бригадиры закладывали в садах заряды, больше в расчёте на шум, чем на поражение противника. Поэтому тот, кто подорвался на mine, мог ещё живым быть. Тогда почему никак не проявляет себя? Виктор не отводил взгляда от места взрыва. От напряжения вспотела спина, но всё напрасно. Рядом застыла напряжённая фигура Галины.

- Мать его, убило там кого-то что ли? - нетерпеливо поёрзал бригадир.

Никакого движения. Ни шороха, ни всполоха. Только ленивое дуновение ветра перебирает листья.

- Надо пойти, проверить, - предложил Виктор.

- Не пуцу, - твёрдо возразила Галина.

Виктор и сам понимал, что это рискованно. Только, что делать? Не ждать же сумерек. В сумерках, и вовсе опасно. Можно за свою растяжку зацепить. Знакомый звук отвлек внимание. Снова прилетел вертолёт.

На этот раз, винтокрылая машина не ограничилась холостыми полётами. С борта вертолёт обстреляли из автоматов недостроенный спорткомплекс. Виктор с Галиной обеспокоенно прильнули к окну. В зарослях орешника гулко ухнул разрыв.

«Гранатомёт», - догадался Виктор. Он понял, что кто-то из бригадиров пытался вертолёт из гранатомета подбить, но промазал. Однако, и это подействовало. Пилот вертолёт предпочёл не рисковать, и отвалил винтокрылую машину прочь от места схватки.

- Так тебе и надо! - восторженно воскликнула Галина.

- Тише ты, - буркнул недовольно Виктор, и укоризненно посмотрел на женщину.

Она и сама поняла свою оплошность. Если снайпер рядом, вскрик указал на их местонахождение. В этом случае... Послышалась короткая автоматная очередь. Вертолёт уже улетел. Стрельба доносилась откуда-то из глубины микрорайона. Снова очередь. Одиночный выстрел. Ещё и ещё. Утихло. Снова прозвучал спаренный выстрел. Опять тишина. И снова одиночный выстрел. Виктор оцепенел. Серия выстрелов случайной быть не может. Где-то там, в глубине микрорайона разгорается бой. Беспечно ёрзавшая под боком Галина взвыла:

- Господи, Боже ж ты мой!

- Да, заткнись же ты, наконец, - грубо прошипел Виктор. - Беду накличешь.

Играя желваками, он прислушался к перестрелке в микрорайоне. Нервы начали понемногу сдавать. Что делать? То ли спешить к своим, то ли обследовать место взрыва, то ли продолжать наблюдение за окрестностями. Он и на Галину злился, за то, что спровоцировала его, и на себя, за то, что поддался порыву страсти. Не время сейчас... А когда время? Боже, что с ним делается? Что в том постыдного? Ведь, не похоть была в его порыве. И Галина не похожа на тех, кто отдаётся первому встречному. Всё было по-честному. Это жизнь.

А перестрелка в микрорайоне продолжалась.

Всё началось с того, что Миша Руштаев, известный зубоскал, при патрулировании своего сектора заметил «газель» с группой вооружённых людей на внутренней дороге. Его напарник Эдик Студенников в это время осматривал близлежащий палисадник. Миша решил, что в «газели» находится мобильная группа бригадиров, и спокойно вышел навстречу. Встреча оказалась неожиданной для обеих сторон. Коммандосы притормозили, и Миша разглядел в кабине чужаков. Он пустил в сторону

«газели» очередь, и шустро спрятался за ближайшим деревом. Автомобиль дёрнулся вперёд, несколько раз фыркнул, и заглох. Командосы поспешно покинули машину, рассредоточились, начали одиночными выстрелами постреливать в бригадира, и к соседнему переулку отходить.

Скорее всего, они без труда затерялись бы между домами, до которых оставалось не больше тридцати метров, если бы из-за многоэтажки не вывернулась мобильная группа. Бригадиры открыли беглый огонь. Перекрёстный обстрел вынудил командосов распластаться на земле. Бригадиры не спешили воспользоваться позиционным преимуществом. Они заботились о собственной безопасности, и экономили боеприпасы. Только после занятия позиций за всевозможными укрытиями, стали наверняка стрелять. В стремлении добраться до спасительного переулка командосы медленно переползали с места на место, и вели ответный огонь одиночными выстрелами. Возня затягивалась. Снова со стороны города слышался стрёкот вертолёт.

- Несёт нелёгкая, - забеспокоился Ильгиз. - Сверху мы, как на ладони.

- Как лохов нас спалили, - поддержал беспокойство Волк.

Молчаливый электромонтёр Володя Шумилин любовно погладил приклад калашникова, и скептически оценил шансы бригадиров:

- По ходу, нам кранты.

- Мандраж пошёл? - усмехнулся Волк.

- А это ещё бабушка надвое сказала, - бравурно возразил Макс. - Меня голыми руками не возьмёшь.

- Да, они не с голыми, как видишь, руками, - продолжил панихиду Шумилин.

- Чёрт с ними, - махнул рукой в сторону командосов Ильгиз. - Отходим.

- Не приколы ноги делать, - скрипнул зубами Волк.

- Прикол, не приколы, по глупому погибать не хочется, - заметил Ильгиз.

- Может, пронесёт, - с надеждой глянул на небо Макс.

Вертолёт барражировал поблизости от места схватки, но очевидно пилот не подозревал этого. Словно в ответ на мольбы Макса, винтокрылая машина пролетела стороной, и пошла на снижение неподалеку от телеателье, где бригадиры временно разместили штаб-квартиру. Ильгиз беспокойно проводил его взглядом. Кроме Алексея в штаб-квартире никого не было.

Не зная, что замышляют командосы, Алексей захватил крупнокалиберный пулемёт, и вышел на улицу. Для вертолётчиков его фигура оказалась хорошей мишенью. Очередь прошила землю в полуметре от ног. Офицер запаса выругался, проворно отскочил в заросли, и прижался спиной к сетчатому ограждению детской площадки. С трудом удерживая на весу пулемёт, он направил дуло на вертолёт, который неосторожно опустился слишком низко, и нажал на гашетку. Пули глухо защёлкали по обшивке металлической стрекозы. Спасая машину, пилот поднял её выше, и завесил над крышами. Сразу же послышался резкий удар металла по металлу, и прозвучал взрыв на крыше соседнего дома. Алексей облегчённо вздохнул. Это Михась стрельнул по вертолёту из гранатомёта. Граната скользнула по обшивке, и рикошетом отлетела на крышу соседнего дома, но этого оказалось достаточно, чтобы вертолёт поспешно покинул мятежный микрорайон.

Командосы поняли, что помощи с воздуха не будет, и предприняли отчаянную попытку прорваться в переулок. Некоторым удалось оказаться за прикрытием домов, и оторваться от преследования. На месте перестрелки остались три трупа, и трое тяжело раненых.

Перестрелка в микрорайоне прекратилась, вертолёт улетел. Виктор тоже успокоился. Он обнял Галину, и снова уставился на соседние участки. Ничего подозрительного не происходило. Они безуспешно прождали около двух часов, и лишь затем решились проверить место взрыва. Осторожно спустились вниз, и с подстраховкой, прокрались туда. Осмотр травы и кустов смородины, возле которых находилась закладка, ничего не дал. Следов крови, и даже присутствия кого бы то ни было на месте взрыва, они не обнаружили, и под покровом быстро приближающихся сумерек покинули сады.

СЕМНАДЦАТАЯ ГЛАВА

Милка успокоилась, и согласилась отправиться в Казань. Всю ночь Рогожин просидел на кухне. Терзаясь сомнениями, он переводил одну сигарету за другой. С одной стороны ему не хотелось в опасный путь их одних отпускать. Но с другой стороны, как ни смотри, у ребяташек своя голова на плечах. Не получится такие дела решать за них. И если бы мир не изменился, он не стал бы даже размышлять. Но сейчас всё по-другому, на злых людей управы больше нет. В дороге что угодно приключиться

может. В мире воцарило право сильного, которое разрешает этим людям жестоко крушить, ломать, убивать, и насиловать. Сможет ли Игорёк защитить сестрёнку? А сумеет ли защититься сам? Почему бы ему, Рогожину, не подняться над обстоятельствами, и не стать опорой в жизни этим подросткам? Почему бы ему не перечеркнуть прошлое, и не посвятить себя тем, кто сегодня нуждается в его помощи?

Так он рассуждал. Но, что-то удерживало его здесь. Что-то мучительное, и вместе с тем дорогое. Память пульсировала, и держала его безжалостной хваткой. Как он не старался, но так и не сумел с ней совладать. И ему не хватало сил заставить себя покинуть осиротевший дом...

Впрочем, ещё одна причина удерживала его здесь. Кроме Игорька и Милки в квартире нашли приют Вика с Мариной, которые категорически отказались отправляться с подростками в Казань. Надвое разорваться Рогожин не мог. И женщин оставить одних в своей квартире тоже не решался. Всё-таки, Игорёк, как-никак парень, который буквально на глазах мужает, и умело адаптируется к изменившимся обстоятельствам. А Марина с Викой в новых условиях наоборот потерялись. То страх с истерикой, то депрессия с протрацией погружают психику женщин в хаос безнадёги. И без него, Рогожина, им едва ли удастся выжить в этом кошмарном мире. А подростки? Как-никак Игорёк парень. Он буквально на глазах мужает, и умело адаптируется к столь изменившимся обстоятельствам. Ещё пару месяцев, и не Рогожин будет опорой для подростков, а Игорёк для него. Главное, продержаться эту пару месяцев.

Рассвет мазнул по крышам соседних домов голубовато-серыми красками, и как бы нехотя забрезжил за окнами. Вот-вот покажется солнце над горизонтом, и брызнет по округе золотисто-багряными лучами. Рогожин так и не решил ничего для себя. Он тяжело поднялся со стула, притушил сигарету в литой, ракушковатой пепельнице, и прошёл в комнату, где спали ребяташки. Какое-то время он прислушивался к ровному дыханию двух человечков, которые стали невероятно близкими. Затем чиркнул зажигалкой, зажёл парафиновую свечу, и разбудил их.

Игорёк поспешно вскочил, поёжился, и, чтобы окончательно пробудиться, принялся энергично растирать лицо ладонями. Милка лениво потянулась, вытерла кончиками пальцев глаза, и уселась на краю кровати.

- Может, передумаете ещё? - со слабой надеждой спросил Рогожин.
- Нет, - твёрдо ответил Игорёк.

Они прошли на кухню, и наскоро, чем Бог послал, перекусили. Затем стиснули в крепких объятьях опекуна. Понятно, навсегда расставались. Невозможно представить, чтобы когда-нибудь пути их могли пересечься. Новый мир принял другие правила игры. Лишённые надёжных средств коммуникации, люди расходились, чтобы больше не встретиться.

В дверном проёме появились заспанные лица Марины и Вики. Разрываемый чувствами к своим подопечным, Рогожин тяжело вздохнул.

- Если надумаете, приезжайте. Мы будем всегда рады, - неуверенно предложил Игорёк.

- Вряд ли, - рассудительно произнесла Марина. - Дороги-то, сами знаете какие. Да, и люди сильно изменились, злее стали. За месяц-полтора всё устаканится, каждый найдёт своё собственное место, и начнётся оседлая жизнь. И не увидимся мы с вами никогда, ни почта не работает, ни телефонов нет, ни уверенности в завтрашнем дне. Никто не знает, что с нами будет завтра, и куда забросит судьба.

Никто не стал оспаривать значение этой фразы. Подростки закинули за плечи рюкзаки, и двинулись к выходу. Женщины вынесли вслед за ними велосипеды. Утренняя прохлада приятно освежила лица. Небо заметно поголубело на востоке, и солнце чиркало багряными лапами по верхушкам ближайших зданий. Рогожин укрепил велосипеды на крыше выдавшего вида «Запорожца». Готовые к отъезду, подростки попрощались с бывшими попутчиками. Троекратно, по-русски, расцеловались. Не выказывая слабости, Рогожин порывисто отвернулся. Глаза предательски заблестели, готовые обронить на поредевшие ресницы влагу, мелко задрожали кисти рук. Необычайное волнение почувствовал этот, в общем-то крепкий повидавший многое в жизни человек, который заменил им и няньку, и мать родную, и отца. Путь, который он прошёл с ними от Сочи до Саратова сблизил их, но... как оказалось, не связал навсегда.

- Счастливого пути, - скупое пожелал он юным подопечным, махнул рукой на прощанье, и, чтобы никто не увидел слёз, не оглядываясь вошёл в подъезд.

Игорёк с Милкой протиснулись в тесный автомобиль, трижды посигналили в знак пожелания всего наилучшего временно приютившему их дому вместе с гостеприимным хозяином, который так много сделал для них, и отъехали. Марина с Викой проводили невидящим взглядом «Запорожец». Они снова впали в странное оцепенение, которое поглотило их, стало частью внутреннего состояния неведомого доселе переживания.

Давно уже скрылись за углом фигуры обеих женщин. «Запорожец» прытко вырулил на дорогу, которая вела к окраине. Милка с ногами забралась на сиденье, и обхватила округлившиеся коленки руками. Конечно, жутко в столь юном возрасте отправляться в дорогу вдвоём с братом. Но каждый километр пути приближал их к дому, к родному дому, где по крайней мере кошмарную катастрофу удалось пережить ближайшей Милкиной подружке Лианке. Той самой, до которой удалось дозвониться по телефону из Сочи.

Дребезжа словно старая колымага, «Запорожец» уверенно объезжал препятствия. Игорёк специально выбрал для поездки эту маленькую машину. Для двоих не нужно много места, а «Запорожец» довольно-таки юркий автомобиль, на котором можно без спешки протискиваться между сцепками и отдельно стоящими «катафалками», и неуклонно продвигаться к конечной цели путешествия. На этой, как её все называют, «консервной банке», можно спокойно преодолевать также небольшие автомобильные завалы.

Однако, «Запорожец» всё-таки не танк. В этом Игорёк убедился чуть позже, когда уверенно объезжал очередной завал на дороге. С разгону они въехали в дыру на обочине, из которой без посторонней помощи выбраться уже не смогли. А рассчитывать на постороннюю помощь не приходилось. Игорёк пробовал вывести автомобиль на дорогу, раз-другой нажимал педаль газа, но всё тщетно. «Запорожец» мёртво засел в выбоине. Игорёк беспомощно покрутил головой в поиске случайных прохожих, как будто сейчас это не являлось чрезвычайной редкостью, и покорно вздохнул:

- Вылезай. Рюкзаки на плечи, и крутим педали, пока подходящий транспорт не попадётся.

Они не стали из случившегося делать трагедию. Это так привычно. Сотни раз приходилось проделывать подобную процедуру. Теперь даже легче, на крыше драндулета своего часа ждали два дорожных велосипеда. На плечи закинули объёмистые рюкзаки, и неторопливо поехали в обход завала. Они отдавали себе отчёт, сколько мучений предстоит перенести в дороге, но ничто не могло их остановить перед стремлением добраться до дома. Даже Милка держалась молодцом. Каким-то даром небес, рядом к её радости был старший брат. Трудно представить, как могла бы она обойтись без него, и что бы делала, если бы осталась совершенно одна там, на чужбине. Наверное, сошла бы с ума, как множество людей, которых они встречали в дороге.

Они проехали около трёхсот метров по шоссе, и увидели подходящий для продолжения пути автомобиль, «Фольксваген Пассат» с объёмным багажником. Игорёк выбросил из багажника на обочину коробки с сумками, чтобы освободить место для велосипедов. Теперь предстояло главное испытание. Нужно противогазы натянуть, и вытянуть из автомобиля полуразложившиеся тела. Потом продезинфицировать салон, проветрить его, и немного его очистить. Впрочем, это уже мало помогало. Трупный запах так въелся во внутреннюю обивку салона, что выветрить его полностью не представлялось возможным. Если кто-нибудь раньше сказал бы им, что они смогут так, без страха и брезгливости вытаскивать из автомобиля полуразложившиеся трупы, они просто не поверили бы. Но страшная реальность стала настолько привычной, что подростки перестали внимание обращать на подобные мелочи. Естественно, такие процедуры затрудняли путешествие, но выбора не было. Без специальной подготовки, на велосипедах быстро вымотались бы.

Около шести часов потребовалось, чтобы добраться до Вольска. Сделали передышку. Как приятно растянуться на траве, и размять затёкшие члены после изнурительных скачек, с автомобиля на велосипеды, и с велосипедов на автомобили. Теперь они остались одни, и столкнулись с неудобством, о котором раньше как-то не задумывались. Обычно обеды готовили несколько человек, и каждый выполнял своё задание. Теперь приходится всё делать самим, и на это уходило больше времени.

Копируя Стаса, Игорёк ловко распалил костёр, вбил в землю металлические рогатки, и на толстом металлическом штыре с деревянной ручкой подвесил котелок, который раздобыл вездесущий Рогожин. Затем они залили воду, запустили порезанные Милкой овощи, совместно почистили, и отправили туда же картошку. Всё остальное дело Милки. Она достала из рюкзака многочисленные специи, и принялась фантазировать над котелком. Игорёк с жадностью принюхался к волнующим чувственный нос запахам, и облизнулся. Не выдержал, и, обжигаясь, отхлебнул ароматную жижу прямо из котелка.

- Никогда не ел такой вкуснятины. И когда ты так вкусно научилась готовить?

Снова и снова он удивлялся её способностям. Милка лишь снисходительно улыбнулась, и порадовалась похвале брата.

- Не забывай, какие учителя у нас были, - наконец, призналась она, несказанно довольная тем, что не оказалась обузой в дороге.

- Ну, кто бы подумать мог, что так сможешь? - снова похвалил сестрёнку Игорёк.

Он не ожидал, что суп, который приготовила сестрёнка, окажется таким вкусным. Даже мама таких щей не умела приготовить.

- То ли ещё будет, - таинственно пообещала девчонка, и гордо вздёрнула задиристый носик.

Дни, которые они провели в условиях далеко не тепличных изменили их и внешне, и внутренне. За короткое время подростки смогли успешно пройти непростую школу самовыживания. Всему, что нужно, они успели научиться. Даже постоять за себя и сестру Игорёк готов. Самое главное, что они вместе, нуждаются друг в друге, и поддерживают друг друга. К тому же, снова затеплилась светлая мечта, которая дала энергию, и дополнительные силы, мечта о встрече с отцом. Всё остальное стало неважным. Во всяком случае, сейчас.

Милка приготовила суп, и разлила его по тарелкам. Игорёк набросился на еду, будто целый месяц не ел. Милка не отставала от него. И дело вовсе не в том, что они проголодались. На природе натуральным образом возрастает аппетит.

Игорёк насытился, и достал из рюкзака автомобильный атлас. Внимательно изучил карту, и прикинул маршрут, из учёта физических возможностей сестры.

- До Хвалынска доедем, - сообщил он Милке, которая усердно подчищала своё блюдо, - и на сегодня хорош, там переночуем.

- Как скажешь, - охотно согласилась сестрёнка. - Если будет надо, я и дальше согласна ехать.

- Достаточно до Хвалынска, - подтвердил своё решение Игорёк.

- А как ты думаешь, в Казани такой же беспредел, как в Саратове?

- С чего ты взяла? - опешил юноша.

О том, что в Казани может опасно быть, он раньше даже не задумывался. Зная казанские «традиции», Игорёк вдруг понял, что такой поворот исключать нельзя. Но, чтобы успокоить сестру, возразил:

- Нет. Быть этого не может.

- А я думаю, ещё как может, - уверенно заявила Милка. - Ты посмотри на людей, что с ними катастрофа сделала. Милиции нет, некому за порядком следить. Вот и хамяют. Настороже придётся держаться, чтобы на каких-нибудь хмырей не нарваться.

- Да, уж, как-нибудь, - с тревогой буркнул в ответ юноша.

- Я одного понять не могу, чего людям не хватает?

Он также этого понять не мог. Как невозможно понять, за что такое наказание. За грехи ли, или за стремление доминировать над природой. А может, и за то, и другое. Но... всё-таки, удивителен этот новый мир, где приходится решать, сколько километров пройти до ночёвки, и думать об осторожности по отношению к бандитам. Правда, до сих пор тем, кто повстречался им на дороге, не было до них дела. Но, кто знает, что будет завтра?

Они выполнили программу, которую наметили на день, и заночевали на крутом волжском берегу под Хвалынском. С первыми лучами солнца Игорёк вскочил, по выработавшейся уже привычке растёр до красноты лицо ладонями, попрыгал на месте, помахал руками, и энергично присел десяток раз. Упражнения окончательно его пробудили, и он растолкал сонную Милку. Девочка недовольно пробурчала себе под нос, но покорилась брату. Она потянулась, и осторожно выбралась из спальника. С этим проблем пока не было. Милка нормально воспринимала главенствующую роль Игорька, и соглашалась с ней. Она считала, что в дороге так и быть должно. А Игорьку вдруг свалившаяся на его голову ответственность помогала вырабатывать твёрдые принципы, и настоящий мужской характер.

Новый день начался с физической зарядки. Благодаря отцу, и в какой-то степени матери, они росли ловкими и физически развитыми. Но раньше занятия спортом у них проходили без желания. Родители насильно заставляли их делать физические упражнения. Теперь всё коренным образом изменилось. Забота о физическом состоянии организма стала потребностью, которую вызвал суровый быт посткатастрофального периода. Чтобы выжить, не потеряться в новом мире, они должны и ловкими быть, и крепкими, и здоровыми. Понимание этого пришло к ним в самом начале пути, который потребовал определённой физической подготовки, ловкости и выносливости. Теперь же они делали упражнения в охотку. И с каждым днём мышцы всё больше наливались энергией, тело становилось упругим, и ловким. За несколько дней тела приобрели стройный, можно даже сказать, поджарый вид. Но никогда раньше они не чувствовали себя настолько здоровыми, как сейчас. Куда подевались Милкины головные боли, которые возникали по любому поводу? Куда подевались частые простуды Игорька? Всё это осталось в прошлом. Теперь они могли в ледяной воде купаться, во всяком

случае, так им казалось, потому что оказии для этого ещё не было по причине тёплых дней. Зато ночёвка в тонких «спальниках» на голой земле, не приводила к прежним простудам.

Свежий речной ветерок отрезвляюще обдувал обветренные прокопчённые лица подростков. Энергичные махи руками сменялись наклонами, отжимания чередовались с приседаниями. Особое внимание уделяли упражнениям с растяжкой ног и рук. Этому их научил москвич Дмитрий, попутчик, с которым расстались у Лиховской.

После окончания зарядки они отдышались, и спустились на берег. Игорёк с разбегу кинулся в прохладную волжскую воду, Милка последовала за ним. Теперь она не спешила, как прежде, выскакивать из воды. Она наблюдала за Игорьком, и старалась так же, как он, уверенно держаться на воде. И даже пыталась так же, как он, стремительно плавать. Жизнь учила постигать азы искусства, которое не являлось сильной её стороной. Игорёк залюбовался сестрёнкой. Милка уверенно плыла, меняла стили с брасса на кроль, и обратно. И тут же переворачивалась на спину, и мощно загребала руками. Только сейчас он обратил внимание, что она перестала походить на угловатого неуклюжего подростка. Формы за короткое время округлились, фигура стала привлекательной, движения элегантными. Даже мелькнула мысль, что вскоре будет непросто заботиться о ней. Желających полакомиться смазливой девчонкой будет хоть отбавляй. «Надо её приёмам самообороны научить», - подумал Игорёк.

Милка ещё плескалась, когда он разгорячённый и бодрый выскочил из воды, помахал сестрёнке рукой, и поднялся на плоскую площадку, которая дала приют. Здесь Игорёк энергично растёр тело махровым полотенцем, и принялся разжигать костёр, который за ночь успел прогореть. Совершенно мокрая Милка поднялась следом, брызнула водой на голую спину Игорька, и со смехом принялась обтираться.

- Готовь продукты, я за водой сбегая, - распорядился юноша, и натянул на ноги кроссовки.

Воду он решил из родничка набрать, на который случайно вечером набрёл. Вода оказалась прохладная, исключительно чистая, и приятная на вкус. Да, здесь не только вода. Свежий речной воздух также не имел в себе неприятных примесей. От такого они уже успели отвыкнуть. В городе, и на загородных дорогах держался стойкий неприятный запах. А здесь почти не чувствовалось того сладковато-приторного запаха, который многие

дни сопровождал их, и неприятно стискивал горло. Можно глубоко вдыхать и наслаждаться.

Как это приятно, когда неназойливый утренний ветерок задумчиво перебирает волосами, и играет пламенем костра. И простор, который открывался с высоты крутого склона, на котором расположились подростки, воздействовал возбуждающе. За туманной дымкой, которая стелется над рекой полупрозрачным покрывалом, смутно просматривается плоский левый берег. Условностями пренебречь можно (хотя, какие там условности!), сбросить одежду, и полететь над водной гладью Волги, над сочными не топтаными лугами, и созревшими полями, над своею немощью перед природой, перед её несокрушимой мощью. Можно всё забыть, что произошло с ними, всё, что произошло с человечеством, и быть в единстве с гармонией окружающего простора.

Милка задрала руки над головой, и мечтательно произнесла:

- Ужас, как здесь хорошо-то! Даже не тянет на эту противную дорогу возвращаться.

- Ты это брось, - укорил Игорёк.

- Дорога уже осточертела, - пожаловалась Милка. - Всюду трупы, запах этот неприятный. Того гляди, и заразу какую-нибудь подхватим. То ли дело здесь, можно полной грудью дышать.

- А что ты предлагаешь, дальше пешком по берегу топтать? - снисходительно заметил Игорёк.

- Зачем пешком? Какой-нибудь катер возьмём, и гораздо быстрее до Казани доберёмся, чем по шоссе. Во всяком случае, гораздо приятнее путешествовать будет.

Игорёк даже поперхнулся от неожиданности. Милка подсказала правильную идею. Почему раньше им не пришло такого в голову? Почему в Саратове не сообразили, или, ещё раньше, в Волгограде? Ведь, могли бы плыть по Волге на катере из Волгограда. Сколько сил и времени сэкономить могли.

- Что ж ты раньше молчала? - недовольно проворчал Игорёк. - Глупая твоя голова.

- Сам ты глупый, - вспылила Милка. - Я только сейчас догадалась. А ты ни за что бы не сообразил.

- Ладно-ладно... - примирительно махнул рукой Игорёк, порывисто вскочил, и взволнованно зашагал туда и обратно по площадке.

Он наморщил лоб. Против течения придётся плыть. Но это не страшно. Игорёк стал старательно вычислять в уме, взвешивать все «за» и

«против» путешествия по воде. Все расчёты показывали, что при удачном стечении обстоятельств можно до вечера, в крайнем случае к завтрашнему обеду добраться до дома. Даже нечего раздумывать. Нужно по Волге домой плыть.

Игорёк схватил котелок, и вприпрыжку помчался за водой. По дороге он прикидывал, где найти подходящий катер. Когда двадцать минут спустя Милка запустила в кипящую воду продукты, он снова склонился над картой.

- По Волге проплывём до Сызрани. От Сызрани до Междуреченска по шоссе проедем, чтобы крюка по воде избежать, - бормотал он при прокладке маршрута. - А там снова на Волгу, и по прямой до Казани. Жалко, против течения плыть придётся. Не разгонишься.

Милка помешивала в котелке, и совершенно не прислушивалась к брату. Никаких сомнений в том, что рано или поздно удастся добраться домой, у неё не возникало. Волновало другое.

- Мне вот что интересно. Добрался папа домой, или мы раньше него туда попадём? - вслух произнесла девочка.

Она перестала допускать мысль, что отец, как абсолютное большинство людей, может уже не жить. Это стало своеобразной религией. Милка стала фанатично мечтать о встрече с ним. И если бы этого не случилось никогда, скорее всего она продолжила бы верить в то, что называется чудом. Как и Игорёк. Впрочем, это нетрудно, ведь никто из них не видел мёртвого отца.

Игорёк оторвался от карты, и высказал осторожное предположение:

- Наверное, нескоро приедет. Что ты, папу не знаешь? Он там начнёт всяких поляков спасать от разных, там...

Игорёк пощёлкал пальцами, но не сообразил, от чего может отец поляков спасать, кроме, как от последствия катастрофы. Он так и не придумал ничего оригинального, и разочарованно махнул рукой. От последствий катастрофы спасать, коль они сами пережили её, по мнению Игорька показалось не столь престижно... В идеале, он должен что-то выходящее из ряда вон делать, что может домой вернуться помешать. Но по правде говоря, Игорёк думал так, потому что пытался почву для фантазий подготовить относительно возможных причин отсутствия отца. С удивлением он осознал, что где-то в глубине души поубавилось веры в то, что отец жив. То ли чувство ответственности за сестрёнку заставило реальнее взглянуть на жизнь, то ли что-то другое. Но Милка, словно не

слышала брата, и продолжала летать на крыльях фантазии. Она капризно передёрнула плечами, и хмыкнула в ответ:

- А я думаю, он и полякам поможет, и найдёт способ раньше нас вернуться домой.

Этими словами Милка как бы подчеркнула, что отец ловчее Игорёка во всём, что касается выхода из трудных ситуаций. Игорёк вспыхнул, но вовремя сообразил, что её слова относятся к собственному отцу, судьба которого его волнует не меньше сестры. Он сам многое бы отдал, чтобы Милкины слова оказались пророческими. Игорёк подавил в себе вспыхнувшие было амбиции, и покорно согласился с тем, что скорее всего так оно и будет.

После завтрака, залили костёр водой из реки, и по узенькой тропинке спустились к Волге. Потом соображать стали, где искать подходящий катер. Игорёк интуитивно двинулся вниз по течению реки, туда, где вдалеке виднелись прибрежные постройки. Для экономии сил шли без спешки. Этому также научились в дороге. До дома путь долгий. Нельзя бездумно расходовать силы. Милка топала следом за Игорёком, и непрестанно восторгалась окружающей природой:

- Как, всё-таки, здесь хорошо! Какой удивительный ландшафт! А шелест волн!.. А Волга! Так и манит, притягивает к себе широким раздольем.

- Тебе бы книжки писать, - незло заметил Игорёк, удивляясь лирическому настроению сестрёнки.

Он и сам с удовольствием вбирал в себя речной аромат. По сравнению со смрадом, который пропитал города и автомагистрали, воздух здесь намного чище.

- А что, могу и книжки писать, - согласилась Милка.

- Только читать некому.

- Не всегда так будет, - уверенно произнесла Милка, - придут такие времена, и будет кому читать, и когда читать.

- Идеалистка.

- Уж, какая есть.

Игорёк предпочёл промолчать.

- Вот бы поселиться где-нибудь поблизости, - мечтательно произнесла Милка, но тут же спохватилась, - конечно, вместе с папой. Хлеб научимся выращивать, корову заведём.

В её словах сказалась тоска по настоящему свежему хлебу, которого уже дней десять не видели. Но Игорёк последней фразы пропустить без

прикола не смог. Он произнёс, подражая голосу кота Матроскина из популярного мультфильма:

- Корова молока давать будет.

Он сменил тембр голоса на голос собаки Шарика из того же мультфильма, и добавил:

- А жилище себе построим, как у индейцев. Фиг вам называется.

- Ты всегда так, - обиженно передёрнула плечами Милка. - Клоун! Что я такого сказала? Разве плохо поселиться здесь?

- Не знаю, - честно ответил Игорёк. - Может, и неплохо. Только для начала нужно до дома добраться. К тому же, чем хуже наши просторы? На какой-нибудь даче поселимся. А так, здесь тоже ничего...

Он не хотел сестру задирать. Важнее найти подходящий катер. И, чем мощнее, тем лучше. В этом случае можно быстренько расправиться с оставшимися до Казани километрами. Милка понимающе коснулась его плеча, и показала, что не злится.

ВОСЕМНАДЦАТАЯ ГЛАВА

Рассвет почти вступил в свои права, когда Томек заметил свободный участок шоссе на проспекте, и совершил посадку. Андрей соскочил на землю, и оказался в окружении буйной тропической растительности, каменных парапетов, а также... зловонных останков людей. Запахи полностью соответствовали тому, что попадало в поле зрения. Андрей натянул на лицо защитную маску.

Томек пожелал везения в поиске близких, а сам решил в вертолёте остаться, чтобы быть готовым ко всяким (кто знает?) неожиданностям. Он потянулся в кресле, широко зевнул, вытянул ноги, и задремал.

Андрей сделал попытку сориентироваться на местности. Как назло, вспомнить не смог в какой стороне находится вилла Вероники Михайловны. Хуже всего, не смог даже адреса вспомнить. Название улицы крутилось на языке, только, что с того? И так спросить не у кого. В столь раннее время счастливики, которые пережили катаклизм, ещё спят. Оставалась надежда на визуальную память, и интуицию.

Битых полчаса интуиция бесплодно водила Андрея по улочкам городка, пока не столкнула с аборигеном в пожёванном спортивном костюме, который безмятежно спал на скамейке.

Поначалу Андрей не обратил на него внимания, приняв за труп, которых вокруг хватает. Но, когда тот смачно всхрапнул, понял, сам Бог послал помощь.

«Красавец», - иронично подумал Андрей, и залюбовался весьма красочным видом спящего, волосы на голове у которого напоминали взбитую львиную гриву. Для полной картины стоило добавить смачный кровоподтек, который красовался под правым глазом аборигена, и то, что бритва не касалась его лица по меньшей мере со дня катастрофы. К тому же запах алкоголя почувствовался далеко на подходе, и перебивал другие, менее приятные запахи.

Абориген долго понять не мог, чего именно добивается от него незнакомец, который разбудил его, и насильно заставил принять вертикальное положение. Потом долго соображал, в каком месте его угораздило устроиться на ночевку, чтобы определиться на местности, и махнуть рукой в нужном направлении. При этом он всеми силами преодолевал ни с того, ни с сего разыгравшуюся на маленьком пяточке перед скамейкой качку. Абориген героически балансировал, и с усилием выдавливал из себя слова:

- Там... Увишь за... Так, по д...роге, не с... не с... не *своращвай*... За... Сам... Сам... Идь уж...

Андрей так и не понял, где находится злосчастная улица, и нетерпеливо переспросил:

- Далеко идти, что ли?

Абориген снова махнул рукой в указанном направлении, но не выдержал напора ни на шутку «разыгравшегося шторма», и мешком повалился на облюбованную им скамейку. Больше ничего не сказал, но и того хватило, чтобы понять, в каком направлении продолжать поиски. Андрей свистнул Кореша, и направился по указанному маршруту.

Он ещё вдоволь поплутал по живописным сочинским улицам, но в конце концов оказался в нужном месте. Пусть и не был здесь давно, но признал развесистый каштан, который рос по соседству с виллой Вероники Михайловны. От волнения перехватило дыхание. Непроизвольно снял маску и осознал, что воздух здесь чище. Во всяком случае, в этом месте можно свободно дышать без маски. Но теперь, когда считанные шаги отделяли от возможного страшного известия о судьбе близких, ноги будто вросли в землю. Меньше всего хотелось здесь останки детей обнаружить.

С трудом Андрей преодолел подспудный страх, и двинулся к вилле. Под развесистым каштаном заметил два относительно свежих могильных холмика с крестами из штакетника.

«Кто-то близких своих похоронил», - сообразил Андрей. Сердце ёкнуло. На прикреплённых к крестам табличках заметил нацарапанные кем-то надписи. На первой табличке фамилия незнакомая. Он перевёл взгляд на вторую, и остолбенел. Фамилия и инициалы Ларисы с датой рождения точные. В смерти жены сомневаться больше не приходилось. Но если кто-то похоронил её, написал дату рождения, и даже усыпал могилу цветами, которые успели уже увянуть, этот человек должен хорошо знать её. Кто-то из детей? Может, оба?

Не желая себя напрасно обнадёживать, Андрей начал лихорадочно соображать. Даже если в живых остался кто-то из детей, второго похоронили бы тут же. И фамилию написали бы на кресте, если... Это «если» достаточно весомо. Тело могло море поглотить. Море могло обоих поглотить. Никто гарантировать не может, что Ларису не похоронила Вероника Михайловна, охранник, или, какой-нибудь неведомый воздыхатель. Много ли знает Андрей о её личной жизни? Особенно за последние пару лет. С таким же успехом похоронить Ларису могла неведомая приятельница. Андрей тяжело вздохнул. Снова возросли сомнения, и шансы найти детей живыми катастрофически уменьшились. Но о таком исходе даже думать не хотелось.

Андрей прошёл в дом, и в комнатах обнаружил беспорядок. Но это не приблизило к разгадке судьбы детей. Беспорядок возникнуть мог из-за торопливых сборов, но его могли, и мародёры оставить. Никаких записок, никаких намёков. Беспокорство добавили разбросанные тут и там детские вещи. Если предположить, что они живы, но уехали, – не голышом же покинули виллу. Интересно, где Ларисины документы? Хотя, зачем они сейчас? Скорее, движимый инерцией, чем разумом, вытряхнул из чемодана прямо на кровать Ларисины вещи. Документов не было. Перерыл сумочку. С тем же результатом. Единственным утешением стала фотография детей. Ещё покопался в одежде. Документов не нашлось. Хотя, неведомый гробовщик мог их положить в могилу. Что делать? Неожиданная идея яркой вспышкой озарила сознание. Если тела детей не поглотило море, Кореш поможет отыскать их. Андрей обнял умную морду пса, и чувственно попросил:

- Кореш, родной, помоги.

По совести говоря, Андрей сомневался в успехе задуманного, но попробовать стоило. Задача хоть и трудная, но выполнимая. Он подобрал с пола босоножку дочери с кроссовкой сына, дал овчарке понюхать, и скомандовал:

- Ищи!

Кореш растерянно завертелся, двинулся в сторону двери, но тут же повизгивая, вернулся назад. Андрей разочарованно посмотрел на него.

- Ищи, Кореш!

Кореш беспомощно повизгивал, но не было заметно никакого желания отправляться на поиски. Надежда начала понемногу таять.

«Наверное, попросту не умеет брать след, - подумал Андрей. - Для такого умения мало природных данных, выучка нужна».

Андрей вдруг вспомнил польское слово, которое неоднократно произносил Томек, и неуверенно произнёс:

- *Шукай*³²!

Кореш вдруг несколько раз потянул носом, опустил голову к полу, и резво рванул на улицу. Андрей еле поспевал за ним. Кореш закружил вокруг Ларисиной могилы, и даже поскрёб передними лапами краешек холмика. Андрей ослаб, неужели их похоронили вместе с Ларисой? Он подошёл к могиле, горестно присел на корточки. Но Кореш гавкнул, заметался перед виллой, и с визгом устремился вдоль улицы. Надежда с новой силой ожила в Андрее. Он вскочил, и помчался вслед за псом.

Кореш в ожидание Андрея нетерпеливо соскребал носом дорожную пыль, и снова устремлялся вперёд. Так дошли до Курортного проспекта. Здесь пёс покрутился, покрутился, встал, виновато опустил голову, и заскулил. Следы оборвались, или что-то другое помешало, но дальше Кореш не пошёл. Что это означает? Может, их забрал с собой какой-то автомобиль? Но это абсурд. Дорогу загромождали «мёртвые» развалюхи. Не разгонишься. А, может, они по-прежнему здесь, в городе, только сменили местонахождение? Как узнать?

По тротуару тяжело ступали страшно помятые, и растрёпанные со сна два типа, по виду местные. Со слабой надеждой Андрей преградил им путь. Они глянули на фотографию детей, и растерянно пожали плечами:

- Нет, не видали таких.

- Может, кто-нибудь мог их видеть? - с отчаяньем возопил Андрей.

- Не знаю, дарагой, - безразлично ответил высокий кавказец, с большой родинкой под носом. - Спрашивай людей.

³² Шукай (польск) - Ищи

Второй, с огромным носом картошкой оживился, и предложил:

- Ты б, вишь, баб поспрошал. Они, знашь, те бабы каки? Всё видют, всё слышут, всё знают, до каждой дырки нос сунут. А там глядишь, и найдутся детки.

- Где найти-то их? - нетерпеливо переспросил Андрей.

- Дык, где кого. Щас, вишь, повылазют. Туды-сюды по хозяйству шлындать будут, - со знанием дела заверил носатый.

- Э-э-э, кацо, - с нетерпением пробурчал его напарник. - Идём, что ли.

Разговор скомкался, местные уныло поплелись по дороге, и оставили Андрея ни с чем. Минут двадцать он бесплодно бродил по окрестностям, пока на улицах появились женщины. Они также дела не прояснили. У Андрея сложилось впечатление, что каждый здесь живёт сам по себе, и мало интересуется другими. Никто не вселил надежду, хотя никто и не разбил её. Андрей битый час, как утопающий, который хватается за соломинку, продолжал охотиться на женщин.

- Может, встречались вам? - совал он под нос очередной «жертвы» фотографию.

- Не-ет, - протяжно ответила интересная фигуристая блондинка лет тридцати пяти, - этих у нас точно нет. Я тут, право, всех видела. Не так много нас осталось. Этих нет.

- Алё, гараж, - услышал Андрей за спиной нагловатый мужской голос с хрипотцой. - Что ж ты, паря, королеву мою увести решил?

Андрей обернулся, и увидел низкорослого небритого мужичонку в изрядно поношенной одежде, от которого на расстоянии несло перегаром.

- Даже не думал, - пожал плечами Андрей. - Да и перед вами, ваше высочество, у меня точно никаких шансов нет.

- Не треплись, - скривился мужичонка. - Чо те надо-то?

Андрей поинтересовался и у него:

- А, может, ты видел?

- Да, какой там видел, - недовольно пробурчала женщина, угрюмо глянув на небритого, - с того дня просохнуть не может.

- Ну-ка, покажь, - небрежно протянул руку к фотографии мужичонка.

Андрей уже почти не надеялся на благополучный исход, но подал снимок. Мужичонка прищурился, и дальнозорко отставил фотографию на расстояние вытянутой руки. Женщина съязвила:

- Ишь, ты, как путный смотрит.

Мужичонка обиделся, смерил женщину укоризненным взглядом, возвратил Андрею фотографию, и сказал:

- Ты, Ксень, это зря. У меня зрительная память будь здоров. Я художник от Бога, а не какой-нибудь размазня.

С явным намерением уйти мужичонка сделал шаг в сторону, но неожиданно, будто вспомнил что-то, притормозил.

- Видел их. Обоих видел.

- Да, ты что, алкаш, - возмутилась женщина, - разве такими вещами шутят?

- А ты не кричи, Ксения. Не кричи. Я за свои слова отвечаю, - обиженно отпарировал мужичонка. - Говорю, видел их, значит видел.

Андрей с нетерпением ждал разъяснений.

- Паренька ещё, этот, мужик такой, - мужичонка задрал руку над головой, давая понять, что мужик был здоровенный, - лет под шестьдесят, вождению учил.

- Так это те самые, что уехали? - удивлённо переспросила мужичонку женщина.

- Я ж те говорю, видел, а ты «алкаш-алкаш», - расстроено подтвердил мужичонка.

- Куда? Куда уехали? - задёргал мужичонку Андрей.

- Да, откуда мне знать-то? - выдернул из-под руки Андрея рукав пиджака мужичонка. - Уехали, да, уехали. Дней пять, как уехали.

- Какие пять дней? Дней десять прошло уже, никак не проспидишься, рожа пьяная. - Снова поддела мужичонку Ксения, участливо повернулась к Андрею, и подсказала: - Люся знать должна.

- Какая-такая, Люся? - Андрея трясло от нетерпения.

- Администраторша из «Жемчужины».

Найти ту самую Люсю не составило труда. Растрепанная и сонная, она кокетливо поправила локоны волос, и лишь затем глянула на фотографию. Тут же подтвердила Андрею, что среди курортников, которые покинули Сочи, она видела также Игорька с Милкой. Это было уже весомое подтверждение, которое не оставляло сомнений, что оба ребёнка живы. Андрей нервно потёр ладони. Люся припомнила даже, что ребята хотели до Казани добираться. При этом не исключала, что по пути сделать могли остановку. Она вспомнила про взрослого попутчика. Откуда родом этот попутчик, Люся не помнила. Но вспомнила имя.

- Борисом Львовичем зовут, - подсказала она, и мечтательно добавила, - интересный такой мужчина.

До сих пор Андрею исключительно везло. Цепочка случайных событий и встреч позволила в течение двух часов после прибытия в Сочи

найти подтверждение, что дети живы и находятся на пути домой. Теперь остаётся вычислить маршрут их продвижения до Казани, и найти адрес проживания неведомого попутчика. Подспудно Андрей чувствовал что нужно о нём больше разузнать. Вдруг подумал, что человек этот мог как-то связан с могилой быть, которая находится рядом с последним пристанищем Ларисы. Андрей вернулся к вилле Вероники Михайловны.

Он внимательно осмотрел следы около могил, и с радостью обнаружил то, что укрылось от его взора сначала. Андрей обнаружил следы трёх пар ног. Две пары соответствовали размеру ног детей, третья значительно крупней. Вдруг стало ясно, почему они оставили свою обувь в доме. Следы подошв подсказали, что они обулись в туристические ботинки. Почему ботинки? Ну, как раз это понятно. Для дальнего путешествия туристические ботинки удобнее кроссовок.

Андрей заставил Кореша принюхаться к следам чужака, и послал на его поиски. Кореш покрутился возле виллы Вероники Михайловны, и перешёл к соседней вилле. Здесь он обнюхал двери, поцарапал их, и снова побежал вдоль улицы. Андрей позвал его назад.

Он осмотрел комнаты виллы, двери которой привлекли внимание пса, и не обнаружил ничего такого, что могло указать, куда направился пресловутый Борис Львович. С другой стороны, если он обычный курортник, хозяева могли где-то записать адрес. Но где? Он вскрыл по наитию замкнутый под ключ секретер в спальне хозяев. Среди кучи документов нашлась исписанная тетрадь с фамилиями и адресами. «Постояльцы» - догадался Андрей. Последними хозяева записали пару из Саратова. «Рогожины Борис Львович и Алла Владимировна», - прочитал Андрей. Именно, эта женщина лежит рядом с Ларисой. «Значит, муж её, Борис Львович, и есть тот попутчик детей». Андрей вырвал листок с нужным адресом, и вышел на улицу.

Первый этап поисков закончился. Продолжение – в Саратове. Взгляд задержался на могиле жены. Надо бы попрощаться. Во дворе виллы нарвал букет цветов, подошёл к могиле, и встал на колени. Когда-то в молодости он приносил на свиданья такие же объёмистые букеты. Довольная Лариса глубоко вдыхала специфический аромат, зарывалась в них лицом, и плутала в неведомых дебрях блаженства. А после, долго и счастливо смеялась. Тогда их отношения были безоблачными, и исключительно чистыми, без всякого вранья. Он любил её смех, любил руки, любил её... Что же произошло с ними позже? Когда из совместной жизни ушла простота, и непосредственность? Когда для Ларисы важнее

цветов стали материальные блага? Хотя, надо признать честно, её больше интересовал сам процесс. Только это не меняет сути. «Богатый не войдёт в царство небесное». Неизвестно почему, Андрею пришла в голову эта библейская мудрость. Не желая думать о неприятном, он воссоздал в памяти образ Ларисы, молодой и счастливой, кокетливо поглядывающей из-за цветочных бутонов. Андрей рассыпал на могиле охапку цветов, и прошептал:

- Пусть земля тебе будет пухом. Пусть небо будет домом.

Он низко склонился перед самодельным крестом из штакетника, и неожиданно для себя, он не был особенно набожным, перекрестился. Понимая, что судьба развязала за него запутанный узел, не мог промолчать, не сказать над могилой жены того, что хотел при встрече сказать:

- Мы прожили с тобой ни много ни мало, больше семнадцати лет. Не всё было так, как хотелось. Так уж получилось, прости. Не моя вина, что ты оставила этот мир. Но я не о том. Главное, Милочка с Игорьком живые. Я обещаю найти их. В этом будь спокойна. И ещё... не могу обманывать. Я встретил, и полюбил другую женщину. А это серьёзно. Да, ты сама знаешь, что у меня иначе не бывает. В той жизни нас уже ничего не связывало. Так что я верю, тебя это несколько не расстроило бы. Покой душе твоей, и прощай.

Андрей поднялся на ноги и, не оглядываясь, пошёл к месту приземления вертолёт. Кореш пристроился сбоку, и степенно ступал рядом. Он будто чувствовал грусть, которая поселилась в сердце хозяина.

Они быстро добрались до вертолёт, и Андрей стукнул пятернёй по стеклу кабины. Томек продрал сонные глаза. Андрей гордо произнёс:

- Нашёл.

Томек выглянул наружу, но не увидел рядом с Андреем никого, кроме пса. Он удивлённо уставился на друга.

- Нашёл, - повторил Андрей, и припечатал ладонью броню вертолёт.

- Кого нашёл?

- Детей нашёл! Детей! - восторженно воскликнул Андрей. - Живы они. Оба живы. И Игорёк, и Людмила.

- Так, где они? Где? - переспросил Томек, и сонно потряс головой.

- Пока, не знаю, но их видели после катастрофы живыми. Главное, они живы.

Наконец, Томек воспринял смысл слов Андрея, и расплылся в широкой улыбке. Он протянул в приветственном жесте ладонь. Андрей хлопнул по подставленной ладони, и энергично потряс сжатой пятернёй.

- Они живы.

- А жена?

- Жена? - Андрей словно споткнулся, по лицу промелькнула тень, и радость исчезла.

Он ещё не успел закрыть для себя эту страничку своей жизни. Всё-таки, их связывали годы, которые они прожили вместе. Пусть не всегда счастливо, но...

- Ларисы больше нет. Я видел могилу.

- Прости, - Томек религиозно перекрестился.

- Не за что. Пусть ей будет земля пухом, - высказал пожелание Андрей.

- Пусть будет... Надо детей искать, - спохватился Томек.

- Они уехали. Сначала навестим Саратов, а если там не найдём, останется только Казань.

ДЕВЯТНАДЦАТАЯ ГЛАВА

Виктор едва выдерживал, чтобы не покинуть засаду, но так и не решился этого сделать. Где-то неподалёку может снайпер прятаться. Он угрюмо теребил спутанные волосы Галины, голова которой умиротворенно покоилась на коленях, и размышлял. То, что ещё вчера казалось само собой разумеем, сегодня обратилось кошмаром. Никто не понимал, почему в такой катастрофической ситуации дошло до войны. Трудно было также понять, почему в людях проснулись и обострились животные инстинкты.

Снайперы больше себя никак не проявляли и день минул безрезультатно. Они просидели в домике до вечера, и лишь затем вернулись в штаб-квартиру. Здесь уже во всю шли приготовления к эвакуации. Виктор удивился. Ему объяснили, что отказаться от активной обороны микрорайона бригадиров заставили женщины. Их напугали декларации Алима, которого разгневали потери среди командосов. Он объявил по радио вне закона всех жителей микрорайона, включая женщин и детей. Правительственные войска получили приказ провести специальную карательную операцию для полного уничтожения

мятежников. В назидание другим на кремлевской стене за ноги повесили «представителя микрорайона», который якобы прибыл в Кремль для переговоров, некоего Касыма Ярыева. Бригады этого Касыма для переговоров в Кремль не посылали. К бригаде этот человек никакого отношения также не имел. Хотя и был жителем микрорайона. С самого начала эпопеи он отказался присоединиться к бригаде. При этом успевал бывать всюду. Хуже всего, что он у всех был, как кость в горле. Его хлебом не корми, а дай поскандалить, и он по любому поводу конфликтовал с бригадами. Из-за стычек с командосами также дебош устроил. Видно, и в Кремле появился со скандалом. И нельзя исключать, что алимовцы вытрясли из него нужные сведения про оборону микрорайона.

- Пусть теперь вниз головой погундосит, - злорадствовал Михась.

- Погундосит, или не погундосит, а теперь они имеют полное о нас представление, - поморщился Алексей.

Именно поэтому Алексей с Ильгизом решили не дожидаться, пока алимовцы всерьёз возьмутся за них, постановили тайно увести людей из микрорайона на север, в марийские леса. Понятно было, что толпой им не дадут далеко уйти. Поэтому разбились на группы по шесть-семь человек, и каждой группе прописали отдельный маршрут. Малыми группами вероятности выбраться из города гораздо больше. Местом сбора назначили Дубьязы, откуда рукой подать до марийских лесов. Конечно, путь не близкий, и никто не гарантировал, что там не успели появиться представители новой власти. Альтернативным местом сбора назначили марийские Чодраял и Кульбаш. Подстраховку групп при выходе поручили мобильной бригаде.

В полночь проверили коридор, который выбрали для эвакуации, и дали сигнал для первой группы. Двух женщин с четвёркой детей вывели бесшумно. Всё прошло тихо. Через пятнадцать минут в темноту ночи отправилась вторая группа... Вторую группу, в которой была директриса школы и двое малышей, обстреляли. Вряд ли это была засада. Слишком хаотичным был обстрел. Вероятно, алимовский патруль случайно заметил движение на дороге. Бригады из мобильной бригады ответили огнём, но прорываться не стали. Спешно отошли, и укрылись во дворе одного из домов.

Ветровка Валентины Георгиевны просочилась кровью на правом боку. Она держалась из последних сил, чтобы не потерять сознание. Малыши, раны которых были поверхностными, молча, по-взрослому

смотрели на бригадиров. Хмурый Алексей разбирался с ответственными за подстраховку бригадирами мобильной группы:

- Как это вы прозевали?

- Сам не знаю, - разочарованно бормотал Ильгиз. - Вроде бы тихо всё было.

- Я тоже не въехал, - невесело подтвердил Волк. - Мы с Кирей все кусты прошмонали, чисто было.

- Чисто, чисто, и вдруг появились откуда-то, - укорил бригадиров Алексей.

- Они тоже на месте не сидят, - виновато пробормотал Кирилл.

Алексей перевёл взгляд в темноту ночи, и спросил:

- Где Софья Михайловна?

Кирилл удручённо опустил глаза. Волк пояснил:

- Замочили её. Она с двумя пампушками шла. А мелкота от каждого шороха икру метала, и верещала. Из-за них и засветились. С первой очереди Михаловну с двумя козявками завалили. А... директрисе... чуток повезло. Того малого щегла, - Волк кивком головы указал на Альбертика, которому делали перевязку предплечья, - справка. Похезать решил, малявка. Вот и отстали чуток. И головастик с ними, - кивнул он на Максумчика, которому перевязывали голову. - А как шмалять начали, назад дёрнули. Чуток пощекотало их, но добрались. Уже тут шальной очередью их зацепило.

Другому малышу, Максумчику, перевязали голову. С Валентины Георгиевны осторожно сняли ветровку, разрезали футболку, и осмотрели рану. Одна пуля повредила бедро. Другая, судя по входному и выходному отверстиям, могла внутренние органы в районе кишечника, и правой почки повредить. Из-за отсутствия хирурга, помочь Валентине Георгиевне ничем не могли. Можно было только обезболивающее дать, продезинфицировать рану, наложить тугую повязку, и надеяться на счастье. Бригадиры с укоризной смотрели на товарищей из мобильной группы. Галима-Волка прорвало.

- Эти суки, - мотнул он головой в сторону города, - ответят за это.

- Как бы нам отвечать не пришлось, - зловеще процедил Алексей. - Они тоже не лыком шиты. Не иначе, как по всему периметру патрули разослали.

- Как выходить тогда? - беспомощно заморгал белесыми ресницами Кирилл.

- С боем прорываться, - решил Ильгиз. - Они не смогут быстро кольцо замкнуть. С народом сейчас дефицит. Я думаю, два-три десятка стрельбой нам на нервах играют. А остальных там нет никого. Надо хорошенько врезать, и прорвёмся.

- А ты уверен? - засомневался Алексей. - Даже если так, как ты говоришь, далеко не уйдём. Сам ведь понимаешь, как толпой идти.

- Зачем толпой? - оживился Ильгиз. - Войдём в огневой контакт, женщин с детьми потихоньку выведем, и пока они потихоньку растворяются в городе, отойдём назад. В темноте не разберутся. Решат, обыкновенная разведка боем.

- А с ранеными как? - снова засомневался Кирилл. - С ранеными не прорвёмся, а здесь их оставлять нельзя.

- Никто оставлять не собирается, - вскипел Ильгиз.

- На тачках вывезем, с подстраховкой, - подсказал Волк.

- Конечно, можно и так, - согласился Ильгиз. - А можно в тёмную поиграть. Я предлагаю здесь им врезать по горячим следам. Они перебросят сюда главные силы. А мы отойдём, и поиграем в перестрелку. А раненых с женщинами и детьми вывезем грузовиками через пустырь за прачечной. Часа полтора так поиграем, чтобы дать время подальше уйти. Тогда и наша очередь удирать наступит.

Предложение дельное. Но сразу собрать вместе перепуганных женщин с детьми не удалось. Весть о гибели Софьи Михайловны и двух, как их называли, очаровашек так напугала женщин, что большинство из них попряталось по подвалам. Пока их собирали, забрезжил предательский рассвет. Стало понятно, что время для безопасной эвакуации окончательно потеряли. Бригады поняли что нужно назад отходить, и как минимум продержаться до вечера. Детей спрятали на чердаке одного из домов, а сами поделились на мелкие группы, и устроили своеобразный оборонительный форпост напротив детского садика, в многоэтажке.

Виктор с Галиной заняли позицию на втором этаже. Окна квартиры выходят на внутреннюю дорогу, за которой им поручили наблюдать. В соседней комнате бдят Ахмед-абы с Эдиком Барсковым. Леонид остался с ранеными.

Вопреки угрозам, ничего серьёзного с утра алимовцы не предприняли. Видно, ночная стычка насторожила их. Карательная группа появилась на улицах микрорайона лишь к полудню. На бронетранспортерах и БМП командосы принялись смело разъезжать по

дорогам, но не рисковали въезжать во внутренние дворы. И так ездить можно было сколько угодно. Даже собаки обходили дороги стороной. Коммандосы бесплодно потеряли два часа, и волей-неволей приступили к конкретной зачистке. Они выбрали наугад здание, окружили его, и проверили помещение за помещением. Затем, перешли к следующему зданию.

Поначалу всё сложилось удачно для бригадиров. Проверка каждого дома занимала не менее получаса, до сорока минут. А домов в микрорайоне столько, что только случайно можно мятежников до темноты обнаружить. Каратели также понимали это, и вынуждены были разделиться на группы. Работа пошла быстрее, но по отдельности они перестали представлять серьёзную угрозу для бригадиров.

Солнце скрылось за соседними домами, когда во двор въехали БМП с бронетранспортёром. Бригадиры приготовились к бою, но каратели окружили не дом, где они укрывались, а здание детского садика. Дюжина бойцов вошла внутрь, на улице оставили около десяти человек. Дальше ждать стало нельзя. Следующим для зачистки они могли бригадирский дом выбрать. Мобильная группа отправилась на операцию.

Виктор с Галиной наблюдали из-за занавески, как перекрёстным пулемётным огнём карателей прижали к земле. Ильгиз вскочил на броню БМП. Одновременно с ним Кирилл с Волком оседлали бронетранспортёр. Секунды понадобились Волку, чтобы оказаться внутри бронетранспортёра. В смотровую щель БМП Ильгиз протиснул гранату, и распластался на земле, спасаясь от взрыва.

Каратели открыли ответный огонь по наседавшим мобильщикам. Из подъезда дома выскочил возбуждённый Ахмед-абы. Он выкрикнул проклятья в адрес карателей, встал на одно колено, и прицелился из тулки. Очередь прошила стену дома за спиной. Ахмед-абы невозмутимо выстрелил, и только потом плюхнулся на землю. Затем шустро отполз к ближайшему дереву.

Бронетранспортёр, который захватил Волк, взревел, выпустил из выхлопной трубы клубы чёрного дыма, и двинулся в сторону группы коммандосов, которые залегли около садика. Виктор отвернулся, и ладонью закрыл Галине глаза. С самого появления у бригадиров Волк мечтал отомстить за смерть дозорных. С жестоким хладнокровием он исполнил свою мечту.

Всё закончилось быстро. В БМП взорвались боеприпасы, он закоптел, и накрыл двор удушливым чадом. Ильгиз отступил к подъезду,

и взглядом пересчитал бойцов. Кроме Галима-Волка, все оказались на месте. Но Галим в роковом для карателей бронетранспортёре. Около красной «девятки» Ильгиз заметил неподвижное тело юного разведчика Максимки. От бессилия скрипнул зубами, мальчугана здесь быть не должно. Вопреки всему он такой спокойный лежит на земле, и взирает на проплывающие в вышине облака. Ильгиз прикрыл Максимке веки, и сложил ручонки на груди. «Эх, Максимка, не уберегли мы тебя».

К Ильгизу подскочил пританцовывая вездесущий Ахмед-абы, и нетерпеливо ткнул тулкой по направлению раскопанной канализации:

- *Сволоцлар*. Думали, бит, мы глупый.

Ильгиз поглядел в сторону раскопа. Когда хоронили покойников, не решились закапывать тела в канализации. Старикан энергично кивнул бритой головой в сторону раскопа, и добавил:

- Там, *бит матурым*³³, три иш-шака *бар*³⁴.

Ильгиз взволнованно переспросил:

- В раскопе что ли? Ты это точно, абы, видел?

- У Ахмеда добрый глаз *всегда*, - гордо произнёс хозяйственный мужичок, и моргнул подслеповатыми глазами.

- Глаз, не глаз, а нос у тебя добрый, абы, - похвалил его Миша Руштаев.

Ильгиз возбуждённо кивнул головой:

- Пойду-ка, пощупаю их. Кирилл, - обратился он к кудрявому шатену, который деловито отряхивал коленки от пыли. - Прикрой, на всякий случай.

Кирилл сообразил, что от него требуется, выбежал метров на двадцать вперёд, встал за деревом на одно колено, и направил автомат на детский садик. Миша Руштаев занял позицию ближе к раскопу, и также взял своё оружие наизготовку. Ильгиз пригнулся, и побежал вперёд. Ахмед-абы решил не отставать. С двадцати метров до раскопа Ильгиз метнул туда гранату, и с размаху растянулся на земле. Ахмед-абы на миг остолбенел, и запоздало плюхнулся рядом. Взрыв глухо потряс землю. Ильгиз сразу же метнулся к яме, и ловко прыгнул на дно. В раскопе распластались трое командосов в форме российского спецназа. Он направил автомат в их сторону, и грозно закричал:

- Руки вверх, гады! Руки вверх, я сказал!

³³ матурым (татар.) - красавец

³⁴ бар (татар.) - есть

Один из командосов с готовностью поднял руки, и ногой отпихнул от себя автомат. Ильгиз перевёл калашникова на одного из двух командосов, которые не подчинились, и рывкнул:

- Я кому сказал, руки вверх?!

- Ранены они, - с трудом выдавил из себя командос.

Он также не выглядел целым. Весь бок потемнел от крови. Покрякивая, Ахмед-абы сполз на дно лощинки, подобрал автомат у ног командоса, и наставительно произнёс:

- Шайтан, *бит*, в Ахмеда стрелял. Это, бит, *муй атметин*³⁵, - то ли из-за бахвальства, то ли для подтверждения факта, он ткнул пальцем в раненый бок командоса, и заставил того скривиться от боли.

Ильгиз резко приставил дуло автомата к шее пленника, и сердито произнёс:

- Ну, всё, гад, отвоевался, молись перед смертью.

- *Защем* молись? - забеспокоился Ахмед-абы, и растерянно уставился на Ильгиза.

- Да, убью гада, - подтвердил серьёзность своих намерений Ильгиз.

- *Защем* убью? - недоуменно захлопал глазами старик.

- Чтобы землю не засорил, - грозно прошипел Ильгиз.

Командос без дрожи в голосе предложил:

- Стреляй, что ли скорей.

Не отводя оружия от головы пленника, Ильгиз изменил тон:

- Всегда успею. Может, и не убью...

- Да давай, не тяни уже, стреляй, - досадливо поморщился пленник.

- Как поведёшь себя, так и сделаю, - протянул Ильгиз, подчёркивая каждое слово. - Застрелить я всегда успею. Только на курок нажать. Я тебе другой расклад предлагаю...

- Вам бы, быдлу, только в войну поиграть, - зло выдавил из себя командос, и зажмурился в ожидании выстрела. - Такая беда случилась, так вы пользуетесь. Всю страну развалили, сепаратисты грёбаные. пытки, допросы...

- Ну, ты даёшь, паря, - передёрнулся от гнева Ильгиз, и убрал от головы пленника автомат. Сквозь зубы процедил: - Охренеть! Какую страну? Мы своей страны не предавали. Мы здесь на месте делали то, что надо, и не просили никого о помощи. Не мы первые на вас напали.

Оппонент скорчился от боли в боку, и огрызнулся:

- Конечно. Может, вы и помощника Алима не кончали?..

³⁵ Муй атметин (искаж.русс.) – Моя отметина.

- А ты знал этого помощничка? - оборвал его Ильгиз, и забросил автомат за плечо. - Может, твой личный знакомый? Спасибо, если у Алима все такие в помощниках. Такая у вас власть, значит. Бандитская власть. А если тебе только мозги засрали, то я тебе скажу... Бандюгу конченого мы кончили, по которому тюрьма в нормальной жизни плакала. Так-то. Хотя, о чём я тебе толкую? У тебя же мозгов с гулькин хрен. Если бы мне дали приказ уничтожить всех жителей, включая женщин и детей, я бы сам допёр, что это за власть такая. **Не может** нормальная власть таких приказов отдавать. Понял? А нормальный человек **не должен** таким приказам подчиняться. И если согласился это делать, хотя бы не хорохорься здесь. Понял ты меня, валенок? Ладно, вставай. Сам дойдёшь, или помочь?

Коммандос недоверчиво глянул на Ильгиза, и с видимым облегчением вздохнул. Видно, про себя, уже простился с жизнью.

- Потихоньку дойду, - отказался от помощи коммандос, и с усилием поднялся с земли.

Каратели услышали выстрелы с взрывами, и поспешили к месту боя. Но на подступах к мятежному двору их остановили разрывы выстрелов из гранатомётов. Бригадиры спешно вывезли со двора раненых, и женщин с детьми. Дворами ушли в другое место. Когда каратели всё-таки оцепили дом, который недавно укрывал мятежников, там уже никого не было. О событиях, которые здесь произошли, свидетельствовали подорванный БМП, и семеро погибших коммандосов около садика. Уцелели только коммандосы, которые укрылись в здании детского садика. Ещё двоих тяжело раненых обнаружили в раскопе.

День близился к концу, искать новое укрытие мятежников стало бессмысленно. В микрорайоне оставаться также опасно. Каратели уступили место подразделению, которое выставило дозорных по периметру, и покинули микрорайон.

Не успели сгуститься сумерки, как мобильная бригада вышла из укрытия. Никто не отменял задачу во что бы то ни стало ночью вырваться из кольца. Теперь, когда в распоряжение бригадиров попал бронетранспортёр, задача стала как никогда реальной. Но боевики Ильгиза не знали, что коммандосы действительно покинули микрорайон, и перемещались по улицам скрытно. Для отвлекающего удара выбрали пустырь за прачечной. В случае, если алимовцы вздумают кинуть на них бронетехнику, оттуда легко уходить дворами. К тому же, в подвале одного из ближайших домов остался неиспользованный тайник с боеприпасами.

Первым делом навестили тайник. Всё оказалось на месте. Коммандосы во время зачистки до него не добрались. Два пулемёта и гранатомёт с выстрелами установили на третьем этаже ближайшего к пустырю дома. Третий пулемёт укрыли в кустарнике. И в это время на пустырь въехал автомобиль. Темнота ещё не поглотила окрестности, и удалось разглядеть смутные очертания «уазика» с брезентовым верхом. Водитель уверенно вёл автомобиль по бездорожью по направлению к дальним домам. «Уазик» объехал балку, и оказался в сотне метров от затаившихся возле прачечной бригадиров.

- Алимовцы, - заметил голову коммандоса в боковом стекле Кирилл, и прицелился во вражеский автомобиль.

Ильгиз положил руку ему на плечо, и удержал.

- Ведь уйдут, сволочи, - подсадовал Кирилл.

Слух уловил какой-то еле слышный стук сверху. Ильгиз задрал голову, и разглядел в окне третьего этажа выстрел от гранатомета. Мелькнула мысль: «Неужели пальнет?» Это стало бы непростительной ошибкой. Преждевременно светиться нельзя. Ведь бригадиры ещё не приготовились к прорыву. Ильгиз сложил ладони рупором, и истерически заорал:

- Михась!

И вдруг его словно бес в ребро подтолкнул. Почему не ударить? Если что, отвлекающий удар можно в другом месте нанести. Он стиснул кулаки, и крикнул:

- Спишь, сука! А ну, врежь им по заднице, чтоб неповадно было.

- Ишь ты, шибкий какой, - проворчал про себя, всё равно никто не услышит, рыжий крепыш, и стал старательно вычислять маршрут движущейся цели. - Чтоб мне так жить.

Конечно, до цели далековато. Сколько раз он и днём мазал на таком расстоянии. В сумерках это, и вовсе выглядело неправдоподобно. Но Михась решил ещё раз попытать счастья. Мягко нажал на гашетку. Выстрел прошелестел по воздуху, и ударил в брезентовый верх. Автомобиль подбросило, и завалило на бок. Пламя мгновенно охватило его, и не оставило надежды пассажирам, которые находились внутри. Бригадиры загалдели удивлённо, и торжествующе:

- Ай, да, Михась! Ай, да, сукин сын!

- Мать твою, никак попал, - удивился виновник торжества, с округлёнными глазами взирая из окна на дело рук своих.

Автомобиль загорелся и осветил окрестности. Бригадирь заметили, что кто-то из пассажиров чудом уцелел в море огня. Он то и дело утыкался головой в землю, и пытался на коленях отползти подальше от пылающего факела. Кирилл снова вскинул автомат, но порыв ветра укрыл раненого клубами дыма. Кто-то из бригадиров кинулся на пустырь, чтобы с удобной позиции поразить командоса.

- Куда? Назад! - крикнул Ильгиз, ошарашенный бравадой подчинённого.

- Вот так Карандаш! - почесал в затылке Кирилл. - Кто бы мог подумать. Тихий, тихий, а смотри... Ведь убить могут.

Карандашом называли высокого, сутулого мужика с рыжеватой бородкой, Фазыла, за его основную специальность. А именно, он был профессиональным художником. Даже в такое смутное время Фазыл использовал свободное время, чтобы делать наброски, зарисовки в своём альбоме. И на сегодняшнюю операцию с членами мобильной бригады напросился, чтобы рисовать.

Бригадирь поняли, что в каждое мгновение по нему могут открыть огонь из рожицы напротив, и взяли оружие на изготовку. Фазыл добежал до удобной для стрельбы позиции, и открыл по командосу огонь. В это время из рожицы застрочил пулемёт. Фазыл оказался на открытой площадке, как на ладони, и пули зашлёпали по земле около его ног.

- Убьют, гады, - взволнованно просипел вечно угрюмый Вазых.

- Хоть бы ползком отходил, что ли, - с неудовольствием воскликнул Володя Шумилин, наблюдая за отчаянными попытками бригадира короткими перебежками преодолеть расстояние, которое его отделяло от группы.

Фазыл вскакивал, пробежал три-четыре метра, и снова хлюпался на землю, чтобы переждать обстрел. Ильгиз приказал своей группе рассредоточиться, и вести огонь по рожице. Несколько секунд потребовалось долговязому Фазылу, чтобы добежать до удобной для стрельбы позиции. Возвращение назад заняло около десяти минут. И в каком-то метре от мусорного бака, где он был бы в безопасности, пуля нашла его. Будто, кто-то сильно толкнул в плечо, и заставил выронить автомат. Вторая пуля ударила в руку, и резко отбросила её в сторону, такой силы был удар. Фазыл ещё не понял, что с ним случилось, удивлённо выпрямился, ухватился здоровой рукой за раненое плечо, и непроизвольно повернулся лицом в сторону рожицы. Следующее попадание было в живот. Фазыла согнуло пополам, и неловко опрокинуло

на землю. К нему кинулся Волк, энергично ухватил под мышки, и оттянул за мусорный бак. Пулемёт в рощице выплюнул очередную обойму, и замолчал.

Бригадиры воспользовались передышкой, и оттащили раненого в переулок. Истекающий кровью Фазыл бессильно привалился к дереву. Раненому художнику сделали перевязку. Но и без слов стало понятно, что помочь ему уже ничем нельзя. Жить храбрецу осталось считанные минуты. По телу Фазыла пробегали конвульсии, и он шальными глазами следил за соратниками. Покусывая губы, Волк присел рядом, и погладил по руке.

- Не откидывайся, Карандаш. Ещё повоюем малёх.

В голосе Волка слышалось отчаянье. Он и сам не верил в невозможное. Был бы Фазыл в бронежилете, может и выжил бы, а так... Кирилл украдкой смахнул слезу, и отошёл в сторону. Ильгиз выругался:

- И стоило из-за того борова под пули лезть? И так бы загнулся.

- Если бы не Карандаш, - укорил Ильгиза Волк, - кто-нибудь другой нарвался бы.

- Точно, нас здесь ждали, - сказал Кирилл.

- Да, могли нарваться, - согласился Ильгиз, и сплюнул. - Короче, больше никакой самодеятельности.

Тело художника завернули в ковёр, который позаимствовали в одной из квартир, и на скорую руку закопали в скверике. Наскоро отдали последнюю почесть товарищу, сложили пулемёты в тайник, и дворами побежали к гаражам.

ДВАДЦАТАЯ ГЛАВА

Андрей энергично шагал по пустующим саратовским бульварам, и пытался по схеме пассажирского транспорта города, позаимствованной в раскуроченном газетном киоске, отыскать нужную улицу. Если бы не схема, ему пришлось бы долго бродить по городским кварталам в поисках нужного дома. А так оказалось намного проще – развернул карту, нашёл нужную улицу и, читая таблички на стенах домов, постепенно приближался к намеченной цели.

Андрей рвался на поиски со вчерашнего вечера, когда они прилетели в Саратов. Но Томек решил, что разумнее подождать до рассвета. Ночь провели в безлюдном аэропорту, и едва небо над головой

посерело, перелетели к речному порту на набережную Космонавтов. От Троицкого собора, Андрей поднялся в город. Схема провела по полуразрушенному силой стихии и человеческой агрессии Саратову, и помогла быстро найти нужный адрес.

Здесь около видавшего виды шестьдесят девятого «газика» крутился высокий подтянутый седовласый мужчина. Невысокая пухленькая женщина копалась в тяжеленном рюкзаке около подъезда. Её стройная с вьющимися тёмно-каштановыми локонами миловидная товарка заметила незваного пришельца с овчаркой, и предусмотрительно взялась за подъездную дверную ручку. Седовласый с пухленькой женщиной также отставили свои дела, и в ожидании повернулись в сторону гостя. Андрей понял, что с автоматом за спиной вызывает опасение. Он дружелюбно помахал рукой:

- Бог в помощь, вам! Случайно не знаете, где Рогожина Бориса Львовича найти?

- А ты кто такой? - глухо спросил мужчина.

- Нужен он мне.

- Зачем, если не секрет?

- Никакого секрета. Он вместе с моими детьми из Сочи уезжал.

Женщины изменились в лице, и удивлённо вскрикнули. Рогожин недоверчиво покачал головой:

- А вы кем... Быть не может... нет, быть не может. Вы отец Игорька с Милой?

- Так вы и есть Рогожин? - облегчённо переспросил Андрей.

У него отлегло от сердца. Всю дорогу его мучило, что найти попутчика детей окажется труднее. Во-первых, в пути могло всякое произойти. Во-вторых, никто не давал гарантий, что Рогожин вернётся домой. И мало ли, что там ещё могло случиться? Но... вот он, Рогожин Борис Львович, собственной персоной, стоит перед ним. Теперь остаётся узнать, где сейчас Игорёк с Милкой.

- Мистика какая-то, - ошеломлённо пробормотал Рогожин, и окинул Андрея с ног до головы.

- Рад, что удалось найти вас.

Рогожин недоумевал:

- Но как? Скажите вы на милость, каким образом? Откуда узнали, что дети со мной? Ведь никаких записок мы вроде бы не оставляли... Нет, правда, кто рассказал вам об этом? Живых-то на нашей улице ни единой души не осталось.

Андрея и самого удивляло, как легко удалось пройти по следам детей.

- Кое-кто остался. Вы о Люсе забыли.

- Какая Люся? - удивлённо наморщил лоб Рогожин. - Что-то не помню...

- Случайно не та, из «Жемчужины»? - спросила Вика.

- Из «Жемчужины», - подтвердил Андрей.

- Ах, та Люся, - вспомнил Рогожин, и лицо просветлело. - Как же, помню, помню. Интересная дама. Только всё равно не соображу. Я ведь ей адреса своего не оставлял. Как же нашли меня? Да, ещё так быстро!.. На самолёте прилетели, что ли?

- Почти, - подтвердил Андрей. - Именно, прилетел. На вертолёте.

- Так вы лётчик? - восторженно воскликнула Вика.

- Нет, - усмехнулся Андрей, - не лётчик. Только пассажир. Друг помог.

- Вот оно что, - понятно отозвался Рогожин. - Тогда, понятно. Хотя, по правде сказать, всё равно не понятно. Как нашли нас? Боже ты мой! Только такая, значит, петрушка вышла. Игорёк с Людмилкой не дождались, вчера отсюда уехали. Кто ж знал, Андрей, извините, не знаю отчества...

- Можно, просто Андрей, - поморщился в расстройстве Меженков и подсадовал. - Вчера?

- Кто знать мог, что вы сюда прилетите? - Саратовский терапевт потрясённо всплеснул руками. - Просто мистика какая-то, ей-богу. Опоздали бы на пятнадцать минут, и нас не застали бы.

- На вертолёте можно их на дороге догнать, - участливо подсказала пухленькая женщина.

- А точно, - подхватил Рогожин. - Можно вдоль автомагистрали пройти. Дорога здесь одна, через Сызрань и Ульяновск.

- Конечно, это так, - согласился Андрей. - Только сверху непросто за дорогой следить. На скорости можно мимо проскочить.

- А знаете, - оживился Рогожин, - возьмите нас с собой. Я привязался к ребятам. Думаю, они тоже. Вот уехали, и словно кусок от сердца оторвался. Места найти не могу. Уже хотел с Викой и Мариной в Пензу уехать. Возьмёте?

Андрей развёл руками, и согласился:

- Собирайтесь.

- Готовы мы, - засуетился Рогожин. - А вы, девчонки?.. Это ничего, что я за вас решил?

Пухленькая женщина помялась, и проямлила:

- Нет, Борис Львович, не решил ты за нас. Вике надо в Пензу. Может, кого-то из родственников найдёт. Ведь, нашёлся же отец у ребят. Так что, мы уж как-нибудь сами доберёмся туда.

- Куда ж вы сами? - растерялся Рогожин.

- Ничего, - успокоила пухленькая, - мир не без добрых людей. Потихонечку поедем. Как-нибудь доберёмся. А, может, вы, Андрей, нас до Пензы подбросите? Дорога-то, не сахар. А с вами в два счёта.

Андрей согласился:

- Без вопросов. Далеко это?

- Не близко, - беспокойно вставила Вика, - километров двести в сторону Москвы.

- Двести, не так много. Придумаем что-нибудь.

Женщины радостно взвизгнули. Кореш недоверчиво взъерошился.

- Спокойно, Кореш, - остерёг друга Андрей.

Пёс не стал перечить хозяину, и смущённо отвернулся от женщин.

- Ишь ты, охранник, какой, - растерянно пробормотала пухленькая.

- Вертолёт уже ждёт на набережной, - поторопил новых знакомых Андрей.

- На набережной? - напрягся Рогожин.

- Около речного вокзала.

- А что чернышевцы?

- Какие чернышевцы? - не понял Андрей.

- Конечно, чернышевцы не отморозки, - задумчиво произнёс Рогожин, - но, кто знает? Как бы проблем с отлётом не возникло. Быстро в машину, в пять минут на месте будем.

Проблем чернышевцы чинить не стали. Вертолёт их заинтересовал лишь, как объект, который оказался на подконтрольной территории. С другой стороны, подобную технику можно на местных аэродромах найти, хуже с пилотами. Томек объяснил причину приземления на набережной, и чернышевцы оставили его в покое.

Рогожин с женщинами заняли место в десантном отсеке вместе с Корешем. Томек уточнил маршрут, и направил вертолёт вдоль автострады Саратов – Сызрань. Андрей прильнул к окну, и стал внимательно рассматривать проносившееся под брюхом винтокрылой машины дорожное полотно.

Время неумолимо двигалось, а никого похожего на детей на дороге заметить не удалось. Вскоре появились окраины Ульяновска. Рогожин заявил, что добраться так быстро сюда подростки не могли.

- Где же искать, в самом деле? - продолжал тарашить покрасневшие глаза на пустынную дорогу Андрей. - Неужели пропустили их? Или они всё-таки успели сюда добраться?

- Не могли так далеко доехать, - нервно покашливая, снова растерянно подтвердил в селектор Рогожин. - Наверняка, не доехали. Ещё в Сызрани задержаться могли, или в какой-нибудь деревушке.

Томек повернул вертолёт к Сызрани, но никаких следов пребывания на дороге детей не обнаружили. В городе искать бесполезно. Рогожин недоумевал. Игорёк с Милкой не планировали нигде задерживаться. С тем же успехом обследовали примыкающие к городу второстепенные дороги.

- Горючего впритык, - напомнил Томек. - Подбросим дивчин до Пензы, и там заправимся.

Не каждый понять может нетерпение человека, который предвкушает встречу с потерянными детьми. Нужно самому потерять, чтобы затем пройти ад мучительных переживаний, оказаться поблизости от самых родных, самых близких существ, и потеряться в догадках, где их искать. Андрей сгорал от нетерпения в ожидание момента, когда детишки найдутся, и он сможет их принять в свои объятия. Но встреча всё откладывалась, и откладывалась. Ему приходилось с этим неприятным фактом мириться, и надеяться, что следующий заход принесёт удачу.

В Пензе Рогожин снова безуспешно уговаривал Вику с Мариной остаться с ним.

- Давайте, девочки, вместе держаться. Потом вернёмся, и вместе поищем родственников Вики.

- Мы приехали, Борис львович, - возразила Марина. - А ты, когда детей найдёшь, возвращайся сюда. Адрес знаешь.

- Ладно, договорились, - вздохнул Рогожин. - Я вернусь.

Томек заправил вертолёт горючим, они попрощались, и вернулись на автостраду, чтобы повторно прочесать дорогу от Хвалынска до Ульяновска. Дальше добраться, как считал Рогожин, который имел опыт такого путешествия, подростки физически не смогли бы.

Они стали на предельно низкой высоте барражировать вдоль дороги, но ребятишек, к недоумению саратовчанина, будто след простыл. Андрей с беспокойством вглядывался вниз, и интуитивно предполагал,

что тут нечто другое. Ему вдруг пришла в голову мысль, что искать надо не на этой дороге. Но где?

- Не могли другой дорогой поехать? - вслух предположил Андрей. - Может, ошибочно куда свернули?

- У них хороший атлас был, - возразил через селектор Рогожин. - К тому же, неплохо научились ориентироваться на дороге. Сам объяснял, что к чему. Просто так свернуть не могли. Не нравится мне это.

Андрей лихорадочно думал. Куда они запропасться могли? Лишь бы не что-то непоправимое. О таком даже думать не хотелось.

- Может, на природе развлекаются? - высказал своё соображение Томек. - Молодёжь. Волга рядом. Вполне могли туда свернуть по дороге, искупаться, отдохнуть.

- Точно, - возбуждённо воскликнул Андрей. - Не на Волге ли они?

- Нет, - упрямо возразил Рогожин. - Домой спешили.

- Домой, говорите, спешили? - обрадовался Андрей. - Так ведь по Волге, если катер взять, быстрее получится.

- Сомневаюсь я, - настойчиво возразил Рогожин. - Всё-таки, против течения.

Андрей упёрся на своём:

- Не могли же они испариться. Тем более, если дальше Ульяновска проскочить не могли, стоит на Волгу наведаться.

Томека уговаривать не надо, лёгким движением рукоятки он направил «стрекозу» ближе к руслу великой русской реки.

Широко раскинувшись среди холмов, Волга несла тяжёлые свинцовые воды в даль. Она показалась Андрею непривычно пустынной. Несколько пустых лодок, лениво плывших вниз по течению, и баржа, которая беспомощно уткнулась на мели, не привлекли внимания следопытов. Они стали пристально присматриваться к тому, что плывёт против течения. При ближайшем рассмотрении ничего такого не заметили.

- Я ж говорил, - с грустью произнёс Рогожин.

- Может, до Ульяновска проскочим? - предложил Андрей.

Томек молча кивнул, и мысленно составил курс. Он повёл вертолёт на высоте примерно ста метров вдоль русла Волги, и корректировал полёт от одного плывущего предмета к другому. По дороге миновали моторную лодку, которой управлял незнакомый паренёк. Андрей хмуро взирал на проносившуюся внизу воду, и уже сомневаться начал, правильно ли они сделали, покинув автомагистраль. По ходу движения показался катер,

который ходко шёл против течения. Вертолёт быстро настиг его. Андрей ясно разглядел внизу две фигуры. Рогожин возбуждённо закричал:

- Они!

- Неужели нашлись? - ахнул Андрей, и нетерпеливо забарабанил кулаком по колену.

- Они! Они! Вижу их! - истошно голосил Рогожин. Не выдержал, и высунул голову за борт.

Это настоящее чудо, что сам Бог провёл Андрея по следам детей, не дал сбиться, потерять эти призрачные следы, и в конце концов привёл друг к другу. Реально ли это? Он снова вспомнил странного Старика, который обещал чудодейственную помощь, и охрану от Божественного камня, но тут же отбросил эту мысль, как абсурдную. Никакого Божественного камня не существовало, и быть не могло. То, что так быстро удалось найти детей, простая случайность, счастливая случайность. А, может, следствие его беззаветного стремления, интуиции, и расчёта. Да и где теперь этот камень?

С нескрываемым удивлением Андрей окинул детские фигурки в катере, в жизни не узнал бы в этих поджарых подростках своих детей. И Милка одета для себя необычно. Скорее, практично, чем модно.

Ребятишки задрали головы, и с опаской разглядывали преследователей. Игорёк удерживал катер на выбранном курсе, и надеялся, что от них отвяжутся. Но вертолёт снизился, и показал, что преследователи интересуются именно ими. Игорёк изменил курс, но вертолёт моментально отреагировал, и завис на пути катера, преграждая дорогу.

- Чего это они? - беспокойно проверещала Милка, и напряжённо вцепилась в борт катера.

- Может, ищут кого? - высказал догадку Игорёк, и свернул в сторону, чтобы не допустить столкновения катера с шасси винтокрылой машины.

Вертолёт двигался параллельно, и почти задевал колёсами вспенивающуюся от работающих лопастей воду. Милка испуганно присмотрелась к размазанным за стёклами преследующего их монстра лицам. Им что-то показывали на пальцах.

- Кажись, к берегу нас причалить просят, - проверещала она на ухо брату.

- Сам вижу, - проворчал тот, нервно покусывая губы. - Как только причалим, спрячусь в зарослях, а я попробую поговорить с ними.

Он по-деловому нащупал в кармане тяжёлую рукоять пистолета. Милка с интересом взглянула на брата. Таким отчаянно-храбрым она его ещё не видела. Игорёк лихо повернул руль, и направил катер к пологому берегу. Не давая им оторваться, вертолёт держался поблизости. Игорёк с беспокойством покосился на преследователей. Но делать нечего. Преимущество в скорости у вертолёта. Как только катер приткнулся к берегу, Игорёк подтолкнул Милку к кустам:

- Беги!

Но вертолёт уже завис в двадцати метрах от катера, и снова преградил путь к отступлению. Оттуда на землю соскочил мужчина. Милка замешкалась, отступила назад, и вдруг ахнула. Она увидела около вертолёта... Нет. Милка поверить глазам своим не могла. Игорёк также на мгновение смешался, когда узнал в мужчине своего отца.

- Папа! - с этим криком подростки бросились к нему в объятия. - Папа!

Андрей обхватил их цепкими руками. Милка прижалась к отцу, и одновременно хотела себя ущипнуть, не сон ли это. Совершенно невероятной показалась ей эта встреча. Она завизжала, начала смеяться и плакать одновременно. Растрогался также Игорёк. Слёзы и радость смешались в этой волнительной сценке.

Кореш склонил голову набок, и удивлённо взирал на незнакомых подростков, которых обнимал хозяин. Он потянул носом, и почувствовал запах, с которым хозяин познакомил его в далёком городе. Это всё объяснило, здесь произошла не просто встреча. Этих людей связывает нечто большее, чем обычное знакомство. И пёс начал активно принюхиваться к запахам, которые должен своими признать. Виляя хвостом, он принялся суматошно скакать вокруг сцепившейся троицы, подскочил к ним, повизгивая, неожиданно ткнулся носом в ноги хозяина, и едва не повалил на землю растроганную тройку.

Слёзы радости текли по щекам участников встречи. Андрей с жадностью вглядывался в возмужавшие лица детей, и удивлялся заметной перемене, которая произошла с ними. Игорёк заметно раздался в плечах, Милка превратилась в повзрослевшую девушку. Оба похудели, и вытянулись. То, что в течение двух недель держало его в напряжении, наконец, отпустило. Несмотря на страшную беду, которая случилась с человечеством, Андрей почувствовал большое облегчение. Главное, дети с ним. Всё остальное утратило свою важность.

Рогожин умиротворённо приблизился к ним, несказанно довольный тем, что удивительная мечта ребятишек, в которую слабо верилось, сбылась.

- Ну вот, вы и вместе, - подвёл он черту многодневной эпопее, и почувствовал некоторую неловкость.

- Спасибо вам, Борис Львович, - повернулся к нему Андрей, не выпуская детей из объятий. - За всё спасибо.

- Не стоит, - просто ответил Рогожин. - Я, простите, сомневался в том, что вы живы. Да, что там, сомневался, уверен был, что не вернётесь...

- Как видите, Борис Львович.

- Теперь вижу, - качнул головой Рогожин.

- Если бы не вы, трудно бы им пришлось, - благодарно повторил Меженков-старший.

- Теперь я за моих дорогих подопечных спокоен, - удовлетворённо сказал Рогожин. - Вернусь в Пензу к Вике с Мариной.

- Конечно, - согласился Андрей. - Только далековато будет.

- Доберусь потихоньку.

- А мы сделаем по-другому, - решил Андрей. - Слетаем в Казань, проведём квартиры брата и тёщи, а потом подбросим вас до Пензы. Годится?

- Годится, - согласился Рогожин. - Так вы окончательно решили в Польшу перебраться?

- Видать, судьба у меня такая, - улыбнулся Андрей.

- Куда-куда? - округлили глаза Игорёк с Милкой.

- У нас будет время обо всём поговорить, - успокоил их отец.

Томек заглушил двигатели, и объявил большой привал. Перед дальней дорогой нужно провести профилактический техосмотр.

ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ ГЛАВА

Бригадиры едва дождались ночи, и стали снова готовиться к прорыву. Мобильная бригада устроила в районе гаражей для отвлекающего маневра перестрелку с дозором правительственных сил. Остальные погрузились на грузовики, и под страховкой бронетранспортёра поехали к садово-огородным участкам. Сразу за садами начинались частные дома с разветвлённой сетью дорог, где можно

от преследователей укрыться, или через город уйти на загородные трассы.

Но в этот раз проехать через сады не удалось. Ещё вчера дороги здесь были свободными, а теперь оказались перекрытыми большегрузной техникой. Поискали объезд, та же картина. Просто удивительно, когда алимовцы успели так поработать? Разбирать завалы опасно. Шум, который возникнет при этом, несомненно привлечёт их внимание. Разведчики отправились искать свободную дорогу.

Время шло, проезда найти не удавалось. Бригадиры вернулись назад, и пошли на прорыв в другом месте, напрямик через шоссе. И эта попытка не удалась. Сразу на выезде из микрорайона нарвались на шквальный пулемётный огонь, и снова отошли назад. Тем временем, запал бригадиров из мобильной группы закончился, и они также отступили от гаражей вглубь микрорайона.

- Блин, обложили, гады, - процедил сквозь зубы Макс.

- Сами виноваты, - посетовал Алексей. - Нужно было терзать их наскоками, а не прятаться. Тогда и не успели бы дороги заблокировать.

- Кто ж думал? - пожал плечами Ильгиз. - Они гоняли на технике по микрорайону, и шорох наводили. А под эту музыку дороги нам грузили.

- По плану Бэ работаем, - решил Алексей.

Мобильная бригада отправилась к шоссе, и спровоцировала перестрелку с алимовцами. Грузовики с бронетранспортёром двинулись в район строящегося спорткомплекса, где алимовцы по словам разведчиков не успели дорогу перегрузить. На всякий случай проверили кустарник, лесопосадку, и близлежащие строения. Чисто. Первым пошёл бронетранспортёр. И тут произошёл неприятный сюрприз. Затаившиеся командосы вылезли из убежища, и обстреляли бронетранспортёр из гранатомёта. Бронетранспортёр загорелся. Потери понесли также разведчики. Грузовики вернулись в микрорайон. Разведчикам пришлось натиск командосов сдерживать.

- Как же так? - расстроено пробормотал Виктор. - Не могут они быть повсюду.

- Не могут, - согласился Алексей.

- Почему же постоянно нарываемся?

- Без наблюдателей здесь не обошлось, - зло сплюнул Ильгиз. - Наводка идёт стопроцентная.

- Не время разбираться, - нахмурился Алексей. - Ночь коротка.

- Что будем делать?

- На прорыв в районе прачечной пойдём, - сымпровизировал Алексей.

- Рискованно, - насупил брови Виктор. - Незаметно прорваться не удастся. Там пустырь. А даже если... Куда потом? Не в городе же укрываться.

- Темнота наш козырь, - заявил Алексей. - Кольцо у них не может слишком плотным быть. Если будем действовать дерзко, сможем кольцо прорвать. И делать нечего, растворимся до вечера в городе. Потом небольшими группами будем к марийским лесам пробираться.

- Если рассеемся в городе, боюсь, больше не соберёмся.

- Другого выхода нет, - рубанул рукой по воздуху Алексей. - Если останемся здесь, они нас всех со временем положат.

Виктор молча кивнул в знак согласия. Сам понимал, что оставаться нельзя. Алексей отдал приказ:

- Колонна, внимание. Все идём на прорыв через пустырь в районе прачечной.

Без промедления двинулись. Но и эта попытка не удалась. В темноте один из грузовиков провалился колесом в выбоину, и застрял. Из рожи застрочил пулемёт. С противоположной стороны пустыря, где расположен жилой комплекс, слышались одиночные выстрелы. Для спасения женщин с детьми с застрявшего грузовика бригадиры из группы сопровождения приняли огонь на себя.

Коротка июльская ночь. Серый рассвет окончательно развеял надежду на благополучный исход эвакуации. В открытую прорываться не было смысла. После перестрелок ряды бригадиров поредели и они отошли вглубь микрорайона.

Для укрытия выбрали трёхэтажное общежитие в глубине двора, который создавала группа объектов и зданий. Бригадиры надеялись, что алимовцы после вчерашней проверки общежития могут не сунуться в это место. Оно показалось удобным ещё и тем, что с улицы здание почти не просматривалось. А если вдруг случайно бригадиров обнаружат, алимовцам сложно будет выкурить их из общежития. Сзади оно примыкает к огороженному участку складов, которые когда-то принадлежали некоему частному предприятию со звучным названием ЧП «Эсмеральда». С левой стороны находится строительная площадка недостроенного Торгового Центра. Правым боком общежитие прижимается к фасаду трёхэтажного здания близнеца, которое, в свою очередь примыкает к складам ЧП «Эсмеральда». И, наконец, по фронту

высится восьмиподъездная пятиэтажка, которая надёжно отделяет общежитие от главной улицы микрорайона. Во внутреннем двореке теснятся небольшая автомобильная стоянка с детской игровой площадкой. Снаружи сюда ведёт узкий проход между пятиэтажкой, и боковой стороной здания-близнеца. К строительной площадке и складам примыкают палисадник, и некогда охраняемая автомобильная стоянка. А напротив здания-близнеца проходит узкая асфальтированная дорога, которая разрезает небольшой пустырь, поросший мелким кустарником. Ближайшая девятиэтажка с этой стороны находится на расстоянии ста метров.

И всё-таки, чтобы осложнить карателям поиск, и отвлечь внимание командосов на себя, вызвались добровольцы, среди которых были Виктор с Галиной. Так они решили. Если Богу угодно соединить их, ничего с ними не случится. А если... Пусть будет так. Добровольцы поделились на пары, и разошлись по разным концам микрорайона.

Новый день наступил тихий, безоблачный. Ильгиз проверял готовность бригадиров к обороне. Он пошатывался от изнеможения, но держался из последних сил. Ноги подкашивались, припухшие веки самопроизвольно замыкались, сказались бессонные ночи последних дней. Но выспаться можно будет тогда, когда каждый бригадир займёт своё место, и наступит время томительного ожидания. Тогда можно лечь где-нибудь, расслабиться, и забыться на пару часов. Дай бог, чтобы каратели не напоролись на них быстро. Ещё лучше, если сегодня они их вовсе не обнаружат.

Каратели не замедлили себя ждать. Вчерашние потери заставляли их держаться компактной группой. Они взяли под прицел территории, которые соседствовали с зачищаемым зданием, и резво занялись зачисткой. До десяти часов было тихо. Потом послышались выстрелы. Кто-то из добровольцев отвлек на себя внимание. Каратели пустили вперёд бронетехнику. Около двух часов прочёсывали территорию, на которой заметили мятежников. Но те, как сквозь землю провалились.

Коммандосы продолжили зачистку. Снайперской пулей ранило бойца оцепления. Коммандосы вычислили траекторию полёта пули, и перекрыли следующий сектор в попытке предугадать место, где укрылся снайпер.

Пока добровольцы успешно тормозили карателей, Ильгиз беспокойно спал на диване, раскинув по сторонам руки. Алексей прошёл в соседнюю комнатку, где на матрасах вповалку лежали женщины, и

оценивающе посмотрел на них. Дать им ещё поспать, или всё-таки разбудить? Что там ни говори, а мужикам досталось куда тяжелее. Он бесцеремонно растолкал девчат.

- Девоньки, милые, поспали, и хорош, - шёпотом оправдывался он в ответ на их несчастные мины. - Надо чуток подежурить. Мужики пусть поспят, не ровен час, воевать придётся.

- Надо, так надо, - высказалась за всех стриженная под мальчишку Любаша, симпатичная с точёной фигуркой девушка.

Она забросила за плечо автомат, и шагнула к выходу. За ней потянулись остальные. Алексей провёл девушек в здание-близнец. Бригадиров, которые дежурили в квартире, он отправил отдыхать, а девушек проинструктировал. Задача простая. Внимательно следить за дорогой и пустырём. А при появлении командосов дать сигнал отмашкой белым платком из выходящего во внутренний двор окна.

Время будто остановилось. Каратели безуспешно искали гнездо мятежников, и яростно охотились за добровольцами. Добровольцы делали всё, чтобы не угодить в лапы карателей. Мятежные бригадиры отдыхали после бессонной ночи.

Вдруг во дворе прозвучали выстрелы, которые моментально поставили всех на ноги. Ильгиз осторожно выглянул в окно, и с недоумением протёр глаза. Около дома напротив, на земле лежит распластанное тело, разодетой в дорогие наряды девушки, лицо которой скрыто вьющимися распущенными волосами. Откуда во дворе взялась такая краля? И кто её застрелил?

Всё прояснилось через несколько секунд. К убитой девушке, опасливо озираясь по сторонам, приблизился каратель. В тени одной из осин Ильгиз заметил двоих других, которые для страховки товарища направляли автоматы на окна здания-близнеца. Но делали они это скорее для проформы, нежели потому, что заметили кого бы то ни было.

В доме, где дежурили девушки, в окне показалось беззаботное лицо Любаша. Она глянула во двор, отшатнулась в глубину комнаты, и оттуда принялась оголтело размахивать платком.

- Что ж, так поздно, мать твою, - прошипел Ильгиз, и передёрнул затвор автомата.

Из подъезда дома-близнеца выбежала Клара, которая дежурила вместе с Любашей, и вскинула автомат. Но выстрелить так и не успела. Командосы оказались проворнее.

- Дура, блин, - выругался Ильгиз, резко распахнул окно, и дал короткую очередь в карателей под осиной.

Несколько выстрелов по карателям грянуло из других окон общежития. Каратели так и не успели ничего предпринять для своей защиты, и повалились на землю. Бригадиры замерли, и ошарашенно взирали на неподвижные фигуры врагов. Надежды на то, что каратели не смогут их быстро обнаружить, испарились. Другое дело, как быстро это произойдёт, и как долго удастся продержаться? И уйдут ли каратели из микрорайона с наступлением сумерек?

Во дворе показалась Любаша. Она закусил ладонь, и с рыданием побежала к общежитию. Алексей запустил её в подъезд, дождался, пока прибегут всполошенные дозорные из других точек, и забаррикадировал дверь металлическим шкафом, который позаимствовал из кабинета коменданта.

- Они... Они... - захлёбывалась слезами Любаша, - мы не видели их.

- Как же так? Как же прозевали? - обескураженно пробормотал Алексей.

Краснощёкий экскаваторщик Стёпа, который дежурил в пятиэтажке, зло поддел:

- Варезки разинули...

- Сколько их там? - перебил Степу Алексей.

- Трое, - на всхлип ответила Любаша.

- Я не о тех, - поморщился Алексей. - На улице сколько народу.

- Никого, - продолжила завывать Любаша.

- А у вас? - обратился Алексей к другим дозорным.

- Никого, - пожали плечами дозорные.

- Как никого?

Стёпа больно вцепился в плечо девушки, и попытался привести её в чувство:

- Ты чего это, Любаш? Как это никого? С вашей стороны прошли.

- Пусти, - вырвалась Любаша. - Я же говорю, никого мы не видели.

- А эти как сюда попали? - продолжил допрос экскаваторщик.

- Постой ты, Мельникова где? - вспомнил о третьей дозорной Алексей.

- Так ведь, там она, - махнула девушка рукой в сторону двора, - во дворе осталась.

- Как во дворе? - простонал Алексей. Но он уже догадался, кем разнаряженная красавица была.

- Мы по очереди за улицей наблюдали, - принялась сбивчиво объяснять Любаша. - От нечего делать в гардеробе копались, бижутерию хозяйскую нашли. Шмотки там потрясные... Только размеры не на нас с Кларкой. А на Людку в самый раз. Мы её нарядили, подкрасили, да волосы накрутили. Такая красотища. Просто вылитая Джулия Робертс. Мы с Кларкой тоже причепуриться хотели. Людку на стрёме оставили, а сами по соседним квартирам собрали барахлишка. Только примерить не успели. Людка шёпотом, так, говорит, «коммандосы», и шашь, в коридор. Я к окну. Никого нету. Кларке говорю: «Разыгрывает, подруга. Ты, пока, примеряй, а я за улицей посмотрю». Тут, как шарахнет за окнами со стороны двора. Кларка глянула в окно, ахнула, и тоже из квартиры выбежала. Я ничего не пойму. Тоже посмотреть решила. Гляжу, Людмила на земле лежит, а к ней коммандос крадётся. Я махать платком вам начала...

Они вошли в комнату, где у окна расположились Ильгиз с Галимом-Волком.

- Отбой тревоге, - распорядился Алексей.

- Как отбой? - удивился Ильгиз.

- Похоже, эти трое приبلудные были, - объяснил бывший офицер. - Во дворе подметём, и шито-крыто будет.

- Здесь что-то не так, - задумался бывший спасатель. - После вчерашнего ужина добровольцев по глухим дворам лазить немного найдётся. Скорее, разведчики это.

- Но на улице никого нет, - возразил Алексей.

Ильгиз воодушевился:

- А вот это здорово. Если никого поблизости нет, есть надежда. Точно определить откуда прозвучали выстрелы, трудно. Эхо выстрелов многократно отбилося от стен, и разлетелось в разные стороны. Как с двухсотыми?

- Занывать, - загорелся Волк.

- Правильно, - согласился Ильгиз, - возьми с собой пятёрку бойцов, и трупы в подвал.

...Дважды за сегодня Галина с Виктором устраивали игры со смертью. Первый раз они издали обстреляли карателей, и потом долго петляли переулками. Они то и дело меняли направление, пока не забрались в какой-то затхлый подвал. И никак отдышаться не могли. Как ни крути, а возраст у обоих далёк от юношеского. Но энергии, чтоб уйти от карателей хватило. На первый раз Бог жаловал.

Вторая попытка искусить Бога оказалась более дерзкой. Они на видавшем виды «жигулёнке» проскочили мимо проводивших зачистку карателей на полной скорости. Галина успела пустить в сторону алимовцев пару коротких очередей. Вдогонку рванули два бронетранспортёра. Виктор выжимал из колымаги все соки. Они проскочили несколько переулков, бросили автомобиль, по-молодецки промчались через скверик, и перебрались на соседнюю улицу. Здесь едва успели вскочить в подъезд, как мимо дома пронеслись сбитые со следа бронетранспортёры, и «Газель» с отделением командосов. Второй раз Бог также оказался на их стороне.

В квартире, которая дала им временный приют, стоял стойкий запах прели. Но для Виктора с Галиной не привыкать даже к более противному запаху. А когда Галина обильно побрызгала в комнатах дезодорантом, жизнь показалась раем. Виктор заглянул в бар, и обнаружил богатый выбор алкогольных напитков. С самого дня катастрофы он в рот не брал спиртного. Но после такой порции адреналина, не грех чуток глотнуть. Он открыл бутылку «Наполеона», и плеснул в стаканы, которые услужливо подставила Галина. После смакования благородного напитка, они упали друг другу в объятия, и забылись в порыве животной страсти.

Проснулся Виктор от пулемётной очереди, которая протрещала неподалеку, возможно даже на соседней улице. Он напрягся в ожидание продолжения перестрелки. Но снова наступила тишина. Галина расслабленно улыбнулась.

- Пронесло... Похоже, не нашли наших, - мягко продолжила она. - Я сплю чутко. Не слышала ничего... Боже, как надоело всё это. Ну, куда мы катимся? Ведь, все же свои. А, как будто, враги. Будто не люди, а инопланетяне, какие.

- Фашисты, - вставил Виктор.

- Изверги, - по-своему оценила Галина. - Как можно своих же вне закона ставить, расстреливать, как собак бродячих? Что за божья кара на нашу голову?

- Нет, не на нашу голову, на их, - поправил Виктор. - Алимовцы нелюди. И это их Бог покарал.

- Всё равно, - прошептала Галина. - Мне уже совершенно всё равно, останусь я жива, или нет, лишь бы Бог исправил свою ошибку. Лишь бы вернул людям людское.

Виктор с нежностью смотрел в тёмные глаза своей партнёрши, и старался навсегда впитать их глубину. День близился к завершению. Не за

горами сумерки. Но неизвестно, покинут ли каратели микрорайон с наступлением темноты?

- Бог троицу любит, - осторожно произнёс он сакраментальную фразу.

В знак согласия Галина моргнула в ответ, и проявила готовность ещё раз поиграть с судьбой. Они поднялись с постели, быстро оделись, и энергично направились к выходу.

- Сколько осталось патронов? - поинтересовался у партнёрши Виктор.

- Неполный рожок, - призналась женщина.

- У меня тоже не густо, - разочарованно выдохнул бригадир. - Придётся наведаться в тайник. Я дома кое-что припрятал.

На улице они прислушались к посторонним звукам, но не услышали ничего опасного. Скрытно пробрались к дому Виктора, и здесь их ждал сюрприз. На пути застыл бронетранспортёр. Командосов рядом не заметили.

- Шмон в соседнем доме, - догадался Виктор, - а эти подходы страхуют.

В квартиру попасть через подъезд не получится. Осталась надежда влезть в окно с задней стороны дома. Они сделали крюк, и оказались в палисаднике дома напротив.

- Я быстро, - пообещал Виктор и побежал через улицу.

Галина стала настороженно наблюдать за прилегающими улицами. По выработавшейся за последнее время привычке, Виктор по-кошачьи бесшумно открыл окно на первом этаже, подтянулся, и ввалился в квартиру. Теперь можно не спешить. Он вышел в коридор, поднялся на свой этаж, и открыл выломанную Леонидом дверь. Гулко хлопнула подъездная дверь внизу, и послышался топот десятка ног.

«Зачистка», - тоскливо понял Виктор.

Он подошёл к окну, и глянул во двор. К соседнему подъезду приближались каратели...

...Из-за угла дома выехал бронетранспортёр, остановился, и направил пулемёт вдоль улицы. На броне со скучающим видом сидел командос. Ему порядком надоело гоняться за призрачными мятежниками. У Галины сердце ушло в пятки. «Может, пронесёт», - подумала она, и вперилась ненавидящим взглядом в скучающего командоса. Из-за другого угла выехала БМП, и появилось шестеро

карателей, которые лениво озирались по сторонам. Они уселись на четвереньках, и запалили сигареты. «Зачистка», - перестала сомневаться в значении увиденного Галина. На этот раз Бог отвернулся от них. «Нужно отвлечь карателей на себя», - в отчаянии подумала женщина, поставила автомат на одиночный огонь, и прицелилась в командоса на броне.

Автомат выплюнул огненную струйку. Командос на броне дёрнулся, и мешком повалился на землю. Шестёрка карателей распласталась на земле. Бронетранспортёр взревел двигателем, дал задний ход, и стал одновременно поводить пулемётом. «Неужели, попала?» - удивилась Галина, приглядываясь к неподвижному телу командоса. Она не предполагала попасть в него. Лишь хотела к себе внимание привлечь, и увести карателей от дома Виктора.

Каратели на провокацию не поддались. Галина поняла, что они не успели понять, откуда произвели выстрел. Из-за угла появился ещё один бронетранспортёр с новой группой карателей. Галина вскинула автомат, и снова выстрелила наугад. Теперь её заметили. Пулемётная очередь срезала ветку с кустов рядом с ней. Она подтянула колени к животу, и резко вскочила на четвереньки. Кустарник по-прежнему мешал карателям разглядеть её, но промедление могло жизни стоить. Бронетехника взревела моторами, и понеслась к палисаднику. Она отбросила уже бесполезный автомат, проскочила несколько метров, которые отделяли от угла дома, и птицей пролетела вдоль стены. Затем пронеслась через детскую площадку, и перед тем, как там появились командосы, успела юркнуть в узкий переулок, поросший дикими яблонями и смородиной. Судя по гулу двигателей, бронетранспортёр спешил отрезать ей дорогу на соседнюю улицу. Что ж, она добилась своего. Пусть ищут её в ближайших домах. Больше спешить некуда. Оружия, кроме собственных рук и зубов, тоже нет...

...Виктор услышал переполох во дворе, и понял, что Галина отвлекла карателей на себя. Он снова подошёл к двери. Командосы орудуют этажом ниже. Бежать поздно. И вдруг он сообразил, что надежда всё-таки есть. Командосы проверяют квартиры на скорую руку. Если хорошо спрятаться, могут не заметить. И такое место есть в спальне. Как раз там, где он сделал тайник. В платяном шкафу он накрыл амуницию шубой Оксаны. Шкаф этот имеет зазор с наружной стеной, и места там более, чем достаточно. Если подтянуть оконную штору ближе к шкафу, непосвящённый человек ни за что не заметит его. В запасе ещё пяток

минут есть. Он открыл шкаф, откинул шубу, и вскрыл штык-ножом цинк. Затем вынул из цинка десяток пачек с патронами, и рассовал их по карманам. К поясному ремню прицепил гранаты, и подсумок с запасными магазинами. А теперь спрятаться можно.

Он набросил на остатки амуниции шубу, аккуратно прикрыл дверцу шкафа, и втиснулся между шкафом и стеной. Осторожно подтянул штору, и вздохнул с облегчением. Места даже с полной разгрузкой хватило. Если осмотр будет беглым, ничего не заметят.

Ожидание гостей показалось вечностью. Наконец, дверь в прихожей распахнулась, и он услышал, как две пары ног протопали в квартиру. Виктор не ошибся. Каратели наскоро проскочили по комнатам, заглянули на кухню. Кто-то вошёл в спальню. Скрипнули половицы. Видно командос заглянул под кровать. Скрипнула дверца шкафа. Виктора прошиб холодный пот. Но каратель не заметил тайника, прикрыл дверцу, мельком глянул за штору, никого не заметил, и шагнул к выходу.

«Пронесло!» - с облегчением подумал Виктор, и тут же напрягся. Шаги замерли на пороге спальни. Спинным мозгом Виктор почувствовал, что командос догадался. Соображать, что его выдало не было времени. Он рванулся из-за шкафа и вскинул автомат.

Каратель вздрогнул, и от неожиданности выпустил очередь в дверцу шкафа. Виктор не промахнулся. Не теряя времени, кинулся в прихожую. Напарник убитого командоса держал спальню под прицелом, и торопливо нажал на спусковой крючок. Выстрела не последовало. В спешке он забыл снять автомат с предохранителя. Алимовец побледнел, осел, и мешком привалился к стене. Что-то знакомое показалось Виктору в испуганном взгляде командоса, и рука дрогнула.

Они уставились друг на друга, как замороженные. Виктор узнал Олега, несовершеннолетнего сына закадычного приятеля Димки Боброва. Первым пришёл в себя Виктор. Он кинулся к выходной двери, решительно распахнул её, и вскинул оружие. Перед дверью стоял третий каратель. Выстрелили одновременно. Виктора оглушило, сбило дыхание, и отбросило назад. Каратель привалился к стене, стал рычать, и захлёбываться кровью. Из квартиры напротив выскочил ещё один головорез. Он мельком глянул на неподвижно лежавшего бригадира, и склонился над истекающим кровью товарищем. Тот завалился на бок, и начал в мелких конвульсиях биться. Командос грязно выругался, повернулся к Виктору, и остолбенел перед наведённым на него дулом автомата.

Виктор снова не промахнулся. Пуля раздробила череп под каской командоса. Головорез ойкнул, и рухнул рядом с товарищем. Кто-то ещё завозился на лестничной площадке. Виктор не стал ждать, сдёрнул с пояса гранату, выдернул зубами чеку, и метнул в дверной проём.

Взрывом разметало командосов на площадке. Виктор перевёл взгляд на Олега. Тот испуганно моргал глазами. Он понял, что остался живым благодаря дружбе Виктора с его отцом. Виктор с усилием опёрся на локоть, и привалился к стене. Голова гудела словно церковный колокол, а грудь, словно раздавленная чем-то, отказывалась поддерживать дыхание. Он вдруг почувствовал тёплую жижу в штанах, и сдавленно прохрипел:

- Что ж так тихо-то? Всех, что ли ваших замочил? Глянь там.

Олег Бобров поёжился, но не сдвинулся с места.

- Тебе говорю, посмотри, - нетерпеливо прохрипел Виктор.

Олег опасливо выглянул в коридор, и с дрожью в голосе произнёс:

- Всех, дядя Вить.

- Ладно... - Виктор приготовил ещё одну гранату, и прислушался, - Не спешат на выручку. - Перевёл взгляд на подростка. - Жив отец, или как?

Олег только поморщился в ответ. Виктор попросил:

- Глянь в окно, чего они ждут.

Олег подбежал к окну, выглянул на улицу, и удивлённо произнёс:

- Не видать никого.

- Как это не видать? Они что, попрятались, что ли?

Олег ещё больше высунулся из окна, и добавил:

- Совсем не видать. За углом столпились. Что-то произошло там.

- Вовремя произошло, - удовлетворённо произнёс бригадир. - Неужели ничего не слышали?

Снаружи слышались приглушённые стенами выстрелы. Виктор догадался, что за углом дома происходит перестрелка.

«Неужели, наши вышли из укрытия? - с недоверием подумал он. - Невозможно. Но, кроме бригадиров, вроде некому».

Хотя, кто бы это ни был, перестрелка заглушила выстрелы, и взрыв гранаты на лестничной площадке. Значит, каратели пока не догадались, что здесь произошло. Виктор почувствовал облегчение. Вдруг появился призрачный шанс незамеченным выбраться отсюда. Но удастся ли в таком состоянии?

- Ты, Олежка, поможешь, или своим сдашь? - испытующе посмотрел на приятельского сына Виктор.

Подросток сгорбился и спросил:

- Что делать, дядя Вить?

- Не бойсь. Мне бы только отсюда выбраться.

Олег кинулся к погибшему напарнику, и принялся торопливо стаскивать с него куртку.

- Ты, дядя Вить, «шелест» одень и каску, - пояснил он раненому другу отца. - Там, в суматохе, не сразу разберутся, что по чём.

При помощи подростка Виктор поднялся на ноги, натянул боевую куртку погибшего карателя, и на голову одел каску. Теперь он мало чем отличался от командосов. Только бы, не столкнуться лоб в лоб с кем-нибудь из них. Своих командосы знают в лицо.

Спуск занял две минуты, в течении которых Виктору пришлось собрать волю в кулак, чтобы не потерять сознание. Внизу Олег выглянул на улицу, и удовлетворённо выдохнул:

- Никого.

Они поспешно, почти бегом, пересекли открытое пространство до дворовых посадок. И вовремя, стрельба за углом дома прекратилась. Не опасаясь карателей, прошли через оставшуюся часть двора до самого угла соседнего дома. Посадка надёжно скрывала их. В соседнем переулке Виктор остановился. Только теперь он почувствовал, что шёл на одной воле.

- Всё, Олежка, больше не могу, - признался бригадир. - Пожалуй, здесь до ночи передохну. А ты сам решай, со мной оставаться, или к своим возвращаться.

Подросток кивнул, и продолжил придерживать бригадира.

- Всех вас убьют, - угрюмо предсказал он участь бригадиров. - А к своим мне возврата тоже нет. Как объяснишь, что все погибли, а я один целый, и невредимый. За труса примут, и пришибут. Может, мы с тобой, дядя Вить, вместе уйдём? Через оцепление я тебя проведу. На лбу у тебя не написано, что ты мятежник. А оцепление пройдем, на машину, и дёру. Нынче город пустой. Всех разбросали, кого на Оренбургский тракт, кого в Залесный, а нас сюда. В городе только Гвардия Алима в Кремле. Да, на стадионе ополченцев с округи собирают.

- А как же, вертолёты? - поинтересовался Виктор.

- Какие вертолёты в тёмное время?

- И правда, - воспрянул духом Виктор. - Надо об этом нашим рассказать.

- Толпой отсюда не выбраться, - скис Олег. - Заметят. Завтра сюда батальон ополченцев перебросят. Не меньше четырёх сотен душ. Раздавят они вас.

- Как знаешь. Я к своим пойду, - твёрдо произнёс бригадир.

- Прощай, дядя Вить, - с досадой в голосе сказал юноша.

Он коротко кивнул, отвернулся, и побежал через улицу.

ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ ГЛАВА

Скоро Казань. Вроде бы совсем недавно Андрей покинул этот город, но кажется миновала целая вечность.

За время перелёта никак не удавалось избавиться от мыслей, навеянных последним разговором у костра. Сначала он рассказал детям о чувствах к Изабеле. Затем о планах перебраться в подваршавский посёлок, на что они отреагировали спокойно, и с пониманием. Мир изменился, и своими суровыми законами заставил по-новому взглянуть на жизнь.

- В Польше русофобия процветает, - внёс сумятицу Рогожин.

- Ну, это не так, - поспешил заверить в обратном Томек. - Властителей ваших за имперские амбиции, и правда не любят, а к простым людям поляки относятся нормально. И русскую культуру обожают. Все мы славяне. Есть у нас *ошоломы*³⁶. Как и у вас.

- Вера у нас не совсем того... - Рогожин покрутил задранной над головой указательным пальцем, - разная. И ценности отличаются.

- Ценности сейчас у всех одни – жизнь наладить, - упрямо мотнул головой Томек. - И наше руководство самоорганизоваться успело, чтобы не дать победить разброду.

- Дай-то Бог, - пожал плечами Рогожин. - Порядок быть должен. Только чует моё сердце, в верхушке у вас опять окажутся одни русофобы.

- Такого не будет, - снова заверил Томек. - Даже если сейчас там найдутся горячие головы, всё равно каждая голова, и дополнительные руки на вес золота. Я лично знаком с начальником штаба нового правительства. И если что не так, в один момент решу все вопросы.

- С вертолётom не решил, - напомнил Андрей.

- С вертолётom не решал, - поправил Томек. - Если бы он меня увидел, пришлось бы тебе самому детей искать. Сам же видел, что там творится. С

³⁶ Ошолом (польск) - урод

моей квалификацией не придётся дома сидеть. И с русофобами как-нибудь справимся. А не справимся, заберём Агнешку с Изабелой, и вернёмся в Казань.

- Договорились, - засмеялся Андрей. - Земля, она большая, и места сейчас всем хватит.

Вертолёт перелетел Волгу, прошёл над устьем Казанки, оставил справа по борту живописную архитектуру Казанского Кремля, и оказался в районе проспекта Ямашева. Снизу на них понуро уставились пустые выгоревшие глазницы окон. Это всё, что осталось от дома Андрея. С первого взгляда он понял, приземляться нет нужды.

- Куда теперь? - нетерпеливо спросил Томек по внутренней связи.

- Здесь делать больше нечего, - разочарованно ответил Андрей. - Летим к коттеджу, может, там всё в порядке. Потом тещу проведем, брата навестим, и можно на Пензу путь держать.

Андрей указал Томеку направление на коттедж, и тот уверенно направил вертолёт по указанному курсу. То, что они видели под собой, пролетая над улицами Казани, мало чем отличалось от картинок, которые видели в других городах. Тот же налёт угрюмой отрешённости, и заброшенности. И так же, как и везде, на плане осиротевших микрорайонов города виднеются выгоревшие остовы домов, и раскуроченные автомобили.

Томек приземлил вертолёт неподалеку от коттеджа Ларисы. Около ворот покоятся останки навеки уснувшего охранника в камуфляже. Андрей миновал покойника, и вошёл в дом. Блистательный богатым интерьером, дом встретил его, словно опустевший сказочный замок в сонном царстве. Мебель и полы в комнатах успели покрыться пылью, и показались Андрею чужими. Впрочем, для него этот дом был чужим всегда. Но сейчас от всего, что осталось здесь с момента катастрофы исходит тревожное ожидание. Почему-то, не хотелось гнетущего покоя осиротевшего жилища нарушать.

Андрей прошёл в гараж. С невыразимым укором уставились на него Ларисины автомобили. Они застыли в напряжённом оцепенении в тоске по своей хозяйке. Андрей вернулся в дом, забрал из шкафчика ключи от квартиры тещи, уверенно отсоединил от проводов компьютер, который содержал в себе памятную семейную информацию, фотографии, разные копии документов, и без колебаний покинул коттедж.

- Вот и всё, - констатировал этот факт Игорёк, который так и не решился пересечь порога своего дома. - Может, когда-нибудь вернёмся сюда?

- Время покажет, - неохотно подтвердил Андрей, подал компьютер Рогожину, и обратился к Игорьку: - Ты ничего не возьмёшь отсюда на память?

- Мы с Милкой решили всё с чистого листа начать, - уверенно заявил Игорёк.

Из калитки соседнего коттеджа выпорхнула Милка. Она забралась в салон вертолётa, и захныкала:

- Где же, Лианка?

- Какая Лианка? - не понял Андрей.

- Галеева Лианка, - пояснил Игорёк. - Мы с ней по телефону уже после катастрофы общались.

- Не пропадёт, - пожал плечами Андрей. - Люди помогут.

Следующую посадку совершили в пригороде Казани неподалёку от крупнопанельного дома. Здесь жила тёща. Андрей поднялся вместе с Игорьком на третий этаж, и ключом открыл запертые двери. Квартира пуста. Всё показывало, что тёща после случившегося здесь не появлялась.

- Наверное, бабуля в твоей квартире на Ямашева была, - догадался Игорёк.

Иногда она присматривала за квартирой Андрея, пылесосила, подливала цветы. Андрей кивнул на дверь:

- Теперь, к дяде Вите.

Нечасто бывал Игорёк у своего дяди. Почему-то вспомнились оладьи, которыми угощала тётка Оксана. Давненько ничего подобного не пробовали. Вот бы тётка Оксана... Впрочем, при чём здесь оладьи? Игорёк разозлился на себя. Как может он мечтать о каких-то оладьях, когда ближайших родственников возможно уже нет среди живых. Сумели ли они пережить страшный катаклизм? Игорёк суеверно поплевал три раза через плечо, поднялся в салон вертолётa, и принялся торопливо уверять себя, что найдут обоих.

Томек выслушал поучение относительно нового маршрута, и высказал пожелание:

- Нужно до горлышка заправиться, а потом хоть трава не расти. Всех родственников твоих, и знакомых навестим. Где здесь заправка?

- Можно на заводской аэродром, - устало вздохнул Андрей, и указал направление.

Вскоре были на месте. На лётном поле в строгом порядке расположились несколько гражданских «тушек», чуть поодаль пара грозных бомбардировщиков, и несколько вертолётов, но людей не видно. Томек приземлил машину поближе к вертолётам, и только тогда заметил хозяев. Он отключил двигатели, и кивком указал на механиков в засаленных робах, которые возились с Ми-восьмым:

- Коллеги.

Механики, один пожилой, другой помоложе, оставили инструменты, и с интересом обратили на них взор. По привычке, Андрей первым спрыгнул на бетонное покрытие, чтобы пообщаться с ними.

- Кажись, не наши, - с сомнением произнёс тот, что помоложе.

- Козе понятно, - откликнулся другой, и почесал затылок. - Серьёзная машина.

- Здорово, земляки, - дружелюбно обратился к ним Андрей. - Бог вам в помощь.

- И вам того же, - отозвался старший. - Куда путь держите?

- Да, в общем-то пока никуда, - уклончиво ответил Андрей.

Из салона вертолёта выскочил Кореш, за ним на землю попрыгали Игорёк с Милкой, степенно спустился, и расправил затёкшие члены Рогожин. Молодой разглядел бело-красные квадратики на борту вертолёта Томека, и заинтересованно спросил:

- Чей знак там намалёван?

- Польской авиации, - с готовностью ответил Андрей.

- Так вы что, с Польши мудохаетесь? - удивился молодой.

- Оттуда, - подтвердил Андрей и закинул удочку: - Нам бы подзаправиться немного.

До сих пор проблем с этим не возникало. На этот раз механики хмыкнули, и отрицательно замотали головами.

- С этим у нас строго. Без разрешения Алима ни грамма не дадим.

- А где он? - нетерпеливо спросил Андрей.

- В Кремле, - степенно ответил пожилой.

- Далековато, - поморщился Меженков. - Ладно, мужики, что вы в самом деле? Может, договоримся?

- Не договоримся, - наотрез заявили механики.

- Да, ладно, вам, - недоверчиво поёжился Андрей. - Всё-таки, земляки.

Механики переглянулись, и расхохотались.

- Дядя пошутил, - сквозь смех высказался молодой. - Землячок из Польши.

- Из Казани мы. Только вертолёт оттуда, - миролюбиво объяснил Андрей.

Молодой ощерился:

- Х-ха, был оттуда, стал отсюда.

- Да вы, я думаю, брата моего знаете, - сделал новую попытку договориться Андрей. - Виктор Меженков.

Пожилой согласно кивнул:

- Знаю такого.

- Не знаешь, что с ним? - с надеждой напрягся Андрей.

- С тех пор, как это случилось, не видел его, - похоронил надежду пожилой.

- Мы к нему летели, - пояснил Андрей. - Может, жена его уцелела.

- Никуда вы отсюда не полетите, - снова ощерился молодой. - Не выйдет без разрешения Алима.

Андрей огрызнулся:

- Тогда вызывай своего Алима, да побыстрее.

Молодой хлопнул себя по бёдрам:

- Ну, ты сказал, вызывай! Он те враз вызовет. Ты, браток, отдохни немного, а я тут кое-кого свистну. Они вас к Алиму, и доставят.

- Что ты сказал? - с недоверием уставился на молодого Андрей. - Вижу, парниша, ты берега попутал. Нет у нас времени на прогулки.

Молодой встал в позу эдакого молодца, и нагло уставился на Андрея:

- А куда вы денетесь?

Андрей набычился, прищурился, и зло процедил:

- Куда, говоришь? Не ты ли нас заставишь?

- Ишь ты, какой, - расхорохорился молодой. - Вам же хуже будет. Нынче, дядя, у нас разговор короткий. Цементные башмаки на ноги, и в Казанку.

Андрей оцепенел, на шее вздулись крутые пульсирующие жилы, щёки заалели пылающим кумачом.

- В Казанку, говоришь? - переспросил он, чеканя каждое слово.

- Не сразу в Казанку, - лихо сплюнул сквозь зубы, и продолжил кочевряжиться молодой. - Для начала к Алиму.

- Да, будет тебе, - испуганно одёрнул его пожилой. - Вы бы, ребята, летели отсюда подобиру-поздорову.

- Ты уверен? - не обращая внимания на пожилого, заартачился Андрей.

Рогожин понял, что происходит что-то неладное, поманил Милку, и отступил с опаской к вертолёту. Игорёк же напротив, опустил правую руку в карман, и приблизился к отцу.

- Я отвечаю, - лихо ковырнул ногтем зуб молодой.

- Ну, вижу, ты крутой малый, - прорычал Андрей, и оглянулся на вертолёт.

Молодой засунул руки в карманы, сплюнул сквозь зубы, и дерзко уставился на Андрея. Пожилой растерянно переводил взгляд с Андрея на молодого, и обратно. Дуэль взглядами Андрея с молодым затягивалась.

- Христом-богом прошу, улетайте, - просительно заканючил пожилой. - Мы люди маленькие. Нам не полагается такие вопросы решать.

- Да, ты что, Михеич, - рассердился молодой, - такой машине улететь позволяешь? Алим, если узнает, ноги вырвет, и в задницу вставит.

- Если трепаться не будешь, не вставит, - возразил пожилой. - Никто даже знать об этом не будет.

- Ну, да, - притопнул ногой молодой. - А охрана?

- Те обормоты, - пожилой кивнул на ангар, - день и ночь в карты режутся, и водку глушат. Небось, думают, свои прилетели. Будь ты человеком, отпусти людей. Свой же человек, Виктора брат.

- Вот именно, парень, отпусти-ка нас по-хорошему, - понизил голос Андрей. - Только не забудь вертолёт заправить, если дырку в голове получить не хочешь.

- Чё ты сказал? - оторопел молодой.

Глаза его недобро блеснули. Он готов был сцепиться с Андреем, но вдруг заметил в руках Томека автомат, резко изменился в лице, и тоскливо глянул в сторону ангара. Положение изменилось. Пожилой прав, ждать помощи от охраны не приходилось.

Под дулом автомата он подогнал заправщик к чужому вертолёту, и заправил его горючим. Как только вертолёт поднялся в воздух, молодой механик с проклятьями в сторону «бдительных» охранников припустился к аэровокзалу.

Неприятный осадок, который остался у Андрея из-за конфликтной ситуации в аэропорту, попытался Томек развеять. Он загорланил на своём языке песню о «соко́лах», и лихо сделал оборот на триста шестьдесят градусов вокруг оси, чем вызвал бурные протесты пассажиров десантного отсека.

В считанные минуты покрыли расстояние от аэропорта до дома Виктора. Ещё с воздуха Андрей заметил, что дома в микрорайоне брата

разрушены меньше, чем в других районах города. Вместе с тем было в этой нетронутости нечто настораживающее. Как подтверждение этому, возле дома чернел сгоревший бронетранспортёр. Как на грех самым удобным местом для посадки было около сгоревшей машины.

- Что за шутки? - озабоченно пробормотал Томек. - Война здесь что ли в самом деле?

Андрей не стал дожидаться, пока пропеллеры перестанут сметать с земли мусор, и соскочил на землю. На всякий случай снял автомат с предохранителя. Тем более, что вокруг сгоревшего бронетранспортёра беспорядочно валялись тела военных, а следы боя относительно свежие. Игорёк появился рядом, и что-то сказал. Шум двигателей не позволил разобрать слов. Андрей сделал знак быть осторожным, и двинулся вперёд, озираясь по сторонам. Рядом с беспокойным повизгиванием заковылял Кореш. Они завернули за угол дома, и с тревогой глянули на мёртвые окна. Надежда найти родственников поубавилась. Но Андрея это не остановило.

Они вошли в подъезд, и почувствовали себя не в своей тарелке. Здесь не ощущалось привычного трупного запаха, только господствовал запах тротила. Выверяя каждый шаг, поднялись по лестнице на нужный этаж, где открылась, и вовсе неприглядная картина. Стены на площадке иссечены осколками, лестничный пролёт разворочен, в лужах застывшей крови валяются трупы военных в камуфляже. У Кореша на загривке вздыбилась шерсть. Он трусливо спустился этажом ниже, и оттуда подал голос.

Дверь в квартиру Виктора широко распахнута. Андрей с Игорьком осторожно переступили через трупы, вошли внутрь, и прошлись по комнатам. В спальне обнаружили труп незнакомца в тельняшке. В кухне раздался залиvistый лай Кореша, который всё-таки поднялся в квартиру. Андрей ринулся туда, каждую секунду готовый применить оружие. Но этого не потребовалось. Он увидел, как Кореш скачет вокруг всклокоченного кота, который отчаянно фыркает, и держит в боевой готовности когти.

- Это же, Тимка, - удивлённо протянул из-за спины Игорёк.

И действительно, всклокоченное чудище отдалённо припоминало любимца Оксаны.

- Пап, давай возьмём его с собой? - просительно протянул юный Меженков.

- Почему бы, нет, - согласился Андрей, и прикрикнул на пса. - Кореш, свой!

Кореш остолбенел. Он поверить не мог, что это безобразное чудовище может своим быть. Но раз хозяин так сказал, наверно так оно и есть. Кореш успокоился, и вильнул хвостом. Затем, чтобы кот понял, что дружелюбный жест не адресован ему, пёс демонстративно от него отвернулся.

- Он у них страшно домашний был, бедолага, - расчувствовался Игорёк, и поспешил взять кота на руки.

Даже на руках подростка Тимка продолжал шипеть, всеми четырьмя лапами вцепился в рубашку, и до боли поцарапал Игорёку кожу на груди. Игорёк поморщился от боли, но не выпустил кота.

Перед тем, как уйти, Андрей размашисто написал фломастером на стене: «Виктор, Оксана, мы в живы, и уезжаем в Варшаву. Андрей, Игорь и Мила». Если брат со снохой живы, из этой надписи они узнают о судьбе ближайших родственников. А больше трудно что-либо сделать.

С чувством исполненного долга Андрей с Игорёком, вышли на улицу, завернули за угол, и остолбенели. На них с автоматом наизготовку, надвигался чернявый парень с татарскими чертами лица. А из-за сгоревшего бронетранспортера, на кабину вертолётá направил гранатомёт рыжий коренастый парень в бронежилете. Ещё два бойца целились из автоматов в открытый люк вертолётного салона.

- Мужик, бросай оружие! - закричал на Андрея чернявый.

Кореш зарычал, и двинулся на крикуна. Из опасения за судьбу овчарки, Андрей окликнул:

- Назад!

Повизгивая, пёс отступил. Но по его виду было понятно, что он готов вцепиться в первого, кто рискнёт приблизиться к хозяину.

- А ну, бросай оружие, говорю! - раздражённо рявкнул чернявый. - И ложись, сука, на землю, пока не пристрелил.

Андрей закусил губы, выпустил автомат из рук, ногой отпихнул его в сторону чернявого, и неспешно опустился на колени. Не выпуская Тимку из рук, рядом присел растерянный Игорёк. Он еле слышно шепнул:

- У меня пистолет есть.

Андрей понял, что пользы от этого пистолета никакой, а пристрелить из-за него могут.

- Не смей, - еле слышно запретил сыну.

Боец в надетом поверх тёмной футболки бронежилете, и тёмно-серых штанах с множеством кармашков вплотную приблизился к люку салона вертолётa. Грозно скомандовал:

- Выходи по одному без оружия, и мордой в землю!

Рогожин с Милкой поспешно покинули салон, и послушно легли на землю.

- Не вас касается, - пробормотал боец, и раздражённо прикрикнул, потрясая автоматом: - Быстрее, я сказал!

- Там больше нет никого, - подсказал Рогожин.

- Как это нет? - недоверчиво почесал подбородок автоматчик. - А командосы где?

- Какие ещё командосы? - удивился саратовчанин.

- Спецназовцы, - промолвил боец. - Или, как вы их там называете?

- Никого там нет, - пожал плечами Рогожин.

Боец опасно заглянул внутрь салона, и удивлённо протянул:

- И правда, никого.

Чернявый повеселел:

- Не обессудь... но вертушку мы реквизируем. Гражданские с нами полетят.

Новоявленные пираты подняли на ноги Рогожина с Милкой, и подтолкнули к вертолёту. У Андрея засосало под ложечкой. Чернявый склонился над автоматом Андрея, и тут же оказался на земле, сбитый с ног Корешем. Зубы пса угрожающе сдавили чернявого за горло. Андрей резко поднялся с земли, набычился на захватчиков, и грозно зарычал:

- Так мы не договаривались!

Он вдруг почувствовал свою власть над ними. Уверенно подошёл к чернявому, и забрал автоматы. Затем придержал Кореша, чтобы, случайно, не загрыз пирата, и сурово глянул на рыжего. Тот без опоры отдал гранатомёт. Рогожин подбежал к Милке, и помог ей забраться в салон. За ними к вертолёту побежал Игорёк с Тимкой на руках. Андрей не отводил глаз от захватчиков. Он дождался, пока Рогожин с детьми займут место в салоне, и также пошёл к вертолёту. Неожиданно боец в тёмной футболке, занявший позицию около люка, заплакал.

- Христа ради... Что вы за люди такие? Хотя бы женщин с детьми не трогайте.

Андрей остановился. Из глаз бойца текли неподдельные слёзы.

- Каких женщин? - растерянно пробормотал он. - Вы вроде бы на женщин не похожи.

- наших женщин с детьми, - повторил боец.

- Сумасшедший дом, - растерялся Андрей. - Сами на нас напали, а теперь просите женщин ваших не трогать. На кой они нам сдались, скажи на милость?

- Алим по радио грозился порешить всех, вместе с женщинами и детьми.

- Разве вы не от Алима? - резво подскочил чернявый.

- Опять этот Алим, - нахмурился Андрей. - Знать мы не знаем вашего Алима. Но я уже на дух его не переносу.

Чернявый встрепенулся, и скороговоркой выпалил:

- Так вы пришлые. Не при делах? Тогда помогите нам, если можете. Бандиты нас, как волков здесь обложили. Мы бы и сами прорвались, но с ранеными, женщинами и детьми невозможно. Если не поможете, хана нам всем будет. Долго не продержимся.

- Да вы что, ребята, шутите? - удивился Андрей. - Чего вам не хватает-то? В войну поиграть захотели?

- Говорю же, бандиты одолевают, - с надрывом процедил чернявый.

- Значит, это бандитских рук дело? - кивнул в сторону трупов Андрей.

- Нет, это наша работа, - возразил чернявый. - Мы вчера вечером их тут пощипали, когда остальные бандиты дом шмонали.

- Так вы местные? В этом микрорайоне живёте?

- Да.

- Добро, - решил Андрей. - Раз бандиты чинят здесь беспредел, грех не помочь, если не врёте, конечно. Быстрее давайте сюда женщин с детьми. Дай Бог, вывезем.

- В общежитии они, - нахмурился чернявый. - Здесь, неподалеку.

Вдалеке прозвучал выстрел, второй. Андрей вздрогнул от неожиданности, и глянул в сторону, откуда прозвучал выстрел:

- Что это?

- Не знаю, - неохотно признался чернявый. - Может, наши отвлекают бандитов. А может...

Он насупился. Но Андрей понял, о чём подумал чернявый.

- Живо в салон, - скомандовал Андрей. - Разберёмся.

Уже на подлёте к общежитию стал ясен масштаб местного конфликта. На главной дороге сосредоточилось не меньше двух сотен человек. Неподалёку разворачивался танк. Чуть далее ревели моторами БМП, и тройка бронетранспортёров. Трудно поверить, что бандиты так

многочисленны. Может, подобранные бойцы кривят душой? И не те, кто внизу, а именно они бандиты? Андрей включил селекторную связь с салоном:

- Не нравится мне это. Давайте-ка, без вранья, что здесь происходит.

В селекторе слышались взволнованные голоса местных:

- Опоздали.

- Всё-таки, нашли.

- Может, из гранатомёта пальнуть?

- Алло! - привлёк к себе внимание Андрей. - Можете без этих самых штук? В конце концов объясните, что здесь происходит.

- Мы же говорили, бандитский президент отдал приказ расстрелять жителей микрорайона, включая женщин и детей.

Это был голос чернявого. Андрей не поверил.

- Что-то не верится.

- Что вам там не верится? Бандиты народ терроризируют. Армию создали, и всех, кто не подчиняется, в расход.

Андрей задохнулся гневом:

- Да, за такие вещи...

- Об этом мы и толкуем, - простонал чернявый.

Андрей глянул вниз. Речи о том, чтобы забрать кого-то из общежития, уже не шло. Единственно возможное для посадки место находилось под контролем бандитов, которые в этот момент задрали головы, и без страха взирали на вертолёт. Видно за своих приняли.

Виктор сделал на вертолёте небольшой круг, чтобы лучше понять ситуацию внизу. Андрей заметил ещё одну группу бандитов, которая со стороны палисадника, и автомобильной стоянки, обходила группу домов, окружающих общежитие. По существу, общежитие оказалось в кольце. С главной дороги съехал танк, и двинулся к проходу между домами. Ломая штакетник, он въехал во внутренний двор. Перед ним вздыбилась земля, но на танк это не слишком подействовало. Он развернулся, и пополз к общежитию. Перед ним вздыбился новый снап взрыва. Танк прополз ещё несколько метров вперёд, и перед самой стеной трёхэтажки заюзил.

- Гусеницу потерял, - догадался Томек.

- Четыре выстрела из гранатомета оставалось, - озабоченно прокричал в переговорное устройство рыжий гранатометчик.

Его заботит своё. Томек решил:

- Надо помочь.

Андрей с недоумением глянул на бандитов внизу.

- Как?

- У нас пулемёт есть, - подсказал поляк. - И я его под завязку зарядил.

- Хм, - задумался Андрей. - По нам из ПЗРК не врежут?

- Надеюсь, нет, - ответил Томек. - Они ведь чисто земные задачи решают. Зачем им ПЗРК?

- Ну, да. Только дивно как-то. Столько бандитов. Может этих бойцов насильно сюда пригнали?

- Смотри сам.

- С другой стороны, они местных жителей пришли убивать.

«Возможно, среди них соседи Виктора, а может он сам? - подумал Андрей. - Что же я не спросил о нём? Хотя в такой ситуации соврут, и много не возьмут. А если Виктор среди тех, кто атакует общежитие? О чём это я? Правдолюб и правдоруб Виктор никогда не пойдёт жителей своего микрорайона убивать».

Этот аргумент решил дело. Андрей приготовился к стрельбе. Вертолёт завис над дорогой. Кто-то приветственно помахал рукой. за своих приняли. Руки сами нажали на гашетку. Под ногами бандитов в разные стороны брызнул асфальт, и людей охватила паника. Они заметались, и бросились укрываться под автомобилями. На открытом пространстве осталось лежать две неподвижные фигуры. Неприятный холодок прошёл по спине. Неужели он убил кого-то? Ведь не целился. Вертолёт стал медленно снижаться.

- По бакам целься, - подсказал Томек.

Андрей перестал соображать, и бездумно прицелился в бак большегрузного КАМАЗа. Пули щёлкнули по кузову автомобиля, но не причинили ему особого вреда. Вторая очередь попала в цель. Мощный взрыв потряс автомобиль. Из-под автомобиля выкатился живой факел, и через несколько метров уткнулся в землю. Бандиты в страхе повыскакивали из-под соседних автомобилей. Никому не хотелось заживо сгорать.

Томек заметил, как бандиты улепётывают к противоположному дому, и постановил:

- Хорош.

Он поднял вертолёт выше. Бронетехника осталась без живой поддержки, и также стала спешно покидать район сражения. Томек проводил взглядом расплывающуюся по разным концам микрорайона броневую мощь бандитов, и удовлетворённо причмокнул. Андрей незряче уставился перед собой. Перед глазами всё ещё маячил живой факел.

Вертолёт завис над крышей общежития, где по словам бойцов укрылись местные защитники.

- Ниже опуститься не могу, - заговорил Томек, - мешают антенны. Кому-то придётся спрыгнуть на крышу, и посбивать их.

В салоне возникло красноречивое молчание. Видать, бойцы сдрейфили.

- Быстрее думайте, - поторопил их Томек.

Никто не отозвался.

- Значит, желающих нет? В таком случае, адью... - Томек сделал красноречивую паузу. - Я пас.

- Может, на верёвке спуститься, - подал предложение чернявый.

- Нет у нас верёвки, - отрезал Томек.

Андрей словно очнулся. Он глянул на высоту, с которой нужно было бы скакать бойцам, и дрогнул. К тому же, Крыша покатаая, и наклон может трагическую роль сыграть в судьбе смельчака, который рискнёт на прыжок. В салоне вертолёта таких не нашлось. И тогда Андрей решился. Он отключил селекторную связь с салоном, чтобы его не слышали дети, и только для Томека сказал:

- Я иду.

Томек закашлялся, помыкал:

- Уверен?

- Уверен.

- Ещё одна проблема имеется...

Томек надолго замолчал, и как бы стал раздумывать, позволить ли Андрею на безрассудный поступок, или отказать ему. Наконец, он решился, и продолжил:

- Мы не можем долго висеть на одном месте. Чтобы не угробить двигателей придётся всё время дрейфовать вперёд. Если изловчиться, можно в салон успеть заскочить. Только не знаю, возможно ли при этом поднять на борт раненых, женщин и детей. Задача почти невыполнимая. Это нужно акробатом быть, или... суперменом. Впрочем, дело твоё.

- Наше дело, - поправил Андрей.

- Ладно, ты прав. Попробуем. Если получится, можем человек пятнадцать за раз забрать. Как только пригодишься, снизимся, и на минимальной высоте, насколько это возможно, буду дрейфовать. Береги себя.

Андрей снова посмотрел вниз, и решительно откинул стеклянную дверцу люка. Шум двигателей оглушил. Порывы ветра слепили глаза, и

сбивали дыхание. Он с усилием высунулся наружу, и глянул вниз. Сердце тревожно сжалось, но он решил не отступать. До ската крыши высоковато, но ниже опуститься не дают торчащие над крышей металлические стержни антенн. Он отчаянно вцепился руками в кромку борта, и перевалился наружу. Затем сосредоточился, скользнул ниже, зацепился за подножку, и прыгнул, стараясь на ноги приземлиться. Крыша спружинила, его подхватили завихрения, которые создавали винты вертолѐта, он потерял равновесие, и опрокинулся на спину.

Всѐ произошло так быстро, что Андрей даже испугаться не успел. Он скользнул вниз по наклонной плоскости, и непроизвольно раскинул руки. Силой инерции тело перевернуло через голову, и Андрей с ужасом почувствовал, как ноги летят в пустоту...

ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ ГЛАВА

Одной из старейших загадок человечества является сон. Многие философы и учёные посвящали и посвящают этому явлению исследования и трактаты. Выдающиеся умы бились над разгадкой значения сна. Но до сих пор никто так и не смог с полной уверенностью сказать, что же это такое, сон. Загадочное явление, которое сопровождает нас от самого рождения и до предсмертного одра, не находит полного объяснения ни в мистике, ни в науке. Робкие попытки объяснить отдельные его проявления, никак не укладываются в целостную картину. Они окружаются таинственным ореолом, если это касается мистики, и объясняются обычными физиологическими процессами, если это касается науки.

Кто-то утверждает, что сон – это пограничное состояние между бодрствованием и небытием. Другие верят в мистическое начало сна, его связь с высшими мистическими силами. Для третьих сон является вторичной реакцией нервной системы в состоянии покоя, которая вызывается остаточным возбуждением. Четвертые объясняют сон проявлением изменѐнного состояния сознания, или подсознания. Пятые находят во сне проявление высшей природы человека, его божественной сущности. Шестые определяют сон, как реакцию притупленного покоем организма на внешние раздражители. Седьмые связывают его с различными психосоматическими реакциями. И так далее, и тому подобное. И первые, и вторые, и пятые, и десятые правы, и неправы

одновременно. Сон является целым комплексом противоречивых состояний, в том числе необъяснимых с точки зрения логики. О сне нельзя сказать, что является первичным проявлением, что вторичным, что в нём важно, а что второстепенно. У сна есть свои незримые закономерности, и неожиданности. Сон – это всегда загадочное, необъяснимое. Сон – это целый мир со своей драматургией. Сон – это своеобразный анклав невероятных событий. Это место, где имеют возможность реализоваться самые несбыточные мечты.

Во сне люди видят то, что с ними когда-то произошло, и то, чего прежде с ними никогда не случалось. Иногда, сон рассказывает о событиях, которые происходили сотни, и даже тысячи лет назад, переносит спящего в страны и континенты, где прежде он никогда не бывал, сталкивает с различными людьми. Иногда, уносит в далекое будущее, или заставляет развязывать абстрактные ситуации, которые граничат с бредом. Столько разных проявлений сна существует, сколько пожалуй звёзд на небе. Впрочем, ни то, ни другое неизмеримо.

Существуют люди, способные объяснять значения сна. Известно даже целое направление некой мистической науки, которое пытается эти наблюдения систематизировать. Затем полученные выводы публикуются в многочисленных сонниках. Но и здесь существуют разночтения и разногласия между исследователями. Можно ли серьёзно подходить к сонникам? Можно ли верить подобным исследованиям? Можно в это верить, можно не верить, но дыма без огня не бывает. И проблема заключается вовсе не в том, истинны ли эти исследования, а правильны ли выводы, которые из них вытекают. Человек склонен ошибаться. На то он и человек.

Абсолютное большинство из нас, людей, не обладает наблюдательностью, способностью к концентрации и мобилизации. В состоянии сна люди становятся беспомощными. Впрочем, иногда во сне человек вооружается необходимыми знаниями, получает дополнительные силы, нужные для решения какой-то задачи. Известны случаи, когда людям с особыми сверхчувственными способностями удавалось научиться управлять своим сном, и видеть гораздо больше, чем это удастся тем, кого во сне посещают только самопроизвольные картинки. Обычно такой сон оказывает большое влияние на жизнь этих людей.

С некоторых пор, Изабела почувствовала в себе необъяснимую способность видеть во сне не только прошлое, или абсурдные, ни с чем не

связанные картинки, но и образы событий, которые вполне реально происходят в других местах, с другими людьми, и даже события будущего. Она видела предшествующие событию сны, или, как их обычно называют, пророческие сны. Иногда видела города и поселки с высоты птичьего полёта. Как будто душа, залетев вперёд во времени, вселялась в какую-то птицу, чтобы обозреть с высоты грядущие события. После пробуждения она пыталась значение очередного видения понять, объяснить, расшифровать. Зачастую, во сне приходили решения некоторых проблем, и предупреждения о возможных неприятностях, которые ожидали её саму, или кого-то из близкого окружения.

Изабеле казалось, что необычный дар пророческих снов ей принесла неведомая болезнь, которая проникла глубоко в мозг в результате потрясения, вызванным катастрофой. На это указывали также участившиеся головные боли с одышкой, преследующие её с недавнего времени, и чувство непонятного страха, парализующего волю, и невыносимые боли внизу живота.

Большинство поселенцев, которых она старалась уберечь от какой-нибудь пакости, относилось к причудам Изабелы с терпимостью. Вокруг было много настоящих сумасшедших, и такой сдвиг не считался серьёзной проблемой. Тем более, в остальном, она выглядела нормальной. Однако, кое-кто углядел в ней предвестницу несчастья, и начал её сторониться, и избегать. Тем более, что некоторые из предсказаний Изабелы начинали с пугающей неотвратимостью сбываться.

Впрочем, не всегда её сны предвещали несчастье. Иногда, во сне приходила мама. Её взгляд излучал необыкновенную теплоту и сердечность. Она молча и умиротворенно смотрела на дочь, и не позволяла приблизиться к себе, прикоснуться. Всем своим видом мама показывала, что там, куда она удалилась ей действительно хорошо, но для дочери вход туда пока закрыт. Пока?! Почему, пока? Хотя, задумываться над этим «пока» не хотелось. Только сейчас Изабела поняла, как не хватает ей мамы. Она спешила поделиться с ней самым сокровенным, пробовала понять, как отнеслась бы она к её новой любви. Отца, который умер много лет назад, Изабела почти не помнила, и он приходил реже, образ его был расплывчатым и непонятным. Обычно он строго смотрел на дочь, и молча удалялся. Пару раз во сне промелькнул бывший муж Бартек. Но оба раза внимания на его образе Изабела не заостряла, так что через минуту ничего не напоминало о мимолётном визите.

Удивительны были сны, в которых присутствовал Андрей. Всё-таки, привязанность к этому человеку не могла не сказаться на сне. Порою, это было своеобразным исполнением желаемого, сладкой мечтой. Но чаще она видела сценки с участием Андрея в незнакомой местности, и с незнакомыми людьми. Были ли эти сценки проекцией, отображением действительных событий, или увиденные образы были произвольной фантазией истосковавшегося воображения, проверить она не могла, но чувствовала, что они не обманывают.

Образы были расплывчатыми, с яркими стробоскопическими проявлениями, которые позволяли разглядеть отдельные детали. Так она увидела своего возлюбленного над незнакомой могилой, и догадалась о гибели жены Андрея. Потом увидела его вместе с детьми, и поняла, что он нашёл их. Во всяком случае, она узнала в подростках тех самых, которые когда-то привиделись ей над трупом незнакомой женщины. Также она вдруг ощутила неведомую опасность, которая нависла над ними. Затем нелепые образы показали тучи, которые сгущались над Андреем. Изабела почувствовала, что жизни его угрожает неведомая опасность, и ничем помочь она ему не может. Она почувствовала, что с Андреем случилась беда, и проснулась в холодном поту. Сон, как рукой сняло. Долгое время Изабела места найти не могла от страха. С пониманием, что заснуть не удастся, Изабела растолкала мирно посапывающую Агнешку.

- Боюсь я за Андрея и его детей, - прижалась она к плечу подруги.

- Что тебе в голову взбрело? - кутаясь в одеяло, встревожилась Агнешка.

- Не знаю, как тебе сказать, - поморщилась Изабела. - Боюсь, как бы это правдой не оказалось.

Агнешка побледнела.

- Да, что ты в самом деле? Опять приснилось что-то? - зябко поёжилась она.

- Вот именно, приснилось, - всплакнула Изабела. - Будто, сын у Андрея в болоте завяз, а он пошёл за ним, пошёл... пошёл за ним...

- Да, что с тобой, подруга? - Агнешка по-матерински прижала к себе белокурую головку. - Ничего с ними не случится.

- Дай-то, Бог, - прошептала Изабела. - Дай-то, Бог. Дай Бог, чтобы ничего не случилось... Тебя, Агнешка, тоже видела. Боюсь я.

- Да, что ты, в самом деле, - встрепенулась Агнешка. - Не пугай меня. Беду накличешь.

- Будто ветром тебя унесло, - шёпотом продолжала свои предсказания Изабела. - Далеко унесло, за Вислу.

- Перестань ты, - оттолкнула от себя подругу Агнешка. - Каким ещё ветром?..

- Я о Военно-Технической Академии думаю. Ведь они и до нас доберутся.

- А что в этом плохого? Какая-никакая, но власть.

- Вот именно, - Изабела сжалась в комок. - Ты ведь одинокая. Запросто мобилизуют тебя, заберут. А парней наших, если вернутся, за угон вертолёта тоже по головке не погладят.

- Не преувеличивай, - укоризненно покачала головой Агнешка. - Томек вернётся, и всё уладит. Увидишь, он там серьёзную должность получит. Ещё большим начальником будет. А мы при нём, как у Христа за пазухой.

- Не будет такого, - упрямо прошелестела Изабела. - Сердце моё беду чувствует.

Бесполезно было спорить, что ожидает их в ближайшем будущем, поэтому женщины в ожидании скорого рассвета надолго замолчали. Проще размышлять о своих любимых, которые улетели в далёкий, и оттого неприветливый в своей неизвестности край, где от всего могла угроза исходить.

Что касается угрозы со стороны Военно-Технической Академии, ситуация прояснилась в тот же день. Изабела развешивала во дворе бельё, когда послышался глухой стрекот вертолёта. Неужели Андрей с Томеком возвращаются? Она задрала голову, и увидела винтокрылую машину. Сердце ёкнуло, бешено забилося, готовое вырваться наружу. Она выронила простыню, и помчалась, цепляясь за кусты, на открытую площадку перед особняком.

Когда вертолёт снизился настолько, чтобы можно было его рассмотреть, стало понятно, машина вовсе не похожа на ту, на которой улетели Томек с Андреем. Вертолёт оказался крупнее, с более округлыми формами.

После приземления оттуда попрыгали на притоптанную землю, позвякивая оружием, незнакомые люди в военной форме. Деловито, без суеты, военные установили около вертолёта складной стол со стульями. На столе появился портативный компьютер с принтером, и какие-то папки с документами. Высокий тощий офицер с короткой стрижкой и аккуратными усиками включил мегафон, и предложил жителям селения

собраться у вертолѐта. Люди не чувствовали в этом визите угрозы, и сами охотно спешили сюда. На лицах поселенцев была нескрываемая радость по отношению к гостям. Они были наслышаны о новой власти. Многие надеялись на помощь, и заботу от возрождающегося государства. Верили, что оно поможет навести порядок. Всем уже надоело жить в жестоком мире бесправия.

Офицер деловито перебирал на столе бумаги, и ждал, когда около вертолѐта соберѐтся больше народу. В его облике было нечто неприятное. То ли взгляд исподлобья, который иногда бросал на окружающих, то ли манера держаться, высокомерная, с налѐтом цинизма. А может он просто устал от постоянных перелѐтов, и разговоров с потерянными людьми. Время от времени офицер подходил к кабине вертолѐта, и разговаривал по рации. Тогда голос его становился уверенным. Он чѐтко и отрывисто формулировал фразы. Вскоре, когда большинство поселенцев было на месте, он обратился к ним.

- Пани и Панове. Мы представляем государственную власть. Верховная Комиссия Легиона спасения взяла на себя ответственность за возрождение нового Польского государства. В соответствии с Указом Верховного Комиссара, мы регистрируем граждан Польской Республики. Объявляется мобилизация граждан в возрасте от шестнадцати до шестидесяти лет для прохождения службы в военизированных подразделениях. Остальных граждан будем привлекать для работы в специализированных гражданских организациях. Всем иноземцам, которые оказались на территории нашего государства, предписываем немедленно покинуть пределы Польской Республики. Указ Верховного Комиссара обязателен для исполнения всем, кто присутствует на нашей территории.

Предписание Верховного Комиссара по отношению к иностранцам, ввело Изабелу в оцепенение. Она поверить не могла, что Указ может правдивым быть. Агнешка сочувственно обняла её, и до боли сжала плечо. Изабела всем телом повернулась к ней, и спрятала голову на её груди. Объясняться не нужно. Подруги поняли, что перед Андреем закрыли двери для возвращения.

- Виновных в нарушении Указа Верховного Комиссара, - продолжил высокий офицер, и бросил пронзительный взгляд на окружающих его людей, - будем в соответствии с особым положением привлекать для принудительных работ. При неподчинении, виновным грозит расстрел. Я подчеркиваю, этот Указ обязателен для исполнения. Мы, поляки,

приложим все усилия, чтобы в кратчайшие сроки восстановить, и укрепить государственную власть. Бог дал возможность нам, полякам, стать настоящими хозяевами в своей стране, и мы её используем.

Последнее вызвало возгласы одобрения поселенцев. Изабеле плакать от обиды хотелось. Слезы сами текли по щекам. Офицер продолжал читать постулаты, обязательные для исполнения польскими гражданами, но которые воспринимались поселенцами уже с умеренным энтузиазмом. Он упомянул о возвращении под юрисдикцию государства некоторых земель, которые в прошлом аннексировали у Польши другие государства. Никому не пришло в голову задать офицеру вопрос, каким образом обеспечить выполнение этого пункта Указа. Впрочем, и без того многие догадывались, что в будущем предстоят вооруженные конфликты с соседями.

Военные начали регистрацию поселенцев. Работа шла быстро. Трёх евреев пригласили в салон вертолёт. Оттуда до людей долетали отдельные фразы, которые позволяли понять, что эту тройку собираются насильно отправить за пределы Польши. О том, насколько сложным был разговор, говорили возбуждённо-озлобленные лица евреев, когда они появились на улице.

- И чего елозят? - недовольно поморщился Пан Тадеуш. - Пусть спасибо скажут за экстрадицию. Будь моя воля...

Старик держался воинственно. Он почувствовал, что пришёл его час. Теперь он развернуться мог. Нужно только, чтобы эмиссары Легиона заметили его, оценили, и поставили старостой посёлка. Тогда он всем покажет... В своей обычной манере пан Тадеуш стал без мыла лезть к представителям новой власти. Он встал около капрала, который производил регистрацию, и стал стервятником смотреть по сторонам. Иногда делал какие-то замечания в адрес поселенцев. Всем было понятно, своего шанса старик не упустит.

Добытчики, которые возвращались из города, не сразу сумели разобраться, что происходит в посёлке. Они расспрашивали тех, кто был в курсе событий. Вскоре почти всех, кого приютил посёлок, зарегистрировали. И тут выяснилось, что мобилизации подлежит большинство поселенцев, на которых держался посёлок. Среди тех, кто не подлежал мобилизации, за редким исключением, оказались нетрудоспособные старики с детьми. Без посторонней помощи продержаться этим людям представлялось весьма и весьма затруднительным. А такой помощи эмиссары не планировали. Наоборот,

обременили поселение обязательным налогом по продовольственным поставкам. Тех, кто оставался в посёлке обязали поставлять государству продовольствие. График продуктовых поставок офицер обещал прислать в ближайшее время. Мобилизованных поселенцев распределили по организациям, которые выполняли задачи по устранению последствий катастрофы, и войсковым подразделениям. До мест распределения всех обязали прибыть в течение трёх суток.

Изабелу от мобилизации спас маленький Кшиштоф. Худощавый офицер ознакомился с документами, и озлобленно сверкнул глазами. Тем не менее дал ей освобождение. Зато Агнешку, как это предсказывала Изабела, направили на медицинскую службу в Отвоцк, городок за Вислой. Агнешка вдруг осознала, что её планы могут в тартарары полететь. Она вбежала в дом, и забилась в истерике. Изабела стала подругу успокаивать, но та места себе не находила.

- Почему так несправедливо? - восклицала сквозь слёзы, и пыталась найти утешение в объятьях Изабелы. - Сначала, потеряла семью, всех близких. А теперь, когда только оживать начала, отогреваться, теряю человека, который стал для меня всем.

- Ты держись, - сама переполненная слезами, уговаривала подругу Изабела, - может, всё образуется. Может, Томек придумает что-нибудь.

Но на такой сценарий Агнешка больше не надеялась.

- Тебе хорошо... - начала было, и тут же осеклась.

Изабеле было вдвойне хуже. Андрею при возвращении предписывалось немедленно покинуть пределы Польши. Агнешка горестно покачала головой и расплакалась:

- Ты прости меня, дурочку, Изуня, милая, я такая эгоистка.

К ним подошла обескураженная Кинга Печиньска, на которую заглядывались все мужчины поселка. Эмиссары также обменивались сальными замечаниями по поводу её прелестей. Как и Агнешку, её направили в Отвоцк. Радости от этого она не испытывала. Шёпотом высказала недовольство:

- Этот гусь худосочный намекнул, что я ненадолго в Отвоцке задержусь. Такие как я, видишь ли, в штабе офицерам прислуживают.

- Так и сказал? - возмущённо встрепенулась Агнешка.

- Так и сказал.

- Скотина.

- Я не пойду к ним, - заявила Кинга, и опасно оглянулась. - И ты не ходи, спрячься.

- Где спрятаться? - сквозь слёзы возразила Агнешка. - Ты же слышала, что грозит тем, кто уклоняется от службы.

- В задницу их, - упрямо настаивала Кинга, и повысила голос: - Вернётся Томек, и вместе улетите отсюда. Андрею тоже не позволят здесь остаться. Может, и меня с собой возьмёте?

- Конечно, Киня, - обрадовалась Изабела. - Вместе улетим отсюда.

- А что делать ещё? Не ждать же пока по рукам пустят, - всплеснула руками Кинга. - Нет уж, увольте. Не собираюсь под каждого прощелью подкладываться.

Последнюю фразу заглушил шум двигателя вертолётa. Военные раздали поселенцам регистрационные карточки, и покидали посёлок. В комнату влетел разгорячённый Мечислав, Метек, плотный, крепко сбитый мужчина, сосед по особняку. Он заметил недовольные мины женщин, и расхорохорился:

- Вы что это, дивчины, прячетесь? Наконец дождались дельных правителей, и теперь не страшно за завтрашний день, не страшно за Отчизну.

Агнешка резко вскочила с кровати, и взъерошилась:

- Тебе не страшно? К корыту с кормом приписали? А подумал ты, как здесь теперь людям жить? Как им выживать без вас, мужиков, да нас, женщин покрепче и поздоровее? Как им детей поднимать, когда вы, здоровые бугаи, с оружием бегать будете?

С Метека мигом слетела спесь. Он растерянно уставился на разъярённую Агнешку, и пробормотал:

- Зато, всех узкоглазых в шею...

- А ты рад. Польша без иностранцев, курва-мать, - продолжала выговаривать ему та, перейдя на острые выражения. - Чем они лучше фашистов? Да, они из нас рабов делают. Ты иди направо, ты - налево, - размахивала она руками. - А вы, все вместе взятые в землю рылом, и чем скорее, тем лучше. Что, скажешь не так?

Метек побледнел, но смолчал.

- Ты хоть знаешь, кто такой этот Верховный Комиссар? - наехала на него Агнешка.

- Небось, еврей... - не к месту предположила Кинга.

- Нет, не еврей, - уверенно произнёс Метек. - Евреев тоже под зад пнули.

- Ага! Главное, не еврей, поляк. Вы и растаяли. Не знаете, откуда он взялся, а президентом готовы признать. Не странно это? - продолжала

бушевать Агнешка. - Чем заслужил? Тем, что притко армию к рукам прибрал? Да, всех по местам расставил?

- Ты, как с цепи сорвалась, - удивлённо выдавил из себя Метек, переминаясь на месте. - По-твоему лучше жить в бардаке?

- Нет, это вы, мужики, с цепи сорвались. Раз не чувствуете, в какое дерьмо вляпались. Для похорон мертвеца, и двух кубометров земли хватит, а вам Польшу от моря до моря пообещали, вы и обрадовались. Может, ещё и с Москвой в придачу?

- А что ты так за русских переживаешь? - прорвало Метека, но глянул на Изабелу, и сбавил тон. - Я ничего не имею против Андрея. Только мы от них достаточно натерпелись.

- Ишь ты, натерпелись, не натерпелись... Судья нашёлся, - гневно выпалила Агнешка. - Какой смысл ворошить дерьмо? Беда обрушилась на всех. Она не разбирала, кто поляк, кто еврей, кто русский, или украинец. И кто лучший, кто худший, кто совсем никудышный. Нам бы всем на этой земле, которая под ногами, выжить. И детей на ноги поставить.

Агнешка кивнула на Изабелу.

- Вот-вот, про детей это правильно, - обрадовался Метек. - Ты, Иза, ещё молодая, рожать должна. Русского не жди, ему возврата сюда нет.

- Уж не себя ли в женихи предлагаешь? - подбоченилась Агнешка.

- Хм, - расплылся в улыбке Метек. - Я не отказался бы, только меня на службу записали. Но она молодая, своего найдёт. Зачем ей этот русский?

- Не твоё собачье дело, - зло прошипела Агнешка.

- Моё, или не моё, ты мне рот не затыкай, - нахмурился Метек. - Она полька, и нечего ей за русским увиваться. Если её от службы освободили, пусть хотя бы так послужит.

- Я тебе послужу, сучий ты потрох, - запустила в него подушкой Агнешка.

Метек увернулся.

- А что я не так сказал?

- Вали отсюда, служака, - погрозила ему кулаком Агнешка.

Метек досадливо отмахнулся, и пошёл к выходу. В дверях он замешкался, и посоветовал Агнешке:

- Ты, Агнешка, того. Я на тебя не донесу, а при других, особенно при Пани Тадеуше, оставь своё мнение при себе.

- Проваливай, доброжелатель, - гневно поставила точку в разговоре Агнешка.

Метек сокрушённо покачал головой, и вышел за дверь. А женщины, сообразили, что за такие речи, и правда кто-то донести мог военным, и с пониманием переглянулись. Агнешка выплеснула на Метека всё, что накопилось на душе, и надолго замолчала. Подружки сидели рядом, задумчиво, тихо. В комнату вошла пани Ванда, и внесла спящего Кшися. Она положила мальчонку на кровать, и проницательно глянула на друг.

- Будет вам. Что зависит от нас? Всегда так было. Всегда мы винтиками были. А отвёртками крутить, желающих всегда хватало.

В словах пожилой женщины заложена была мудрость, которую трудно оспаривать. Агнешка прижалась к груди Изабелы, и расплакалась от безысходности.

ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЁРТАЯ ГЛАВА

Каким чудом удалось зацепиться за растяжку антенны, Андрей так и не понял. Да, и размышлять об этом некогда. Главное, обошлось. Ноги висят над пустотой, но сам он вцепился за растяжку мёртвой хваткой. Непонятно каким чудом мышцы не надорвал.

Андрей перевёл дыхание, попытался подтянуться, и с ужасом понял, тело не слушается. Сколько удастся продержаться? Минуту-две... А потом? Нет, нельзя поддаваться. Если не сможет сам, никто не поможет. Пошевелил пальцами ног. Вроде шевелятся. Значит, позвоночник не сломан. Уже легче. Попытался подтянуть колену кверху. Едва не сорвался. Спокойно!.. Так... отвёл ногу вправо... выше... выше... резкий мах вверх с одновременным подтягиванием на руках... Ступня зацепилась за жёлоб. Ещё чуток передохнул, и рывком перевалился на наклонную плоскость крыши. Всё... Он лёг на наклонной плоскости крыши, не веря, что это удалось. Как хорошо, что спорт для него не был чужд.

Он подполз на четвереньках к чердачному окну. На счастье окно было открытым, но сам чердак оказался пуст. Защитники общежития не ожидали гостей сверху и заперли чердачный люк со стороны коридора. Новоявленный десантник дёрнул пару раз за ручку, и понял, что самостоятельно открыть не удастся. Он принялся топтать по люку, и кричать. Через минуту его услышали, ещё через две сорвали замок с люка, и с удивлением встретили гостя.

- Откуда ты взялся? - спросил могучий татарин, который сорвал замок.

- Сверху, - невесело усмехнулся Андрей.

- И коту понятно, что сверху, - скривился татарин. - Кто ты такой, ты мне скажи.

- Я знаю, - вдруг истошно завопил худощавый нескладный мужичонка, который вынырнул из-за спины богатыря. - Знаю его.

Андрей кинул удивлённый взгляд на мужичонку, отметил про себя, что прежде с ним не встречался, и растерянно спросил:

- Мы знакомы?

- Он нашего Виктора брат, - объяснил татарину тот. - Я по фотографии его узнал.

- Ты Виктора знаешь? - взволнованно воскликнул Андрей.

- Да, знаю, - подтвердил мужичонка. - Жив Виктор.

- Где он?

- Ты с вертолёта, что ли? - сделал попытку вмешаться в разговор татарин.

Но Андрей не обратил на татарина внимания. Как же, Виктор жив.

- Здесь он, здесь, - суетливо подтвердил мужичонка.

- Слава Богу, - облегчённо вздохнул Андрей, повернулся к татарину, и сказал: - Надо людей на крышу послать, чтобы антенны посбивали. Раненых и женщин с детьми будем вертолётom вывозить.

- Ты шутишь, - скривился татарин. - Там же, крыша наклонная. Тебе самому приходилось грузить полуживых людей на вертолёт с наклонной крыши?

- Нет, - честно признался Андрей.

- А мне приходилось, - зло процедил татарин. - От пропеллеров такой ветер... Нас как пушинки с крыши сдует.

- Будете ждать, пока вас перебьют всех?

Татарин скептически покачал головой, не нашёл аргументов, и вынужденно согласился:

- Ладно, попробуем.

- Надо от окошка наверх пару тросиков протянуть для страховки.

Татарин задумался.

- Видать придётся самому лезть. Лёнь, - обратился к мужичонке, - скажи Волку с Кирей, пусть на крышу поднимутся. А людей к эвакуации Алексей подготовит.

- Всех сразу забрать не сможем, - остановил его Андрей. - Первым заходом человек пятнадцать-шестнадцать заберём. За остальными

позднее прилетим. Со своей стороны обеспечьте, чтобы из домов напротив сюрприза не было.

- Пока, двор в наших руках, - заверил татарин.

- Иначе, не дадут никого забрать, всех снимают с крыши.

- Знаю я, - хмуро произнёс татарин, и полез на чердак.

Мужичонка потянул Андрея в лазарет, который располагался в комнатах верхнего этажа. Запах крови и медикаментов доминировал в комнате. На матрасах, брошенных на пол, лежали раненые. Что особенно поразило Андрея, среди них были и дети. На лицах несчастных проявлялась печать страдания, и вместе с тем глубокой покорности.

Виктор сидел под окном, и вращал руками, превозмогая боль. Он видел барражирующий над крышами домов вертолёт, но встречи с братом никак не ожидал. Андрей бросился к нему, встал на колени, и стиснул брата в объятьях. Виктор охнул, и сморщился от боли.

- Прости, братан, - оправдывался Андрей. - Не ждал встречи с тобой.

- Я тоже, - с ошеломлением покачал головой Виктор.

- Как Оксана? - напряжённо спросил Андрей, и интуитивно догадался, каким будет ответ.

- Нет Оксаны, - сухо ответил старший брат, так, как люди научились говорить о потерях в эти дни.

- Ларисы тоже. А Милка с Игорьком живы, - грустно улыбнулся Андрей.

- Какое облегчение, - просветлел Виктор, глянул на мужичонку, и многозначительно произнёс: - Нострадамус, мать твою ети...

Тот смущённо склонил голову, и выскользнул в коридор.

- На вертушке сюда прилетел? - прозорливо предположил Виктор.

Андрей кивком подтвердил.

- Откуда крокодила пригнал, не из Польши?

- Оттуда, - ответил Андрей, и задал прямой вопрос: - За что вас так?

- За прямые позвоночники, - ёмко ответил Виктор.

Вскоре в комнате появилась группа молодых ребят, которые принялись переносить тяжелораненых на чердак. Виктор поднялся на чердак самостоятельно. К этому времени антенны с крыши уже сбили, и от люка до гребня крыши протянули растяжки. Вертолёт сошел ниже, и бригадиры, которых подобрали около дома Виктора, один за другим соскочили на крышу. За ними последовал Игорёк.

- Ты зачем? - недовольно проворчал Андрей.

Как бы утверждаясь в своём праве на взрослую жизнь, Игорёк укоризненно посмотрел отцу в глаза. Препираться было некогда. С чердака уже подавали тяжелораненую женщину. Несколько рук подхватило её, и понесло наверх, навстречу спасительному десантному отсеку вертолётa, сопротивляясь ожесточённому напору воздуха. На одном дыхании несчастную подняли на гребень крыши, и впаковали в салон вертолётa, который медленно дрейфовал над гребнем крыши. Вопреки опасениям татарина, погрузка прошла без сучка, без задоринки. Таким же сверхъестественным образом на вертолёт удалось погрузить ещё шестерых раненых женщин. Затем впаковали туда ещё несколько детей. Андрей с удовлетворением постучал по запястью, и показал, как быстро удалось справиться с этой работой.

- Не так страшен чёрт, как его малюют, - подмигнул татарину.

Тот согласно кивнул, и прокричал:

- Глаза не верят, руки делают. Вы, это... к Аэропорту дуйте, и сразу назад.

- Я останусь, - возразил Андрей, и кивнул на кудрявого шатена, который подсаживал в салон вертолётa последнего малолетнего пассажира: - Пусть он летит.

Времени на рассуждение не было. Вертолёт медленно тянуло вперёд, и его нос вот-вот мог за пределами крыши оказаться. Татарин резко подскочил к шатену, и подтолкнул к кабине штурмана-оператора:

- Давай, Киря! В Аэропорт, и назад.

Шатен без раздумья подскочил, и, рискуя сорваться, уцепился за поручень-подножку. Татарин осмотрительно подстраховал его за ноги. Шатен подтянулся, ухватился за край люка, подтянулся, и рывком перевалился в переднюю кабину. Вертолёт пошёл на взлёт. Татарин смахнул с лица пот, и протянул Андрею руку:

- Ильгиз.

- Андрей.

- Тёзка, - радостно отозвался боец, чьи слёзы заставили прилететь сюда.

Он протянул для приветствия руку, и представился:

- Я тоже Андрей. Кокошин моя фамилия.

Другие бригадиры также тянули руки для приветствия.

- Михась.

- Дмитрий.

- Марат.

- Волк...

- Волк? - удивился Андрей.

- Это так, дело прошлое, - не смутился назвавшийся Волком. - А так я, Галим.

Они спустились на чердак, и расселись среди ожидающих очереди для эвакуации людей. Виктор полулежал, склонив голову на колени крепко сложенной женщины в камуфляжной расцветки куртке под бронежилетом. Андрей устроился рядом. В полутьме чердака он видел сумрачные лица новых знакомых. Они настороженно внимали внешним отзвукам. Вне всяких сомнений каждый из них прикидывал свои шансы на спасение. Вопрос далеко не праздный. Следующим курсом вертолёт заберёт около двадцати человек. Бригадиров на чердаке не меньше тридцати. А сколько остаётся снаружи? По крайней мере, для полной эвакуации потребуется ещё три курса. Дадут ли бандиты столько времени? С каждым курсом шансы на спасение у оставшихся будут катастрофически таять. И если бандиты штурмом возьмут какое-то из прилегающих зданий, а они постараются это сделать, тогда... Тогда... какого чёрта их занесло сюда? И где Игорёк?

- Куда Игорёк подевался? - растерянно пробормотал Андрей. - Надо его следующим рейсом отправить отсюда.

- Отправим, - согласился Виктор.

Он достал из подсумка рацию, включился в радиосеть, и обратился к товарищам:

- Внимание! Я – Поликарп. Ищу новичка. Как поняли? Приём!

В рации затрещало, кто-то ответил:

- Я – Кондрат. Новичок с нами. Приём.

- Кондрат, принято, - ответил Виктор, и пояснил Андрею: - В Торговом Центре пацан, на стройке.

- Какого чёрта, - прошипел с досадой Андрей.

Виктор снова приблизил к губам рацию:

- Кондрат, отошли-ка мне его сюда.

Последние слова заглушили автоматные очереди, которые затрещали на улице. Бригадиры не пошевелились. Андрей с удивлением воспринял спокойствие, с которым жители микрорайона относятся к выстрелам. Их будто вовсе не касалась перестрелка.

- Может, помощь там нужна? - спросил он Виктора.

- Кого можно, всех отправили, - пожал плечами брат.

В рации снова затрещало, и голос «Кондрата» сообщил:

- Попёрли, суки... Извини, Поликарп, новичок твой с норовом. На позицию убежал, и просил передать, что ему здесь понравилось. Не обессудь.

Андрей побледнел, услышав о решении Игорька оставаться на линии огня. Виктор выругался:

- Мать его, щенок! Небось думает, здесь детский сад. Вернётся, я его самолично надеру.

- Где он? - недовольно процедил Андрей. - Я к нему пойду.

- А ты сиди, знай! - зло выкрикнул Виктор. - Ещё один герой выискался.

- Там люди на взводе, - как бы оправдывая Виктора, включился в разговор Ильгиз. - Тебя в лицо не знают. Ненароком хлопнуть могут.

- Всё равно, - твёрдо заявил Андрей. - Я смерти не боюсь. А ему ещё жить да жить. Не пойму, ради чего ему голову под пули подставлять? Что вы не поделили здесь?

- Беспредел, - заговорил до сих пор молчавший Алексей. - Ради чего, говоришь, сынишке под пули лезть? А нам ради чего это надо? Разве мы выбирали? Хотя, нет. Как раз мы сделали свой выбор – не позволили превратить себя в скотов. Смерть – не самое страшное. Самое страшное – безразличие к беде. И наша беда вас тоже касается. Вы неслучайно оказались здесь. Война эта настолько же наша, как и ваша. И вы уже сделали свой выбор, хотя ещё не поняли этого. Ни для кого здесь не секрет, не всем удастся отсюда выскользнуть. Если они позволят ещё на один курс, это будет подарком. Там ведь не дураки, и сделают всё, чтобы помешать эвакуации. Снайперов послать могут на девятиэтажку. Оттуда крыша, как на ладони. Пулемётчиков посадить могут на крышах пятиэтажек, которые за торговым центром. Оттуда тоже достать можно. С автостоянки на тылах стройки крыша тоже просматривается. Я не говорю, если им ближе удастся подобраться. Тогда об эвакуации придётся совсем забыть. И будем куковать здесь, пока они общежитие прямой наводкой не развалят. Вот и думай, какая здесь арифметика.

Андрей понимал жестокую правоту бригадира, но где-то внутри рос протест. Он поднялся, и хмуро буркнул:

- Нельзя здесь оставаться. Надо на пятиэтажку переходить. Там крыша плоская.

- Крыша там, и правда плоская, - пожал плечами Алексей. - Только с пятиэтажки, которая на противоположной стороне дороги стоит, нас как

пить дать из пулемётов причешут. Оттуда прямой наводкой пятьдесят метров будет.

- Ещё вариант есть, - продолжал неутомимый Андрей. - В соседнем дворе я с воздуха заметил грузовики. В каком они состоянии?

Алексей сморщил лоб в попытке понять ток мыслей новоявленного стратега.

- В «Эсмеральде»? Три КАМАЗа стоят. Не знаю, не проверяли, на ходу быть должны... А что это даст?

- На грузовиках можно пойти на прорыв, - пояснил Андрей. - Вертолёт нас прикроет.

- Хм, они нас, как волков обложили, - засомневался Виктор. - Не дадут. Они же не дураки. Наверное, всех сюда согнали.

- Не прокатит, - скептически оценил план Андрея Ильгиз. - Они из пулемётов нас тут-же причешут. А потом бронетехника добьёт. Из танков прямой наводкой расстреляют.

- В том-то и дело, они тоже так думают, - потёр ладонями Андрей. - Потому и не ждут прорыва. Бронетехника расплзлась. В переулках укрылась. Если с воздуха пару очередей дать, а сверху видно, где у них слабое звено, в оцеплении сразу дыра получится. Туда и рванём. На скорости проскочим дальше, и останавливать некому будет. А вертолёт нас прикроет.

- Не прорвёмся,- нахмурился Ильгиз. - Мы сами постарались почти все выезды из микрорайона перекопать и перегородить. А то, что оставалось, они докончили. Там, где можно выехать, нас перехватят.

- Стоит рискнуть, - упёрся на своём Андрей. - Когда мы врезали по ним, всю бронетехнику, как ветром сдуло. Только надо шевелиться. Так вечно продолжаться не будет. Упустим время, и сюда могут подвезти что-нибудь наподобии «Иглы».

- Железно, - вдруг согласился Алексей. - Есть смысл попытаться. Они же сами в одном месте завалы расчистили, чтобы в микрорайон беспрепятственно входить. И там нужно прорваться. Едва ли они там сильный заслон оставили. Все силы сюда подтянули. Если дать по газам, выскочим на трассу, а там, как повезёт. Всё лучше, чем здесь оставаться. Боеприпасов надолго не хватит.

- Ладно, прорвёмся, - предположил Виктор. - Они же нас не отпустят так просто. У них тоже вертушки есть. Куда прорываться-то?

- В Аэропорт, - уверенно заявил Алексей. - Туда они не сунутся.

- А если собьют вертушку? - забеспокоился кто-то.

- Таковую вертушку непросто сбить, - успокоил Алексей. - Нужно хотя бы ПЗРК иметь, или на крайняк крупнокалиберный пулемёт. И то, если повезёт. Едва ли они ожидали здесь с вертушкой столкнуться. Так что время у нас, пока они перебросят сюда что-нибудь из подходящего оружия, ещё есть. Главное будет прорвать кордон у Аэропорта.

Перестрелка прекратилась так же неожиданно, как началась. Тишину нарушали лишь одиночные выстрелы. Зато в полную мощь заработали рации. Бригадиры настороженно прислушивались к непонятной для Андрея белиберде, которая неслась в эфире. Для посвящённых в тайну кодированного текста эта белиберда проясняла ситуацию снаружи.

- На штурм они ещё не идут, - пояснил Алексей Андрею. - Обыкновенная разведка боем и, скорее всего, подготовка позиций к штурму. Только интересная петрушка получается. Из того, что мы знаем об их дислокации, большинство алимовцев напротив пятиэтажки расположились, и лицевого фасада Торгового Центра. Но оттуда ни единого выстрела не сделали. А разведку боем провели с противоположной стороны. «Эсмеральду» потрепали, и немного трёхэтажке досталось.

- А сам бы где штурмовал?

- Я?.. - Алексей пожал плечами. - Я бы пятиэтажку не штурмовал. Для отвлекающего момента врезал бы по западному крылу Торгового Центра, и под шумок подтянул основные силы ближе к проходу.

- Логично, - похвалил Андрей. - Но на войне не всегда нужна логика. Они могут по-своему рассуждать. Что известно об их дислокации?

- По нашим прикидкам около сотни алимовцев укрываются напротив фасада Торгового Центра, и пятиэтажки.

- Я заметил человек сто пятьдесят – двести, - поправил Андрей.

- Вот как, - поморщился Алексей. - В девятиэтажке мы засекли человек сорок, до шестидесяти. Около двадцати человек на пустыре в кустах. Столько же в палисаднике. Десятка полтора-два на автостоянке. Человек двадцать напротив западного крыла Торгового Центра. Поблизости должно ещё около трёхсот душ быть. Где они проявятся, не знаем. Если бы знать с какой стороны их ожидать, можно было бы предвидеть направление главного удара.

- Откуда известно об этих трёхстах? - удивился Андрей.

- Мы тут танкистов поджарили, - усмехнулся Алексей. - Они нам рассказали.

- Похоже, не обманули, - подтвердил Виктор. - Кое-какие сведения по количеству до нас также раньше доходили.

- Совсем неважно, обманули, или не обманули, - уверенно произнёс Андрей. - Надо ограждение сломать, и перегнать КАМАЗы во внутренний двор. Вертолёт поработает из пулемёта, и расчистит проход. Пока они поймут, что мы задумали, КАМАЗы по хорошей дороге, как самолёты пролетят. Из мешка вырвемся, а дальше вертолёт нас снова с воздуха подстрахует. И таким макаром попробуем прорваться в Аэропорт.

- Всё это классно, - согласился Ильгиз. - Только Алексей прав, они нас на Оренбургском шоссе перехватить могут.

- Я так не думаю, - уверенно возразил Андрей. - Против «летающего танка» кишка тонка. С воздуха врежем им, и прорвёмся.

- Воевал? - спросил Ильгиз.

- Бог миловал, - отрицательно покачал головой Андрей.

- Вот именно, - сплюнул Ильгиз. - Мы тоже сначала понтовались, пока по шапке не получили. Не всё так просто.

- Я воевал, - прищурился Алексей, и добавил в поддержку Андрея. - Толковое предложение. Голова у тебя в этом деле варит. Никакому великому стратегу в голову не придёт, что мы на прорыв пойдём.

- Я не спорю, - согласился Ильгиз. - Риск – благородное дело.

- Значит, действуем по принятому плану, - подтвердил решение Алексей.

- А где вертушка запропастилась? - забеспокоился Виктор. - Могла бы уже вернуться.

Андрей достал рацию, и сделал попытку вызвать Томека. Притихшие бригадиры ожидали ответа, но Томек не отзывался. С тем же успехом Андрей продолжал терпеливо вызывать друга несколько минут. На улице слышался лай автоматической пушки, и оглушительный треск разрывов.

- Бээмпэшка работает, - на слух определил Алексей. - Похоже, я был прав. Прямоком по Торговому центру лупят. Так что времени у нас в обрез. Михась, идём КАМАЗы во двор перегонять. Все три. Если вертолёт не прилетит, попробуем на шàру прорваться.

Во дворе ухнул более тяжёлый взрыв. За ним второй, третий.

- С гранатомета лупят, - хмуро прокомментировал Виктор.

- С миномёта, - поправил Алексей.

- Если так, - не стал спорить Виктор, - вопрос, откуда прилетело. Миномёт в ближнем бою не применяют.

- Из микрорайона пуляют, - пожал плечами Алексей. - Иначе, был бы риск по своим ударить.

В рациях бригадиров послышались щелчки, и тонкий девичий голосок прорезался сквозь треск автоматных очередей: «Ой, мамочка, помогите! Таньку с Диной убили!»

Ильгиз нахмурился, и прокричал в рацию:

- Держись, Маринка! Что там у вас?

Тот же голосок запричитал: «Помогите! Они внутрь лезут!»

- Много? - озабоченно спросил Ильгиз.

«Двоих Светка застрелила. Остальные за досками спрятались. Кажется четверо».

- Держитесь там. Высылаем подмогу. Так, все слышали? - повернулся к бригадирам Ильгиз. - Надо помочь в Торговом. Кто пойдёт?

Андрей даже не размышлял. Ведь в Торговом Центре был его сын.

- Я пойду.

- И я... И я... - послышались голоса бригадиров.

В это время отозвалась рация Андрея. Томек сообщил, что вертолёт находится в пяти минутах лету.

- Вот и ладненько, - ощерился Ильгиз, и оценивающе окинул взглядом бригадиров. Руку положил на плечо Андрея: - Посмотрим каков ты в бою. С Кокошиным пойдёшь. Бойцов с пятиэтажки с собой возьмёте. Я распоряжусь.

- Ты что, хочешь пятиэтажку без прикрытия оставить? - округлил глаза Андрей.

Ильгиз был непреклонен.

- Там пока тишина. Трех для страховки хватит. В Торговом поможете девчонкам, и после сигнала, три раза «браво» по рации прокричу, без промедления во двор. Ждём до... три минуты, и идём на прорыв. Не опаздывать.

Андрей с тёзкой спустились во двор. В пролом в ограждении въезжал первый КАМАЗ. Подкрепление с пятиэтажки тоже не заставило себя ждать. Через минуту бригадиры стояли около Меженкова, и ожидали распоряжений. Их было шестеро. К мужчинам у Андрея вопросов не возникло, но троих подростков с женщиной, несмотря на бурные протесты, он с собой брать отказался.

- Приказы не обсуждаются, - уверенно сказал Андрей, и для убедительности приврал. - Вам поручается охрана КАМАЗов во дворе. Костями лечь, но не дать бандитам носа сюда сунуть.

Когда четвёрка храбрецов пробралась в складские помещения строящегося Торгового Центра, из-за соседних крыш вынырнул вертолёт. На чердаке царила деловая обстановка. Бригадир готовился к погрузке. Макс со Степой Бахметьевым помогли втянуть на чердак окровавленную девушку Эдику Барскову и Вазыху, которые вернулись с «Эсмеральды».

- Так она ж мёртвая, - психанул Макс.

- Да, нет же, - не соглашался Эдик.

Вазых принялся ощупывать пульс, заглянул под веки, и молча закивал головой.

- Мунечка, девочка, - склонился над девушкой Эдик, и с досадой ударил кулаком в пол. - Что ж ты...

- Эдик! Вазых! - призвал бригадиров Ильгиз. - Как у вас?

- Пашку убили, и вот, Муниру тоже... - доложил Вазых.

- Коммандосы как?

- Стрелять стреляют, а лезть не лезут, - отмахнулся бригадир.

- Тогда здесь помогите.

Галим-Волк выбрался на крышу, и приготовился принять первого раненого. По крыше словно сыпанули горохом. Безвольно повалились на пол Юлия Потапенко с Максом. Мгновенье назад безмятежно щебетавшие шестнадцатилетки Дима, Олег и Наталья, наперебой заойкали, зажимая ладонями свежие царапины. Следующая очередь заставила всех повалиться на пол, но поразила только Волка, который не успел покинуть крышу.

- Марат, Дмитрий, вперёд! - выкрикнул Ильгиз, и рывком оказался на крыше.

По пути к пулемёту он заметил, откуда вёлся огонь. Случилось то, чего бригадир опасались с самого начала. Алимовцы догадались, как помешать эвакуации. Они вели огонь с девятиэтажки. Вертолёт снижался, и нужно было срочно решить проблему. Ильгиз прицелился, и послал несколько коротких очередей в сторону окон верхнего этажа девятиэтажки, в которых виднелись ненавистные силуэты. Рядом залёг Марат Алькеев, чуть поодаль Дмитрий Лоскутов. Ильгиз указал Марату на цель:

- Держи под прицелом окна!

Затем повернулся к Дмитрию, и махнул в сторону пятиэтажек позади строящегося Торгового Центра:

- Поглядывай на пятиэтажки. Оттуда тоже достать могут.

И сбежал ниже по крыше. Туда, где корчился от боли Волк. Степа Бахметьев придерживал раненого бригадира, чтобы тот не свалился с крыши. Ильгиз подхватил товарища под мышки, и понёс его вместе со Степой навстречу зависшей над крышей вертушке...

...За неплотно прикрытой дверью будущего склада Андрей обнаружил огромное помещение недостроенного торгового зала. Крыша в нём отсутствовала, но кое-где имелись перекрытия. В противоположных стенах зияли проломы, которые, как он понял, пробили алимовцы. Всюду беспорядочно нагромождены штабеля досок, плит, какие-то ящики, пачки, строительные материалы и брошенная техника. Дым не позволял понять, где укрываются защитники Торгового Центра, а где залегли алимовцы. Одновременно, дым был союзником, который, в свою очередь не позволял противнику обнаружить их самих.

Первыми Андрей обнаружил девушек. Они лежали за штабелями ящиков, и наблюдали за нагромождением досок с плитами вблизи одного из проломов. Вероятно, там укрывались алимовцы. Андрей повернулся к бригадирам из пятиэтажки, кавказцу со славянином, и шёпотом дал указание:

- Зайдите с северной стороны, и наблюдайте за проломами в стене. Ни одна сволочь не должна в зал попасть. О сигнале к отступлению помните. Через две минуты после сигнала все должны во дворе быть.

Бригадиры скользнули за дверь. За прикрытием штабелей досок они направились к северной стороне зала. Андрей кивнул тёзке:

- Держись за мной. Чуть сзади. Около подъёмника останешься. Проломы держи под прицелом, те, что посередине. А я постараюсь поближе подобраться.

Напарник достал из подсумка гранату, и молча протянул Андрею. Меженков взял её, пригнулся, и шагнул за дверь. Быстро добрался до подъёмника, и только здесь заметил алимовцев, которые примостились за штабелями ламинированных плит. Их было двое. Один следил за ящиками, где укрывались девушки, другой поглядывал в южном направлении. Андрей понял, что там может кто-то из бригадиров быть. Он оглянулся на Кокошина, который неслышно приближался сзади, и дал знак остановиться. Его беспокоило отсутствие другой пары командосов, о которой говорили девушки.

Андрей проскользнул дальше, и понял, почему из-за штабелей торчит только две головы. На полу валялся труп алимовца. Ноги другого

торчали из-за кучи щебня около пролома. Он сделал несколько шагов по направлению к западной стене, и поймал в прицел автомата фигуру алимовца. Тот высунулся из-за штабеля, и целился в южном направлении. Андрей дал короткую очередь, и пригнулся. Как по сигналу, грянуло несколько одиночных выстрелов. Андрей выждал паузу, и на мгновение выглянул. Этого мгновения хватило, чтобы заметить, что алиомец ранен в бедро, и пытается отползти за кучу щебня. Его напарник вращает автоматом по сторонам, и на четвереньках следует за ним. Андрей выдернул чеку из гранаты, и наугад метнул в сторону врагов. Стены содрогнулись от взрыва. После града осколков, которые просеяли территорию зала, Андрей выскочил из-за укрытия, и побежал к месту взрыва. Он направил автомат на тела в камуфляже, но сразу понял, алимовцы мертвы. Андрей выпрямился, и победоносно вскинул автомат над головой. Затем глянул по направлению южного крыла, и заметил Игорька, который усиленно показывал ему, что нужно спешно пригнуться. За спиной слышалось хриплое дыхание, и он понял, в зале был пятый алиомец. Он резко повернулся, и увидел дрожащее жерло калашникова, которое, вибрируя, ловит в прицел его голову. Истекающий кровью алиомец прислонился к сварочному аппарату, и целится наверняка. Андрея прошиб холодный пот. Время остановилось, и отсчитывало неумолимые секунды до неминуемого выстрела. С мольбой он глянул на напарника, которого оставил около подъёмника. Но тот напряжённо глазееет на проломы, и не замечает происходящего. Выстрел грянул, но за секунду до выстрела командос закашлялся, и пуля прошла мимо.

Андрей оглох от выстрела, и не понял, почему алиомец дёрнулся, и завалился на бок. Он оглянулся, и увидел за собой невысокую худощавую девушку, с чёрными, как смоль, волосами, стянутыми на затылке в узел. Горящие угольки её глаз излучали ненависть. Андрей прочистил пальцем оглохшее ухо, и благодарно улыбнулся:

- В долгу перед вами.

- Оставь, - отрезала девушка. - Не стой так. Командосы за стеной укрываются.

Андрей недоверчиво глянул на проломы, и поспешил укрыться за штабелями досок. Рядом пристроилась девушка. Андрей прокашлялся:

- Почему не атакуют?

- Пробовали. - Девушка мрачно усмехнулась. - Несколько раз пробовали. Мы с Маринкой им зубы пообломали... Что творят?

Андрей проследил за взглядом девушки. Высокий плотный мужчина вместе с Игорьком подбежали к пролому, и вытащили из-под кучи щебня окровавленное женское тело. Они бегом унесли его за ящики, где только что укрывались девушки. Андрей со своей спасительницей поспешили туда же. Здесь находилась ещё одна молоденькая девчушка. Мужчина приказал ей вместе с Игорьком отнести окровавленное тело на крышу.

- Живая Дина, - устало проговорил он. - Рано похоронили.

- Не успеют на крышу, - возразил Андрей. - На КАМАЗ несите. Через несколько минут на прорыв идём.

Подростки бегом понесли женщину на выход. Андрей окликнул напарника, который по-прежнему укрывался за подъёмником. И тут началось. В пролом влетел снаряд, и разорвался перед ящиками, за которыми укрывался Андрей с новыми товарищами. Со стен осыпалась штукатурка, Когда рассеялся дым, он с ужасом увидел, что осколки поразили напарника Игорька, и его спасительницу. Следующим взрывом расширило один из проломов, и туда устремились алимовцы. Короткая очередь Андрея заставила их отступить. Рядом появился Кокошин. Автомат держал левой рукой. Правая рука висела плетью, плечо кровоточило. И в это время по радиации прозвучал сигнал отхода. Напарник Игорька, и спасительница Андрея зашевелились. У Андрея волосы дыбом встали. Обоих вынести из зала не удастся. И оставлять здесь никого не хочется. Андрей с надеждой глянул направо, туда, где были бригадиры из пятиэтажки, и понял, что рассчитывать не на кого. Тёзка правильно расшифровал беспомощный взгляд Андрея, и пояснил:

- Володю Шумилина зацепило. Сурен увёл его.

- Оружие оставь, и уноси девушку, - сурово распорядился Меженков.

Кокошин с сомнением посмотрел на напарника, но Андрей был непреклонен:

- Живо.

Кокошин положил на землю автомат, и сделал попытку поднять с земли спасительницу Андрея. Алимовцы зашевелились. Андрей послал в проём очередь, обхватил левой рукой талию женщины, и приподнял её. Кокошин взгромоздил на себя раненую, и, пошатываясь, направился к входной двери в складские помещения. Андрей снова нажал на курок...

Когда Кокошин появился во дворе с тяжёлой ношей на спине, бригадиры уже были готовы к прорыву. Несколько командосов ворвались в пятиэтажку, но во внутренний двор проникнуть им пока не

давали. Заметив Кокошина, Ильгиз подбежал к нему, и перехватил раненую в свои руки.

- Где Андрей? - коротко спросил он окровавленного бригадира.

- Командосов сдерживает. Олега тяжело ранило.

Ильгиз повернулся к бригадирам, и распорядился:

- Саша, Сурен, Матвей, мухой в Торговый Центр, и сразу назад.

Два раза повторять было не надо. Бригадиры припустились к строительной площадке...

Андрей волок раненого по полу, и одной рукой отстреливался от наседавших алимовцев. В зал уже их просочилось не меньше семи человек. Двое вошли через проломы в стене, и несколько человек появилось с северной стороны. До спасительной двери оставалось несколько метров, но каждый метр давался невероятно тяжело. Последние три метра предстояло преодолеть по открытой поверхности. Этого Андрей опасался больше всего. Он снова выстрелил в мелькнувшую за ящиками каску, и сделал ещё один шаг.

Дверь сзади распахнулась, и рядом с Андреем выросли три тени. Знакомый Андрею кавказец из пятиэтажки уцепился за раненого. Коренастый блондин, и моложавый брюнет с проседью в волосах принялись поливать из автомата. С кавказцем Андрею удалось вынести раненого из зала. Сзади раздался оглушительный взрыв. Двери сорвались с петель, и опрокинули Андрея с кавказцем на пол. Андрей отпихнул ногой створку, и стал соображать, не зацепило ли его осколком. С облегчением констатировал, что всё вроде бы на месте. Взрывная волна не причинила ни ему, ни кавказцу особого вреда. Но он поспешно вскочил, и на всякий случай спросил у кавказца:

- Цел?

- Как видишь, - ответил тот, и степенно поднялся.

В проём протиснулся окровавленный брюнет, и процедил:

- Матвея убило.

Кавказец не дал впасть Андрею в ступор, и закричал:

- Бежим.

На войне горюют после боя. А сейчас... Откуда взялось столько прыти? Не говоря ни слова Андрей с кавказцем подхватили свою ношу, и дали ноги. Окровавленный брюнет замыкал бегство. Два КАМАЗА встали напротив прохода, и уже были готовы к старту, третий ждал отстающих.

Раненого товарища подали на руки бригадирам в кузов, но сил на то, чтобы забраться самим в кузов, уже не осталось. Игорёк рывком

перетянул отяжелевшее тело отца через борт. Тем же способом втянули кавказца. Окровавленного брюнета, который потерял сознание, пришлось поднимать с земли, и на руках поднимать вверх. Из пятиэтажки к грузовикам бежал последний защитник последнего бастиона бригаиров. Грузовики ринулись в прорыв.

- Умер Олег, - услышал голос кавказца Андрей.

Он понял, что речь о бывшем напарнике Игорька, которого ценою жизни некоего Матвея, и с риском для себя они вынесли из Торгового Центра. Всё-таки, как несправедлива судьба. Но ни философствовать, ни оплакивать потери времени нет. Грузовики неслись по пустой дороге, которую освобождал для них вертолёт. В любой момент алимовцы могли их обстрелять. Особенно опасным являлось соседство девятиэтажки, которую миновали на скорости. Для алимовцев ход бригаиров был настолько неожиданным, что они не произвели вслед ни одного выстрела. Грузовики проскочили мимо, и устремились к дальним домам. А именно, напрямиком к тому месту, где дорога ведёт к городскому шоссе. И здесь около памятного места первой стычки с бандитами произошла заминка. Группа алимовцев насадала на палисадник. КАМАЗы тормознули, и вертолёт начал их пулемётным огнём поливать.

- В палисаднике кто-то из наших засел, - догадался кавказец.

Он перегнулся через передний борт, и начал по кабине барабанить.

- К палисаднику, брат, рули, к палисаднику.

Водитель и сам догадался, что к чему. На скорости свернул к нужному месту. Двое бригаиров отчаянно перескочили через бортик, и принялись шарить в кустарнике. Поиски не заняли много времени. Алимовцы настигли здесь двоих добровольцев, которые пытались отвлечь их от укрытия бригаиров. Одному ничем помочь уже было нельзя. А раненую напарницу подхватили на руки, и подали товарищам на борт грузовика. Грузовик дёрнулся, и бригаиры на ходу уцепились за борт. Один из них перелез через бортик, неловко уткнулся головой под ноги Андрею, и обмяк. Андрей пригнулся, чтобы помочь ему, и вдруг увидел расплзающееся под джинсовой рубашкой пятно. Никто не слышал пули, которая настигла парня. Кто-то из укрывшихся в кустах алимовцев успел выстрелить вслед грузовику. Андрей недоверчиво смотрел на умирающего бригаира. Будто бы Смерти было мало того, что она натворила в памятный день катастрофы, и она неустанно продолжала собирать свою дань. На этот раз сами люди помогали ей собирать ужасный урожай.

Вертолёт барражировал вдоль маршрута, по которому неслись грузовики. Серьёзного заслона при выезде из микрорайона бригадиры не встретили. Пятёрка алимовцев заметила вертолёт, но предпочла не вступать в перестрелку, и укрылась в придорожном кустарнике. Других препятствий на шоссе не было.

Грузовики беспрепятственно проскочили постройки окраинного района, и выскочили на Оренбургский тракт. Андрей вспомнил предупреждение Ильгиза, что на этой автомагистрали алимовцы могут им дорогу преградить, но прикрытие с воздуха давало надежду на благополучный исход.

Водители КАМАЗов выжимали из них всё, что только можно. Бригадиры прижимались к полу, чтобы не вывалиться из кузова. Андрей успел очухаться, уцепился за бортик, и удивлённо смотрел на дорогу. Кабы не два трупа по соседству, если не считать других окровавленных соседей, ему бы и в голову не пришло, что здесь идёт настоящая война. «Мёртвые» автомобили кто-то тщательно «смёл» на обочину. Окрестности казались умиротворёнными, и нетронутыми военной машиной. Первый след войны появился на десятом километре за городом. Будто кто-то перепахал небольшую лощинку, оставив после себя груды разбитой техники, и артиллерийских орудий. КАМАЗы приближались к повороту на Аэропорт.

Автомобиль тряхнуло, заюзило, и бросило на обочину. Андрей повалился на пол. И здесь, лёжа на полу, увидел, как пули отщипывают от бортов большие щепки. Он дотянулся до автомата, снял его с предохранителя, но высовываться под обстрелом не решился. Он рискнул приподняться, лишь когда пули перестали шлёпать по борту. В сторону перелеска улепётывали автоматчики. А над ними зависла беспощадная тень вертолёта Томека.

Андрей вспомнил про Игорька, искал его взглядом. Тот испуганно прижимался к полу у противоположного борта, и взирал на отца округлёнными глазами. Лицо его было кровью перепачкано, и Андрей тщетно понять пытался, ранен он, или нет. Игорёк приподнялся, и Андрей с облегчением понял, что это не его кровь. Не повезло женщине в ветровке, которую бригадиры называли Ксенией. Она зажимала рану на плече, привалившись к заднему борту. Ещё больше досталось несмотря на бронежилет бригадиру по имени Роберт. Он растерянно взирал на товарищей, и безуспешно зажимал рваную рану на шее. Андрей понял,

парню уже не выкарабкаться. Но остальные, как ему показалось, отделались лёгким испугом.

Двигатель работал на полных оборотах, но вызывало тревогу, что грузовик почему-то продолжал стоять без движения. Андрей перегнулся через борт, заглянул в кабину, и всё понял. Водитель с напарником мертвы. Андрей соскочил на землю, открыл дверь кабины, потеснил погибшего водителя, и вывел КАМАЗ на дорогу.

ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ ГЛАВА

В холле полуразрушенного аэропортовского терминала былолюдно. Здесь нашла приют разношёрстная публика, которая походила на цыганский табор, и даже беглого взгляда достаточно, чтобы понять, как им досталось от алимовцев. Не меньше бригадиров пострадали. В оборудованном под лазарет зале отправки Андрей увидел десятки тяжелораненых. Своих раненых, которые пережили сумасшедший прорыв, бригадиры уложили в холле на матрацах.

В ногах у Андрея появилась сильная дрожь, и они ослабли. Он прислонился к стене, и осел прямо на пол. Милка, которая не отходила от него ни на шаг, склонила к его груди тёмно-русую головку. Верный Кореш также больше не желал выпускать хозяина с глаз, и пристроился в ногах. Только сейчас Андрей осознал, в какую передрагу они влипли. С того времени как перед домом брата оказался под прицелом автомата чернявого, как одержимый был. Будто какая-то сила вошла в него, и вела за собой. Иначе непонятно, как удалось удержаться на покатой крыше общежития. Плечевой сустав надоедливо ныл, напоминая о безрассудном прыжке. Впрочем, выше понимания были также другие поступки того дня. Он вспомнил, с каким хладнокровием расстреливал людей с вертолѐта, и потом, в недостроенном Торговом Центре. Будто всю жизнь только и делал, что воевал и убивал. Это он-то? Неужели, Томек прав? Неужели, катастрофа пробудила в людях непомерную кровожадность?

Андрей вспомнил зарубежные постапокалиптические фильмы, и с удивлением признал, что почти все они оказались пророческими. Но почему? Почему беда людей не объединила? Почему они убивают друг друга? Чего ещё им не хватает? Или человек всегда был таким, просто его сдерживала карательная машина власти?

В подтверждение страшного вывода Андрея бригадиры рассказывали свои истории. Для Андрея и его спутников они выглядели по киношному неестественными. Но после пережитого, и не в такое поверить можно.

Приземистый капитан в потрёпанном камуфляжном снаряжении выкуривал папиросу за папиросой и внимательно слушал. Лицо его показалось знакомым. Где они могли с ним видеться? Память услужливо подсказала. Да это же Санёк. Сашка Охрименко из параллельного класса средней школы. Вот так встреча! Интересно, помнит ли он его? Хотя, какая сейчас разница? Столько времени прошло.

- Жаль, - посетовал Охрименко, выслушав рассказ о злоключениях в микрорайоне. - Жаль, что мы боролись с этой заразой по одиночке.

Алексей кивнул на снующих по холлу перебинтованных людей, и сочувственно пробормотал:

- Вас тоже изрядно потрепали.

Охрименко отмахнулся:

- Могло и хуже быть. Спасибо авиаторам. Не поддержали Алима. У него на заводском аэродроме пара бомбардировщиков была готова к бомбёжке. Он и лётчиков нашёл. И приказ такой отдал. Только они, дай Бог им здоровья, взлетели, только их и видели. А с вертушками... Бережёт он вертушки. После того, как мы «Иглой» парочку развалили, больше их здесь не видели. На земле им тоже разгуляться не даём. Правда, вчера они нас крепко угостили. «Градом» врезали по Аэропорту. Против «Града», брат, не попляшешь. С двадцати километров пуляет.

Какое-то безразличие сквозило в словах капитана. Андрея это задело. Как-то просто он это сказал. «Градом». Как же так? А если они снова этим «Градом» по Аэропортом долбанут? Почему людей отсюда не вывезли. Он вспомнил, как в детстве подрался с ним из-за одноклассницы, которую Охрименко пихнул в крапиву.

- Ради чего всё это? - сурово возопил Андрей. - Людей не жалко? Разве нельзя их вывезти отсюда, если дошло до такого?

- Не по своей воле, - отпарировал Охрименко, но не удостоил Андрея взглядом. - Давно бы улетели, если бы было чем.

Бригадиры загудели. Взгляды устремились на поле, в сторону самолётов. Если в самом здании терминала были видны разрушения, лётное поле с техникой выглядели вполне сносно. К тому же около самолётов нет-нет да мелькали люди в лётной форме.

- Мёртвая техника, - вздохнул капитан. - Самолёты, которые на отшибе, совсем покалечены. В наших условиях не восстановить. Две вертушки, что поблизости, тоже дырявые. Правда, как говорят техники, на лету. И Як по их словам тоже не безнадёжный.

- Как угораздило всю технику потерять? - поёрзал недоверчиво Алексей.

- А так, - пожал плечами Охрименко. - Диверсанты алимовские поработали. Ночью, не соврать бы дней восемь назад, когда мы прикидывали, что надо бы отсюда подобру-поздорову убираться... Сначала на отшибе пошуровали, потом при терминале. Их пацанёнок случайно заметил. А так совсем было бы плохо. С горем пополам, самолёт с двумя вертушками отстояли. Теперь техники с ними мудохаются. С вертушками полбеда, а у Яка левый закрылок повредили, и с бортовым оборудованием проблемы. Техники обещают починить. Только душа болит. Взлететь он взлетит, а насчёт посадки одному богу известно. Нет ни времени, ни возможности для проверки. Да, и куда лететь? Для такого самолёта нужна свободная, не захламленная посадочная полоса. К тому же сажать придётся вручную, без помощи диспетчерской службы, и каких-то глиссандных...

- Глиссандных³⁷, - подсказал Виктор.

- Один дьявол, - с досадой пожал плечами Охрименко. - Пусть будет глиссандных. В общем, сажать придётся без этих самых глиссандных маяков. Но самый главный вопрос, куда лететь?

- Как куда? Разве мало аэродромов вокруг?

- Аэродромов, может, и много. Только не везде возможности для посадки благоприятные. В Ульяновске и Новочебоксарске на взлётных полосах самолеты разбились. О других аэропортах ничего не знаем.

- А в Челнах как? - спросил Ильгиз.

- Из огня, да, в полымя, - скривился Охрименко. - Именно на это Алим рассчитывает. Вас прямо в Бегишеве возьмут, и на тарелочке ему подадут. А могут прямо на аэродроме развалить самолёт.

- Как быть? - озабоченно спросил Алексей.

- В Самаре и Пензе посадочные полосы свободные, - подсказал Андрей.

- В Москву лететь надо, - вклинилась усталая женщина в потёртом спортивном костюмчике.

³⁷ Глиссандные маяки – радиомаяки, которые при посадке управляют траекторией снижения самолёта.

- Почему, в Москву? - неприязненно поёжилась Гуля Гумерова. - Здесь – родина. Лично я далеко убежать не собираюсь.

- А в Москве власть, - уверенно отрезала усталая женщина.

- Откуда известно? - недоверчиво покосился Кирилл.

- По радио слышала, - вызывающе посмотрела на бригадира женщина.

- По радио всё сказать можно, - проворчал капитан. - По радио, и в Казани тоже власть. Не верю я москвичам. В Москве авантюристов всегда хватало. Вот сомневаюсь, чтобы там спокойно было. И раньше был бардак у нас, так с бардаком, и остались. Единственно, в Нижнем – порядок. Военные постарались. Но они тоже не хотят с Алимом конфликтовать. И всё же лететь к ним придётся.

- Почему в Нижний? - полюбопытствовал Ильгиз.

- Потому что у них аэропорт нормально функционирует. Если самолёт долетит, есть надежда благополучно приземлиться. К тому же там госпиталь запустили. А раненых у нас... сами знаете. Лишь бы не выдали вас Алим.

Алексей обратил внимание, как капитан вторично произнёс это слово, и насторожился:

- Вас?

Охрименко охотно признался:

- Мы с курсантами здесь останемся. После отправки самолёта взорвем к ебеней фене всё, что можно, и на вертолётах к Нурлату.

- Опять воевать? - напрягся Андрей.

- Я никого насильно здесь не оставляю. Кто хочет, останется. Остальные жить могут, как им совесть позволит.

- А позволяет совесть держать здесь раненых с детьми? - побагровел Андрей.

Охрименко наёжился:

- А куда я их, по-твоему, деть должен?

- За Каму переправить, вертолётами, лодками, в конце концов.

- Вертолётами? Курс может в одну сторону оказаться. Не дай бог, по дороге гробанутся. Прежде чем хоть одна вертушка взлетит, техники сто раз её проверить должны. А лодками... Хорошо рассуждать. У алимовцев, и Волга, и Кама под контролем. От Зеленодольска до Челнов постоянно сторожевые катера курсируют с вертушками.

Андрей смолчал. Он понял, что его претензии не до конца справедливы. Как можно судить, не зная всего? Можно долго рассуждать,

как поступить нужно, но хаос не лучший стратег. В хаосе невозможно действовать по уму. Вот и бригадиры не поддержали его. Угрюмо молчат. Разговор скомкался. Охрименко попрощался, и ушёл.

Измученные бригадиры остались. Они засыпали на ходу. Томек с добровольным помощником в лице Игорька занялся профилактикой вертолёт. Виктор, превозмогая боль в грудной клетке, присоединился к ним. Андрей с Милкой остались в холле.

Несмотря на общую беду, Андрей почувствовал между аэропортовцами и новоприбывшими отчуждение. Он не сразу сумел понять, в чём дело. Всё объяснилось, когда девочка лет семи хмуро сообщила, что они, «аэропортовцы», имеют больше прав на место в самолёте. И правда, если к собравшимся в аэропорту добавятся курсанты, которые патрулируют окрестности, самолёта с вертолётами вместе с вертолётком Томека, на всех не хватит. Видно лукавил Охрименко, когда утверждал, что он с курсантами собирается к Нурлату переправляться. Не хватит им места. Значит, остаётся одно – партизанить. Но он не учёл, что с появлением вертолётки Томека ситуация изменилась. Теперь можно в несколько заходов перебросить людей на левый берег Камы. И это станет решением проблем. Андрей оставил Милку с Рогожиным, и отправился на поиски капитана.

Охрименко нашёл около вертолётки Томека. Выглядел он озабоченным.

- Капитан, - обратился к нему Андрей. - Значит, такое дело. Томек меня поддержит...

Капитан скользнул по нему пустым взглядом, и обратился к Томеку:

- Неужели быстрее нельзя?

Андрей почувствовал, что Охрименко намеренно его игнорирует.

- Нельзя, - развёл руками партнёр Андрея. - Через полтора часа, не раньше.

Из-за хвостовой части вертолётки появился чумазий Виктор. Он потёр с удовлетворением руки, и уверенно сообщил:

- Не бойсь, командир, через сорок минут, как штык готов будет.

Томек с недоумением посмотрел на Виктора. Тот уверенно кивнул, мол знаю, что говорю.

- Сорок минут, так сорок, - покорно согласился капитан.

Он повернулся к Андрею спиной, и прислушался к чему-то. Как бы про себя пробормотал:

- наших там нет. С кем они тогда, мать их, воют?

В отдалении на волжском направлении слышалась стрельба.

- Хочешь, чтобы Томек разведал, - догадался о намерениях капитана Андрей.

Охрименко ничего не ответил, и как будто собрался уходить.

- Что ты воротишься от меня, как от чужого? - рассердился Андрей. - Соображения кое-какие обсудить надо. Насчёт эвакуации. Как я понял, мест на всех в самолёте и вертолётах не хватит.

- Наивный же ты, Андрей, - остановился, и укоризненно покачал головой Охрименко. - Будто не видел, что алимовцы в городе творят.

- Узнал-таки?

- Как не узнать? - пожал плечами капитан, и презрительно сплюнул.

- Что так сухо? - оторопел Андрей.

- А, как ты думал? Куда нам рядом с вами? Рылом не вышли. Наслышан про твоё богатство, мать твою. Новые, блин, русские... Хозяева, чтоб вас всех...

Андрей насупился, и процедил сквозь зубы:

- Не время про богатства. О людях думать надо. Я тут прикинул...

- Если о местах в самолёте беспокоишься, не волнуйся. Места всем хватит.

- Мне казалось...

- Крестись, когда кажется, - отрезал Охрименко. - Думаешь, ты один умный? Математик нашёлся. Тут другая математика. В этот самолёт набьём вас до отказа. И самолёт взлетит, и вертолёты тоже. Лишь бы посадка удалась. А что народу много, не беспокойся. Как попрут алимовцы, сразу меньше останется.

- Зачем ты так? - возмутился Андрей.

- А ты как хотел? Так, чтобы без крови? Алиму об этом скажи. Мол, нехорошо людей убивать... Знаешь, сколько ребят у меня полегло?

- Тем более, торопиться с эвакуацией надо.

- Без тебя знаю. Только хочу, чтоб наверняка было. Делегацию в Нижний Новгород пошлём. Надо гарантии получить, что не выдадут вас Алиму.

Капитан словно отрезал, отвернулся, и быстро пошёл в сторону здания аэропорта. Всё понятно сказал. Теперь остаётся надеяться, что штурм аэропорта не начнётся в ближайшие часы. Андрей потрепал по загривку пса, и уселся на бетонке.

Как из-под земли рядом выросла фигура священника. Андрей уже видел его в зале ожидания Аэровокзала. Кто-то душевнобольным его

назвал. Он и выглядел как душевнобольной. Молча ходил, как неприкаянный, тряс своей реденькой бородкой, и всех крестом осенял.

- Натворил же ты делов, любезный, - вдруг еле слышно произнёс он.

- О чём вы, батюшка? - изумился Андрей.

- Будто не знаешь? - укоризненно покачал головой священник, и жестом обвёл вокруг себя. - Столько горя людям принёс.

- Вы, батюшка, во всемирной катастрофе меня обвиняете? - выпучил глаза на священника Андрей.

- Кто я такой, чтобы обвинять? - смиренно склонил голову священник.

- Не судите, да не судимы будете, - вдруг вспомнил Андрей цитату из Евангелия.

- Ты сам себя судить будешь, когда осознаешь, что натворил, - снова поднял голову священник. - Без всеобъемлющей любви невозможно стать настоящим Избранником.

У Андрея челюсть отвисла. Опять перед глазами возник Старик с Божественным камнем. Но... откуда узнал об этом священник? Тот повернулся, и без спешки пошёл в сторону аэровокзала. Андрей догнал его.

- Батюшка, объяснитесь.

Священник остановился, и задрал кверху указательный палец:

- Живи, и неси сей крест. А мне здесь больше нечего делать.

- Куда вы, батюшка.

- В церковку свою пойду, и молить буду Бога за тебя.

Он осенил крестом Андрея, и пошёл дальше. Не в силах избавиться от смятения, Андрей остался на месте.

Как и обещал Виктор, через час вертолёт Томека взял курс на запад. Место штурмана-оператора занял капитан, а в десантном отсеке расположился вездесущий Ильгиз. Игорька в последний момент удержали Виктор с Андреем.

Дымка, которая застилала окрестности, не позволяла рассмотреть мелких деталей. Но в целом разобраться, что происходит внизу, всё-таки можно. Около Габишева заметили группу вооружённых людей. Группа была так мала, что Охрименко решил не обращать на неё внимания. Проскочили дальше. Около села Чистое озеро обнаружили три бронетранспортёра. Капитан предложил покружить над селом. Движения там не чувствовалось. Неожиданно по курсу заметили вертолёт. Он мог только алимовцам принадлежать.

- Может, врежем? - загорелся Ильгиз.

У него давно чесались руки. Идея была рискованной. В ожидании распоряжения капитана Томек завесил вертолёт. Охрименко не заставил себя ждать, и дал добро. Томек немедленно кинул летающий танк в сторону вражеского вертолёта. Пилоты нападения не ожидали, но уже были наслышаны о боевой машине. Они попытались от встречи уклониться, но после первой очереди вертолёт получил повреждение, и его забросало из стороны в сторону. Они спешно произвели аварийную посадку на полянке перед рощицей. Томек завесил двадцать четвёртый напротив.

- По бакам целься, - посоветовал капитану Томек.

Охрименко саркастически хмыкнул. Алимовцы спешно выскакивали из вертолёта, и устремлялись к рощице. Капитан дал пару коротких очередей. Вертолёт загорелся. Томек резко отвалил свою машину в сторону. Взрыв разметал обломки загоревшегося вертолёта. На людей решили не охотиться.

Поднялись выше. Сразу же обнаружили за рощицей колонну из трёх тентованных автомобилей, и бронетранспортёр. Томек проследил за направлением движения колонны, и заметил столбики дыма над лощинкой. Целью атаки алимовцев судя по всему была эта лощинка. Боевые группы алимовцев готовились нанести по лощинке решающий удар. Со стороны Волги на прямую наводку устанавливали орудия артиллеристы, южнее поднимали столбы пыли танки с бээмпэшками, севернее копошились пехотинцы, а с востока кольцо замыкали бойцы с тентованных автомобилей. При таком раскладе участь укрывшихся в лощинке людей была незавидной. Охрименко нервно закашлялся. Ильгиз понял его сомнения.

- Помочь, надо бы, - высказал он предложение.

- Кому? - сдавленно спросил Охрименко.

- Знать бы... - пробормотал Ильгиз.

- Не влипнем? - сомневался капитан. - Не ловушка ли это?

- А, была не была, - решился Ильгиз, - рискнём. Если что, считайте, как говорится...

- Я те посчитаю, - проворчал Охрименко. - Тут с головой надо.

- А я что, - обиделся Ильгиз, - без головы, что ли? Опустимся поблизости. Я соскочу, попробую поговорить, а вы подстрахуете.

- Добро, - согласился капитан, понимая, что другого варианта вытащить несчастных из окружения нет.

Томек снизился, дождался, пока Ильгиз спрыгнет на землю, и снова поднял вертолёт в воздух на случай внезапной атаки.

Ильгиз подполз к ближайшим зарослям, и крикнул:

- Алё, гараж! Привет из Аэропорта!

- А не врёшь? - послышался оттуда осторожный вопрос.

- Я на самоубийцу похож? - воспрянул духом Ильгиз.

Если бы в лощинке ждала засада, не подвергли бы сомнению его слов. Ясно, там укрылись союзники.

- У тебя на лбу не написано, - с сомнением произнёс тот же голос.

- Гранаты есть? - спросил Ильгиз.

- Ну?! - то ли утвердительно, то ли неопределенно ответил голос из лощинки.

- Здесь вам всё равно кранты, а так, вертолёт взорвёте, - предложил выход из положения бригадир.

Ответа не последовало. В лощинке продолжали сомневаться.

- Времени нет, браток. Не ерунди. Стал бы я подставляться, когда вы под прицелом танков и артиллерии. Через несколько минут из вас кишмиш сделают, - пригрозил Ильгиз.

Собеседник молчал. Ильгиз приподнялся над землёй, и предложил:

- Выходи, иначе улетаем.

Из лощинки поднялся приземистый бородач в изодранной, давно потерявшей истинный цвет милицейской гимнастёрке. В руке тускло отливала зеленью граната. Ильгиз махнул рукой, подавая сигнал Томеку. Вертолёт снизился. Бородач вытянул из гранаты чеку, подбежал к вертолёту, и заглянул внутрь салона. Он убедился, что там никого нет, пронзительным свистом подал сигнал своим. Из лощинки, поддерживая друг друга, выползли измождённые люди. Изодранные, окровавленные, грязь и копоть глубоко въелись в кожу, глаза гноятся от недосыпания, лица мужчин покрывает густая щетина. Изодранный в клочья камуфляж показывал, сколько им пришлось натерпеться. Неприятный запах пороха, крови, пота, и прогорклой мочи исходил от каждого, кто входил на борт вертолёта.

- Кто такие? - спросил Ильгиз, и захлопнул створки отсека за последним партизаном.

- С Кировского, - угрюмо ответил бородач.

У Ильгиза вытянулось лицо. О кировских сопротивленцах они наслушались от гостей.

- Так, вы те самые? Как здесь оказались?

- Прижали нас бандиты, - замялся бородач. - Толпа разбежалась. Мы туда-сюда, в Залесный. Бандиты по пятам. Днём они нас утюжили, ночью мы их. Потом поняли, в одиночку не осилить, решили в аэропорт пробиться. В наглуую ломанулись через Казань. Город, как по маслу прошли. Ни войск, ни патрулей, ни единой души не попало. Как на грех, уже в Отарах на БТР напоролась. И началось. С боем прорвались к Вороновке. Дальше пути не было. Дальше только бегство, пока нас в лощинке не заперли.

- И ведь пробовали прорваться, да, где там, - подал голос сутулый мужчина с перебинтованной головой, - как волков обложили. Уже никакой надежды выбраться отсюда не оставалось.

После появления кировских сопротивленцев в аэропорту стало ясно, что эвакуировать людей в один заход всё-таки не удастся. Охрименко распорядился готовить один из «дырявых» вертолёт к вылету.

- Почему только один? - угрюмо спросил Андрей.

- Второй вертолёт для себя берегу, - съязвил капитан, но поймал укоризненный взгляд Андрея, и смягчился. - Вернётся назад, второй отправим. Нельзя сразу оба. Как бы не пришлось в темпе удирать.

Андрей уловил направление мысли Охрименко. Всё стало на свои места. Вскоре, вертолёт набили до отказа ранеными. Об удобстве не думали. Важнее было вывезти как можно больше людей. Охрименко отправил первый курс, и собрал перед вертолёт Томека делегацию для переговоров с нижегородцами. Среди этих людей было пятеро авиаторов, и пожилой мужчина интеллигентной наружности. Охрименко его представил Рудольфом Петровичем. Рудольф Петрович настоял, чтобы в делегацию дополнительно включили женщину, желательно пожилого возраста, и тройку раненых ребятишек. Как он считал, это должно на нижегородцев произвести нужное впечатление. Капитан согласился, сам отобрал избранных для миссии, и дополнительно включил в команду легкораненого молодого парня. Делегация улетела.

- Этот Рудольф Петрович, - кивнул вслед улетающему вертолёту Охрименко, - важный гусь. Когда эта ерунда случилась, он сразу отправился в кабинет президента, и по радиации объявил сбор спасателей МЧС, сотрудников МВД, и военных. Почти со всеми силовиками, которые уцелели, связь наладил. Всё по уму сделал. Но только не ожидал, что в Кремль бандиты явятся. Алим – человек решительный, деловой. Он тоже сообразил, что к чему, и технично отстранил Рудольфа Петровича от руля. Поначалу положительное впечатление произвёл даже на полковника

Сергунова, которого я лично знал, как человека принципиального. Также после первого дня общения с ним его хвалил сам Генеральный директор аэропорта Володин. К утру для координации спасательных работ организовали Чрезвычайный комитет. А когда вечером члены Комитета снова собрались в Кремле, Алим заявил, что из-за падения государственной власти в России, пришло время позаботиться о создании независимого татарского государства. С этим уже не все согласились, некоторые демонстративно покинули Кремль. Другие спорить пытались. Утром спорщиков, среди которых были Сергунов с Володиным, утопили в Казанке. Вот тогда Рудольф Петрович сбежал. Когда мы узнали, что происходит в Кремле, решили пресечь беспредел. Я взял с собой три десятка курсантов, молодых ребят, и пошёл в Кремль. Только, что мы могли против сотни так называемых гвардейцев сделать? Они нас даже близко к Алиму не подпустили. Когда дошло до стычки, пришлось отступить. Тогда всё и началось. На штурм нашего лагеря бросили около трёх сотен новобранцев. Но после пары залпов у них только пятки засверкали. Алим решил нас на время оставить в покое, и отправил гвардейцев в Аэропорт. Только работники аэропорта, когда узнали о смерти Володина, взбунтовались. Мы им подсобили. Вот и воюем.

Офицер замолчал, и поучающим взглядом окинул притихших бригадиров. Впрочем, каждый здесь прошёл свою «чечню». Время до вечера пролетело незаметно. Возвращение вертолёт, который улетел в Нурлат, затягивалось. Опасения авиаторов оправдались. Радист сообщил об аварийной посадке в районе Билярска. Донесения патрульных групп час от часу становились тревожнее. Большая группа алимовцев вошла в Большие и Малые Кабаны, и отрезали защитников аэропорта от Оренбургского тракта. Не было никаких вестей от делегации, которая улетела в Нижний Новгород.

Андрея пригласили в салон вертолёт. Здесь, кроме Охрименко он увидел двоих авиаторов, армейского лейтенанта, плотного невысокого мужчину из кировских сопротивленцев, и Алексея Баринева. Охрименко прочитал последние донесения патрульных групп, высказал предположение о ночном штурме, и распорядился подготовить вертолёт с самолётом к отлёту на рассвете. Из-за отсутствия вестей из Нижнего Новгорода авиаторы предлагали лететь по маршруту Саранск – Пенза – Тамбов. Охрименко с лейтенантом настаивали на перелёте в Нижний. В конце концов перевесили доводы Охрименко, что без квалифицированной медицинской помощи большинство тяжелораненых долго не протянет. А

такую помощь получить можно только в Нижнем, где организовали работу госпиталя. Алексею с бригадирами поручили охрану лётного поля. Кировским ополченцам, которых представлял армейский подполковник Ильдар Баширов, доверили охрану комплекса Аэропортовых зданий. Андрея назначили ответственным за эвакуацию раненых. Лейтенанту Невскому, кроме руководства спецназом, поручили уничтожение навигационной аппаратуры Аэропорта, ангара и цистерны с горючим. Старт самолёта назначили на пять часов утра. Это означало, что к этому времени всем патрульным группам и спецназу предписывалось прибыть на лётное поле. Вертолёт стартует сразу после взлёта самолёта, и подрыва объектов, которые предназначены для уничтожения. Охрименко подчеркнул, что места на вертолёте забронированы только для спецназа, и офицеров с курсантами. Остальным предстоит лететь самолётом.

Андрей вернулся после совещания в аэропортовый терминал, и принялся соображать, сколько человек ему потребуется для погрузки тяжелораненых, и сколько времени на это уйдёт. Кореш тыкался мордой в ноги, и мешал сосредоточиться. Неожиданно пёс беспокойно взвизгнул, поджал хвост, и кинулся на улицу. Перекрытия терминала дрогнули, что-то рвануло, и часть стены обрушилась на людей. Наполовину оглушённый Андрей кинулся к дочери, повалил её на пол, и накрыл своим телом.

Второй взрыв прогремел на привокзальной площади. Тишина, которая наступила после этого, была пугающе нестабильной. Кажется вот-вот произойдёт третий удар. Но время шло, а третьего взрыва не последовало.

Все, кто чувствовал в себе силы, потянулись к завалившейся стенке. За мгновение перед взрывом там была лежанка с тяжелораненым парнем из Кировского района. Около него находился товарищ, и вертелись вездесущие детишки. В надежде найти живых, люди подсвечивали себе фонариками. Потом принялись разбирать завал. Не чувствуя рук, Андрей поднимал тяжеленные железобетонные обломки, и оттаскивал их в сторону. Кто-то вытягивал из-под завала окровавленного малыша.

ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ ГЛАВА

Для сотрудничества совсем не обязательно испытывать к партнёру дружеские чувства. Иногда достаточно лишь принципа «враг моего врага -

мой друг». ради достижения определённой цели всякие средства бывают хороши.

Примерно такое положение имело место в кремле между новым гражданским и военным руководством. Офицеры едва сдерживали неприязнь по отношению к высокому brunetu в стильном костюме за то, что он дал распоряжение устроить проверку боевых качеств реактивной системы залпового огня «Град». Он платил им той же монетой, но ради сотрудничества не показывал виду.

«Град» дал пару залпов. Высокий brunet щелчком стряхнул с плеча несуществующую пылинку, и с разочарованием произнёс:

- И это всё?

- Можно ещё пару залпов организовать, - выдавил из себя молоденький офицер.

- Что толку? - отмахнулся высокий brunet. - Где гарантия, что ракеты в цель попали?

- Завтра сами убедитесь, - пообещал офицер.

- Завтра! - неожиданно рявкнул brunet. - Который день завтраками кормите. Мятежники с вами, как со щенками, забавляются. Вместо планомерной осады, гоняетесь за курсантами. А на деле получается, каждый раз они вам при встрече шею мылят. Ладно с курсантами, вы ещё и бригадиров прозевали. Как на параде мимо вас на грузовиках проехали. Где были танки, артиллерия? С РПГ не могли врезать? Это же надо такими дебилами быть? И кто объяснит, как профукали банду, которую под Отарами засекли?

Офицеры смешались. На передний план вышел кривоногий офицер в потрёпанной полевой форме, отважно задрал перед brunetом подбородок, и заявил:

- Я докладывал командующему, при такой организации о штурме забыть надо. А как иначе? С кем воевать приходится? На танки трактористов посадили, на БМП – шоферов, а в пехоту детей набрали. Они в бой, как бараны на убой идут. Только сколотили более-менее приличную команду, как её тут же забрали, и перебросили в Казань, с бригадами воевать. О каком штурме речь? И ещё одно. Никакой поддержки с воздуха. Это саботаж какой-то. После первого выстрела, вертолёты, как ветром сдувает. Как это понимать? Значит, нам под пулями можно, а авиаторы за шкуру свою трясутся? Как по мне, так они пользуются своим привилегированным положением, и саботируют. Появилась польская вертушка, и всё... нет авиации. Потому и грузовики бригадиров

пропустили. Этот польский дьявол им дорогу расчищал. И тех, что из-под Отар в лощинку загнали, тот же «крокодил» вытащил. Где наша авиация была? Единственная вертушка, которую еле-еле допросились, при виде «крокодила» такого драпака задала... тьфу!

Кривоногий офицер сплюнул, умерил пыл, и продолжил:

- И удрать-то толком не смогла. Вот и спрашиваю, о каком штурме речь, если они и на земле, и в воздухе хозяйничают? Теперь, когда все бунтовщики собрались в Аэропорту, надо основные дороги перекрыть, а потом при поддержке с воздуха прижать их всех к аэровокзалу. Тогда по танкам можно из орудий прямой наводкой бить. А не лупить вот так, вслепую, неизвестно куда.

Брюнет внимательно выслушал кривоногого, и как отрезал:

- С этого момента отвечаешь за штурм Аэропорта. Я приказываю, Генеральный штаб переходит во временное распоряжение... как тебя?

- Капитан Зайнуллин, - с недоумением ответил кривоногий.

- В распоряжение полковника... - брюнет особо подчеркнул слово «полковника», и многозначительно посмотрел вокруг, - ...Зайнуллина. И если завтра до обеда возьмёшь Аэропорт – быть тебе генералом. Не возьмёшь – пойдёшь рыб кормить. Нечего тут с мятежниками возиться. Только помни, взлётную полосу не повреди. Она нам целая нужна.

- Извини, Алим, - развёл руками седоватый офицер с генеральскими нашивками, - стоит ли горячку пороть? У меня толковых бойцов, и дюжины не наберётся. Пойми ты, в основном пушечное мясо. Только зря людей положим.

- Ты что, не понял, Саяр?! - резко повернулся к генералу брюнет. - Я сказал: операцией командует полковник Зайнуллин. А ты отдохни пока. Хотя нет. Завтра можешь в Залесном в казаки-разбойники поиграть. Сегодня там тишина странная. Мятежники, как испарились. Найди, пожалуйста.

Генерал вяло отдал честь, и отступил в тень. Алим окинул офицеров пронзительным взглядом, и, не прощаясь, направился к ожидавшему его на обочине правительственному «Мерседесу». Он ввалился в салон, расслабленно потянулся, и презрительно выдал:

- Свора шакалов.

Радоваться повышению (такое назначение!) новоявленный полковник не стал. И дело вовсе не в страхе оказаться на дне Казанки. Смущало другое. Карьерному росту он оказался обязан не заслугами на поле боя, а языку. Впрочем, бывшее начальство без претензий. Кому

хочется голову в петлю совать? С одной стороны каждый понимает, Аэропорт обречён. Но с другой стороны... Кто его знает?

Мешкать Зайнуллин не стал, и собрал у себя в палатке офицеров генерального штаба. Операция по взятию Аэропорта не казалась ему сложной. Когда в распоряжении все правительственные силы, можно с курсантами в два счёта расправиться.

А сил было достаточно. В Песчаных Ковалях, и Габишеве уже сосредоточилась мотопехота. Столбищи контролируют танкисты. Можно к ним подкрепление из новобранцев подкинуть. В Больших и Малых Ковалях сосредоточилась штурмовая бригада особого назначения с мотопехотой. Надо бы для усиления перебросить туда две моторизованные роты, которые находятся в районе республиканской больницы. И снабдить все подразделения ПЗРК, чтобы польская вертушка не чувствовала себя в небе так вольготно. Неплохо было бы снять из-под Кремля зенитный комплекс на случай появления ненавистного летающего «крокодила». И ещё подтянуть артиллерию, включая «Гиацинты». Обязательно нужна поддержка с воздуха вертолётной эскадрильи. Пару вертушек можно для обстрела с воздуха живой силы противника использовать. Другую пару, для переброски десантников. Если система сработает согласованно, к обеду от обороны Аэропорта останутся одни воспоминания.

Алим вернулся в Кремль, и сразу же прошёл в кабинет главы своей Администрации. Тот лениво ответил на приветствие, и даже не снял задранных ног со стола. Видно было, что между ними какие-то особые отношения, которые ничего общего не имели с занимаемыми должностями.

Судьба их столкнула на дороге при весьма драматичных обстоятельствах, и накрепко связала. Алим, как сейчас, помнил этот день. В один миг мир застыл в предсмертных судорогах. Десятки автомобилей без видимых на то причин одновременно завияли на дороге, начали бесконтрольно сталкиваться друг с другом, и с хуком вылетать на обочину. Он резко затормозил, поспешно выбрался из автомобиля, и с ужасом уставился на агонию города, которая вмиг охватила всю окружающую на сколько хватал обзор территорию. Алим никак понять не мог, в чём дело. Рядом остановился серебристый «Опель». За рулем сидел Сергей, клиент банка, в котором Алим работал.

Именно так. Вопреки общепринятому мнению казанцев, которые пережили катастрофу, Алим никогда не был в мафии. Он был сыном

обеспеченных родителей, и окончил юридический факультет Московского университета. Два года работал в подмосковной юридической консультации, ещё тройку лет «тянул ляжку» на бывшем «краснознамённом» заводе, откуда его пригласили на работу директором коммерческого банка.

Биография Сергея была более красочной. Среднюю школу окончил с золотой медалью, учился в финансово-экономическом, энергетическом, и химико-технологическом институтах. Отовсюду уходил после окончания второго курса. Затем работал механиком в Автосервисе, барменом в ресторане, и инженером по маркетингу в крупной фирме. Все эти годы за кадром оставалась основная его специальность – комбинатор. Остап Бендер был наивным мечтателем по сравнению с фигурой Сергея. Он предпочитал оставаться в тени, и все свои комбинации прокручивал чужими руками. Поэтому об этой стороне жизни своего знакомого Алим не догадывался.

Как ни в чём не бывало, Сергей приветливо кивнул Алиму, и без обиняков предложил:

- Едем брать банк.

- О чём ты? - округлил глаза Алим.

- Когда ещё такая оказия будет? - развёл руками Сергей. - Надо моментом пользоваться.

Он с отчаянием смотрел на Алима, «неужели ошибся в нём?».

- Ты не понял, что произошло?

- Что?

- Вокруг себя посмотри. Только мы с тобой вдвоём на ногах. Остальные коньки отбросили. Пока суть, да дело... Ты что, не въезжаешь?

Наконец, до Алима дошло. В этой заварухе можно весь банк вывезти, и никто не заметит. В один день можно миллиардером стать. И никто, никогда... Он ринулся к автомобилю. Сергей с облегчением вздохнул. В пять минут доехали до банка. Двери оказались закрытыми изнутри. На поясе лежавшего на тротуаре милиционера заработала рация. Чей-то голос взволнованно объяснял, что катастрофа постигла всю планету, и призывал уцелевших сотрудников правоохранительных органов прибыть в Кремль. Сергей ошеломлённо посмотрел на Алима, который упрямо пытался дверь банка монтажкой вскрыть.

- Брось! - прикрикнул Сергей на новоявленного партнёра. - Никому твои бумажки больше не потребуются. Гоним.

Алим понять не мог, почему его оттаскивают от дверей банка. Сергей втолкнул Алима в автомобиль, сел за руль, и дал газу.

- Ты слушай сюда, - принялся чеканить Сергей. - Как только приедем в Кремль, берём инициативу в свои руки. Королём тот будет, кто власть сумеет в свои руки взять. Нужно срочно организовать спасательный комитет. Соберём ментов, и разошлём по городу. Пусть людей спасают. За это время наберём команду, уцелевших бандитов привлечём, и закрутим гайки.

Алим с раздражением смотрел на партнёра, и не понимал, к чему тот клонит. Сергей усмехнулся:

- Не бойсь ты! Как по маслу пройдёт. Тебя – президентом сделаем.

- Каким президентом?

- Для начала временным президентом Татарстана. Потом посмотрим, как пойдёт. Может всё Поволжье схаваем.

Услышав, что Сергей его президентом сделать хочет, Алим сразу подобрел. Но поверить в это не мог.

- А получится?

- Ты, парень представительный, с юридическим образованием. Лапшу на уши можешь запросто вешать. К тому же – татарин. Всегда можно национальную карту разыграть. А моя голова, чтоб тебя протолкнуть. Главой своей администрации меня сделаешь, и заварганим кашу.

Алим вспомнил подробности того злополучного дня, когда они с Сергеем решились на авантюру, которая прошла без сучка, без задоринки, устало упал в кресло, и тоже задрал ноги на стол.

- Эти вояки думают, в их руках судьба операции. Дебилы, хотят со своим быдлом курсантов задавить. Куда им... Завтра, когда курсанты слинянут, я им волосы из задниц повырываю. А потом покажу, как надо с паршивыми овцами управляться. Что там, в Нурлате?

- Прокол случился.

Алим побагровел, и скинул ноги со стола.

- Какого беса!?

- Не прилетел вертолёт.

- А где же он?

Сергей пожал плечами.

- С Аэропорта вылетел, а до Нурлата не долетел.

- И что?

- И ничего. Больше пока никаких новостей нет.

Алим нервно в напряжённых размышлениях зашагал из угла в угол. Затем остановился напротив Сергея, и предположил:

- Журик не напутал ничего? Могли они улететь не в Нурлат, а в Нурлаты.

- Ошибки быть не могло. Керн ему доверяет.

- Не раскрыли его?

- Такое абсолютно исключено.

Журиком Алим назвал Виталия Журикова, который помог Рудольфу Петровичу с побегом. Впрочем, побег этот запланировал Сергей. Когда Алим расправлялся с инакомыслием в Комитете, Сергей настоял, чтобы Керна «цементные башмаки» миновали. Он понимал, что общественных протестов им не миновать. Керн был козырной картой. Ему мятежники поверят. А значит, поверят человеку, который поможет бежать. И такой человек был на примете. Виталий Журиков, пятидесятилетний бухгалтер строительной фирмы пришёл в Кремль с семилетней внучкой. Сергей предложил бухгалтеру сотрудничество взамен на жизнь внучки. Договор состоялся. Сергея беспокоило сопротивление мятежных курсантов на Оренбургском тракте, и он решил план привести к исполнению.

Журиков «помог» Керну бежать из Кремля, и привёз его в Аэропорт. С этого момента Сергей систематически получал информацию о происходящем в Аэропорту. Именно с помощью Журика диверсанты сумели просочиться на лётное поле, и вывести из строя лётную технику. Но основной задачи Журиков выполнить не мог. Охрименко не обсуждал с Керном всех своих планов. Так было до момента, когда защитники Аэропорта смыться решили оттуда. В Кремле сразу же узнали, когда и куда полетят уцелевшие вертолёт, и самолёт. Срочно вошли в контакт с нижегородским руководством, предложили им арестовать мятежников в аэропорту, а также послали группу захвата в Нурлат.

- Я думаю, могла авария произойти, - предположил Сергей.

- Надо спецназ на поиски послать.

- Бесполезно ночью. Утром пошлём.

- С рассветом высылай, - согласился Алим. - А что в Нижнем? Генерал нас не кинет?

- Поляка уже к рукам прибрали вместе с делегацией. Самолёт тоже встретить обещали.

Алим довольно хмыкнул.

- Бойцов туда послал?

- Зачем? У них своих хватает. Кирилл с Алапаевым полетели. Женщин с детьми пускай там, трогать не стоит. А мужиков в кандалы, и сюда.

- Стерв этих тоже бы вздёрнул, - поморщился Алим. - Да, ладно, пусть пока живут. Мне бы этого Керна вместе с Охрименко заполучить. Я бы своими руками из них кишки выпустил.

- Тебе нельзя, - наставительно произнёс глава Администрации. - Втихаря не получится. Дело огласку получило. Нам придётся судебный фарс здесь организовать.

- Зачем?

Алим дёрнулся, и заходил из угла в угол. Снова остановился напротив Сергея, и бешено завращал глазами:

- Тебя что, генерал беспокоит? Я ему все объяснил. Не сунется.

- Сейчас может не сунется, - ухмыльнулся Сергей, - но когда-нибудь припомнит.

- У нас независимость, и самоопределение, - рубанул по воздуху кулаком Алим. - И мы имеем право карать мятежников.

Сергей изобразил аплодисменты, и подколот:

- Наполеон, да и только. Престо мною можешь не паясничать. Какое к чёрту самоопределение? Мы с тобою определили, что к чему. А народ... Народ привык к твёрдой руке. Только переигрывать тоже опасно. Пора к дипломатии переходить.

- Ты что, Серега, какая дипломатия? - Алим развёл руками. - До тех пор воевать буду, пока всех не успокою.

- Очнись, Алим. Это тебе не компьютерные игры. Через пару месяцев у тебя не останется ни авиации, ни армии боеспособной. А тогда приходи, и бери нас голыми руками. Без дипломатии, брат, и без союзников не обойдёшься. С челнинскими добазарились, дай бог, альметьевских тоже уломаем. А с остальными придётся повозиться.

- А что с генералом делать собираешься?

- С генералом – дипломатия вдвойне. Он старый лис. С ним шутки не пройдут.

- Какая там дипломатия. Грохнуть его надо, пока он без охраны обходится. Грохнуть, и дело с концом.

Сергей всплеснул руками:

- У тебя что, крыша поехала? Его сынки нас в порошок сотрут.

- А кто узнает? - пожал плечами Алим. - Надира пошлём. Он шустрый парнишка.

- Перестань, - отмахнулся Сергей. - Топить в Казанке он мастак. Но тут тебе не шутки, тут дело серьёзное... Да и не резон. С генералом мы вроде как добазарились. А с его преемником пришлось бы по новой волюнку крутить. Так что отпусти себе. Пусть поживёт пока генерал. А мы за это время себе союзников поищем, и силёнок побольше наберём.

- Я Саяра в Залесный отправил.

- На хрена?

- Пусть там за мятежниками побегает.

- А под Аэропортом кого оставил командовать?

- Капитана поставил, не помню, как зовут. Да и неважно. Завтра получит по башке, и в Казанку.

- Да что ты кровожадный такой? Если будем так офицерами разбрасываться, с кем потом останемся?

- Научка будет.

- Какая научка, - рассердился Сергей. - За что?

- Сколько можно с Аэропортом возиться?

- Возиться? - Сергей сбросил со стола ноги, и нервно зашагал по комнате. - Нет смысла тупо штурмовать аэропорт, и потерять при этом половину квалифицированных офицеров. Я сам просил Саяра не переусердствовать. Цель была без потерь с нашей стороны потерзать их, выдавить из Аэропорта, и заставить убежать куда-нибудь. Что непонятного? Какого дьявола ты лезешь туда, в чём не сечёшь?

- Твои бандиты тоже успели дров наломать.

- Успели, - согласился Сергей. - Но без них ты пяти минут здесь не усидел бы. Всему своё время. И бандитам гонор укоротим.

- Ладно, Серёга, я понял.

Алим сорвался со своего места, и пулей вылетел из кабинета Главы своей Администрации.

ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ ГЛАВА

Малыш подавал признаки жизни. Рогожин осмотрел его, и сокрушённо покачал головой:

- Не жилец.

- Ну, мы ещё посмотрим, - процедила сквозь зубы невысокая, среднего возраста женщина из числа кировских сопротивленцев.

Не сразу понял Андрей, когда принимал кировских на лётном поле, что среди них были две женщины. Одна – постарше, невысокая, плотная. Другая – лет двадцати пяти – тридцати, высокорослая, худощавая. Измождённые, в изодранных гимнастёрках, и штанах, обе ничем не отличались от мужчин. Только позднее он присмотрелся, и с удивлением открыл своё заблуждение.

Невысокая властно глянула на кого-то из своих товарищей, и внятно произнесла:

- Освободи стол.

Потом прожгла взглядом молодую товарку, и, как отрубил:

- Не стой как памятник. Готовь инструмент.

Сопротивленец смахнул со стола вещи, и застелил его одеялом с чистой простынёй. Малыша перенесли на стол. При свете обыкновенных фонариков, женщины готовились к операции. Рогожин вызвался помочь. Андрей разгребал рухнувшую стену, и с недоверием следил за тем, что происходило в импровизированной операционной. Как ему казалось, оперировать в подобных условиях – дело безнадёжное. Женщина-хирург сосредоточенно резала. Рогожин подавал инструменты, что-то скреплял. А та, что помоложе, следила за состоянием малыша. В какой-то момент она испуганно вскрикнула:

- Пульс ослаб, Мария Фёдоровна.

- Ты давай, миленький, держись, - проворковала хирург. - Держись, золотой. Ещё чуточку.

Андрей удивлённо оглянулся. Марией Фёдоровной звали известного хирурга республиканской больницы. Неужели это та самая Огарёва Мария Фёдоровна? Та, что стояла у стола, ничем не напоминала цветущей женщины, которую пять лет назад Андрей благодарил за спасение отца. Но голос... Сомнений никаких, именно она оперирует малыша. Какие испытания выпали на долю этой женщины, чтобы так изменить её внешность.

- Шляпу снимаю перед вами, - восторженно пробормотал Борис Львович, когда Мария Фёдоровна распрямилась. - Ничего подобного не видел.

- Не спешите восторгаться, - устало прошелестела Огарёва. - Всё в руках божьих. Травма гораздо серьёзнее, чем я предполагала. Дай Бог, чтобы до утра протянул.

Из-под завала извлекли тело кировского сопротивленца. Его аккуратно поднесли к Марии Фёдоровне, и положили на пол. Она

склонилась над товарищем, коснулась шеи, поднесла веки, подсветила фонариком, и сухо поставила диагноз:

- Мёртв.

Андрей заметил под тяжеленным фрагментом стены мужской ботинок. Он отвалил бетонную глыбу, и отшатнулся от неприглядной картины. Второму кировскому помощь тоже была не нужна. Андрей отошёл к противоположной стене, и присел на корточки. Много чего он насмотрелся за это время, но сейчас пришлось дурноту в себе сдерживать.

Из-под завала освобождали следующую жертву, девочку лет семи. Несколько рук тянулось к тельцу девочки, кто-то подсовывал руки под туловище, кто-то отваливал куски бетона, кто-то тянул за спортивную курточку. Девочку положили на операционный стол, и Огарёва приступила к следующей операции.

Завал растащили, и извлекли ещё двоих девочек. Одна была без сознания, другая мертва. Под рухнувшей стеной больше никого не было. Полночь только минула, но Андрей решил немедленно приступать к эвакуации. С детьми было просто. Он собрал их на бетонной площадке терминала, и провёл к трапу. Здесь детишек приняли две симпатичные стюардессы. С тяжелоранеными пришлось повозиться. Офицер с пятеркой курсантов категорически настаивали, чтобы их несли в вертолёт. Гражданские аэропортовцы также категорически не хотели с курсантами разлучаться. Андрей ссылался на приказ Охрименко, и пытался им помешать, но авторитета капитана не хватало. Офицера, курсантов, и шестерых тяжелораненых гражданских погрузили в салон вертолёт. Только после этого в дело вмешались пилоты. Они настояли, чтобы остальных раненых грузили в самолёт. Лишь трём местным женщинам разрешили остаться для опеки. Андрей завершил погрузку раненых на самолёт, и вернулся к вертолёту. Он кивнул на пассажиров, которые расположились в салоне вертолёт, и сказал:

- Охрименко озверевает.

Пилот мрачно усмехнулся:

- А чего звереть? Сам виноват. Слушал бы нас, все бы уцелели. А так...

- Эвакуироваться не хотел?

- Не хотел. Можно было спокойно в самолёты погрузиться, и адью, - скривился пилот, - не дошло бы до такого. А он упёрся, народ, видишь ли, нас поддержит. И где этот народ?

Пилот с горечью махнул рукой.

- С этой бедой потерялся народ, - подсказал Андрей. - А Охрименко...

- Боевой, больно, - прервал Андрея пилот. - Пусть поостынет. С тридцаткой ребятишек партизанить захотел. Нет, уж. При эвакуации десятерых, не больше, приму. Может, расхочется воевать-то.

- Не расхочется, - уверенно заявил Андрей. - Как облупленного его знаю. И с десятком партизанить будет. Дело даже не в нём. В Нижнем раненым смогут помочь, а что их в Нурлате ждёт?

- Так попробуй их уговорить, - отмахнулся пилот.

Тяжелораненый офицер услышал последнюю фразу.

- Топал бы ты отсюда, друг, - прошипел он. - Даже не пытайся нас уговаривать. Я за себя сейчас не отвечаю, пристрелю.

- В Нижнем врачи... - сделал попытку представить аргумент Андрей.

- Мы сами как-нибудь вылижемся, - прервал его офицер. - И катись, говорю, отсюда пока не пристрелил.

- Ты иди отсюда, иди, - вытолкнул из вертолётa Андрея пилот. - Эта солдатня больная на всю голову.

Андрей сплюнул с досады, и потопал к самолёту. Время тянулось, как каучуковый бинт. Ночь была в полном разгаре, когда послышалась стрельба со стороны Габишева. Судя по коротким очередям вперемежку с одиночными выстрелами, столкновение было стихийным. Не похоже, чтобы алимовцы пошли на штурм аэропорта. И вскоре в подтверждение этого выстрелы прекратились.

На востоке засерело небо. Со стороны Оренбургского тракта донёсся гулкий лай автоматической пушки. Дробный треск автоматического оружия, который прерывался гулками разрывами снарядов, не прекращался. Около Малых Кабанов разгорелся нешуточный бой.

Перед самолётом притормозил КАМАЗ с группой бригадиров. Алексей с тревогой прислушался к канонаде, и предположил:

- Может, им помощь нужна? Надо бы с Охрименко связаться.

Андрей нервно взъерошил себе волосы, и проворчал:

- Откуда я знаю?

- А связаться бы с ним не помешало, - упёрся Алексей.

Связь прямым текстом капитан запретил. Курсанты общались при помощи установленного шифра, который не был известен ни Андрею, ни бригадирам. Можно с этим к связисту обратиться, который находится на площади в связном «Уазике». Но тот пытается с Нижним Новгородом связаться, и лучше не отвлекать его.

- Надо перетереть с подполковником Башировым, - предложил Андрей.

Баширов и сам рвался в бой, но... дисциплина есть дисциплина. Он прислушался к перестрелке, и согласился, что помощь в таком деле не помешает. Кировских омовцев даже уговаривать не пришлось. Баширов поморщился, и отпустил троих омовцев, и молодого парня из кировских. Они вскочили в кузов к бригадирам. Андрей удержал Алексея:

- Ты отвечаешь за лётное поле.

Алексей сморщился, как от зубной боли.

- Оставайся, брат, - просительным тоном обратился к нему Сурен Айвазян. - Мы и сами с усами. Мигом слетаем, дадим кому надо по рогам, и обратно.

Алексей недовольно отмахнулся, и неохотно потопал в сторону лётного поля. КАМАЗ уехал. Андрей с беспокойством посмотрел на часы. До эвакуации осталось чуть больше двух часов. Вскоре канонада стихла. Лётчики пошли осматривать взлётную полосу. Время словно остановилось.

Вскоре вернулся бригадирский КАМАЗ, и привёз тяжелораненых. Бригадиры, которые доставили их, стали захлеб рассказывать о стычке на окраине Малых Кабанов. Заваруха началась, когда БМП дозорной группы курсантов неосторожно приблизился к селу. Из села выдвинулся бронетранспортёр алимовцев, и завязалась перестрелка. Тройка алимовских бээмпешек зашли с фланга, и подбили БМП дозорных. И тогда в гущу вражеской техники ворвался ставший здесь уже легендарным бакатинский танк. Он разворотил бронетранспортёр, и подбил одну из бээмпешек, чем принудил алимовцев к отступлению. Бригадиры с кировскими прибыли под Малые Кабаны с опозданием. Сюда же с восточного сектора прибыл патрульный БТР. Но и на их долю также досталось. Алимовцы воспользовались темнотой, и вступили в бой. Они подбили патрульный БТР. После интенсивной перестрелки, и стремительных танковых рейдов, алимовцев удалось усмирить.

Андрей слушал рассказы бригадиров, и вдруг заметил отсутствие среди них своего тёзки, того самого, с которым на пару воевали в торговом центре. Он вспомнил, как тот дружелюбно махнул ему из кузова, когда КАМАЗ отправлялся на акцию. Андрей тогда подумал, что безрассудно с раненой рукой в бой отправляться. Но не остановил его.

- Где Кокошин? - с тревогой спросил у рыжего бригадира.

Тот потупился.

- Погиб братишка.

- Как погиб?

Андрея прошиб холодный пот. Как же так? Всего полтора часа назад они перекинулись ничего не значащими фразами, типа «как дела». Какие тут дела? Как быстротечно всё меняется на войне. Только что Кокошин надеялся на что-то, верил в свою счастливую звезду, и на тебе...

Из состояния шока Андрея вывела серия выстрелов. Выстрелы доносились со стороны Столбищ, и вскоре перешли в беспорядочную трескотню. Время от времени слышались пушечные разрывы. Бригадиры с кировскими снова погрузились на КАМАЗ, и отправились в район стычки. Андрей с беспокойством смотрел им вслед. Экипаж вернулся к самолёту после проверки взлётной полосы, и включил прогрев двигателей. Гулкий шум турбин заглушил канонаду.

Кировские снялись с охраны терминала, и поднялись на борт самолёта. Андрей проверил, не осталось ли кого-то внутри здания. Он убедился, что там никого нет, и вернулся на лётное поле. Солнечные лучи скользили по обшивке самолёта, свидетельствуя о приближении времени эвакуации. На верхней части трапа стояла молоденькая белокурая девушка-бортпроводница, энергично махала Андрею рукой, и поторапливала подняться на борт. Наперегонки с Корешем он подбежал к трапу, и поднялся наверх, перескакивая через ступеньки. Трап начал уже отъезжать, и им с Корешем пришлось поспешно внутрь салона заскакивать. Самолёт дёрнулся, и медленно поехал к взлётной полосе. Бортпроводница задорно глянула на Андрея, и выставила ему оценку:

- А вы, Андрей Иванович, ничего мужик. С вами любая счастлива была бы.

- С чего вы? - удивился Андрей.

- Вижу я людей, - загадочно улыбнулась девушка. - Надёжный вы, верный.

- Откуда вам знать? - недоумевал Андрей.

- Мне бы такого, как вы, - мечтательно произнесла бортпроводница. - Да, видно, не судьба. Ну, скажите, чем я хуже вашей Изабелы?

- Вот женщины, - покачал головой. - Кругом война, а у них в голове ляmur. Кто вам про Изабелу сказал?

- Дочка ваша заложила, - улыбнулась бортпроводница.

- Вот, козявка, - улыбнулся Андрей, оценивающе окинул девушку с головы до ног, и с игривым выражением лица присвистнул: - Вам, девушка, одиночество не грозит. Если бы я моложе был лет эдак на десять... Эх, несдобровать бы вам.

- Бросьте, Андрей Иваныч, - отмахнулась девушка, - не прибедайтесь. Изабела младше меня.

- Ну, сдаюсь, сдаюсь, - примирительно моргнул Андрей, и в шутку задрал руки кверху: - Боюсь с вами спорить.

Самолёт подрулил к месту разгона, развернулся носом к взлётной полосе, и застыл, готовый к взлёту. Авиатехники подогнали к люку передвижной трап. К самолёту подбежали бригадиры, которые охраняли лётное поле. Андрей пропустил их в салон, приказал Корешу оставаться на месте, а сам сошёл на бетонную полосу. Он глянул на северо-восток, и обомлел. На окраине аэродрома появились танк с бээмпешкой. Они медленно отползали, и вели интенсивный огонь для прикрытия отхода пешей группы. Решение созрело мгновенно. Он подбежал к КАМАЗу, открыл дверь в кабину, и на секунду замер. Со стороны Малых Кабанов снова послышалась канонада. Опасения Охрименко сбылись. Алимовцы пошли на штурм. Автомобиль завёлся с пол-оборота, и он погнал его навстречу пешей группе.

Первыми подобрал Михася и Кирилла с тяжелораненым аэропортовцем. Пока аэропортовца поднимали в кузов, кировский омовец Плужников приволок на себе тяжелораненого капитана из своих. Андрей беспокожно глянул вдаль. Там две девушки волокли на себе раненого парнишку. Замыкал шествие Айвазян. Также кого-то тащил. Михась обратил внимание на беспокойный взгляд Андрея, и устало произнёс:

- Успеем.

Он кивнул в сторону лётного поля, по которому неслись бээмпешка с бронетранспортёром. Это дозорные с южного сектора устремились на подстраховку товарищей со столбищенского направления. Бригадиры заняли места в кузове, и Андрей подогнал грузовик к отставшим. Айвазян погрузил раненых в кузов, вскочил к Андрею в кабину, и начал алимовцев крыть на чём свет стоит.

- Эти сволочи, бараны курдючные, нам даже выстрелить, брат Андрей, не дали. Да, чтобы у них на голове рога выросли. Снаряд под колёсами разорвался. Чтобы в глотку им этим снарядом! Бар-раны безрогие! Егорку жалко. Молодой парнишка. Так, малец, мучается. Капитана тоже зацепило. Плужникову пришлось на себе его тащить.

- Далеко алимовцы?

- Не знаю, - признался армянин. - Отсюда не видно. Когда там были, танков там, может штук пять видел. До них километр, может полтора

было. Они по нам стреляли. А две бээмпешки, клянусь мамой, совсем рядом были. Их потом Пашкин танк раздолбал.

Андрей притормозил около самолёта. Раненых спешно подняли в салон. Звуки канонады заглушал рёв турбин двигателей самолёта. Всё было готово к отлёту. Андрей непроизвольно глянул на часы. Стрелки показывали без пяти пять. Бронетехника отползала очень медленно.

«Что же, они медлят?» - нетерпеливо подумал он.

- Охрименко ждут, - услышал Андрей голос Баширова, который неслышной тенью вырос за спиной. - И с Габишева никого не видно.

Со стороны Габишева появились танк с бээмпешкой. Они словно ждали слов подполковника.

- Одной не хватает, - заметил Баширов.

Андрей тоже заметил отсутствие второй бээмпешки, которая закрывала габишевский сектор. С горечью вспомнил суровые слова Охрименко, «как попрут, сразу меньше останется». Со стороны Аэропорта, ломая ограждение, въехали танк, три бээмпэшки, и «Рысь», боевая разведывательная машина. Таких машин у курсантов было две. Одна из них была в распоряжении капитана Охрименко, другая – у командира патрульных бригад лейтенанта Ларюхина. Техника притормозила около вертолёта. Подполковник нервно поскрёб подбородок:

- Жаль капитана.

Как Баширов определил, что приехал БРМ лейтенанта Ларюхина, Андрей не понял. Издалека рассмотреть какие-либо индивидуальные признаки на прокопчённой «Рыси» невозможно. Но поверил. Всё-таки Баширов военный человек. У него глаз намётан на такие вещи.

- Братцы, все в самолёт. Курсанты тоже.

Андрей адресовал эти слова экипажам дозорных со спецназовцами, которые охраняли столбищенское, габишевское, и южное направления. Большинство из них надеялись получить места на вертолёте. Андрей заметил недовольство на их лицах, и объяснил:

- На вертолёте уже мест нет. Пилот согласился взять на борт не больше десяти человек. Вам там мест по-любому не достанется.

Дозорные поморщились, но возражать не стали. Железные аргументы Андрей привёл. Лязгая оружием, они соскочили на землю, заглушили технику, и принялись поливать её соляркой. Андрей заметил, что столбищенские, и габишевские дозорные разительно отличаются от дозорных с южного сектора. Дозорные с юга были какие-то чистенькие. Столбищенские с соседями из-под Габишева успели понюхать пороха,

были чёрными от копоти, в изодранной одежде, измученные и в бинтах. Когда они поднялись на борт самолёта, от вертолётки отделились танк с двумя БМП.

- Ты смотри, кажись Бакатина не взяли, - услышал Андрей чей-то взволнованный голос.

Танкист Бакатин был живой легендой аэропортовцев. Его отчаянные рейды приводили алимовцев в ужас. Бронетехника подъехала к самолёту. Её поставили впритык к танкам, бээмпешкам, и бронетранспортёру. В самолёт подняли двух тяжелораненых женщин, и повторили процедуру с поливанием техники соляжкой. Андрей поднялся на борт, и поторопил курсантов.

Группу замыкал приземистый прокопчённый танкист. Он дождался, пока последний курсант поднимется на борт, откатил от самолёта трап, возвратился, и протянул руки кверху. Двое курсантов опустили вниз поясные ремни. Андрей с недоверием увидел, как танкист вцепился за них руками, и курсанты, упираясь о края люка, потянули его. Кажется, откуда у этих измученных людей сила? Разве, что в непреклонной воле, с которой оказалось всё в порядке. Танкист уцепился за края люка, подтянулся, и перевалился внутрь. Затем откашлялся, подмигнул бортпроводнице, и лукаво причмокнул губами. К люку подошёл худощавый курсант, прицелился ракетницей в облитую соляжкой технику, и выстрелил. Вспыхнула разлитая на земле соляжка, и огонь перекинулся на танки и БМП. Бортпроводница бесцеремонно отстранила от люка курсантов, и поспешно захлопнула его. Самолёт пошёл на разгон.

Танкист, который был тем самым знаменитым Бакатиным, приткнулся спиной к перегородке, и сдёрнул с головы шлем. Он оказался молоденьким парнишкой, лет восемнадцати-девятнадцати. Андрей опустился рядом.

- Как там было? - спросил участливо.

Танкист мимолётно скривил губы, и низким грудным голосом отозвался:

- Хреново.

- Видел, как Охрименко погиб? - после паузы спросил Андрей.

- Бог миловал, - устало усмехнулся Бакатин. - Не погиб капитан. Он заговорённый. Бэрээмку разворотило, Евгешу с Игорёшкой наповал, а ему хоть бы хны. Даже царापинки единой нет.

- Слава Богу, - облегчённо вздохнул Андрей. - А ребятишкам Царство небесное.

- Нет никакого Царства небесного, - потемнел Бакатин. - Антихрист на землю сошёл. Всё сейчас не так, всё не по-людски. Ни веры, ни надежды не осталось. Только гневная пустота в душе.

«И то правда, - подумал Андрей. - Точно мальчишка определил. Если нет в душе места любви – то там появляется гневная пустота».

Самолёт пробежал с ускорением по взлётной полосе, и тяжело оторвался от земли. Пассажиры прикинули к иллюминаторам, чтобы напоследок увидеть то, что происходит внизу. Самолёт накренился, и сделал разворот направо. Строения сразу уменьшились в размерах, и те, кто сидел по правому борту, увидели, как подрываются самолёты около ангара, и сам ангар. Сила взрыва была так сильной, что Як покачнуло. Он поболтался немного, выровнялся, и взял курс на Нижний Новгород. Кто-то успел заметить, как пылают на лётном поле танки с бээмпэшками. Самолёт вошёл в облака, и земля исчезла из поля зрения пассажиров.

Огарёва продолжала в сложных условиях полета кроить только что доставленных на борт раненых курсантов. Как никогда, она была сосредоточенной, и внимательной. От точности движений зависела жизнь несчастных. Никогда Мария Фёдоровна не предполагала работать скальпелем в таких условиях.

Самолёт поднялся на заданную высоту, и трясти стало значительно меньше. Андрей дружески похлопал танкиста по плечу, и двинулся вдоль прохода ближе к детям. Он через чьи-то ноги перешагивал, перескакивал через узлы, и ошеломлённо разглядывал соратников, которых словно впервые увидел. Только что на головы этих людей сыпались снаряды, только что они отбивались от озверевшей банды подонков, а может и не подонков, а вынужденных воевать по принуждению. Теперь измученные мятежники с любовью и вниманием помогали друг другу принять человеческий вид, отирали друг друга от многодневной грязи и копоты кусочками чистых простыней, намоченных водой. Они покидали родину, и словно отрезали прошлое, чтобы прилететь в будущее с чистыми помыслами, душой и телом. Как можно такой ад выдержать, и не озвереть? Понять такое невозможно, если не пережил сам. Они понимали, что выполнили свой долг до конца, и теперь нужно за тех жить, кто остался там, в навсегда оставленном прошлом. Им не удалось наказать зла. Но чем измерить то, что они всё-таки сделали? В сердцах появилась надежда на жизнь без выстрелов, жизнь без ненависти, жизнь без злости. По крайней мере, в это они верили.

Андрей ненадолго задержался около брата, который расслабленно откинулся в кресле, и залюбовался его богатырским телосложением. Много дней Виктор не снимал с себя одежды, и только здесь в самолёте позволил сбросить с себя всё, оставшись в одних трусах. Впрочем, так поступали здесь многие: мужчины, женщины, дети. Из-за неисправности системы кондиционирования, в салоне самолета стояла невероятная духота. Пассажиры обтирали тела намоченными кусочками простыней, и расслабленно, не стесняясь наготы, ложились в кресла. А то усаживались прямо на пол, лениво перебрасывались между собой малозначащими фразами, и с упоением вкушали наступивший покой. Андрей заметил, что тело Виктора покрыто кровоподтеками, и кровоточащими ссадинами. Огромный синяк на груди обозначал место попадания пули в бронежилет. Жить с этим можно, только при каждом резком повороте туловища, или толчке, Виктор чувствовал сильную боль. Поэтому двигался осторожно, и старался не делать резких движений.

«Иждивенец» примостился на коленях у Галины, которая частенько оказывалась рядом с Виктором. Теперь он лениво помахивал хвостом, и поводил усами. В измученных глазах женщины читались умиротворение и покой. Куда подевались округлые формы, которые привлекали когда-то мужчин? Сейчас, если б не мясистые женственные груди, она была бы больше похожа на парня из какого-нибудь боевика. Под ногами свалены в кучу защитного цвета куртка, бронежилет, тёмная футболка с грязно-серыми джинсами, и выдавший виды автомат Калашникова с подсумком. На людях Виктор сухо называл Галину «партнёром», или «напарником». Но бригадиры при виде этой пары понимающе улыбались. Никому не чуждо было человеческое. А уж здесь-то никто не сомневался, что можно от таких отношений ожидать.

Неподалеку от Виктора притулился Леонид. Казанский чудотворец сильно осунулся, скулы заострились, и глаза просветлели. Все эти дни он не отходил от нуждающихся в помощи раненых. Мария Фёдоровна ещё в аэропорту с удивлением отметила, что после воздействия этого удивительного человека на прооперированных ею пациентов, процесс реабилитации происходит в неправдоподобном темпе. Боли уменьшались, а иногда полностью исчезали. И хотя по старой привычке она пыталась это объяснить состоянием необыкновенного возбуждения, в котором оказались люди, это не могло всего объяснить. Во всяком случае, Мария Фёдоровна со вниманием отнеслась к чарам Леонида, которому без злого

умысла прилепили прозвище «Кашпировский». Он не обижался, и откликался также на это имя.

Впервые за много дней, бригадиры расслабились. Ильгиз опустился на пол, и заснул там, где сидел. Он причмокивал во сне, как ребенок, и нервно подёргивался. Видно во сне продолжал отражать атаки алимовцев. Рядом беспомощно приткнулся, и напрочь отключился Кирилл. Поодаль, легко похрапывал Алексей.

Наконец, Андрей добрался до детей. Игорёк вытянул перед собой длинные ноги, и крепко спал. Рядом маялась разомлевшая от духоты Милка, и поглаживала Кореша, который притулился к её ногам. Андрей с умиротворением смотрел на них, узнавая и не узнавая. Множество дней они находились в постоянном напряжении, и практически без отдыха. При этом он не услышал ни одного проявления слабости, ни одной жалобы. Ему нравилось, какими они стали. Самостоятельными и самодостаточными. Радовался он также тому, что теперь оба они вместе с ним, не погибли в катастрофе, не пропали, не пострадали в дороге, не остались навсегда среди жертв этой непонятной войны в родном городе.

Кореш встрепенулся. Андрей потрепал его по загривку. Затем уселся прямо на пол рядом с ним, и стал усиленно тереть виски, чтобы взбодриться. Бортпроводница, с которой он общался у входного люка, принесла кусок намоченной простыни. Андрей сбросил с себя одежду, и принялся отирать лицо и тело, поглядывая в подставленное Милкой зеркальце. Бортпроводница присела рядом с Андреем на корточки, отобрала тряпку, и принялась молча массировать спину. Приятные ощущения расплывались по всему телу, расслабление коснулось век, глаза сомкнулись. Андрей даже не заметил, как голова безвольно склонилась, и бортпроводница бережно, чтобы не потревожить мимолётного сна, прижала её к своей груди.

Самолёт уносил их, разомлевших и расслабленных, подальше от выстрелов и разрывов, которые так неожиданно вошли в жизнь после кошмара всемирной катастрофы. Пассажиров было значительно больше, чем предусматривали нормы перевозки для этого типа самолёта, но никого это не волновало. Главное, по весу не перебрали. Пусть многие из них при посадке не смогут ремнями безопасности пристегнуться, это не было самым страшным после того, что пришлось испытывать им в последние дни. Лишь бы сама посадка прошла нормально. А как раз именно этого лётчики не гарантировали.

ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ ГЛАВА

Солнечный луч лизнул Агнешку в щеку, мазнул по ресницам, и заполнил весёлыми красками комнату. Агнешка сонно потянулась, и крепко зажмурилась от бьющего в глаза света. Скрипнула соседняя кровать, и заставила её окончательно проснуться. На соседней кровати спала Изабела. Впрочем, Агнешка поняла, что подруга тоже не спит, пружинисто вскочила, и склонилась над её изголовьем. Мокрые от слёз щеки насторожили Агнешку.

- Снова страшилки приснились? - участливо спросила она Изабелу.

Изабела всхлипнула, и подтвердила:

- Приснились.

Агнешка скользнула под одеяло, прижалась к телу подруги, и мечтательно пропела:

- Счастли-ивая ты, Изка. Влюблё-ённая.

Изабела снова всхлипнула, и произнесла:

- Недобрый был сон.

- Изка! - насторожилась Агнешка. - Не накаркай, я тебя прошу.

- Птицу видела, - продолжала Изабела, - огромная птица, хищная. Потом Андрея увидела с Томаком. В болоте они завязли, вместе с детьми завязли. Их это болото засасывает, и засасывает. И тут птица на них налетела. Схватила она Андрея. Вместе с детьми схватила.

- Вот видишь, - торопливо пробормотала Агнешка. - Эта птица, вертолёт Томека. Он их вытянет из болота. И конец у твоего сна будет счастливый.

- Не понимаешь, ты, Ага, - укоризненно покачала головой Изабела. - Птица эта хищная.

- Так ведь вертолёт Томека тоже хищный. Боевой вертолёт.

- Эта птица несла их своим птенцам, - прошептала Изабела. - А птенцы были голодными.

- Да ну, тебя, Изка, со своими снами, - недовольно поморщилась Агнешка.

Ей стало страшно за Томека. Чтобы успокоить себя, а заодно и подругу, она начала сходу фантазировать.

- А мне приснился добрый сон. Будто прилетел Томек, и забрал нас с тобой в Казань, в тайгу. И зажили мы там все вместе в огромном бревенчатом доме.

- Ты постой, тормозни чуток, - остановила буйную фантазию подруги Изабела. - Откуда в Казани тайга?

- Как откуда? - удивилась Агнешка. - А что, по-твоему, в Сибири, пустыня, что ли?

- Так ведь Казань не в Сибири, - засмеялась Изабела.

- А где? - с недоумением задрала брови Агнешка.

- В европейской части России.

- Мне казалось, Казань – за Москвой.

- За Москвой, - подтвердила Изабела.

- Значит, в Сибири, - уверенно подытожила Агнешка, и рассмеялась.

Улыбнулась и Изабела. Ей расхотелось доказывать Агнешкину неправоту. Она мечтательно закрыла глаза, но снова перед глазами возникла страшная птица, которая трансформировалась в самолёт. Вдруг в салоне самолёта Изабела чётко разглядела голое тело Андрея, который прислонил голову... к женской груди, и в ужасе открыла глаза...

...Андрей проснулся в тот момент, когда самолёт коснулся колёсами поверхности взлётно-посадочной полосы аэродрома Стригино. Туловище резко потянуло на бок, голова прижалась к чьей-то тёплой, и мягкой груди. Андрей понять не мог, каким образом оказался в объятиях бортпроводницы. Девушка смущённо улыбалась, но решительно пресекла попытку подняться.

- До полной остановки сидите, Андрей Иванович.

- Да, я... как-то... - начал смущённо объясняться Андрей.

- Молчите вы, - приложила пальчик к губам бортпроводница. - Ничего ведь страшного не произошло. И вам было спать удобнее, и мне не так жутко. Уж примите мой маленький каприз. Через пару дней вы улетите в Польшу, и всё забудете. А я останусь здесь, в Нижнем Новгороде, и буду иногда вспоминать, как целый час десять минут провела в объятиях милого, и хорошего человека.

- Вы симпатичная, - пробормотал Андрей, - и романтичная. Ещё встретите порядочного парня, и устроите свою судьбу. Надо оптимисткой быть. Кстати, я даже не знаю, как вас зовут.

- Светланой меня величать, - охотно ответила бортпроводница. - А фамилия у меня отнюдь не оптимистичная – Одинокова.

- Поверьте мне, Светочка, - заверил её Андрей. - Встретите свою вторую половину, и смените, как вы говорите, не оптимистичную фамилию.

- Я уже была замужем, - задумчиво произнесла бортпроводница, - за очень хорошим человеком. Только вдруг оказалось, слишком много хорошего не всегда хорошо.

- Жаль, - смешался Андрей, и натянул на тело рубашку.

- Да нет, ничего, я примирилась, - мило улыбнулась Светлана, и показала неотразимые ямочки на щеках. - После катастрофы гораздо хуже было.

Самолёт пробежал по взлётно-посадочной полосе, и на мгновение приостановился. Затем поехал, маневрируя, и вскоре окончательно остановился.

- Вот и приехали, - еле слышно произнесла девушка, после того, как двигатели резко сбросили обороты. - Только экипажа пропускать, как это у нас принято, не будем.

Пассажиры зашевелились. Светлана окликнула подругу, которая показала около люка:

- Юлечка, открывай люк.

- Сделаю, Светочка, - ответила та.

Светлана опёрлась на плечо Андрея, и поднялась. Тут же объявила сугубо официальным тоном:

- Пассажиров прошу организованно, без суеты покинуть борт нашего авиалайнера. Экипаж желает вам приятного пребывания в Нижнем Новгороде, и всего самого наилучшего. Здоровья и мира.

Первыми самолёт покинули курсанты. Андрей благодарно приобнял бортпроводницу, и протиснулся к выходу вслед за ними. Верный Кореш ступал след в след. Андрей ступил на трап, и непроизвольно прикрыл веки от брызнувших в глаза ярких солнечных лучей. Он заслонился от солнца рукой, глянул на бетонную площадку перед самолетом, и увидел людей в белых халатах. Поодаль стояло несколько машин «скорой помощи», и пожарная машина. Всё было так знакомо, словно вырвано из навсегда ушедшего прошлого. Будто из ада сегодняшней реальности они прилетели в старые добрые времена, где на головы не падают снаряды, а люди нормально общаются друг с другом.

Сзади Андрея подтолкнули нетерпеливые попутчики. Он сбежал вниз по трапу, и оказался среди курсантов, которые сцепили руки. Кто-то загорланил знаменитую русскую «Катюшу». Курсанты дружно поддержали. Андрей принялся вполголоса подпевать курсантам. Одновременно он краем глаза наблюдал за теми, кто был в силах самостоятельно покинуть самолёт. Обессиленные, не в меру измождённые

люди неуверенно сходили по трапу, и тут же падали на колени. Теперь, когда невзгоды были позади, у многих пустили нервы. Некоторые заходились плачем, кто-то в зависимости от внутреннего состояния смехом. Кто-то целовал бетонное покрытие взлётно-посадочной полосы, кто-то возносил руки к небу, и благодарил Бога за спасение. Бремя пережитого неизгладимой печатью лежало на лицах, печально-суровых, и одновременно настороженно-недоверчивых.

Люди с носилками дождались, когда самолёт покинут все, кто был в состоянии, и лишь тогда поднялись по трапу в салон. Они выносили из самолёта тяжелораненых, а также больных людей, которые не способны были передвигаться самостоятельно, и бережно грузили их в машины «скорой помощи». Вскоре вынесли Огарёву, которая от перенапряжения потеряла сознание. Силы воли героической женщине хватило до приземления в аэропорту. Она сделала невозможное, и оказалась в глубочайшем обмороке. Андрей проводил глазами носилки с Огарёвой, и вспомнил о Томеке. Ни Томека, ни других членов делегации, которые улетели с ним, на лётном поле не было.

Андрей поискал глазами вертолёт Томека, но также его не увидел. В основном лётное поле было забито военными самолётами. Не обошлось без гиганта «Руслана», около которого сгрудились люди в военной форме. Также были здесь разнокалиберные вертолёты, от малыша Ка-34, до гигантского Ми-26. А вот от польской вертушки не было даже следа.

К самолёту подъехали автобусы, которые обычно используются на городских маршрутах. На подножке одного из них появился человек в форме капитана российской армии. Капитан спросил у Андрея, который по случайности оказался поблизости:

- Кто старший у вас?

В Казани командовал капитан Охрименко, а в этой «солянке» старшего определить как-то не догадались. Но среди военных, которые прилетели сюда, выше остальных по званию был командир кировских мятежников подполковник Баширов. Андрей подумал, что ему в такой ситуации, и карты в руки. Он отыскал подполковника глазами, и позвал:

- Ильдар Гараич.

Капитан отдал честь Баширову, и представился:

- Капитан Василенко.

- Подполковник Баширов, - ответил на приветствие капитана казанец.

- Вы здесь старший?

- Если по воинскому званию, так точно.

- Есть приказ, подполковник, сдать оружие с амуницией, - по-военному чётко распорядился капитан, - и организованно пройти в автобусы.

Баширов с сомнением оглянулся на возбуждённых земляков, и возразил:

- С этим будет сложно. Боюсь, люди слишком много перенесли. Пока не будет гарантий их собственной безопасности, никто не согласится отдать оружие. Чтобы остыть, согласитесь, нужно время.

- Не вам решать, подполковник, - резко отрезал капитан. - Исполняйте приказ командующего. На территориях, которые подконтрольны нашему Центру, действует полный запрет на ношение оружия за исключением тех, кто на службе.

Из-за спины Андрея вывернулся курсант, и вмешался в разговор:

- Ну, уж, дудки. Не дождётесь. Оружия не отдадим.

- Приказы, молодой человек, не обсуждаются, - нахмурился капитан, и решительно добавил, - приказы исполняются. А если кто не согласен, то у нас есть все возможности, чтобы добиться немедленного исполнения приказа.

- Не пугай, капитан, мы пуганые, - наскочил на капитана Бакатин.

Баширов жестом остановил танкиста.

- Видите, капитан? Не всё так просто. Вам не пришлось испытать того, что нам.

Капитан Василенко настороженно глянул на возбуждённых беженцев, но настойчиво повторил:

- Вы военный человек, подполковник, и знаете, что полагается за неисполнение приказа. Я советую утихомирить людей.

Казанцы почувствовали неладное, и сгрудились вокруг Баширова с Василенко. Гневными выкриками они показали своё отношение к местным правилам. Андрей улучил момент, и обратился к офицеру:

- Вы случайно не в курсе, где наша делегация?

- Какая делегация?

Капитан заметно смешался. Андрей догадался, что он прекрасно понял, о чём речь, но по какой-то причине не захотел, или не мог с казанцами объясняться.

- А ведь, правда, капитан, - поддержал Андрея Баширов. - Странно как-то, что они не встретили боевых друзей. С чего бы это?

- Не надо на меня давить, - нахмурился капитан. - Я не обязан знать, что в гарнизоне происходит. У меня приказ доставить вас в гостиницу.

- У вас столько народу в гарнизоне, что вы даже не в курсе всех дел? - поинтересовался Андрей.

Капитан решил избежать прямого ответа:

- Я вам не газета, чтобы местные новости сообщать. Доставлю вас в гостиницу, а там разбирайтесь с компетентными органами.

- Не финти, капитан, - понизил голос Андрей. - Скажешь. не знаешь, где пилот польской вертушки?

Капитан сообразил, что отделаться отговорками не получится, и брякнул:

- Да, где ж ему быть? У Ба...

Он замер на полуслове, и непринужденно исправился:

- В гостинице.

Бакатин отстранил руку Баширова, и сделал шаг к капитану.

- Нет, капитан, договаривай. Что за дела такие? Почему они не встретили нас? В гостиницу мы не поедем, и оружия не сдадим. Привезите сюда наших товарищей, или тех, кто объяснит нам, что здесь происходит. Запах чую недобрый, не за то мы кровь проливали, чтобы нас голенькими взяли. Мы не знаем, чью сторону твоё командование заняло. Странно, что вы здесь так круто организовались, а не хотите нам дать возможности связаться со своими земляками.

- Откровенно скажу вам, подполковник, - капитан демонстративно отстранил рукой танкиста, и шагнул вплотную к Баширову, - приказ в любом случае выполнить придётся. Не хотелось бы для этого применять силу.

Бакатин побелел от злости:

- Это ты зря, капитан.

- Вы люди военные. Советую подчиниться приказу.

Андрей понял, что ни к чему хорошему этот конфликт не приведёт, и взял инициативу в свои руки.

- Ладно, капитан, мы тебя поняли.

- Ты чего это! - возмутился Бакатин.

Но Андрей уже решил не отпускать нити из своих рук. Капитан также переключил внимание на него.

- Они люди военные, и вы можете требовать от них подчинения приказу. Но мы, гражданские, к армии никакого отношения не имеем. И

приказы ваши игнорируем. Пока сюда не приедут наши друзья, можете считать, что ваших требований мы не слышали.

Бакатин усмехнулся:

- Это по-нашему! Если так, я свой военный билет, капитан, могу тебе в задницу засунуть.

- Подожди! - придержал Бакатина Андрей. - Дай мне сказать. Вы, капитан, ничего угрозами не добьётесь. Сами видите, как люди настроены. Давайте, лучше миром решать. Где наши люди?

- Я уже сказал.

- А мы тебя слышали, - уверенно заявил Андрей, - Теперь правду скажи. Если настаиваешь на том, что не знаешь этой правды, мы её сами узнаем. А ты, капитан, нам дорогу покажешь.

Андрей ещё не закончил своей тирады, а курсанты уже насели на приехавших с капитаном солдат. Солдаты сопротивления не оказали.

Капитан хмыкнул:

- Ну, и чего вы добились? Этих, - кивнул он на солдат, - неделю назад на гражданке набрали. Но у нас здесь профессионалы имеются. Каждый десятка ваших стоит. Это во-первых. А во-вторых, ваши раненые без квалифицированной помощи коньки отбросят.

- Ты это о чём? - ринулся на капитана Бакатин.

Андрей с Башировым еле удержали горячего танкиста.

- Я о том, что ваши раненые на интенсивной терапии находятся. Дёрнитесь, и они окажутся на улице.

- Ну и гад же ты, капитан, - схватил капитана за грудки Ильгиз.

- Это не я, - возразил капитан. - Моя задача разоружить вас, и в гостиницу доставить, на чистую постель. Ранеными медики заведуют. А они приказам сверху подчиняются. Насчёт делегации вашей, так и быть, скажу. В штабе они. У Бати. И чисто по-человечески вас прошу... Не приказываю, прошу... Не делайте резких движений. Всем от этого легче будет... Пусть они там спокойно договариваются, а я вас в гостиницу доставлю, отдохнёте, выспитесь. Послушайте меня, потом по гроб благодарны будете.

- А где гарантии, что вы нас в Казань не сдадите? - спросил Алексей.

- Вам что, слово офицера дать?

- Видал я... офицеров, - недоверчиво покачал головой Алексей, - которые солдатиков своих продавали.

- Я тоже... - дрогнул голос капитана, - видал. Но я не продажный... Ну, вот что... Предлагаю компромисс. Оружие можете оставить в самолёте.

Оставьте для охраны своих людей. И приказ исполнен будет, и вам спокойнее.

Казанцы переглянулись. Такой вариант их устроил.

- А не подсунешь нам свинью, капитан? - недоверчиво проворчал Бакатин.

- А что, я на свинопаса похож? - отпарировал тот.

- Добро! - согласился Баширов.

Он подозвал двоих омовцев из своих, кировских.

- Слышали, братцы? Останетесь охранять самолёт с оружием. Так, ещё парочку курсантов вам в помощь и кого-нибудь из лётчиков. Если что, стоять насмерть. Завтра, если всё в порядке будет, сменим. Обед вам в самолёт... нет... никаких обедов не принимать. В самолёте еды хватит. До завтра потерпите. Пришлю кого-нибудь. Внимание, остальным, - по командному повысил голос подполковник, - оружие и амуницию нужно сложить в самолёт и на посадку в автобус.

Игорёк молча забрал у Андрея автомат, и понёс его в самолёт. Андрей окликнул Рогожина с Милкой. Вместе подошли к автобусу. У входа солдат проверял специальным прибором на наличие металлических вещей. Милка засмеялась при виде этого зрелища, но Андрею было не до смеха. Такие меры безопасности беспричинно не применяются. Видать, есть чего опасаться.

В город ехали по дороге, которую успели расчистить от застигнутых катастрофой автомобилей. Их просто смели на обочины. Затем автобусы въехали на площадь около набережной Оки, и остановились напротив гостиницы «Центральной». Капитан Василенко предложил казанцам воспользоваться лестничной клеткой, и пешком подняться на восьмой жилой, который, с учётом двух нижних административных, по счёту десятый.

Без спешки с частыми передышками казанцы поднялись на выделенный для них этаж. Здесь настроение повысилось. Из окон гостиницы открывался прекрасный вид на город. Волга сливалась с Окой на знаменитой стрелке. За Окой виднелись стены Нижегородского Кремля, и многочисленные церковные строения. Люди, которые успели стосковаться по комфорту, щёлкали электрическими выключателями, и пускали воду. И пусть вода была холодной, это непомерно радовало вынужденных беженцев. Теперь можно с себя смыть многодневную грязь, и копоть. Наиболее закалённые погружались в наполненные водой ванны, и чувствовали непомерную благодать прохлады. Вскоре привезли

горячую еду. Первоначальные претензии к местным, как-то сами собой забылись.

Василенко забрал аэропортовца Журикова, и покинул гостиницу. Кто-то решил на улице погулять. И тут оказалось, что все выходы с этажа находятся под охраной. Часовые наотрез отказались выпускать кого бы то ни было. Новость моментально облетела казанцев.

- Не понял, - возмущался задиристый танкист Бакатиң, - они что, за пленников нас держат? Да, за такие дела...

- Спокойно, братцы, - призвал боевых друзей Баширов. - Разберёмся.

Казанцы попытались по-хорошему договориться с охраной, не получилось. Солдаты безмятежно охраняли двери, которые вели на лестничные площадки. Вскоре привезли безоружных омовцев, которых Баширов оставил охранять самолёт. Омовцы ошеломлённо рассказывали, как неожиданно в самолёт ворвались спецназовцы.

- Мы даже рта разинуть не успели, как они оказались в салоне. Не иначе, как профессионалы из антитеррора.

Баширов подошёл к лейтенанту, который доставил в гостиницу омовцев.

- Как это понимать, лейтенант?

Лейтенант высокомерно смерил подполковника взглядом.

- Вы что, за бандитов нас принимаете? - озабоченно спросил Баширов.

- Нам всё равно кто вы такие, - ответил лейтенант. - Мы только выполнили приказ.

Прапорщик из группы сопровождения дружелюбно усмехнулся:

- Не волнуйтесь, товарищ подполковник. Батя - человек правильный. Мигом разберётся, что к чему. Вас задержали по просьбе вашего президента.

- Не положено разговаривать с ними, - прикрикнул на прапорщика лейтенант.

- Свои же люди, товарищ лейтенант.

- Всё равно не положено. Дождёмся, когда разберутся там.

- Кто там разберётся? - выкрикнул Ильгиз. - Вы что, от казанских бандитов ждёте информации?

Лейтенант отвернулся, прапорщик кинул на него недовольный взгляд, и повторил:

- Батя вас в обиду не даст.

Всё стало на свои места. Этот всесильный Батя решил их проверить, и вероятно связался для этого с Алимом.

- Значит, у вас связь с казанским Кремлём? - разочарованно протянул Баширов.

Лейтенант самоуверенно хмыкнул, не сдержался, и нарушил запрет молчания:

- Мы много с кем связаны. Связь налаживаем со всеми, кто организованно наводит порядок у себя. И даже Центр управления космическими полётами тоже взяли под свой контроль.

- Кучеряво живёте, - колко вставил Алексей Баринев. - А с этой гостиницей нет у вашего руководства связи? Тогда на словах передай, если в течение часа не уберут охрану, мы сумеем освободить себя сами. Поверь, лейтенант, к смерти нам не привыкать, с оружием обращаться умеем, а оружие у охранников отберём.

Лейтенант недоверчиво посмотрел на Алексея, и снова хмыкнул:

- Да что вам неймётся? Василенко же объяснил вам, чтобы не было искушений. В случае мятежа мы откажем в помощи вашим раненым. Что ещё непонятно? Я могу Бате передать ваши требования. Только не гарантирую, что угрозы ему понравятся. С оружием тоже не так просто. Вы уже показали, на что вы способны. Молодцы. Но охрана умеет за себя постоять, и у них приказ стрелять в каждого, кто попытается пределы этажа покинуть.

Алексей побледнел, крепко сжал кулаки, и двинулся на лейтенанта. Баширов с Андреем остановили его. Охрана сразу же заблокировала двери. Доброжелательный прапорщик придвинулся к дверям, и посоветовал:

- Не гоношиться. Что мы, нелюди что ли? Разберётся, Батя.

Через полчаса в гостиницу доставили членов делегации, которую отправили сюда с Томеком. Они подтвердили, что в Нижний прибыли представители Алима. Баширов вопрошающе глянул на товарищей, и задал риторический вопрос:

- Что теперь делать?

Керн успокаивающе помахал рукой:

- Они судебный процесс провести решили. От казанского правительства потребуют доказательства участия в мятеже по каждому человеку отдельно.

- За доказательствами дело у Алима не станет, - хмыкнул Баширов. - Меня такая постановка вопроса не устраивает.

- Есть идея, - нашёлся Андрей.

Все с удивлением посмотрели на него. Андрей призывно кивнул, и направился в свою комнату. Когда там набились наиболее напористые земляки, сказал:

- Пока они с Алимом не договорились, нужно выбираться отсюда, и улетать.

- А как же наши раненые? - напомнил Алексей.

- Если мы никого здесь не тронем, они тоже раненых не тронут, - уверенно заявил Андрей. - Помогут им.

- А если что, заложников возьмём, - пожал плечами Бакатин.

- Вот этого лучше не делать, - возразил Баширов. - У меня вопрос, как выбираться, чтобы никого не тронуть?

Андрей поёжил плечами:

- Через крышу. Эвакуацию через крышу мы уже в Казани проходили. Здесь даже проще будет, крыша плоская. Я думаю, потолок разобрать труда не составит. И проведём эвакуацию.

- Ага, попадём мы на крышу, а дальше что? - удивился Баширов. - Прилетит к нам волшебник в голубом вертолёте, и бесплатно покажет кино?

- Отправим в Аэропорт группу пилотов вертолётов. Слава Богу, пилоты среди нас есть. А потом классика, вертолёты раздобудем, и...

- Вот именно, - многозначительно произнёс Баширов. - Кто нам отдаст просто так вертолёты?

- Сами возьмём, - оживился Андрей. - Я заметил, бесхозной техники в Аэропорту полным-полно.

- Точно, - обрадовался Бакатин. - Я тоже заметил, техники там до дури, и до порядка далеко. Улетят вертолёты, никто и не хватится. Подумают, так и надо.

- Зато при эвакуации с крыши гостиницы, охрана просто так сидеть не будет, - поморщился Баширов.

- Операцию проведём ночью, - нашёлся Андрей. - Чтобы шум двигателей вертолётов над крышей не слишком привлекал внимание охраны, сделаем отвлекающий манёвр. Вертолёт Томека будет барражировать над рекой, и прожектором по воде светить. Охрана не поймёт. В темноте не разглядеть вертолёта. Решат, ищут кого-то. А человек так устроен, любопытство верх возьмёт, будут за рекой наблюдать. И за это время мы быстро погрузимся на вертолёты, и свалим отсюда.

- Чтобы до аэропорта добраться, для начала надо на землю спуститься, - озабоченно покачал головой Виктор. - Всё-таки восьмой этаж, который даже не восьмой, а десятый.

- Двери лифта отожмём, по тросам спустимся вниз, - уверенно заявил Андрей, - и до земли будет не так высоко.

У Баширова глаза на лоб полезли.

- Ты это серьёзно?

- Серьёзно.

- Не иначе, фильмов насмотрелся.

- А что, вполне реально, - поддержал Андрея Бакатин. - Можно рискнуть.

- Каскадёром надо быть.

- Совсем нет, - возразил Бакатин. - Просто руки крепкие иметь.

- На вертолётах далеко не улетим, - с сомнением повертел головой Баширов. - Самолёт нужно брать.

- После эвакуации с крыши гостиницы, к Аэропорту на пушечный выстрел не подпустят, - с сомнением произнёс Алексей.

- Ещё как подпустят, - хитро подмигнул Андрей. - Охрана поднимет шухер, и в Аэропорту начнётся движение. Кто там ночью будет разбираться, кто прилетел, кто улетел. Никому в голову не придёт, что мы опять в Аэропорт вернёмся. Пилоты с авиатехниками к этому времени самолёт подготовят. Мы на раз-два перескочим в самолёт, и бай-бай Нижний Новгород.

- Как просто всё у тебя, - укоризненно покачал головой Баширов. - А если не дадут нам улететь?

- Попытка – не пытка, - пожал плечами Андрей. - Если не получится с эвакуацией, или с пересадкой на самолёт, придётся пойти на чрезвычайные меры. Бакатин уже предлагал. Отправим в Аэропорт пару крутых парней, которые возьмут высокопоставленного заложника. И будь что будет.

- Ладно, рискнём, - согласился Баширов.- Кто пойдёт? - спросил Андрей.

- С пилотами самолёта надо решать, - с сомнением повертел головой Баширов. - На вертолётах далеко не улетим.

- Я смогу, - уверенно поддержал план Андрея пилот самолёта Шачнев.

Другой пилот, Роберт Бахрадзе, который был легко ранен во время памятной перестрелки с диверсантами в аэропорту, также попытался

убедить товарищей, что спуститься по тросам для него пара пустяков. Но ему не поверили, а доказать он не сумел.

- Пилотов вертолёта надо всех отправлять, - предложил Ильгиз.

- Марат в ногу ранен, - подсказал кто-то из аэропортовских.

- Алё, кто там за меня вякает? - возмутился Марат Сафин, размашисто отжался от пола, и доказал, что сил для побега у него хватит.

- Так, принимается, - согласился Баширов. - Ты пойдёшь, Марат. Кто ещё умеет управлять вертолётном?

- Кирилл Москаленко.

- Афанасьев Егор.

- Я тоже, - вызвался Томек.

- А я пас, - с сожалением поморщился Виктор. - Вертолётном управлять могу, но сбежать отсюда, едва ли.

- Ничего, четверых пилотов хватит, - решил Баширов.

В группу включили ещё четверых авиатехников, и авиаэлектрика. Долго определиться не могли с группой сопровождения. Желающих оказалось много. Но Баширов опасался отпускать в бега слишком большую группу из опасения, что охрана заметит пропажу людей. Отобрали четверых. Среди них оказались Андрей, Ильгиз, танкист Бакатин, и участник аэропортовского спецназа Антон Красников.

ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ ГЛАВА

Пан Тадеуш расстроился до глубины души. Ох, уж, эти женщины! Как чувствовал, хлебнёт с этой занозой. Агнешка должна была к месту службы уехать. А она даже в ус не дует. Он заглянул утром в особняк, и застал её там. Она скрючилась от сильных болей в животе. Другие женщины суетились вокруг, но не знали как помочь. После отъезда к месту службы Зенона, других знающих на медицине людей в посёлке не осталось. Что делать в таких случаях, Пан Тадеуш тоже не знал. Инструкций на этот счёт от новых хозяев не получил. Да и невозможно всего предусмотреть. Вроде бы нужно о болезни Агнешки сообщить специальной службе при Верховной Комиссии, но как бы это известие не рассердило начальство.

Взял же он на свою голову ответственность. Эта мобилизация всех нормальных людей из посёлка забрала. С кем теперь план продовольственных поставок выполнять? Даже аппетит пропал. Какой там аппетит! В заднице такой страх свербит, что ноги сами собой танцуют.

Боже, как Пан Тадеуш возненавидел в этот момент Агнешку! Его напрочь раздирали противоречия. И всё-таки нужно что-то предпринять. Не сообщить начальству о нарушении ещё хуже.

Он вошёл в свою контору, и взялся за портативную рацию, которую оставили эмиссары. При помощи рации Пан Тадеуш держал связь с дежурным офицером. Прежде, чем соединиться с начальством, он надолго задумался. Всё никак сообразить не мог, как бы повернуть дело так, чтобы лично к нему претензий не было. Задумчиво протёр пыль с радиостанции, сел напротив, и уставился на переднюю панель узкими, обычно хитрющими, но теперь обескураженными глазёнками. В конце концов отбросил сомнения, решительно включил передатчик, и вызвал дежурного офицера.

- Слушает дежурный офицер капитан Жмуда, - послышалось из динамика.

- Халло, это дежурный офицер? - еле слышно прошептал старичок в микрофон.

В рации что-то затрещало.

- Кто это?

- Ситарек с той стороны, староста... - снова еле выдавил из себя вмиг вспотевший Пан Тадеуш.

- Что надо? - недовольно отозвался офицер.

Прежде чем что-то сказать, старик стал откашливаться.

- Да, не тяни, - нетерпеливо гаркнул дежурный офицер, - рожай, что ли уже.

- Тут такое дело, - вкрадчиво начал объяснения старик. - У нас тут мобилизованная Агнешка Слюсарчик, та, которая должна сегодня отбыть на службу в Отвоцк, заболела сильно...

- От меня, что хочешь? - прервал его рассерженный голос. - Может, доктора вам прислать?

- Нет-нет, что вы, Пανε капитане, - побледнел ошарашенный староста.

- Тогда не морочь голову. Как только вылечится, пусть отправляется, куда положено. У тебя всё?

- Всё, Пανε капитане, всё, - униженно прошептал раздавленный Пан Тадеуш.

Он дождался, когда дежурный офицер отключится, и дрожащими пальцами выключил передатчик. Уф, пронесло. Старик внутренне расслабился, откинулся в глубоком кресле, и отёр рукавом рубашки пот,

который обильно проступил на лбу. Вдруг оказалось, не так страшен чёрт, как его малюют. Лично для него болезнь Агнешки проблем не создавало. Значит, угрозы потерять тёплое руководящее место пока нет. Он вдруг осознал, что даже такая крохотная власть без надзора со стороны руководства, может несоизмеримо большей быть. А для этого нужно обязательно сделать так, чтобы поселенцы почувствовали его значительность. И сделать это нужно решительно, и немедленно.

Пан Тадеуш закрыл двери на ключ, и отправился к особняку, где жила Агнешка. По дороге он продолжал усиленно размышлять над своим гениальным планом, который так неожиданно пришёл в голову после разговора с дежурным офицером. Занятый своими мыслями, старик не заметил демонстративного реверанса задорной белокурой Кинги. Дивчина хмыкнула вслед, и скорчила физиономию. Мягким вкрадчивым шагом Пан Тадеуш подошёл к входным дверям особняка, и здесь столкнулся лицом к лицу с Изабелой. Женщина охнула от неожиданности, и неприветливо накинулась на него.

- Напугал, холера. Что ты, как кот подкрадываешься?

Пан Тадеуш принял, как он думал, важную начальственную позу.

- Так ведь, я того... - он старался покровительственный тон выдержать, и гордо заявил: - Я с самим Верховным Комиссаром связывался по вопросу болезни Агнешки.

Изабела ожидала услышать нечто неприятное, и внутренне напряглась.

- Они того... - Старик замялся, чтобы подобрать слова, которые правильно сформулируют информацию от дежурного офицера, и при этом поднимут его собственный авторитет. - Они разрешили Агнешке поболеть два-три дня. А затем... Конечно, с моего разрешения...

Пан Тадеуш вдруг поверил в этот момент в свою значительность, и даже раскраснелся от удовольствия.

- С моего разрешения, - повторил он почти нежно, - может в Отвоцк ехать.

Пан Тадеуш просто полюбил себя за умение преподнести Агнешкиной подружке в выгодной для себя трактовке разговор с дежурным офицером. Изабела расслабилась. Отсрочка для Агнешки оказалась весьма кстати. Она заметила, что старик совсем загордился собой, и подкинула новый повод для гордости.

- Даже не знаю, Пане Тадеушу, что бы мы без пана делали? Не жалеет себя пан, всё время в заботах, да в работе. Небось, даже на обед пан не останется?

- Ну, это ты точно, дивчино, заметила. Работы так много, что даже перекусить некогда – служба, - задрал нос староста поселения, и не заметил, как попал в расставленные сети: - Разве что...

- Если у пана нет времени, тогда, конечно, - поспешно перебила старосту Изабела, и перед тем, как захлопнуть перед его носом двери, сладко добавила: - Не смею больше пана задерживать.

После такого оборота глупо входить в дом. Пан Тадеуш разозлился на расторопную Изабелу, и раздражённо вышел со двора. Вот ведь, ведьма белобрысая. Как зол он был в этот момент на эту дерзкую девчонку. Лишь стоило поскромничать человеку для приличия, как она сразу же захлопнула дверь. А на самом деле он совсем не против был войти туда, и даже отобедать. С тех пор как его старостой назначили, жить приходится в одиночестве, и обеды готовить самому. Нет, она доиграется, кукла белоголовая. Он ей ещё припомнит. Только, каким образом наказать её? Пан Тадеуш остановился, и представил, как Изабела стоит перед ним на коленях. Что ещё? Ах, да, размазывает по щекам слёзы, и уговаривает его... уговаривает... Только о чём она может его уговаривать?.. Ну, как же? Просить будет, чтобы разрешил остаться в посёлке этому русскому, если вернётся. Хотя, нет. По сути от старосты ничего не зависит. С иностранцами вопрос решён. Высшее руководство об этом позаботилось. Вряд ли она будет просить об этом. Зато, он может по-другому сделать. Когда Томек с Андреем вернутся, если вернутся, он вызовет в посёлок военных, чем убьёт сразу двух зайцев. С Томека за вертолёт спросят, а Андрея из страны выдворят. И когда этого русского будут выпроваживать, он сделает так, чтобы дерзкая блондинка в посёлке осталась. Чтобы не убежала с ним. При военных эта святоша не попрыгает. У них разговор короткий, не посмотрят, что у неё ребёнок маленький. Ха! Можно с военными договориться, чтобы заставили её у него дома убираться, обеды готовить, и... Хм, не переборщить бы. Достаточно и этого.

Довольный задумкой, Пан Тадеуш снова затопал по пыльной дороге для осмотра своего хозяйства.

Изабела как на крыльях влетела в комнату, где Агнешка представлялась больной. Все женщины, как одна, уставились на неё. Агнешка забыла о мнимой болезни, и резво соскочила с кровати.

- Что там? - нетерпеливо спросила Изабелу.

Та задохнулась от волнения, и не могла ни слова произнести, хотя, по счастливому виду можно было сразу догадаться, что всё в порядке.

- Не томи, хоть что-нибудь скажи, - пыталась привести подругу в чувство нетерпеливая Агнешка.

- Три дня отсрочки, - только и выдавила из себя Изабела.

Агнешка охнула, а женщины радостно завизжали.

- Тихо вы, - предупредительно зашипела Эля, - этот зануда услышать может.

Они моментально притихли, и лишь жестами продолжили проявлять свою радость. Только Данута, вечно задумчивая женщина средних лет, осталась озабоченной. Она выглянула в окно на всякий случай, чтобы проследить, далеко ли находится поселковый староста. В благодарность за счастливую весть Агнешка радостно закружила Изабелу. Данута отошла от окна, и недовольно пробурчала:

- Что с того? Три дня пролетят быстро. А когда Томек вернётся, неизвестно. В Варшаве нужного человека не найти, а в такой огромной России – тем более.

- Он вернётся, обязательно вернётся, - с глубокой верой воскликнула Агнешка, и легкомысленно высунулась в окно. - А если задержится, то мест, где можно на время укрыться, пока хватает. Вы думаете, меня искать будут? Да, у них ни людей, ни возможности такой нет. Чтобы проверить все дома в округе, надо целый полк прислать. Так что пока Томек с Андреем вернутся, можно где-нибудь переждать.

Изабела вспомнила Андрея, молча вздохнула, и подошла к окну. Она не знала, что готовит ей грядущее, счастье, или разочарование. Сон не настраивал на оптимистический лад. Агнешка увидела, как погрустнела Изабела, возбужденно заглянула ей в глаза, и попыталась веру в лучшее вселить.

- Я знаю, они скоро вернутся. Вот увидишь. Я чувствую это. Вот здесь чувствую, - показала она на сердце. - Нужно только подождать, и они вернутся. Обязательно вернутся. Я просто уверена в этом.

Изабела натянуто улыбнулась, и сдавленно ответила:

- Счастливый конец бывает только в фильмах. А жизнь, увы, это не кино. Здесь всё проще, и жёстче. Постоянно молю Бога, чтобы с ними ничего не случилось. С ума сойти можно.

Агнешка отвела глаза. Она не знала, что ответить подруге, сама переживала за Томека с Андреем. Женщины расчувствовались, и

разбрелись по дому, каждая по своим делам. Представления представлениями, а жизнь заставляла не забывать о работе.

Вечером, Пан Тадеуш накачался пивом, и снова отправился в обход посёлка. Он по-хозяйски поглядывал на строения, ощупывал изгороди, шагал по пыльным дорожкам, и прислушивался к звукам, которые исходили от поселенцев с их четвероногими подопечными. Неожиданно, перед домом Агнешки, старик наткнулся на белокурую Кингу. На этот раз он не прошёл мимо, как это было утром, загородил девушке дорогу, и сердито зашипел:

- Как это понимать, Кинга? Ты же в Отвоцке быть должна.

Кинга выпучила глаза, и с нарочитым удивлением уставилась на старика.

- Агнешка заболела.

- Причём здесь Агнешка? - возмутился Пан Тадеуш.

- Так я же с Агнешкой ехать должна, - невинно заявила девушка.

- Так ведь Агнешка же заболела, - вскипел старик.

- Вот и я говорю, заболела, - согласилась Кинга.

- Тьфу, ты, холера ясна, ты-то здорова, - раздражённо воскликнул наместник новой власти.

- Это я здорова? - понизила голос белокурая красавица. - Кто пану сказал, что я здорова?

- А что с тобой, Матка Боска³⁸?

- Кинга я, пане Тадеушу.

- Тьфу ты, Кинга, холера ясна...

- Вижу устал пан сильно. То Маткой Боской пан меня называет, то холерой ясной.

- Ты, Кинга, мне зубы не заговаривай. Говори, что у тебя.

- Я тоже болею, - прошипела Кинга. - Я такая больная, такая больная... Месячные у меня.

Пан Тадеуш понял, что девушка водит его за нос, и рассердился.

- Я тебе, курва, покажу месячные! Да, я тебя... Да, я на тебя, глиста ты затраханная, Верховному Комиссару...

- Только попробуй заикнуться, пень трухлявый, - прервал старосту низкий мужской голос.

Спесь мигом слетела со старика. Голос принадлежал новичку, которого за огромный рост называли Бэтманом. После своего появления в посёлке великан навестил его в конторе, и предупредил, чтобы староста

³⁸ Матка Боска (польск) - Божья Мать.

не вздумал его регистрировать. Не отрывая глаз с огромных бицепсов, старик пообещал, но высказал опасение: «Если военные узнают, неприятностей не избежать». Бэтман иронически усмехнулся. «Если не проболтаешься, - сказал, - никому и в голову не придёт. Но если пар пустишь, ноги вырву, и в задницу вставлю. Лучше помалкивай». Пан Тадеуш не зарегистрировал его, и не сообщил властям. А раз его нет, на нет, и суда нет. В этом смысле, с Бэтманом проще. О его существовании эмиссары не знают, но случай с Кингой дело другое. Девку зарегистрировали, и мобилизовали. Теперь Бэтман вступился за неё, и спутал все карты.

- Они искать её будут, - жалобно промямлил старик.

- Пусть ищут, - пробасил великан. - Скажешь, ушла, мол девка, не знаешь ничего, и все дела. Чем меньше будешь языком работать, тем дольше проживёшь. Понял, дед?

- Ушла девка, - смиренно ответил Пан Тадеуш, теряя почву под ногами.

- Раз понял, проси у девушки прощения, и иди с Богом.

Здоровенный Бэтман снисходительно хлопнул старика по плечу, и едва не сбил его на землю. Пан Тадеуш заискивающе глянул на великана, и жалостно пробормотал:

- Ты, Кинга, того, не обижайся.

- А ты, осёл старый, вали отсюда, пока тебя самого здесь не оттрахали, - расхорохорилась девушка.

Пан Тадеуш втянул голову в плечи, и припустился к Агнешкиному дому. Он был зол. Авторитет изрядно пошатнулся. Больше всего в этот момент хотелось новым властям сдать Бэтмана, Кингу, и всех, кто покушался на его, так горячо любимый им авторитет. Только, как это сделать без риска для жизни? Бэтман ясно дал понять, чем он рискует. С этими мыслями Пан Тадеуш ворвался в Агнешкин дом. Старик появился там, как ему казалось, неожиданно. И застал Агнешку в постели в окружении подруг. Он не заметил, как женщины едва не прыскают от смеха при виде, как Агнешка картинно закатывает глаза. Ещё этого не хватало. Так она неизвестно сколько проваляется.

- Ты, это самое, смотри Агнешка, совсем не умри, - пробормотал он участливо, и осторожно присел около постели.

- Ишь ты, лекарь явился, - проворчала Данута, и заботливо поправила на Агнешке одеяло. - Лучше бы в коровник пошёл, от навоза стойла бы вычистил.

- Ты, Данка, того... - резко вскочил со стула, и запетушился Пан Тадеуш. - Не дерзи мне. Не забывай, с кем разговариваешь.

- С тобой, старым козлом, - заткнула его Данута, ухватила старика за плечи, и насильно усадила на стул, с которого тот было вскочил. - Сиди, знай, не подскакивай. Ты что думаешь, если в старосты записали, тебе всё здесь позволено? Нет, милый, не открутишься, работать придётся наравне со всеми.

Данута победоносно глянула на подруг, а Пан Тадеуш съёжился, и вконец расстроился. До сих пор ему удавалось худо-бедно хорохориться перед женщинами, но сейчас они нарушили субординацию, и больно ударили по авторитету. Даже женщины, существа второго сорта, перестали считаться с ним, избранником эмиссаров Легиона спасения. То ли ещё будет, если Кинга разболтает, как его Бэтман унижил. А ведь разболтает.

Всё разваливалось на мелкие кусочки, и он ничего не мог с этим поделать. Пан Тадеуш боялся. Он панически боялся, боялся правительственных чиновников, и офицеров. Ещё больше боялся поселенцев, особенно новичков, которые наотрез отказывались регистрироваться. Кроме Бэтмана, таких в поселке было ещё двое. Из опасения расправы он невольно нарушал инструкцию Верховной Комиссии. А донести на них, ой, как хотелось. Тогда бы посмотрел на бледный вид героев. Но теперь, до поры до времени, ему притихнуть надо. В такой обстановке, когда начальство далеко, нужно тихо сидеть, и не рыпаться.

Он сидел у Агнешкиной постели притихший, и потерянный. Теперь он искал повод, как с достоинством удалиться отсюда. Хотя, какое тут достоинство? Пан Тадеуш попыкал, помыкал, но так и не нашёл ничего лучшего, как молча встать и выйти, чем вызвал смешки со стороны язвительных женщин. Агнешка резво уселась на кровати, и вполголоса выругалась вслед захлопнувшейся двери:

- Расселся тут перед носом, курва лысая! Чтоб ему пусто было!

- Не бранись, - проворчала Данута. - Неровён час беду себе накличешь.

- И с курвой не равняй, - заметила Мирка, которая недавно прибилась к посёлку. - Курва по сравнению с этим хлыщом, порядочная женщина.

- Это точно, - согласилась Агнешка. - И терпит же бог на свете таких подлецов.

- Дерьмо собачье ему имя, - не выдержала Данута. - УБэк³⁹ он проклятый! Небось всю жизнь таким был. Не иначе, как доносы строчил на порядочных людей.

- И не говори, - согласно кивнула Мирка.

Женщины успокоились, и разошлись по своим углам. Они уверены были, что сегодня старикан уже не появится здесь. Агнешка помогла Изабеле усыпить Кшися, и до поздней ночи они шептались, делились наиболее сокровенным.

ТРИДЦАТАЯ ГЛАВА

Группа беглецов подготовилась к побегу, и казанские беженцы стали выставлять охранникам различные требования к руководству, чтобы отвлечь их внимание. Створки, которые закрывали вход в шахту лифта, отжали, и вставили между ними распорку. Простыни связали морским узлом в канат, и ещё раз тщательно проверили на прочность. Только после этого обвязали танкиста Бакатина, который спускался первым. Удерживаемый товарищами, танкист шагнул, уцепился за подъёмный трос лифта, и скользнул вниз.

Через минуту он отвязал канат из простыней. Следующим пошёл Ильгиз. Андрей дождался своей очереди, выдохнул, и шагнул в шахту. Он потерял под ногами опору, и судорожно вцепился в трос. Его дыхание сбилось, появилась дрожь, и слабость в руках. Андрей даже не представлял, как неприятно висеть над пропастью, пусть даже со страховкой из простыней. Спуск занял около двух минут. Но ему он показался вечностью. Лишь когда ноги коснулись кабины лифта, Андрей почувствовал огромное облегчение. Товарищи уже спустились через люк внутрь кабины.

Осторожно отжали створки лифта, и проникли в коридор второго административного этажа. Охраны здесь не было. Но казанцы не стали судьбы искушать, и прошли по коридору к дальним помещениям. Здесь распахнули окно, и осмотрелись.

Внизу никого не заметили. По очереди прыгали на землю, и сразу же прижимались к стене. Затем по одиночке устремились за угол трёхэтажного здания к Мурашкинской улице, и дальше. Только там

³⁹ УБэк - презрительное прозвище, которое означало принадлежность к службам безопасности (Ужонду Беспеченьства) времён Польской Народной Республики.

почувствовали себя в безопасности, по-тихому пошуровали в брошенных автомобилях, и вооружились монтажками.

До аэропорта было далековато, поэтому для поездки взяли пассажирскую «газель». На городских дорогах никого не встретили. Но на перекрёстке улиц Минеева и Патриотов на встречном курсе их миновала колонна знакомых автобусов. Бакатин, который сидел за рулём даже не снизил скорости.

На площади перед Аэровокзалом было пусто, но казанцы предпочли заранее не светиться. Они остановились на дальних подступах, и ушли вправо. По очереди перескочили через забор, незаметно пробрались на лётное поле, и затаились в салоне ближайшего вертолётa. Появились некоторые сомнения, слишком много людей оказалось на лётном поле. Непонятная суэта сопровождала спешные приготовления к отлёту группы военных. Решили дождаться, когда всё успокоится.

Ждать пришлось долго, пока всё успокоится. Непоседливый Бакатин не выдержал.

- А пойду-ка я, гляну, что там, - пробормотал он.

- Поймают, - остерёг Андрей.

- Меня тут никто не знает, - отмахнулся Бакатин.

Он захватил бухту кабеля, которая валялась в салоне, скользнул наружу, и деловито направился в сторону взлётно-посадочной полосы. Никто не обращал на него внимание. Бакатин бросил кабель около заправщика, и благополучно вернулся назад.

- Никому никакого дела, - задорно усмехнулся танкист. - Можем смело выбирать вертолётy, и готовить их к запуску.

- Я бы поостерёгся, - сказал Томек.

- Я бы тоже, - поддержал Ильгиз. - Рисковать нельзя. Не имеем права прокалываться. Подождём немного. Пусть улетят.

Бакатин тяжело вздохнул, и разочарованно пробормотал:

- Время, время, время...

Со своего места поднялся угрюмый авиатехник Вадим Торопов. Молча протиснулся к выходу.

- Ты куда? - спросил Ильгиз.

Авиатехник сухо ответил:

- Рискну.

Он вышел наружу, и занялся осмотром ближайших вертолётov.

Кто-то поскрёбся в дверцу, и под возгласы удивления в салоне появился Кореш, которого они оставили в гостинице. Овчарка с повизгиванием кинулась на грудь хозяину.

- Откуда ты взялся? Как нас нашёл? - только и сумел произнести Андрей, принимая искренние выражения в преданности.

К вертолёту подошёл Торопов, и объяснил, откуда появился пёс.

- Там, - кивнул он в сторону аэропорта, - наших привезли. В самолёт грузят.

- Отпустили, что-ли? - удивился Ильгиз.

- Нет, - возразил Торопов, - кругом полно военных. Вроде, как и в самолёте тоже.

- Наши татары? - нахмурился Ильгиз.

- Кто его знает? - пожал плечами Торопов. - Разве поймёшь?

- Продали нас нижегородцы?

- Выходит, так, - кивнул Торопов.

Андрей почувствовал дрожь в ногах. Вторично потерять детей, это было слишком.

- Может, не продали, - предположил Томек. - Могли силой взять. Военные по всей России поиском своих коллег, и их семей занимаются. Алимовцы могли воспользоваться этим.

- Я туда, - заявил Андрей.

Ильгиз молча удержал его за плечи.

- Там дети, - болезненно поморщился Андрей.

- Детям не поможешь, а сам пропадёшь, - возразил Ильгиз. - Слишком много народу. Подождём, когда уляжется, пройдем в штаб, и возьмём кого-нибудь в заложники. Потом потребуем вернуть самолёт.

Андрей засомневался:

- Думаешь, Алиму не по фигу местный заложник?

- Проверим. А если даже по фигу, сынки генерала всё сделают, чтобы освободить заложников. А нам терять нечего. В вертолёте закроемся, и никуда они не денутся. Будут сами с Алимом договариваться. Не станет артачиться. Весовая категория не та.

- Не будут они с нами возиться, - засомневался Красников. - Здесь много антитеррористов, а у них с теми, кто заложников берёт, разговор короткий.

- Смотря кого в заложники взять, - заметил Ильгиз. - Постараемся птицу поважнее поймать.

Андрей увидел в предложении Ильгиза смысл, и вернулся на место. Снова подал голос Вадим:

- Метрах в семидесяти казанская вертушка к полёту разогревается.

Ильгиз встрепенулся.

- О-паньки. Вот и подтверждение. А ларчик-то просто открывался. Эти козлы нас Алимуд сдали. Ну, ничего. Такой подарочек нам оставили. Сейчас устроим им сюрприз. Алимовскую вертушку заберём, и всех его представителей в заложники возьмём. Баш на баш. Мы им представителей, они нам наших товарищей. Где вертушка?

Вадим молча развернулся, и пошёл. Ильгиз четырьмя пальцами сделал отмашку, что означало «четыре человека за мной», и направился следом. Вышли Андрей, Бакатин, Красников, и пилот Москаленко. За людьми последовал четвероногий друг Андрея. Они открыто подошли к казанскому вертолёту. Никому до них дела не было. Казанский ЯК рулил к взлётной полосе. Военные грузились в вертолёты, которые сразу же взмывали в воздух. Казанцы насчитали четыре машины: три огромных Ми-26, и десантный Ка-60 «Касатка». Казанский Ми-8 стоял неподвижно, но, судя по некоторым признакам, также был готов к отлёту.

Ильгиз подошёл к вертолёту, сдвинул входную дверцу, и скрылся внутри. Андрей вошёл следом. Ильгиз бесцеремонно сгрёб пилота, и поволок в салон. Пилот не сопротивлялся, и лишь испуганно ворочал зрачками. В салон протиснулся Москаленко, и всплеснул руками:

- Пашка, ты? Жив, чертяка!

Пилот вертолёта оживился:

- Кирилл! Слава Богу! Я думал, конец мне.

- Знакомый? - спросил Ильгиз.

- Пашка Баскаков из нашего отряда, - радостно пояснил Москаленко.

- Каким ветром сюда занесло? - спросил пилота Ильгиз.

- Начальство привёз, - весело ответил пилот.

Настроение Москаленко сразу изменилось. Он нахмурился:

- Ты что, Алимуд служишь?

Пилот понял, что радоваться рано. В его глазах мелькнул страх. Но он быстро взял себя в руки:

- Моё дело маленькое. Володин направил меня в Кремль. Я и летаю.

Москаленко зло ударил кулаком по спинке кресла:

- Ведь знал же, что в аэропорту свои остались. И наверняка знал, что с Володиным стало.

Пилот сжался в ожидании удара по голове, но Москаленко отвернулся:

- Гнида ты.

- Сколько человек привёз? - спросил пилота Ильгиз.

- Двоих.

- Пусть двое будут, - удовлетворённо кивнул Ильгиз. - Дождёмся.

Скоро будут?

Пилот простился с надеждой на спасение, и затрясся:

- Н-не знаю. П-п-просили быть готовым к вылету.

- Ладно, - удовольствовался ответом Ильгиз. - Не трясись ты так.

- Вы меня не убьёте? - с надеждой спросил пилот.

- А есть за что? - поинтересовался Бакатин.

- Н-нет, - вздрогнул пилот.

- Тогда не бойсь, - успокоил его танкист.

Пилот воспрянул духом, и выпалил:

- Здесь они, в аэропорту. У генерала сейчас.

- Какого генерала? - прищурился Ильгиз.

- Его Батей все называют.

Ильгиз переглянулся с Андреем.

- А это уже кое-что. Этот Батя здесь главный. За жабры возьмём наших татар, а потом можно Батю навестить... С таким заложником никто не подскочит.

- Так не пойдёт, - взволнованно возразил Андрей. - Слишком долго будет. Нужно сейчас этого Батю брать.

Ильгиз без раздумья согласился:

- Годится.

Андрей обратился к Антону Красникову, который занял позицию у двери:

- Зови остальных.

Тот вышел из вертолёт, и тотчас подал голос:

- Ты смотри, на взлёт пошли. Можно уже не прятаться.

Он призывно помахал затаившейся группе. Через минуту в казанском вертолёт собралась вся компания.

- Томек, - обратился к своему партнеру Андрей, - найди свой вертолёт, и готовься к отлёту. В помощь тебе Шликас с Сазоновым.

Андрей кивнул авиатехникам, повернулся к другим авиаторам, и добавил:

- Лёва, Кирилл, Егор и Марат, останетесь здесь. При случае, татарское начальство мордой в пол ткнёте. Остальные за Батей идём.

- У него куча охраны там, - засомневался Красников. - Тут хорошенько подумать нужно.

- Да здесь ему бояться нечего, - уверенно заявил Ильгиз. - Даже если в коридорах кого встретим, морду кирпичом, и вперёд. Нам главное в его кабинет попасть, уж там мы с ним разберёмся.

Пошли к Аэровокзалу открыто. Рассчитывали, что никто не заподозрит их в злом умысле. Перед служебным выходом около «уазика» беззаботно дымили папиросами двое. Когда беглецы приблизились к ним, один из курильщиков оглянулся, и остолбенел. Также узнали его казанцы. Это был Журиков. Тот самый, которого забрал из гостиницы капитан Василенко. Бакатин приветствовал земляка:

- Привет, дядя Виталий. Ты, чего здесь?

Журиков громко икнул, не в состоянии дать ответа. Андрей сразу догадался, в чём дело. И Бакатин это понял. Он протянул руку будто бы для приветствия, затем резко развернулся, и нанёс сильный удар в челюсть сотоварищу Журикова, мужчине лет тридцати в армейской полевой форме. Тот глухо охнул, и опрокинулся навзничь. Бакатин оседлал его, вырвал из кобуры пистолет макарова, и назидательно промолвил:

- Так-то! А ты молись, Журиковская падла.

Журиков упал на колени, и запричитал:

- Только не убивайте, у них внучка моя!

- Какая внучка? - не понял Красников. - Ты о чём?

Андрея как током пронзило. Этот человек был предателем поневоле. И тем ненавистнее предстала мрачная фигура Алима, который не погнушался использовать подлые методы.

- Не бойся, не тронем, - жёстко произнёс Андрей.

- Меня заставили, - проямлил Журиков.

Андрей кивнул на военного, сбитого с ног Бакатиным:

- А это что за тип, местный, или из Казани?

- Казанский, - подобострастно ответил Журиков.

- Нормально, - обрадовался Бакатин, и добавил правой в челюсть.

- Один в лузе, - щёлкнул пальцами Ильгиз. - Где второй?

- У Бати, - подсказал Журиков.

- А ну, логово Бати покажи, - оживился Андрей.

С военного, которого сбил с ног Бакатин, стянули штаны до колен, связали руки поясным ремнём, и затолкали в «уазик». Для охраны оставили Шачнева с Тороповым, и пошли к служебному входу. Но судьба им сегодня благоприятствовала. В дверях они столкнулись с крупным седоватым человеком в полевой форме, и среднего возраста гражданским. Гражданский выразительно уставился на Журикова, и казанцы поняли, это представитель Алима. Бакатин не удержался, и снова вложил свою ненависть в удар по челюсти представителя. Человек в полевой форме глянул на рухнувшего гражданского, поморщился, и глубочайшим басом выразил удивление:

- Боже мой! Вы что, сговорились? Сколько раз его можно бить?

Гражданский скрючился, и жалостно заскулил. На лице ясно отпечаталось два кровоподтёка, хотя Бакатин ударил только раз. Человек в полевой форме, в котором казанцы небезосновательно признали Батю, укоризненно покачал головой:

- Как я понимаю, это снова захват?

- Вы правильно понимаете, - подтвердил Андрей. - А мы понимаем, вы тот самый легендарный Батя.

- Допустим. И чем могу служить, молодые люди? - почтительно склонил голову генерал.

- Остановите их, - Андрей кивнул на самолёт, который начал разбег по взлётной полосе.

- Не в моих силах, - грустно ответил генерал, и беспомощно развёл руками.

- Боюсь, генерал, вам придётся это сделать.

- Мне пришлось их отпустить по требованию ваших друзей, - спокойно ответил генерал.

- Каких друзей?! - яростно воскликнул Бакатин. - Откуда здесь друзья?

- Нам известно, куда вы их отправили, - процедил Красников.

- Значит, молодой человек, вам известно больше меня, - возразил генерал.

Он сделал удивлённую мину, помог подняться гражданскому, и проворчал:

- Они что, золотой запас Татарстана захватили? Почему все стараются их освободить?

Гражданский невнятно промычал в ответ, и получил от Бакатина пинка:

- Тебя, козёл, не спрашивают.

- Прекратите, молодой человек, - строго произнёс генерал. – Это мой гость. Если хотите разговаривать подобным образом, ни о чём с вами не договоримся.

- Ладно, генерал, он постарается больше не трогать, - неуверенно пообещал Андрей. - Но если вы не остановите самолёт, мы кишки выпустим из тебя, и твоих гостей.

- Значит, судьба, - грустно ответил генерал, и беспомощно развёл руками. - Остановить самолёт не в моих силах.

- Свяжись с Алимом, - впрягся в разговор Ильгиз. - В конце концов, на кону твоя жизнь, и жизни его приспешников.

- Нет, - спокойно ответил генерал. – Алим здесь не при чём. Ваших друзей забрали с собой какие-то люди в балаклавах, которые воспользовались отсутствием полноценной охраны.

- А куда охрана подевалась? - удивился Ильгиз. - Говорят, ты собрал под своё крыло всю армейскую элиту.

- Это так, конечно, - не стал возражать генерал. - Но сейчас временно никого нет. Они выполняют спецзадание по спасению техники, личного состава Вооружённых сил, и членов их семей.

- О чём ты говоришь? - не поверил Андрей. - Кто бы рискнул отбивать у тебя наших земляков? Разве что самоубийцы.

- Почти такие же, как вы, - заверил генерал. – Только умнее. Вы свои лица засветили, а они все в балаклавах были. Где их теперь искать?

- Что-то тут не так, - пробормотал недоверчиво Бакатин. – Если это не Охрименко организовал, какой смысл кому-то рисковать из-за чужих людей?

- Вот именно, - ухватился за мысль танкиста Андрей. - Охрименко мог это провернуть, если узнал, что нас Алиму хотят отдать.

- Какой смысл, говорите? – пожал плечами генерал. – Самый прямой. Люди сейчас на вес золота. А те, кто такую боевую практику прошёл, ещё дороже.

- Намекаешь, самолёт летит не в Казань? - раздражённо спросил Ильгиз.

- Именно так.

- Но куда? – нахмурился Андрей. - И почему, мы должны вам верить?

- Не знаю, - простодушно ответил Батя.

- Всё вы знаете, - недоверчиво пробормотал Красников.

- Откуда мне знать, если их освободили люди в масках? - возразил Батя.

- П-п-п-правда, - с дрожью в голосе подтвердил Журиков.

Все повернулись к нему.

- Какие-то люди нас взяли в заложники, - пояснил предатель. - И потребовали всех отпустить.

- И кто они такие? - удивился Ильгиз.

- В масках были, - подтвердил слова Бати Журиков. - Но по всему видно, военные.

- Они ещё не улетели далеко, - включился в разговор авиатехник Брунов. - Вы наверняка сможете связь с бортом организовать.

Генерал прокашлялся, и согласился:

- Попробовать можно.

Бакатин погрозил пистолетом:

- Если что, я вас, генерал, пристрелю.

- Молодой человек, спрячь оружие, - нахмурился генерал. - Не игрушка. Я смерти не боюсь. Но вам ещё жить да жить. Если хотите сотрудничать, перестаньте угрожать, и отпустите представителей казанского президента.

Бакатин взял за лацканы пиджака алимовского представителя, и картинно отряхнул с него пылинки. Потом, как предыдущему заложнику, вытянул из брюк поясной ремень, и рывком опустил брюки. Затем связал ремнём руки, и пинком по заднице направил его в сторону «уазика».

- Свободен.

Представитель пробежал несколько метров, запутался в штанах, и повалился на землю. Генерал молча наблюдал за проделками танкиста, но протестовать не стал. Журикова Бакатин взглядом усадил на землю.

- Не вздумай ему помогать, - предупредил он Журикова. - Пусть так повозится.

- Извините, генерал, - отозвался Андрей, - но мы сделали для них всё, что могли. Большого не требуйте. Теперь организуйте связь с самолётом.

Генерал согласно кивнул, и шагнул к дверям. Казанцы пошли следом. Как только закрылись входные двери, Батя остановился, и пристально посмотрел на Андрея.

- Мне кажется, мы с тобой знакомы.

- Не думаю, - объятый смешанным чувством ответил Андрей.

- Или... Во всяком случае, кто-то очень на тебя похожий... Неважно, - и генерал добавил, порядком смутив Андрея. - Мы все сейчас Богом

избранные. Одни в большей степени, другие – в меньшей. И нам приходится принимать поистине вселенские решения. Похищение ваших друзей - инсценировка. Его организовали мои ребята. От нас требовали вашей выдачи. Но мы не уверены в том, что это правильно. Поэтому устроили представление с захватом заложников. Борт летит в Смоленск. Ближайшим рейсом отправим вас туда же.

Казанцы недоверчиво переглянулись. Через коридор прошли в узел связи. Генерал приказал связисту соединиться с бортом. Через минуту послышался знакомый голос штурмана казанцев Валеева. Штурман подтвердил, что казанцы свободны, и ЯК направляется в Смоленск. В притоке благодарности Андрей потряс генералу руку:

- Извините, генерал, за панибратство... Нам казалось, вы нас за бандитов приняли.

- А я и сейчас не уверен, что поступил правильно. По их свидетельству, вы наводили в городе террор, убивали и грабили население.

- Вот гады! - возмутился Ильгиз. - Я бы этих алимовцев... Всё с ног на голову перевернули, подлецы.

- Не всё так просто, - возразил генерал. - Если вам верить, вы боролись с преступной властью. Но это взгляд с вашей колокольни. Чем же вам власть не по душе пришлась? Жёсткой политикой? Всё это так, но только обстановка обязывает поступать таким образом. У нас такая же строгая дисциплина, и порядок. При желании можно в этом проявление диктатуры, тоталитаризма, и чего угодно разглядеть. Но в нынешней ситуации иначе нельзя. Без твёрдой власти государства не восстановить. Вот и разберись тут, где нормальная власть, а где бандитский беспредел.

- Я бы не мешал понятий беспредела с дисциплиной, - мрачно отозвался Андрей.

- Я не мешаю. Вот только трудно разобраться, какой мерой мерить эти понятия. Ведь вы тоже свою правоту с оружием в руках доказываете.

- А что нам оставалось делать? - обиженно воскликнул Бакатин. - Если бы не оружие, половину положили бы, сволочи.

- Вот-вот, - тяжело вздохнул генерал. - Если бы не оружие...

- Почему же вы поверили в нашу невиновность? - задал прямой вопрос Андрей.

- А я не поверил, - простодушно ответил Батя. - В том, что между вами произошло, есть также ваша вина. Но не мне вас судить. И тем более, не вашему самозваному президенту. Ходячие уже улетели. А раненых он у

меня не получит. Вам тоже лучше держаться подальше от родных мест. Время всё расставит по местам. И просьба. Как только получите вертолёт, тех троих освободите.

- Вертушку мы с собой заберём, - дерзко ответил Бакатин. - И ту троицу тоже. Для гарантии.

- Незачем лишних свидетелей брать, - возразил генерал. - Пусть голову ломают, куда вас черти унесли. Поэтому надо их отпустить.

- Генерал прав, - поддержал Батю Андрей. - Незачем рук марать.

Бакатин неожиданно легко уступил:

- Пусть чешут. Алим им сам головы открутит.

Через полчаса вертолёт Томека был готов к отправке. Казанцы отпустили заложников, и сухо попрощались с генералом. Пилот алимовского вертолёта встал на колени, и возопил:

- Простите, братцы. Не гоните. Послушал я вас, и мразью себя почувствовал.

- А где гарантии, что не захочешь опять выслужиться перед Алимом, не сдашь нас? - раздражённо спросил Москаленко.

Баскаков пообещал:

- Сукой буду, Кирилл, не подведу. Не пожалеешь! Я ведь у них не так просто оказался. Володин меня к ним приписал. Сначала думал, за правду они. Когда разбираться-то было? Когда узнал, что в аэропорту бунтуете, удивился, зачем. Они мне всё по-своему объяснили. Не знал я ничего о Володине. Никак понять не мог, чего вам не хватило. К тому же, полёт, профилактика, сон, снова полёт, профилактика, когда размышлять было? О Володине узнал перед самым полётом сюда. И что мне делать было? Вертушку с ними разбить? - он кивнул на своё начальство, которое подтягивало штаны, и волком смотрело на пилота. - Что бы это дагло? Но увидел вас, и жить, как жил, больше не смогу. А гарантия? В алимовских представителях гарантия. Не возьмёте, Алим меня следом за Володиным отправит.

Андрей задумался. Он не знал, как поступить в этом случае. Пилота поддержал Бакатин:

- А что? Возьмём? Пусть эти козлы пешком до Казани топают.

Авиаторы поручились за Баскакова, «из наших, мол, парень». Ильгиз в знак согласия кивнул. Андрей пропустил Баскакова в салон, захлопнул створки люка, и поспешил на штурманское место. Томек повёл вертолёт на разгон, и они взлетели. Кто бы подумать мог, что приключения, которые выпали на их головы в тот день, ещё не окончились.

На подлёте к Москве заметили легкомоторный самолёт. Он сблизился, и начал непонятные фигуры с вензелями вытворять. Пилот самолёта вдоволь насытился искусством высшего пилотажа, и вышел с ними на связь.

- Привет, казанцам!

- Интересно, - пробормотал Андрей, включил внутреннюю связь, и спросил: - У нас что, надпись какая на фюзеляже?

Он включил передатчик, и ответил на приветствие. Пилот самолёта в двух словах объяснил, что сведения о них получил от Бати. От него же узнал, что среди казанцев есть вертолётчики.

- И что из этого? - поинтересовался Андрей.

- Помощь ваша нужна. Для информации: мы – чистильщики. Группу создал специальным распоряжением Батя. По Центральной России летаем, ищем стратегические военные, авиационные, и хозяйственные объекты. Потом высаживаем десант, который на месте определяет, что с этим добром делать. Вертолёты с самолётами отправляем в Смоленск, или в Нижний Новгород. Бронетехнику с ракетными установками гоним своим ходом на ближайшие базы, которых мы создали около полутора десятка. А склады боеприпасов стараемся по мере возможности взять под охрану, или уничтожить. По полной программе работаем.

- Мы тут при чём?

- Дело такое. Под Можайском обнаружили звено «крокодилов», подобных вашему. Их под завязку нашпиговали ракетами. Ждать пилотов, целый день потеряем. Без присмотра оставлять тоже опасно. Как бы не попали в безответственные руки. Всё равно летите в Смоленск. Заодно перегнали бы.

Просьбу пилота обсудили по внутренней связи с авиаторами, и Андрей ответил согласием. Пилот дал координаты площадки с вертолётками, помахал на прощанье крыльями, и улетел. Площадку долго не искали. Располагалась она на открытой местности. Кроме боевых двадцать четверок здесь были огромный транспортный Ми-6, и пассажирский Ми-8. После приземления казанцев, чистильщики, которые обнаружили боевую технику, погрузились на пассажирский Ми-8, и улетели. Казанские авиаторы приступили к осмотру, и заправке боевой техники.

- Шестёрка, вижу, бесхозная? - заинтересовался транспортным великаном Москаленко.

- Посмотрим? - предложил Вадим Торопов.

- Неплохо было бы, - согласился вертолётчик.

Пока авиаторы возились с вертолётами, непоседливые Бакатин с Красниковым осмотрелись. Их привлекли странные борозды на земле. Следопыты проследили, куда они идут, и обнаружили в соседней рощице боеприпасы, кем-то тщательно спрятанные. Когда приволокли одну из ракет на площадку, Томек загорелся. Оказалось, эти ракеты приладить можно на подвесках его вертолёта. Вскоре, вертолёт Томека принял боевой вид под стать российским прототипам. Всё было готово к отлёту, но Москаленко с Тороповым ни за что не хотели транспортного вертолёта оставлять.

- Да это же такая штука! - с восторгом говорил Кирилл. - Больше сотни человек спокойно перевезёт, и девять тонн на внешней подвеске потянет. Парочку бы таких, и никакие самолёты не нужны.

- А ты уверен, что этот тяжеловес не грохнетя на полпути? - засомневался Андрей.

- Сплюнь ты, - суеверно перекрестился пилот. - По всему видно, недавно летал. Короче, перед самой катастрофой летал. Сейчас запустим двигатели, и проверим.

- Ладно, дерзайте, - согласился Андрей. - Подождём.

ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ ГЛАВА

Солнце ещё не взошло над горизонтом, а на высоте полёта вертолётов его лучи ласково коснулись металлической обшивки. Казанцы вместе с экспедиционной эскадрильей пересекли давешнюю польско-белорусскую границу, и оставили позади себя извилистую ленточку Буга, и кошмар последних дней. Андрею и верилось, и не верилось, что скоро он сможет обняться со ставшей ему дорогой Изабелой, и её маленьким сыном. Но прежде, чем это произойдёт, он простится с земляками, и братом в Международном аэропорту Окенце⁴⁰. Вместе с экспедиционным корпусом Виктор летел на Лазурное побережье.

Он вспомнил, как они появились в смоленском аэропорту. Земляки их встретили восторженно, хотя некоторых из них уже не держали ноги. Они упились в доску, чтобы снять напряжение. Алкогольной горячке не поддались лишь дети, офицеры с курсантами, и Рогожин с Огарёвой,

⁴⁰ Международный аэропорт в Варшаве

которую доставили в гостиницу перед самым отлётом. Остальные в лучшем случае находились навеселе.

Виктор весело облобызал брата, и пообещал показать лягушатникам русскую удаль.

- Ты о чём? - не понял Андрей.

- О французах.

- Французы то тут с какого боку-припёку? - не понял Андрей.

- Как с какого боку? - с недоумением развёл руками Виктор. - Пусть знают.

- Вижу, ты сегодня в добрейшем настроении.

- Имею право.

- Ладно, тогда иди, проспись, - усмехнулся Андрей.

Он похлопал брата по плечу, и направился к Игорьку, которого Кореш повалил на траву, радуясь встрече.

Игорёк прояснил картину с «лягушатниками». В Смоленске сформировали военный экспедиционный корпус для помощи «дружественным народам Монако и Прованса». О появлении «дружественных народов» в каком-то новообразовании на территориях Монако и Прованса, Андрей даже не слышал. Но не удивился, потому что после полного разрушения старого мира, установление нового миропорядка, процесс само собой разумеющийся, и дружеские отношения с новообразованиями дело нужное. Военных из числа казанцев уже записали в бригаду. После появления в аэропорту новоявленной вертолётной эскадрильи, к экспедиции приписали также казанских авиаторов вместе с техникой. Остальные казанцы, кроме полутора десятка человек, решили туда лететь на свой страх и риск на «реквизированном» Ил-62. Андрей не верил своим ушам. С какого перепуга понадобилась военная помощь «дружественным народам»? Неужели воевать не надоело? Разве в России нет больше проблем? Игорёк этого объяснить не смог. Неожиданно, Андрей поймал себя на мысли, что не может к кому-либо претензии предъявлять, если сам он тоже улетает из страны?

Томек, как только узнал о задачах экспедиционного корпуса, мечтательно произнёс:

- Если бы не Агнешка, я бы тоже полетел.

- Не понимаю этого, - пожал плечами Андрей. - Эта экспедиция больше похожа на военную, чем на спасательную. Вопрос: что там происходит?

- То же самое, что и везде, - ответил Томек. - И в Европе бандитов хватает. С оружием как-то спокойнее будет.

- Лишь бы не получилось, из огня, да, в полымя. Надо с Башировым поговорить.

- Поговори.

Баширов имел информацию об экспедиции лишь в общих чертах. Честно признался:

- Нам предложили на время смыться из России. Бате сейчас не нужна головная боль, пока он спасает Вооружённые силы. Даже с Алимом он пока ссориться не хочет.

- Так вас туда отправляют на временный отдых?

- Представления не имею, - поёжил плечами Баширов. - Меня тоже волнует военный характер экспедиции. Гражданских туда не отправляют. Они летят сами по себе. Но подробностей я и правда не знаю. Руководства экспедиции здесь нет. Они пока в Нижнем. Главным здесь командир десантников подполковник Керенцев. Но он не слишком многословен. На тайный характер этой миссии ссылается.

- Где его найти?

Баширов кивнул головой на транспортный вертолёт, в который грузили коробки с продуктами питания.

- Погрузкой продуктов руководит.

Андрей подошёл к подполковнику, и представился:

- Здравия желаю, подполковник. Можно отвлечь?

- Слушаю вас.

- Я Меженков. Из Казани. Недавно прилетел сюда с авиаторами.

- В курсе.

- Все только и говорят об экспедиции. Положа руку на сердце, воевать в Европу летите, или ещё какие-то цели стоят? - спросил Андрей.

- Официально – летим спасать соотечественников.

- А неофициально?

- Неофициально? - Керенцев хитро прищурился. - Даже собаки об этом знают.

Андрей улыбнулся:

- Моя собака об этом ничего не знает.

- Пусть побегает, с местными дворняжками пообщается, - не растерялся Керенцев.

- А если серьёзно?

- Не придётся ли нам воевать там?

- Вот именно.

- Я надеюсь, до этого не дойдёт.

- А если дойдёт?

- Мы ко всему готовы. Но войны там не будет. Иначе, гражданских на пушечный выстрел туда не подпустили бы. Тоже хочешь с нами лететь?

- Я в Варшаву улетаю.

- Соболезную тебе. Поляки тоже не сахар. Слишком круто за порядок взялись. Правда, нам от этого ни холодно, ни жарко. Даже транзитный пролёт через свою территорию нам запретили.

- Можно через Словакию...

- Зачем? - возразил Керенцев. - Полетим, как планировали, через Варшаву.

- А как же запрет?

- Да, какой там запрет. Понты кидают. Быстренько прилетим, заправимся, и гуд бай. Даже понять не успеют. А если даже увидят нас, сделают вид, что ничего не случилось, и голову в песок спрячут.

- А если не спрячут?

- Вот и проверим, - пожал плечами Керенцев. - Проблемы нам создать они не смогут. Не те времена.

- Я всё равно не пойму, зачем на рожон лезть, когда можно было через Словакию лететь?

Керенцев поёжил плечами:

- Не поверишь. Но из-за тебя.

- Причём здесь я? - удивился Андрей.

- Батя приказал проводить тебя с твоим потомством до Варшавы. А его приказы – это святое.

- Шутишь?

- Не шучу. Он и землякам твоим приказал не препятствовать. И теперь ломаю голову, как казанскую пьяную братию прижучить. Никакой дисциплины. Будь моя воля, вовсе запретил бы лететь им в Европу. Но Батя... Да и запретом делу не поможешь. Если толпа лететь решила, несмотря ни на что полетит. В таком случае, лучше иметь трезвых спутников. Но с этим... мы разберёмся.

- Ладно, подполковник. Надеюсь, мои земляки не окажутся снова в пекле.

- А этого я гарантировать не могу, - заверил Керенцев.

Ночь прошла спокойно. Народ спал, как убитый. На рассвете началась подготовка к перелёту в Брест. Казанские ополченцы

проснулись, и кинулись на поиски алкоголя. Но оказалось, ночью весь алкоголь у них отобрали, и на похмелье оставили лишь по бутылочке пива. Попытки протестовать обрубил подполковник Керенцев. Он жёстко отчихвостил распоясавшихся казанцев.

- Всем, кто решил с нами лететь, - заявил он, - с этой минуты категорически запрещаю покидать самолёт, и вертолёт. Пивом опохмелиться можете, и больше ни-ни. Мы, военные, летим выполнять очень ответственную задачу, а на вас возлагаем надежду, что вы сможете помочь местным жителям справиться с проблемами, которые свалились на их головы. Так что постарайтесь наши ожидания оправдать, не опозорьтесь. Уж поверьте мне, там не всё так просто. Клянусь, если кто-то нарушит режим в Бресте, пусть пеняет на себя, в Европу с нами не полетит. Кто будет создавать проблемы в Европе, сразу же будем отправлять назад. А сейчас предлагаю всем занять свои места, и через полчаса вылет в Брест. Утром следующего дня совершили перелёт до Бреста, где подполковник Керенцев, командир десантников, отчихвостил распоясавшихся казанцев. Он не разрешил пьяной братии покидать самолёта, и отобрал спиртные напитки. Будь его воля, вовсе запретил бы им лететь во Францию, но понимал, что запретом делу не поможешь. Если толпа решила куда-то лететь, несмотря ни на что полетит. В таком случае, лучше иметь рядом с собой трезвых попутчиков.

В Бресте Андрей всерьёз поговорил с братом. Он нашёл его в большом транспортном вертолёте, в той самой шестёрке, которую пригнали из-под Москвы.

- Давай, поговорим на трезвую голову. Ты вчера рвался во Францию лететь. Может, не стоит нам разлучаться? Всё-таки, мы с тобой близкие люди, семья. А мир сейчас такой, можем больше никогда не встретиться.

Виктор угрюмо промолчал, намекая, что отставать от земляков не собирается.

- Тебе что, воевать не надоело? - укорил брата Андрей.

- Кто сказал, что мы воевать летим? - отвёл глаза Виктор.

- Вчера в Смоленске по-другому пел. Да, и я не слепой. Печёнкой чую, не на отдых туда летите? Тогда бы по уши не вооружались.

- Значит, так тому и быть, - отмахнулся Виктор.

- Быстро же ты забыл, как вас в общежитии заперли, как из Аэропорта удирали, и как из Нижнего вывезли. Вояки чёртовы!

- Заткнись ты! - поморщился Виктор.

- Не хочу никого обижать, но сейчас важнее договариваться, а не воевать.

- Мы и хотим там с местными договариваться.

- Мне показалось, хотите неразберихой воспользоваться, занять виллы богатеев, пожить комфортной жизнью, и животы погреть на пляжах Лазурного побережья.

- Мы заслужили лучшую жизнь! - рявкнул Виктор. - Это ты имел возможность по заграницам мотаться. А многие за границу только по телевизору видели. При той жизни не удалось, хотя бы сейчас поживём месяца два на Лазурном берегу. Понял? Чуток отдохнём, а потом вернёмся, и вычистим всю падаль у себя на родине.

- Значит, опять война?

- А ты попробуй по-другому.

- От меня мало что зависит.

- Тогда сделай так, чтобы зависело больше.

Андрей опешил. Может и правда он допускает ошибку, пытаюсь уберечь свою семью от сложностей? Ведь, население планеты кардинально сократилось. Наверно, чтобы стать более полезным в воссоздании нормального общества, стоит занять более активную жизненную позицию, стремиться к активному созиданию. В Польше из-за особенностей менталитета поляков, он едва ли сможет проявить свои организационные способности. С каждым днём пребывания там он всё больше чувствовал себя лишним. Значит, нужно вернуться к своим. Только, что на это скажет Изабела? Непростая задача, но её придётся решать.

ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ ГЛАВА

Военная техника стартовала из Бреста перед рассветом, чтобы организовать в варшавском аэропорту приём самолёта, вылет которого предполагался позднее. Милка осталась на самолёте, чтобы провести последние часы с новыми подругами. Мужчины Меженковской семьи полетели с Томеком.

Не успели братья наговориться, как вертолёт завис над лётным полем Аэропорта имени Шопена в Окенце. Рядом зависло звено российских двадцать четвёрок. Вскоре небо прорезали знаменитые

«чёрные акулы», «аллигатор» и два двадцать восьмых Миля. Потом пришла очередь тяжеловесных двадцать шестых с десантниками на борту, десантной «Касатки» и экспроприированной казанцами шестёрки.

Как только огромные китообразные махины коснулись колёсами поверхности лётного поля, группа десантников устремилась внутрь здания международного Аэропорта. Действовали они быстро и точно, словно хорошо обкатанная машина, как на учениях. Томек не сумел промолчать, и выразил восхищение вслух:

- Bravo! Одно удовольствие наблюдать за такой работой. Только не знаю, понравится ли это Стахурскому.

Десантники мигом перекрыли все входы и выходы пассажирского терминала, и взяли под наблюдение подъездные пути к нему. Разбуженные шумом винтов вертолётов охранники лишь беспомощно наблюдали за высадкой, и не делали попыток противодействовать.

Десантники проверили внутренние помещения, быстро нашли растерянных охранников, и доставили их к Керенцеву. Керенцев стал их успокаивать, и просил считать действия десантников тренировочными, которые не несут угрозы полякам.

Плотный паренёк в форме подхорунжего на ломаном русском языке объяснил, что они «уже подняли *аларм*⁴¹, и произойдёт конфликт». Подполковник предложил отменить тревогу, но подхорунжий только развёл руками:

- За поздно, такие *алармы* не можно уже отменить.

Керенцев ещё лелеял надежду успокоить ситуацию, и не верил, что она может из-под контроля выйти. Он попросил:

- Тогда соедини меня с начальством.

Охранники провели непрошенных гостей в радиорубку. Потом долго объяснялись по рации с дежурным офицером, пока в дискуссию не включился сам командующий армией. Даже через рацию слышалось раздражение в голосе:

- Я выражаю *возмущение*, и заявляю *категоричный* протест по поводу акта наглой агрессии. В звёнку з *надзвычайными*⁴² событиями, мы приняли Указ о запрете нахождения на нашей территории чужестранцев. Вынужден предупредить, мы можем вам дать возможность покинуть территорию *Жечипосполитой Польски* в течении одного часа. По *закончанию* этого часа, мы примем меры для *ликвидования* агрессии.

⁴¹ аларм (польск) - тревога

⁴² В звёнку з надзвычайными (польск) – В связи с чрезвычайными...

Керенцев спокойно выслушал гневную речь командующего, и дипломатично начал с извинений:

- Добрый день, Пан Командующий. Разрешите представиться. Подполковник Керенцев, командир десантной группы российской спасательной экспедиции. От имени нашего руководства я уполномочен принести польскому правительству и всему польскому народу глубочайшие извинения за причинённое беспокойство. Одновременно, заверяю, никаких враждебных действий и намерений по отношению к вашему государству и польскому народу мы не планируем. Мы совершаем транзитный перелёт спасательной экспедиции для помощи российским гражданам, которые оказались в Западной Европе, и совершили посадку в варшавском аэропорту для дозаправки горючим...

- Согласно Указу Верховного Комиссара, запрещены все транзитные перелёты через воздушное пространство *Польски* авиационных объектов, *принадлежащих* другим государствам, - зачитал командующий. - Также запрещается пересекать морские, и наземные границы нашего государства лицам, *не являющимся* гражданами *Польски*. Кроме того, всем чужеземцам, которые по какой-либо причине оказались на территории нашего государства, предписывается немедленно покинуть пределы *Жечипосполитой Польски*. Мы предупреждаем, если в течение одного часа вы не покинете *Порт лётничы*⁴³, мы нанесём по вам ракетно-бомбовый удар.

Керенцев ожидал подобного ответа, но решил осторожно закинуть удочки;

- Давайте не будем столь категоричными.

- У вас один час.

- Как быть с международными обязательствами?

- Я подтверждаю свои требования, - жёстко повторил командующий, и отключился.

- Вот же заладила сорока, - проворчал Керенцев, и отвернулся от микрофона.

К угрозам он отнёсся спокойно. Навряд ли поляки кинутся выполнять свои угрозы сломя голову. Ведь, такие действия могут соответствующее противодействие вызвать. К тому же, на подготовку потребуется время, несоизмеримое с тем, что назвал командующий. Скорее всего, прежде чем они примут решение, последуют новые угрозы. А через полтора часа они сами улетят отсюда.

⁴³ Порт лётничы (польск) - Аэропорт

Охранники смущённо топтались. Они не видели смысла оставаться в Аэропорту. Подхорунжий поинтересовался:

- *Чи можемы* уйти *стонд*⁴⁴ от греха подальше?

Керенцев кивнул в знак согласия. Охранники чуть ли не бегом ушли из Аэропорта. Керенцев попросил связиста передать экипажу самолёта, чтобы брали курс напрямиком на Прагу. Потом вызвал Баширова, Алексея и Андрея. Алексею приказал собрать молодняк, который прилетел на вертолёт Ми-6, и водворить обратно в салон вертолёта. Баширову, которого по распоряжению Бати назначили командиром мотопехоты, приказал привести подчинённых в состояние боеготовности. Андрею сказал коротко:

- Полетишь с нами.

- Не понял, - остолбенел Андрей.

Керенцев смерил его испытующим взглядом, и спросил:

- Слышал о Седрике Роже?

Озабоченный Андрей отрицательно покачал головой.

- Не удивительно, - признал Керенцев. - О нём вообще раньше мало кто слышал. А теперь... Катастрофа породила личность, которую смело можно к Сталину с Гитлером приравнять, если не к самому Антихристу. Его пламенные речи по радио раскололи Европу. Да, что там, раскололи весь мир. В Париж съезжаются толпы почитателей. В разных концах планеты следами Роже пошли тысячи последователей. Его философия проста и понятна каждому. Катастрофа – это кара человечеству за тотальную ассимиляцию. Выход из этой ситуации прост. Европа – для европейцев, Африка – чернокожим. Всех желтолицых отправить за Урал, евреев – на Ближний Восток, арабов – в Азию. Даже Америку предлагает оставить индейцам. И, как пик всего, представители смешанных рас исчезнуть должны. Расселением рас теория не ограничивается. Он предложил новую концепцию раздела Европы. Британия – британцам, Пиренеи – испанцам, Апеннины – итальянцам, Франция – французам, Германия – немцам. А дальше – интересней. Балканы – грекам. Швейцарию поделить между французами, немцами и итальянцами. Австрию, Чехию, Венгрию и часть Польши – немцам. Словакию, Украину, Белоруссию и Литву – полякам. Скандинавию с Латвией и Эстонией – скандинавам. А нас, россиян, просеять, и расселить. Славян в европейской части, не славян – за Урал. Президент Франции под натиском рожеистов убежал на Лазурное побережье, откуда обратился к нам за помощью. Батя

⁴⁴ Стонд (польск) - отсюда

считает, в этой ситуации мы должны помочь. Поэтому летим туда. Рожеизм нужно на корню задавить.

- Понятно, - согласно кивнул Андрей. - Вам, как людям военным карты в руки. А при чём здесь я?

- Да ты, собственно говоря, не при чём, - пожал плечами Керенцев. - Только проблемка одна наклюнулась. Люди, которые в Польше к власти пришли, возвели рожеизм в ранг государственной политики. Правда, с местными нюансами. Украину с Белоруссией и Литвой они охотно к себе присоединят. Конечно, на определённых условиях. Вопрос, готовы ли вернуть немцам свои западные земли?

- Пусть хоть всю Европу забирают. Мне то что? - возмутился Андрей.

- Ты не понял, - вздохнул Керенцев. - Русские здесь не нужны.

- Шутить изволите, подполковник.

- Мне показалось, мы с тобой уже давно на ты, - с усмешкой протянул руку Керенцев. - Давай по имени. Сергей меня зовут.

- Согласен, - ответил на рукопожатие Андрей. - Я Андрей. Спасибо тебе за информацию про рожеизм, но постараюсь сам во всём разобраться. А появятся проблемы здесь, вернусь в Смоленск, или в Нижний.

- Я приказал самолёту с вашими лететь в Прагу, - добродушно произнёс Керенцев.

- Там же моя Милка, - расширились глаза у Андрея.

- Милка – это кто?

- Милка – моя дочь.

- Тем более нет причины, чтобы оставаться здесь. Волей-неволей, теперь придётся с нами до конца лететь. Пока суть да дело, пусть Ковальски по-быстрому слетает за твоей кралею.

- Мне нужно самому.

- Тебе нельзя туда, - как отрезал Керенцев. - Могут задержать, разборки начнутся. И тогда возникнет серьёзная проблема. Только этого нам сейчас не хватает. Пусть Томек без тебя слетает. Ты в это дело не мешайся, дай дивчине самой решить.

- Возможно, - неуверенно произнёс Андрей. - Не знаю, согласиться ли она...

- Если любит, на край света за тобой пойдёт, - заулыбался командир десантников. - А если нет...

- На нет и суда нет, - отрезал Андрей.

- Вот и посмотрим, - подвёл итог Керенцев.

- Как судьба повернёт, - хмуро произнёс Андрей.

Он повернулся, чтобы уйти, сделал два шага, и остановился. Но вспомнил странную оговорку Бати об избранниках. Конечно, это случайность, но снова тень странного Старика промелькнула перед глазами. Андрей повернулся к Керенцеву, и спросил:

- Откуда этот Батя взялся?

- Батя? - Ковалёв поёжил плечами. - Генерал Ковалёв – известная личность. Его и раньше все уважали. А сейчас, после катаклизма... Он для всех нас батей стал. А как иначе? Он по всей центральной России нас собирал. Ночей не спал, летал на вертолётё, и собирал. В общем, Батя, он и есть Батя. Теперь парни по его примеру шастают по всем городкам, и аэродромам военным. Ребят собирают, и членов их семей. Всё, что можно из техники с вооружением перегоняют на базы, остальное взрывают на месте, чтобы случайно бандитам не досталось.

- Нам доводилось встречаться с ними, - улыбнулся Андрей. - Казанские авиаторы тогда шестёрку с собой прихватили.

- Не задерживаю, - козырнул Керенцев. - отправляй Ковальского.

На этом расстались.

Андрей отправился к Томеку, и передал ему содержание разговора с Керенцевым. Тот не на шутку расстроился. Он оказался в двузначной ситуации. По иронии судьбы, его забросило по другую сторону баррикады от земляков. Конечно, никто его тут насилу не держал, и мог немедленно россиян покинуть, но... как расстаться с Андреем после того, что они вместе пережили?.. А с другой стороны, если останется с ними, как к этому отнесётся Агнешка?

Андрей догадался, что тревожит партнёра:

- Тебе вовсе не обязательно оставаться с нами. Как ты понимаешь, у меня выбора нет, а тебе здесь жить. Если Изабела захочет со мной жизнь связать, переправь её сюда. До конца жизни буду тебе благодарен. А если нет...

- Конечно, привезу, - охотно пообещал Томек. - Только не крути. Если в тёплые края решил без меня лететь, так и скажи. Но так легко от меня ты не отделаешься. Вот только заберу Агу с Изой, и сразу назад.

- Ты смотри, ведь здесь твои земляки.

- Обо мне не беспокойся.

- А если Изабела с Агнешкой не согласятся?

- Изабела быстрее вертолётё сюда примчится. А вот Агнешка... Агу я в мешок засуну, и без её согласия сюда привезу.

- Я тебе должен ещё кое-что сказать, - нахмурился Андрей. - Российская военная экспедиция не просто так отправляется на лазурное побережье. Во Франции возник какой-то сверхнационализм, который в конечном счёте закончится большой войной.

- Я знаю, - заявил Томек. - Большой войны уже не избежать. Ты человек сугубо гражданский, и тебя это пугает. Но я офицер, и готов отстаивать с оружием в руках свои убеждения. Мы победим в этой войне. Большая ошибка думать, что можно безнаказанно очищать территории от чужеземцев. И ваш Батя это сразу понял. Поэтому он выслал экспедиционный корпус в Монако, чтобы поддержать французского президента. Именно там будет решаться судьба нашей цивилизации. Зло нужно на корню душиить, пока оно не выросло. Так что легко от меня не избавишься. Жди, я только Агу с Изой заберу, и назад.

Томек не стал времени терять, забрался в кабину вертолёт, и запустил двигатель. Игорёк с Виктором неохотно покинули пригретые места в салоне, и прошли к шестёрке, где царил боевой настрой. Молодёжь рвалась в бой. Алексей окриками умирал их. Он понимал, что в ситуации напряжённого противостояния важно не допустить разброда.

Продолжение романа в полной версии (Пролог, 60 глав и Эпилог), которую можно приобрести в [интернет-магазине PARROSLAB](#)

1999-2004
Варшава

Е-книги Владимира Филиппова доступны на [персональном сайте автора](#)

Предлагаем также познакомиться с [музыкальным творчеством Владимира Филиппова](#).

Владимир Филиппов

ИЗБРАННИК

Демо-версия фантастического романа

Размер 3,02 Мб ; 335 стр

Издание четвёртое: 1486A9453A0A42AD-pdf

Parrosiab Group © 2020

All Rights Reserved